

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

Том III

2019

Теория и практика регионоведения

Руководитель проекта — С. И. Богданов

Исполнительный руководитель проекта — В. В. Яковлев

II Международная научно-практическая регионоведческая конференция 14–15 сентября 2019 года

Оргкомитет конференции:

Председатель — В. В. Яковлев (Россия),

зам. председателя — С. Б. Макеева (Россия),

Т. В. Вольская (Россия), Н. И. Баранов (Россия), П. В. Перлин (Россия)

Научно-исследовательский институт
образовательного регионоведения

Теория и практика регионоведения

Том III

Труды

**II Международной научно-практической
регионоведческой конференции**

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург
2020

Редакционная коллегия:

председатель В. В. Яковлев (Россия), Т. В. Вольская (Россия),
Н. И. Баранов (Россия), В. А. Дмитриев (Россия),
П. В. Перлин (Россия)

Научные рецензенты:

Е. Ф. Серебренникова, доктор филологических наук, профессор
(Иркутский государственный университет, Россия)
М. Г. Талалай, кандидат исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН, Милан, Италия)

Научный редактор:

С. Б. Макеева, кандидат исторических наук
(Иркутский государственный университет)

УДК 908

ББК 63.3(2)л611

Теория и практика регионоведения. Т. III. Труды II Международной научно-практической регионоведческой конференции. Иркутск, 14–15 сентября 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. — СПб., 2020. — 540 с.

ISBN 978-5-8064-2625-4

В третий том научных трудов «Теория и практика регионоведения» вошли работы участников II Международной научно-практической регионоведческой конференции, проведенной НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена совместно с Иркутским государственным университетом 14–15 сентября 2019 года. В статьях рассматриваются различные темы, связанные с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Книга подготовлена к изданию и издана НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена.

© Коллектив авторов, тексты, 2020

© НИИ образовательного регионоведения, 2020

Предисловие

Данной книгой Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения продолжает издание трудов института. В нее вошли статьи участников II Международной научно-практической регионоведческой конференции, проведенной НИИ совместно с Иркутским государственным университетом 14–15 сентября 2019 года. Конференция в основном была посвящена актуальным проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона и различным аспектам, связанным с его историей и развитием. Среди участников — наши коллеги, специалисты разного профиля, представители различных научных и образовательных учреждений как России, так и зарубежных стран: Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Иркутского государственного университета, Забайкальского государственного университета, Благовещенского государственного педагогического университета, Дальневосточного федерального университета, Кубанского технологического университета, Института Дальнего Востока РАН, Института востоковедения РАН, Ляонинского университета, Цзянсийского финансово-экономического университета, Шанхайского молодежного университета политических наук (Китай), Университета Рицумейкан (Япония) и др.

При составлении сборника мы не отказывались от статей самой разной тематики, стараясь тем самым показать все многообразие интересов специалистов, занимающихся АТР. При этом по содержанию, методологии, подходам они могут быть разного уровня, в том числе не всегда претендовать на рассмотрение глобальных и сущностных проблем. Один только перечень тематических разделов, представленных в книге, свидетельствует о том, что работа в этом направлении предстоит еще огромная: «Перспективы развития регионоведения, регионологии, страноведения и краеведения», «История, культура, философия, политология, социология, этнология, право стран АТР», «Отражение региональных процессов в политическом, медийном, социальном дискурсах», «Социокультурные, исторические, философские аспекты изучения языков мира и их влияние на развитие регионов».

Отдельно хотелось бы высказать благодарность в проведении мероприятия и формировании данной книги нашим коллегам из Иркутского университета и в первую очередь кандидату исторических наук, доценту кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков С. Б. Макеевой, без деятельного участия которой и научного сопровождения эта книга не состоялась бы.

НИИ образовательного регионоведения предполагает продолжить дальнейшее изучение регионов России и провести в 2020 году III Международную научно-практическую регионоведческую конференцию, посвященную Кавказскому региону.

В. В. Яковлев
председатель Оргкомитета конференции
директор НИИ образовательного регионоведения

**ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
СТРАН АТР**

**Перспективы развития регионоведения, регионологии,
страноведения и краеведения**

О. Ю. Вербицкая
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

МЕТАФОРА КУЛЬТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Образование в области регионоведения вносит значительный вклад в развитие личности обучающегося и, как следствие, в развитие общества в целом. Можно сказать, что это то образование, которое позволит бороться с устойчивыми противоречиями, происходящими в современном обществе на глобальном уровне: с неприятием иных, с отчуждением, с войной и угнетением. По мнению Международной комиссии по образованию для XXI века, при всем многообразии культур и социальных систем остается общая для всех проблема воссоздания демократического идеала, способного генерировать и поддерживать чувство солидарности всех людей. Исходя из четырех базовых принципов современного образования: учиться жить, учиться познавать, учиться делать и учиться сосуществовать, — необходимым представляется акцентировать внимание на важности понимания и принятия уникальности иноязычной культуры, которым способствует такой инструмент регионоведческих исследований, как «метафора культуры».

Понятие «культурная метафора» имеет ряд схожих черт с понятием «концептуальная метафора», однако если концептуальная метафора является элементом языка, обозначаю-

щим ассоциативно-мыслительные тенденции в общем, то культурная метафора является явлением более узкой направленности, инструментом, характеризующим некоторое состояние социума, при помощи которого можно описать и проанализировать ряд культурных феноменов некоторого культурного сообщества.

Использовать метафору, в рамках данной работы метафору культуры, для описания некоторого социума — идея, имеющая глубокие философские корни. Так, еще Аристотель отмечал универсальность использования метафор за счет множественности пропозициональных связей у одного имени, одного понятия [Aristotle]. Данная идея получила свое развитие у многих исследователей: Мартина Хайдеггера, определявшего метафору как «стихосложение мышления» [Бюфре, 2007, с. 98–99], Ханса-Георга Гадамера, видевшего в метафоре «слияние горизонтов» [Russel, 1984, с. 5], Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, рассматривающих метафору как средство познания окружающего мира и как инструмент концептуализации опыта [Лакофф, 2004, с. 12].

Культурная метафора является интересным инструментом исследований, как лингвокультурологических, социокультурных, так и регионоведческих, поскольку, следуя идее А. Ортони, она позволяет передать взаимосвязанный кластер характеристик — перцептивных, когнитивных, эмоциональных и эмпирических («cultural metaphors allow the transfer of coherent chunks of characteristics — perceptual, cognitive, emotional, and experiential») [Ortony, 1975, с. 53]. Таким образом, метафора культуры способна обобщить особенности менталитета некоторого социокультурного сообщества, с одной стороны, и дать ассоциативную характеристику данного сообщества, с другой стороны.

Существование любого социокультурного пространства, любого культурного социума определяется некоторым набом

ром культурных ценностей и верований. Ценности управляют нашими мыслями и действиями, они структурируют наш мир. Ценность — это некоторое верование, устойчиво закрепленное в сознании индивидуума и социума, которому он, данный индивидуум, принадлежит. Наличие и действенность некоторых культурных ценностей — это по сути то, что и определяет культуру.

Рассматривая культуру американцев при помощи инструмента культурной метафоры, можно проследить историю становления данного общества. Так, в начале XX века США описывались при помощи метафоры «melting pot», подчеркивающей многообразии этнических групп иммигрантов и непростые процессы ассимилирования и аккультурации различных этнических групп в одном социуме. Далее появляются метафоры «pizza» и «salad bowl», ассоциативные связи которых позволяют определить американский социум как многоплановую, но более социально устойчивую и, безусловно, более стабильную социокультурную среду. Современная метафора, описывающая американское общество, это — «American football», метафора, в которой объединены уникальность (или, может быть, отличность от европейской) культуры и ее характер, построенный на таких ценностях, как индивидуализм, соревновательность (конкурентоспособность), успех, материальное благополучие.

В 2005 году Геерт Хофстеде в книге «Cultures and organizations: software of the mind» представил модель культуры в виде луковицы, имеющей четыре «слоя»: в сердцевине луковицы как основание любой культуры находятся культурные ценности (культурно специфические, неизменные и часто неосознаваемые), затем, в порядке возрастания возможного межкультурного взаимодействия, ритуалы (иными словами, модели поведения), герои (культурно, исторически и социально значимые фигуры) и символы (признаки при-

надлежности к некоторой группе / социуму, динамичные и нестабильные) [Hofstede, 2011, с. 201].

Анализ модели культуры Г. Хофстеде позволяет предположить, что культурные ценности выступают как неизменные константы-пропозиции, являющиеся основополагающими для описания культуры и эффективного функционирования в ней. Так, для русского человека важными культурными ценностями являются Коллективизм, Сострадание, Терпение, Страдание; для американца — Демократия, Патриотизм, Конкурентоспособность, Равенство возможностей; для китайцев — Гармония, Социальная справедливость, Семья. В итоге, представление о культурных ценностях партнеров по коммуникации как устойчивой пропозиции в мире произнесения способствует успешности / неуспешности не только частного речевого акта, но и восприятия иной культуры, и, следовательно, знание различных характеристик мира произнесения дает коммуникантам возможность избежать ситуации неуспеха акта коммуникации.

В связи с тем, что в современных условиях изменения мирового геополитического пространства, идентификация культур и этносов носят характер взаимопроникновения, взаимовлияния, важность метафорического описания некоторой культуры является важным аспектом не только в процессах ассимиляции и аккультурации индивидуума или этнической группы, но и в процессах ассимиляции и аккультурации социокультурных феноменов. Понимание того, что структурирует некоторую метафору культуры, играет существенную роль как фактор, способствующий изменению мировоззренческих парадигм, происходящих в результате процесса глобализации и соответствующей трансструктуриации культур.

Использование некоторой метафоры при описании культуры не предполагает статичный взгляд на некоторую катего-

рию, взгляд, предусматривающий уникальность явления, не имеющий тенденцию свести некоторое явление к ограниченному числу типов со стандартным набором характеристик, но в то же время использование инструмента «метафора культуры» делает некоторое культурное пространство более понятным и предсказуемым за счет формирования обобщенных образов и понятий, что, в свою очередь, способствует решению проблем, в частности, проблем при конфликте культур.

Литература

Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. Греческая философия. СПб.: Владимир Даль, 2007. — 345 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

Aristotle. On interpretation. URL: <http://classics.mit.edu/Aristotle/interpretation.html> (дата обращения: 25.11.2019).

Hofstede G., Hofstede G. J. Cultures and organizations: software of the mind. N. Y.: McGraw-Hill, 2011. — 362 p.

Ortony A. Why metaphors are necessary and not just nice // Educational Theory. 1975. № 25 (1). P. 45–53.

Russel A. M., Gerhart M. Metaphoric processes: The creation of scientific and religious understanding. Texas: Texas Christian University Press, 1984. P. 3–42.

О. А. Каверина

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ПРИЕМЫ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНА

Отличительной особенностью современного общества является информационность, большую часть которой обеспечивает самое прогрессивное на сегодняшний день технологическое достижение человечества — сеть Интернет. Термин «информационность» определяют как свойство чего-либо, носящего информационный характер [Епишкин, 2014]; «информационный», в свою очередь, означает осведомительный, освещающий, сообщающий информацию [Жеребило, 2010].

Информационность отличают от информативности. О. И. Северская видит различие между информационным и информативным сообщениями в том, что первое содержит информацию о каких-то фактах или событиях, тогда как второе насыщено важной и актуальной информацией об этих событиях и фактах [Северская, 2009]. Информационность является неотъемлемым атрибутом любого текста, так как содержит информацию о чем-либо. Информативность — свойство сообщения более высокого порядка. Информативность сообщения выявляется посредством осмысления и анализа информации, содержащейся в нем. Интерпретация и анализ сообщения позволяет выяснить, насколько оно актуально, релевантно и ценно с точки зрения содержания информации и новизны знания. Таким образом, информационные сообще-

ния становятся материалом для критического анализа их содержания, целью которого является изучение эксплицитных и имплицитных способов актуализации социальных, политических, экономических и других аспектов жизнедеятельности человека в коммуникативной деятельности.

В процессе работы с информационным сообщением необходимо следовать определенным алгоритмам, разработанным в той или иной области знания (когнитивной лингвистике, социолингвистике, аксиологической лингвистике, лингвистике текста) и фокусирующим внимание на целях анализа — выделение концептуальной информации и изучение корреляций между текстами СМИ и когнитивными структурами индивидуального и массового сознания; анализ и оценка социальной сферы общества и ее семиотическая репрезентация в медийном пространстве; языковая концептуализация власти и ее влияние на политические и внутриполитические ситуации и многие другие. Каждая из вышеперечисленных наук базируется на определенных методах и приемах, характерных только для них. Однако существует и объединяющее эти науки свойство, некоторая философская идея, подход, который применим ко всем научным изысканиям — критическое мышление. Независимо от того, каков вектор исследования, объект исследования подвергается ментальной обработке — осмыслению и анализу.

На сегодняшний день простое владение информацией не отвечает потребностям современного общества. Необходимо анализировать, синтезировать, критически оценивать, осмысливать, применять исходную информацию для достижения своих целей [Anderson, 2001]. Критическое мышление определяют как пытливый, побуждающий подход к знаниям, включающий анализ идей и информации с объективной точки зрения и последующее изучение этой информации в контексте собственных ценностей и убеждений [Богданова, 2019,

с. 113]. В процессе критического мышления человек подкрепляет свою позицию выверенными фактами. Критическое мышление — это способность оценивать свой мыслительный процесс таким образом, чтобы понимать его сильные и слабые места. Для этого нужно быть готовым пересмотреть свои позиции, быть открытым к идеям и взглядам других людей, уметь представлять свои суждения, быть честным в отношении своих предубеждений и гибким при обсуждении других вариантов и мнений [Judge, 2009, p. 2].

Д. Клустер, эксперт в области критического мышления, характеризует его следующим образом: критическое мышление представляет собой самостоятельное мышление и служит основой уверенного формирования мнений и отношений; основой критического мышления является информация; критическое мышление ориентировано на решение проблем и поиск аргументированных доказательств; критическое мышление является социальным, поскольку оно основано на диалоге, обсуждении, командной работе и презентации своей позиции [Клустер, 2001, с. 36–37].

Исследование критического мышления актуально для образовательной деятельности, в частности, для лиц, изучающих языки как системы, а также тех, кто посредством конкретного языка познает географию, историю, культуру, политику, экономику, социальную сферу и все остальные виды деятельности человека в определенном районе мира. Информационные тексты в рамках исследуемой тематики служат уникальным источником сведений о регионе.

Необходимо заметить, что под информационными текстами мы понимаем статьи интернет-сайта, содержащие полезную информацию. Информационный текст имеет ряд особенностей. Повествование информационного текста ведется от третьего лица, отсутствует мнение автора, заголовки отражает суть вопроса [Особенности написания информаци-

онных статей]. Семантический контент информационного текста отличают следующие характеристики: краткость, емкость, честность, уважение, ответственность, убедительность, однозначность, объективность, ясность, упорядоченность [Что такое информационный стиль?]. Таким образом, в процессе работы над текстом обучающийся не только получает информацию, но и учится критически ее осмысливать и осознавать актуальность, ценность и пользу получаемой информации. Полученная информация должна являться основой для моделирования, то есть получения такого знания, которое бы удовлетворяло личным потребностям обучающегося.

Умение мыслить критически сфокусировано в нашей работе на критическом чтении (*critical reading*), одном из принципиальных инструментов в формировании и развитии критического мышления в целом. Человек, читающий активно и вдумчиво, — это человек, умеющий мыслить. Чтение обеспечивает «плацдарм» для формирования мнений, суждений, интерпретаций фактов и событий, оценочных реакций на получаемую информацию. Вместе с тем для того, чтобы читать критически, необходимо мыслить критически.

Основные составляющие критического чтения — это анализ / вызов, интерпретация / осмысление и оценка / рефлексия. Каждый из этих ментальных процессов взаимодействует с текстом по-разному. На этапе анализа используют просмотровое чтение (*skimming and scanning*) с выделением ключевых моментов и примеров, ведение заметок (*note-taking*), маркированное чтение (*insert — interactive noting system of effective reading and thinking*), выделение главной темы параграфа (*topic sentences*) и слов-указателей (*signpost words*). Интерпретация предполагает осмысление получаемой информации и направлена на понимание внутреннего содержания текста, поиск ответов на поставленные вопросы, критическое осмысление аргументов автора и сопоставление их с

собственными идеями, предположениями и опытом. Оценка базируется на ценности текста с точки зрения поставленной цели. В критическом мышлении обычно проводится оценка аргументов, а также утверждений, объяснений и доказательств, то есть читатель выносит суждение, являются ли аргументы обоснованными или эффективными [Barnet, Bedau, 2011].

В качестве примера мы выбрали сайт города-государства Сингапур <https://www.gov.sg> [Сайт государства Сингапур]. Сингапур входит в список стран Азиатско-Тихоокеанского региона и является финансовым и торговым центром Юго-Восточной Азии. Сайт имеет древовидную структуру, которая формируется по принципу: Главная / Категория / Подкатегория / Статья. Семантическая структура сайта представлена следующими категориями: *Factually / News / Microsites / Resources / Feedback*. Интересующая нас категория *Factually* предлагает следующие подкатегории (рубрики): *Defence & Security / Economy & Finance / Education & Employment / Environment / Health / Housing / Immigration & Citizenship / Law & Government / Savings & Taxes / Transport & Motoring*. В рубрике «*Education & Employment*» находим статью под заголовком «*Why is the Ministry of Education merging some schools?*» («Зачем Министерство образования объединяет школы?»). Заголовок отвечает требованиям к информационным текстам, а именно, построен в форме специального вопроса, ориентируя читателя на ответ в статье, кратко и ясно заключает в себе основную идею текста, структура которого представляет собой вопросно-ответный формат. Содержание статьи быстро доносит главную мысль, кратко, но емко формулирует ответ на поставленный в заголовке вопрос, цифры и факты придают содержанию большую убедительность, однозначность и объективность информации. Перед непосредственно анализом текста

обучающиеся четко осознают цель задания, которая коррелирует с установкой преподавателя: *What kind of knowledge of the Singapore education system and Singapore as a country can I gain from the article?* («Что я узнаю из статьи об образовании Сингапура и о стране в целом?»). Несмотря на конкретный вопрос в заголовке статьи, цель задания выходит за его рамки.

Итак, критическое чтение начинается с заголовка, иначе, обучающимся предлагается ответить на вопросы: *Why does the author select the Question Headline? / What is the author trying to say? / What is the main argument being presented? / What does the author's choice of Present Continuous imply?* Важной оказывается информация об источнике статьи, достоверности сведений в ней и авторе, что актуализирует следующие вопросы: *Who is the author? / What is the source? / Is the author and source credible? / What are the author's purposes? / Is the information relevant to the context?*

На этапе анализа обучающимся предлагается ответить на следующие вопросы: *What are the patterns of the text? / What is the thesis or overall theory? / What are the supporting points that create the argument? / How do they relate to each other? / How do they relate to the thesis? / What are the examples used as evidence for the supporting points? / How do they relate to the points they support? / What techniques of persuasion are used? / What rhetorical strategies are used (definition, explanation, description, narration, elaboration, argumentation, evaluation)? / What modes of analysis are used (illustration, comparison, contrast, cause and effect, process analysis, classification / division, definition)?* Как видно из вопросов, они относятся к основной идее статьи, авторским способам ее концептуализации и репрезентации.

На этапе интерпретации обучающийся находит ответы на вопросы типа: *What do the patterns of the argument mean? / What kinds of reasoning (historical, psychological, political,*

philosophical, scientific) are employed? / What methodology is employed? / How might my reading of the text be biased? Am I imposing 21st century ideas or values on the text? If so, is this problematic? Интерпретация подразумевает критическое чтение идей автора. На данном этапе обучающимся необходимо умело применить фоновые знания из своего опыта к новой информации статьи.

Этап оценивания может включать следующий набор вопросов: *How well does the text do what it does? / What is its value? / How does it contribute to the discipline? / Are its main conclusions original? / Does the evidence and reasoning adequately support the information presented? / Are the sources reliable? / Is the argument logically consistent? Convincing? / Are any statistical sections designed and executed in accordance with the accepted standards of the relevant discipline? / What are the strengths and weaknesses of the information?* Оценка — это суждение об интеллектуальной, познавательной, эстетической, моральной или практической ценности текста.

Критический анализ статьи способствует получению нового знания. В нашем случае обучающийся должен расширить свое знание о системе образования Сингапура и получить новую информацию о стране. На заключительном этапе работы с информационной статьей обучающимся предлагается ряд заданий, например, поиск дефиниций часто встречающихся в тексте статьи коллокаций: *cohort size, critical mass, cut-off points, learning track*; значений аббревиатур: *MOE (Ministry of Education), CCA (co-curricular activities), L1R5 (one language subject and five relevant subjects), IP (Integrated programme), AST (Academy of Singapore Teachers)*. Итоговым заданием может быть составление или заполнение таблицы.

Таблица 1

Ministry	Ministry of Education
Policy	The quality of the school experience; the holistic development of students
Approach	Student-centric
Types of schools	Government Government-Aided
Stages of education	Primary Secondary Junior colleges (JCs)
Number of students in schools	Primary 1300–1400 Secondary 1300–1400 Junior colleges 1600 (JCs)
Number of students in classes	Normal (Technical classes) 20 Classes for students with learning difficulties 4–10
Subjects	Design & Technology Food & Consumer Education
Names of secondary schools	Catholic High CHIJ St. Nicholas Girls' Singapore Chinese Girls'
New Specialised schools	Crest (2013) Spectra (2014)

Как показывает таблица, информационная статья содержит значительное количество данных о системе образования Сингапура, но в то же время не претендует на полную информированность, а служит стимулом для дальнейшего поиска сведений, выбора и анализа информации по заданной теме.

Другим мотивирующим вопросом статьи выступает сопутствующая информация, касающаяся демографической ситуации в стране и причинах ее возникновения. Сингапур —

одна из самых богатых стран мира с развитой успешной рыночной экономикой, для которой характерны благоприятная среда для бизнеса и высокий уровень жизни людей. Вместе с тем статья сообщает о снижении рождаемости с 2010 года, что является основанием для объединения школ, и формирует, таким образом, интерес обучающихся к одной из социальных проблем в стране.

В результате критического прочтения статьи обучающиеся получают новое знание об определенном регионе, которое стимулирует к постановке вопросов и поиску ответов на них. Обучающиеся находятся в ситуации постоянного вызова, осмысления информации и рефлексии — трех базовых принципов критического мышления, формирующих умение работать с информационным текстом как источником важной информации об изучаемом регионе.

Литература

Богданова С. Ю., Каверина О. А. Самостоятельное обучение в контексте развития критического мышления // Преподаватель XXI век. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2019. № 1. С. 112–120.

Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-200-9.htm#zag-16535> (дата обращения: 15.11.2019).

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.

Клустер Д. Что такое критическое мышление // Международный журнал о развитии критического мышления через чтение и письмо. 2001. № 4. С. 36–37.

Сайт государства Сингапур. URL: <https://www.gov.sg> (дата обращения: 11.11.2019).

Северская О. И. Информативный или информационный? // Русский язык. № 07 (583), 1, 15.04.2009. URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2009&num=7> (дата обращения: 12.11.2019).

Особенности написания информационных статей. URL: <https://kopiraitery.ru/tipy-tekstov/osobennosti-napisaniya-informacionnyx-statej.html> (дата обращения: 17.11.2019).

Что такое информационный стиль? URL: <https://apollo-8.ru/informacionnyj-stil> (дата обращения: 17.11.2019).

Anderson L. W., Krathwohl D. R., Bloom B. S. A taxonomy for learning, teaching and assessing: a revision of Bloom's taxonomy of educational objectives. Longman, 2001. — 352 p.

Barnet S., Bedau H. Critical thinking, reading, and writing. A brief guide to argument. Boston: Bedford / St. Matrin's, 2011. — 561 p.

Judge B., Jones P., McCreery E. Critical thinking skills for education students. London: Learning Matters Ltd, 2009. — 64 p.

В. О. Коробко, О. В. Кузнецова
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ВКЛАД ДЖЕФФРИ ХЬЮИНГСА В СОЗДАНИЕ ЛАБОРАТОРИИ ПРИКЛАДНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И АМЕРИКАНСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В настоящее время региональные исследования продолжают оставаться одним из приоритетных направлений деятельности политологов, социологов, культурологов, специалистов в международных отношениях. Общеизвестным является факт, что американская школа региональных исследований оказала значительное влияние на формирование ключевых векторов развития данного направления научного знания во всем мире.

Появление термина «региональная наука» связывают с именем выдающегося американского экономиста и географа Уолтера Айзарда, работы которого положили начало большому количеству исследований территориальных явлений в рамках школы пространственного анализа [Кузнецова, Карачёва, 2019]. В середине XX века многие американские эконо-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

мисты занимались изучением основных направлений развития и выработкой подходов в теории региональной экономики, отметим работы таких специалистов, как П. Розенштейн-Родан, Э. Гувер, Ч. Левен, Х. Хотеллинг, Р. Вернон, М. Сторпер, Дж. Фридман и другие.

Представляется необходимым также упомянуть, что направленность региональных исследований в разных странах может отличаться. Так, многие работы китайских специалистов посвящены изучению экономических вопросов [Макеева, 2019], в отечественных научных школах о регионе прослеживаются две исследовательские траектории: комплексное страноведческое направление и глобалистское направление [Лесниковская, Кремнёв, 2019], японская наука о регионах активно пересекается с другими дисциплинами, привлекая их подходы к изучению своего объекта [Кремнёв, Шалина, Озеров, 2019].

Целью данной статьи является исследование деятельности видного американского географа и экономиста Джеффри Хьюингса, который получил премию Уолтера Айзарда за выдающиеся достижения в области региональной науки.

Будущий ученый родился в Уэльсе в 1943 году. Его детство прошло в Англии и Шотландии. Когда Джеффри было 15 лет, его родственники переехали в Канаду, а он остался на родине, чтобы поступить в Бирмингемский университет. После получения степени бакалавра Хьюингс иммигрировал в США. В Сиэтле он продолжил обучение в Вашингтонском университете, получив степень магистра, а впоследствии доктора наук.

В 1968 году Джеффри Хьюингс преподавал в Массачусетском университете. Еще одним его академическим достижением стало преподавание в Торонтском университете, после которого он вернулся в Америку и начал работать в качестве профессора в университете Иллинойса [REAL, 2019].

Начиная свою карьеру в вышеуказанном учебном заведении, ученый работал на географическом факультете, а позже — на факультете регионального планирования и экономики. Специалист в области региональных исследований Дэвид Бойс писал, что в 1977 году Джеффри Хьюингс стал попутно работать в крупной организации региональных исследований, речь о которой пойдет далее [Wayback Machine, 2004]. В возрасте 46 лет Хьюингс стал одним из основателей, а также директором Лаборатории прикладной региональной экономики (Regional Economics Applications Laboratory, REAL). Для того чтобы определить место данной лаборатории в системе региональных исследований Соединенных Штатов, сначала рассмотрим более крупные учреждения, занимающиеся региональной наукой.

Считается, что еще со времен основателя региональной науки Уолтера Айзарда предпринимались попытки создания специального объединения научных работников: экономистов, географов и политологов. Сложность заключалась в том, что региональные исследования всегда стояли на стыке дисциплин, поэтому к 50-м годам прошлого века появилась острая необходимость в создании Международной ассоциации региональной науки (Regional Science Association International, RSAI).

Уже в 1960-е годы в работе объединения участвовало около 1000 человек, и по всему миру были открыты его подразделения (изначально они действовали в Америке, Японии и Европе). С течением времени было налажено взаимодействие между всеми этими подразделениями [Regional Science Association International, 2018]. На сегодняшний день крупнейшими из них являются Тихоокеанская региональная научная конференция (Pacific Regional Science Conference Organization, PRSCO), Североамериканский региональный научный совет (North American Regional Science Council,

NARSC), Европейская региональная научная ассоциация (European Regional Science Association, ERSA). Отметим также, что Джеффри Хьюингс являлся исполнительным директором ассоциации с 1978 по 1996 год, а в 1995 году Международная ассоциация региональной науки наградила ученого за особые заслуги в развитии региональной науки.

Остановимся подробнее на Североамериканском региональном научном совете. На официальном сайте указано, что совет появился в 1950-е годы с целью создания междисциплинарного учения о городских, региональных и других пространственных явлениях [North American Regional Science Council, 2016]. Впоследствии к работе совета присоединялось все больше специалистов в области региональной науки. Деятельность совета заключается в реализации симпозиумов и собраний для активизации лидерских и интеллектуальных способностей участников, а также в освещении на своих собраниях работы других организаций, в числе которых представлена и Лаборатория прикладной региональной экономики.

Итак, Лаборатория прикладной региональной экономики представляет собой экспериментальную базу, разработанную Федеральным резервным банком Чикаго и Иллинойским университетом для молодых ученых. На протяжении всего времени работы была оказана существенная поддержка нескольким десяткам аспирантов в написании их диссертаций, а также получении опыта непосредственно в сфере региональных экономических исследований. Помимо этого лаборатория ежегодно принимает около сотни студентов и профессоров на определенный срок.

Одна из задач Лаборатории прикладной региональной экономики — предоставление актуальной и достоверной экономической информации в сфере государственной и частной политики, а также построение комплексных экономических

моделей для дальнейшего прогнозирования. Ключевым интересом для лаборатории является западное полушарие, хотя делались прогнозы и касательно восточного (столичные регионы в Индонезии, Японии, Корее) [REAL, 2019].

Обратим внимание на то, что значительная доля исследований Джеффри Хьюингса проводится именно в стенах Лаборатории прикладной региональной экономики, где готовятся экономические прогнозы для таких известных печатных изданий США, как газета «Crain's Chicago Business», которая является ключевым источником новостей и аналитической информации в Чикаго [Crain's Chicago Business, 2019]. Каждую неделю в лаборатории проводятся определенные мероприятия не только для презентации уже имеющихся научных достижений, но и для содействия «ученикам» в сфере общественной жизни.

Первостепенную роль в исследованиях Джеффри Хьюингса играют городской и региональный экономический анализ, генерирование экономических моделей, оценка их полезности в политике. Одной из самых известных книг ученого является «Trade, networks and hierarchies: modeling regional and interregional economies» («Торговля, локальные сети и иерархии: моделирование региональных и межрегиональных экономик»), написанная в соавторстве с другими специалистами в области региональных исследований. Работа представляет собой анализ методов, которые могут быть использованы для решения региональных проблем в отдельных странах [Hewings, Sonis, Boyce, 2002].

В своих исследованиях ученый использует все разнообразие методов региональной науки (от модели затраты-выпуск до социального учета), позволяющих конструировать экономические модели для создания прогнозов на всех уровнях управления. В работе «Regional input-output analysis» («Региональный анализ: затраты-выпуск») данный метод рас-

сма­три­ва­ет­ся как один из самых гибких и закономерных, ведь он может использоваться в любом государстве, вне зависимости от его политического устройства [Hewings, 1985].

Основной целью недавних исследований было определение связей между региональными моделями и моделями транспортных сетей в случае стихийных бедствий, развития авто и гидротранспорта. Для доказывания этой взаимозависимости Хьюингс уделял внимание мониторингу движения людей, товаров, услуг и капитала. В работе «Regional public stock reductions in Spain: estimations from a multiregional spatial vector autoregressive model» («Региональные сокращения государственных запасов в Испании: оценки на основе мультирегиональной пространственной векторной авторегрессионной модели») он рассматривает экономическую политику Испании, говоря о том, что уменьшение аккумуляции капитала ведет к разным последствиям для каждого региона страны [Márquez, Ramajo, Hewings, 2017].

Очередными проблемами, затронутыми в работах Хьюингса, являются экономическая и географическая структура, социальный учет, модели общего равновесия, старение населения, иммиграция, демографический фактор. Так, статья «Modelling regional productivity performance across Western Europe» («Моделирование региональных показателей производительности в Западной Европе») рассматривает связь между технической эффективностью региона и его географической структурой. В заключение, авторы статьи приходят к выводу, что каждому европейскому региону необходима своя стратегия развития, а не единый инвестиционный подход [Ramajo, Hewings, 2017].

В еще одной публикации «Measuring foreclosure impact mitigation» («Измерение уменьшения последствий потери права выкупа») ученый затрагивает важную национальную программу для США, пытаясь ответить на вопрос «В чем за-

ключается программа стабилизации соседства?». Данный проект нацелен на снижение количества негативных последствий жилищного кризиса путем выкупа имущества в кризисных районах. Изучая данные процессы в Чикаго (штат Иллинойс), авторы приходят к мнению, что проект имеет множество негативных последствий, связанных с подорожанием недвижимости по соседству. Тем не менее, вышеуказанная работа может применяться для изучения данной программы в других регионах [Ramao, Vak, 2017].

Джеффри Хьюингс носит звание заслуженного деятеля во многих университетах мира, а также является членом рабочей группы по финансовому здоровью штата Иллинойс. Иногда ученый принимает участие в написании ежемесячных экономических отчетов в штате совместно с Институтом правительства и общественных связей. Каждый год наиболее перспективные молодые специалисты в области региональных исследований получают награду имени Джеффри Хьюингса.

Таким образом, Джеффри Хьюингс является значимым представителем американской регионоведческой школы, одна из основных целей которой — исследование практически всех регионов мира. Данный подход выглядит вполне обоснованным, ведь процессы регионализации играют важную роль на мировой арене, чего не могут игнорировать США, являясь мировым гегемоном. В перечень его основных научных интересов можно включить городской и региональный экономический анализ, где основное внимание уделяется дизайну, внедрению и применению региональных экономических моделей. Стоит также отметить, что помимо внедрения региональных эконометрических моделей затраты-выпуск в некоторых американских штатах ученый также занимается разработкой подобного рода проектов в Бразилии, Колумбии, Японии, Корее и Индонезии. Основные научные труды

Д. Хьюингса посвящены вопросам экономической структуры и структурных изменений, которые объясняются с помощью моделей затраты-выпуск, макроэкономического анализа с учетом социальных факторов, а также модели общего равновесия.

Между тем мы не должны умалять заслуги других американских ученых, без которых новые достижения в области изучения регионов были бы проблематичными. Ведь если еще несколько лет назад специалисты могли с легкостью определить вклад региональной науки в другие направления исследований, то сейчас множество парадигм объединились в целые сложные структуры. Результатом этих процессов и стал прогресс в решении проблем региональных исследований, находящихся на стыке нескольких наук.

Литература

Кремнёв Е. В., Шалина И. В., Озеров Д. Г. К вопросу о направлениях региональных исследований в Японии // *Slovak international scientific journal*. 2019. № 33. С. 14–17.

Кузнецова О. В., Карачёва Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 297–304.

Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 225–236.

Crain's Chicago Business. URL: <https://www.chicagobusiness.com/about-us> (дата обращения: 17.11.19).

Hewings G. Measuring foreclosure impact mitigation // Regional science and urban economics. 2017. № 63. P. 38–56.

Hewings G., Ramajo J. Modelling regional productivity performance across Western Europe // Regional Studies. 2017. № 52. P. 1372–1387.

Hewings G. Regional input-output analysis. NY: Sage Publications, 1985. — 96 p.

Hewings G., Márquez M., Ramajo J. Regional public stock reductions in Spain: estimations from a multiregional spatial vector autoregressive model // REGION. 2017. № 4. P. 129–146.

Hewings G., Sonis M., Boyce D. Trade, networks and hierarchies: modeling regional and interregional economic. Luxembourg: Springer Science & Business Media, 2002. — 467 p.

North American Regional Science Council. URL: <https://www.narsc.org/newsite/background-history/> (дата обращения: 12.11.19).

Regional Science Association International. URL: <http://www.regionalscience.org/> (дата обращения: 18.11.19).

Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/20070926134502/http://www.civil.northwestern.edu/trans1/boyce_pubs/short_history.pdf (дата обращения: 19.11.19).

Welcome to R|E|A|L. URL: <http://www.real.illinois.edu/> (дата обращения: 10.11.19).

Е. В. Кремнёв

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

СТРУКТУРА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ¹

Региональные исследования берут свое начало в теории районирования, основы которой были заложены А. Гумбольдтом и К. Риттером и в нашей стране продолжены представителями советской районной школы И. Александровым, Б. Книповичем, А. Челинцевым, Н. Баранским. Параллельно с этим развивались такие отрасли знаний, как краеведение и страноведение, которые давали материал для анализа конкретных регионов и проведения сравнительных исследований. За рубежом результатом такого рода научной работы стало появление сначала *area studies* — регионоведения, призванного устранить, в частности, в США, недостаток научных сведений о регионах мира после Второй мировой войны, а затем региональной науки (*regional science*), основанной У. Айзардом и изучающей пространство и территории в самых различных ракурсах [Кузнецова, 2019, с. 276].

Современные региональные исследования развиваются в соответствии с двумя тенденциями. Первая — распространение

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

ние научных направлений, позиционирующих себя как международные. В качестве примера можно привести американскую школу У. Айзарда, вышедшую на межстрановой уровень через Международную ассоциацию региональной науки (Regional Science Association International), еще одним примером служит Ассоциация регионоведения (Regional Studies Association), созданная в Великобритании, — обе школы имеют большое количество подразделений в разных странах. Вторая тенденция — это развитие национальных школ региональных исследований и их частичная интернационализация через участие в различных международных проектах. Обе тенденции порождают большое количество и разнообразие субдисциплин, что приводит современную науку о регионах к необходимости обобщения и систематизации наработанного опыта. Эти функции, по нашему мнению, может взять на себя трансдисциплинарная регионология², под которой мы подразумеваем научную дисциплину о феномене региона, синтезирующую в теоретическом и прикладном планах знания о нем, полученные в различного рода исследованиях. В данном, совокупном и выводном, научном знании о регионе применяются подходы и методы различных научных дисциплин (это отражает ее *трансдисциплинарный* характер) для проведения исследований не только по сбору сведений о регионе (регионоведение в классическом понимании по аналогии с краеведением и страноведением), но и с целью анализа происходящих в регионах процессов и прогнозирования их последствий, что отражает научный характер *регионологии*, поскольку «в русском языке часть слова *логия* — из названий наук вроде “сейсмология”, “паразитология”, “нутрициология”

---

² Подробнее об основных целях и задачах трансдисциплинарной регионологии, а также о ее объекте и предмете можно прочесть в статьях Е. В. Кремнёва, Е. В. Лесниковской, О. В. Кузнецовой [Кремнёв, 2019, с. 69; Kremnyov, 2019], С. Б. Макеевой [Макеева, 2018].

и др. — принято связывать с таким типом знания, когда на основании имеющихся данных и логической структуры данного знания возможны дедуктивные выводы» [Рождественский, 1996, с. 3].

Основная цель данной статьи — разработка структуры трансдисциплинарной регионологии для ее дальнейшей институционализации как науки.

Чтобы достичь этой цели, требуется, в первую очередь, отделить обозначенную дисциплину от ряда других наук, схожих с ней отдельными элементами. Следует понимать, что региональные исследования существуют в двух взаимосвязанных измерениях. Во-первых, они могут проводиться в рамках подразделов наук, изучающих региональные особенности объекта каждой конкретной науки. Среди таких подразделов — социология регионов, региональная политология, география мира, региональная история, региональная лингвистика, теория международных отношений, глобалистика и др. Во-вторых, существует совокупность исследований, довольно значительная по объему, где объектом выступает собственно регион (при этом предметом каждого конкретного исследования могут быть его различные характеристики, процессы и т. п.). Последние непосредственно относятся к работам в русле трансдисциплинарной регионологии, сосредоточиваясь на своем объекте — регионе и заимствуя, при необходимости, методы исследования у других наук. Первые представляют собой междисциплинарные исследования на стыке регионологии и одной или нескольких наук, частично заимствуя у регионологии ее объект для решения собственных задач.

Говоря о структуре трансдисциплинарной регионологии, предлагаем выделять ее уровни и элементы на основе нескольких подходов: по соотношению теории и практики, с точки зрения региональной специфики научных школ, а так-

же по роли и месту субдисциплин в структуре указанной научной дисциплины.

Первый из подходов — **по соотношению теории и практики** — продиктован тем, что региональное научное знание крайне неоднородно по признаку наличия в нем теоретического и практического компонентов. Его можно разделить на следующие уровни: фактологический, аналитический и теоретический.

На *первом, фактологическом уровне* проходит сбор данных по региону. Такого рода исследования имеют выраженную практическую направленность, их цель — умножение систематизированных знаний об изучаемой территории и основных ее особенностях: исторических, экономико-географических, социально-политических, лингвистических и др. Эта работа может проводиться как на международном уровне (изучение странами и более крупными регионами друг друга), так и на локальном (изучение особенностей отдельных районов страны, их этносов, культуры, языка и других особенностей). Значительное число таких работ завершается собственно сбором сведений, поскольку их результат нередко оказывается ценен сам по себе, делая серьезный вклад во взаимное изучение различных стран и регионов, углубление культурного обмена и, как следствие, преодоление проблем межкультурной коммуникации. Многие страны отводят региональным исследованиям особую роль в установлении межэтнического взаимодействия, в частности, японское научное сообщество в лице Японского научного совета (日本学術会議) в Комитете региональных исследований (地域研究委員会) [地域研究分野の展望, 2010, 要旨, III–V].

Второй уровень, аналитический, предполагает переход от сбора сведений различного рода к их анализу с целью решения конкретных региональных проблем. Комплексный трансдисциплинарный анализ позволяет выявить факторы нерав-

номерного развития регионов и выработать стратегии по совершенствованию их экономических и социально-политических систем.

Основные задачи *третьего, теоретического уровня* заключаются в разработке теоретических основ изучения региона как объекта, подходов к выделению его универсальных и уникальных характеристик, определения границ изучаемой территории, методов исследования отдельных регионов, их групп и способов их взаимодействия. Теоретическая база региональных исследований, ее разработка и обоснование — важнейшая на сегодня задача в рамках институционализации регионологии как науки. За рубежом наибольший вклад в эту отрасль сделан в рамках американской школы региональной науки У. Айзарда с участием представителей Международной ассоциации региональной науки (Regional Science Association International). В России среди наиболее системных и комплексных работ в этом направлении следует назвать достижения научной школы под руководством профессора А. Д. Воскресенского, разрабатывающей основы такого направления, как мировое комплексное регионоведение, рассматривающей эту дисциплину в качестве нового предметного поля науки о международных отношениях [Воскресенский, 2013, с. 95].

Еще один подход к выделению элементов структуры трансдисциплинарной регионологии производится **с точки зрения региональной специфики научных школ**. В качестве составляющих здесь выступают направления, сформировавшиеся в различных странах и регионах. Следует отметить, что регионы мира обладают весьма разнородными наработками в данной области. Есть такие, где научные исследования опираются на общемировые тенденции, и те, что настаивают на необходимости разработки собственного пути. Кроме того, при детальном изучении становится очевидной выра-

женная направленность региональных исследований в разных странах. В частности, региональная наука У. Айзарда направлена, в первую очередь, на анализ социальных и экономических процессов внутри обозначенного исследователем пространства [Isard, 2003]. Китайские работы сосредоточены на экономических вопросах [Макеева, 2019], японские — на проблемах межкультурного взаимодействия [柴宜弘, 2016], значительное число российских работ — на проблемах международных отношений и мировой политики [Колдунова, 2016].

И наконец, **по роли и месту субдисциплин** в структуре трансдисциплинарной регионологии следует различать такие разделы указанной науки, которые конкретизируют ее предмет, сосредоточиваясь на отдельных аспектах функционирования региона и существуя на стыке с другими науками (политология, теория международных отношений, социология, культурология и т. д.) или в рамках определенной парадигмы познания (гендерной, глобализационной и т. д.³). Это деление также имеет региональную специфику. Например, среди множества субдисциплин отечественных региональных исследований можно выделить несколько ведущих, которыми список вовсе не ограничивается. В частности, это социокультурное регионоведение, в качестве основной цели которого постулируется необходимость изучить «неизменные на территории данного региона приоритеты и доминанты», а также «местную “дырчатость” культуры³, которая не только создает лакуны в формообразовании слов, но и лакуны в явлениях и понятиях культуры» [Павловский, 2005, с. 109]; политическая регионалистика, призванная ответить на вопросы «о природе политического пространства, его региональной стратификации, о границах суверенитета территориально-пространственных

---

³ Подробнее про «дырчатость» культуры можно прочесть у И. В. Павловского [Павловский, 2012].

политических акторов» [Дахин, 2016, с. 137]; мировое комплексное регионоведение, изучающее «закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической и социально-политической систем регионов мира с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, культурно-антропологических, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) МО» [Воскресенский, 2013, с. 88]. Необходимость установления самостоятельной роли трансдисциплинарной регионологии представляется еще более необходимой при анализе двух последних субдисциплин: политическая регионалистика входит в официальную номенклатуру научных специальностей РФ, относясь к политическим наукам, а мировое комплексное регионоведение разрабатывается в рамках науки о международных отношениях.

Примером выделения субдисциплин в зависимости от конкретизированного предмета изучения могут служить японские региональные исследования, в рамках которых Комитет региональных исследований Японского научного совета предлагает выделять такие разделы, как *area studies* (エリア・スタディーズ), гуманитарно-экономическая география (人文・経済地理学), антропология (人類学), международная региональная девелопментология (国際地域開発学), региональная информатика (地域情報学) [地域研究分野の展望, 2010, 要旨, с. III].

Наконец, синтез всех трех подходов позволяет показать структуру трансдисциплинарной регионологии через призму **роли и места региональных / страновых субдисциплин и соотношения теории и практики.**

Если расположить в этой схеме отечественные субдисциплины трансдисциплинарной регионологии, то на фактологическом уровне оказываются, в частности, краеведение и стра-

новедение, а также регионоведение в том его понимании, что отсылает к сбору и систематизации сведений об изучаемом регионе. Такое понимание регионоведения встречается достаточно часто. Будучи употребленным в этом смысле, термин «регионоведение» становится синонимом, например, страноведения. Это подтверждается достаточно известными работами, в частности, книга «Регионоведение. Китай» известного китаевода И. В. Кочергина является по своей сути работой по страноведению Китая.

Аналитический и теоретический уровни могут совмещать как различные субдисциплины, выполняющие обе функции, так и регионоведение, понимаемое отдельными школами как анализ процессов, происходящих в регионе, на основе собранных о регионе материалов. Подобная же двойственность, что и с термином «регионоведение», в англоязычных исследованиях наблюдается, к примеру, у «area studies», которые, с одной стороны, могут включать языковую подготовку, полевые исследования языка, особое внимание к местной истории и местным интерпретациям, а с другой — поиск и обоснования целостного подхода к изучению региона, мультидисциплинарное взаимодействие исследователей [Szanton].

В описанной структуре есть и лакуны: в частности, междисциплинарный подход большинства научных школ позволяет объединить усилия двух-трех наук, но оставляет за скобками общие теоретические аспекты, которые могли бы охватить регионологию целиком. В заполнении этого пробела может помочь теория трансдисциплинарной региологии, основная цель которой — описать наиболее общие теоретические подходы к изучению региона, систематизировать терминологию, понятийный аппарат и методы исследований.

В наиболее общем и схематичном виде вышеизложенное можно представить в следующей таблице.

Роль и место субдисциплин трансдисциплинарной регионологии				
Региональная специфика научных школ	Отечественные		Зарубежные (на примере США и Японии)	
	Специальные (на стыке с другими науками)	Общие	Специальные (на стыке с другими науками)	Общие
Уровни трансдисциплинарной регионологии				
Теоретический	Специальные субдисциплины в рамках региональных научных школ (мировое комплексное регионоведение, политическая регионалистика, социокультурное регионоведение и др.)	<i>Теория трансдисциплинарной регионологии</i>	США: Regional Science, Global Studies Япония: гуманитарно-экономическая география (人文・経済地理学), антропология (人類学), международная региональная девелопментология (国際地域開発学), региональная информатика (地域情報学)	<i>Теория трансдисциплинарной регионологии</i>
Аналитический		Регионоведение (как анализ процессов, происходящих в регионе)		США: Area Studies, Regional Studies Япония: Area Studies (エリア・スタディーズ)
Фактологический	Краеведение, страноведение, регионоведение (как сбор и систематизация сведений о регионе)		США: Country Studies, Area Studies, Regional Studies Япония: японоведение (日本学), краеведение (地元学, 自地域学)	

Схематичная структура трансдисциплинарной регионологии

Важное место в приведенной схеме занимает теория трансдисциплинарной регионологии (выделена курсивом), которой предлагается выполнить роль субдисциплины, обеспечивающей систематизацию понятийного аппарата и методологической базы там, где с этой задачей специальные субдисциплины, существующие на стыке с другими науками, справляются лишь частично.

Предложенная матрица может быть использована как инструмент систематизации и иных субдисциплин трансдисциплинарной регионологии, выделяемых по различным критериям: региональному, парадигмальному, междисциплинарному и т. д., что, по нашему мнению, будет способствовать более четкому пониманию целей и задач этой науки, ее границ и возможностей, самоопределению исследователя и определению места его исследования в структуре науки, что, в конечном счете, окажет стимулирующее воздействие на дальнейшее развитие региональных исследований в целом.

Благодарности

Автор благодарит своих коллег по гранту О. В. Кузнецову, Е. В. Лесниковскую, С. Б. Макееву, Н. С. Карачёву за помощь в работе над материалом. Особую благодарность выражаю доктору филологических наук, профессору Е. Ф. Серебренниковой за ценные замечания и помощь в работе над концепцией и терминологией исследования.

Литература

Барыгин И. Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1. № 3. С. 114–123.

Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории

международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82–96.

Дахин А. В. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте // Политическая регионалистика. 2016. № 2. С. 132–163.

Колдунова Е. В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 50 (5). С. 63–69.

Кочергин И. В. Регионоведение. Китай. М.: ВКН, 2018. — 543 с.

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.

Кузнецова О. В., Карачёва Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: Материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. II. Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции. Кн. вторая. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. С. 6–14.

Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 225–236.

Павловский И. В. Введение в регионоведение. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2012. — 199 с.

Павловский И. В. Регионоведение сегодня // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145–156.

Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. М.: ЧеРо, 1996. — 288 с.

Isard W. History of regional science and the Regional Science Association International. The beginnings and early history. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 2003. — 267 p.

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern transdisciplinary regionology: the goal and the objectives // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences (Prepublication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803> (дата обращения: 10.11.2019).

Szanton D. The origin, nature and challenges of area studies in the United States. URL: <https://escholaship.org/uc/item/59n2d2n1> (дата обращения: 10.05.2019).

柴 宜弘. 地域研究としての日本研究 // 中欧研究. 2016 年11月. 第2号.

地域研究分野の展望 // 日本学術会議. 2010年4月5日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).

О. В. Кузнецова, Н. С. Карачёва
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ¹

В XXI веке в связи с усилением глобализационно-фрагментационных процессов регион как объект исследовательского интереса обретает новое звучание, а динамика этих процессов в настоящее время определяет концептуальную направленность науки о регионе. В контексте вышеуказанных тенденций чрезвычайно важным представляется исследование развития крупнейших научных школ по изучению региональных процессов на протяжении второй половины XX века [Кремнёв, Лесниковская, 2019, с. 299; Kremnyov, Lesnikovskaya, Kuznetsova, 2019]. Целью данной статьи является анализ истории становления Международной ассоциации региональной науки.

Сформировавшись в русле страноведческих дисциплин, регионоведческая наука пополняется новыми идеями, что, безусловно, расширяет круг исследуемых вопросов, но при этом испытывает недостаток интеграции этих идей в единую

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

научную парадигму [Кузнецова, Карачёва, 2018, с. 21]. В рамках исторического времени и в сравнении с фундаментальными науками региональную науку (regional science) можно считать молодой областью. По мнению американского ученого У. Айзарда, региональная наука формировалась на стыке нескольких дисциплин (экономика, география, городское планирование, политология, социология сельских районов и др.), естественно, для обсуждения проблем и развития науки требовалась дискуссионная площадка, роль которой в настоящее время выполняет Международная ассоциация региональной науки (Regional Science Association International, RSAI) [Кузнецова, Карачёва, 2019, с. 278].

Основанная в 1954 году RSAI представляет собой сообщество ученых из разных стран, заинтересованных в исследовании воздействия региональных, национальных или глобальных процессов на экономические и социальные изменения конкретного региона. Работа RSAI опирается на опыт различных дисциплин, и этот междисциплинарный подход помогает облегчить интегрирование нового понимания в решение региональных проблем. В свою очередь, это дает членам Ассоциации больше возможностей для комплексного взаимодействия на разных уровнях, от размещения производства до планирования политических и дипломатических стратегий. Основываясь на прочной базе количественных методов, региональная наука находится на переднем плане исследований в области разработки новых моделей для регионального анализа и оценки степени воздействия различных факторов [Regional Science Association International].

Формирование и становление Ассоциации проходило в несколько этапов. Группа региональных исследователей, собравшаяся в 1950-х и более ранних годах, сначала состояла преимущественно из экономистов. Декабрьская встре-

ча 1950 года фактически была дополнением к ежегодному съезду Американской экономической ассоциации. Из представителей других отраслей присутствовали только несколько географов, инженеров и градостроителей. Тогда основными вопросами на повестке группы были:

- увеличение количества доступных данных;
- совершенствование методов обработки имеющихся и новых данных;
- выявление типов значимых регионов, для которых можно решать различные региональные проблемы.

Первые основные усилия группы были сосредоточены на том, чтобы Совет по исследованиям в области социальных наук (American Sociological Society) поддержал Комитет по экономическим исследованиям (American Economic Committee) [Isard, 2003, p. 88]. Все члены Рабочего комитета, созданного для этой цели, были экономистами.

Вторым этапом стало продвижение идеи о создании Ассоциации, которая занималась бы решением региональных вопросов комплексно. Данный период был сопряжен с большими трудностями в восприятии самого концепта такой организации. Было понятно, что не только экономические факторы вовлечены в решение региональных проблем. Последовали встречи с Американским социологическим обществом (American Sociological Society), Американским институтом градостроителей (American Institute of Planners), Ассоциацией американских географов (Association of American Geographers) и Американской ассоциацией (American Statistical Association) развития науки с целью разработки междисциплинарных подходов в региональных исследованиях [Isard, 2003, p. 88]. Однако идея создания новой региональной ассоциации была признана преждевременной и не получила поддержки. В это же время возникла еще одна основополагающая направленность развития научных исследований. Это

касалось необходимости развития концептуальных основ, моделей и теорий не только для решения региональных проблем, но и для связи с чисто пространственными процессами и явлениями.

Возможность создания ассоциации впервые была явно прописана в письме У. Айзарда от 3 августа 1954 года. В нем говорилось: «...необходимо идти к более формальной организации, чтобы поддерживать силу и продуктивность исследовательской группы. Мы неоднократно собирались вместе на встречах разных научных кругов. Я думаю, что мы действительно можем сказать, что у нас было плодотворное взаимодействие и обмен идеями. Но теперь нам кажется, что мы готовы к общему типу взаимодействия и синтезу идей. Может быть целесообразным организовать ежегодное собрание, посвященное, в частности, региональному анализу. Для организации таких регулярных ежегодных собраний, вероятно, потребовалось бы создание какой-либо ассоциации, которая может быть связана с региональным центром» [Isard, 2003, p. 73].

На данном этапе региональные ученые уже занимались такими вопросами, как: пространственная теория; общая теория местоположения; структура и функции региона в пределах США; метод региональных проекций; региональный анализ доходов; межрегиональный анализ и торговля; анализ рынка труда; мировые процессы экономического развития, культурное, социальное, политическое взаимодействие; экономико-географический фактор; влияние технологий на ресурсы.

В целом, большинство географов не поддерживали создание ассоциации региональных ученых. Однако некоторые из ведущих молодых исследователей, такие как Э. Ульман и Й. Аккерман, продемонстрировали живой интерес. Например, Аккерман писал: «Я готов согласиться на предложенную

вами ассоциацию, потому что она так близка кругу моих интересов» [Isard, 2003, p. 84].

Социолог и демограф Д. Бог написал в своем письме от 23 июля: «Я думаю, что мы должны очень медленно создавать отдельное профессиональное общество. В настоящее время существует слишком много ассоциаций и конвенций для участия, и я думаю, что мало что можно было бы получить путем создания формальной ассоциации с уважением к регионализму» [Isard, 2003, p. 84].

Другие социологи были настроены позитивно. К. Дэвис писал: «Создание ассоциации, посвященной регионаловедению, — отличная идея» [Isard, 2003, с. 85]. С ним были согласны П. Вэнс и Ф. Уитни. Последний хотя и считал междисциплинарный подход сомнительным во многих отношениях, но соглашался с тем, что ежегодные совещания, как и конференции являются основополагающими и должны стать основой для организации.

Среди градостроителей Р. Перлофф был «в восторге от самой идеи». От экономистов, в основном региональных, был ряд восторженных откликов. Преобладание позитивно настроенных ученых из разных научных областей было отражением необходимости региональных экономистов найти возможности для представления своих результатов и получить профессиональное признание. На эту необходимость указывал в ответном письме С. Харрис: «Это, по крайней мере, обеспечит вам некоторое время и пространство на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации» [Isard, 2003, p. 87].

Когда сопротивление научного сообщества было преодолено и создание организации было признано необходимым, возникла необходимость структурирования и самоопределения самой организации. У. Айзард был уполномочен создать комитет для разработки конституции организации.

В 1990 году, добившись признания научного сообщества, Ассоциация достигла нового уровня и изменила свою организационную структуру, выйдя на международную арену, чтобы лучше отражать рост и развитие отрасли.

Международная региональная научная ассоциация в настоящее время является зонтичной организацией, контролирующей три крупные суперрегиональные организации в Северной Америке, Европе и Тихоокеанском регионе.

В перечень главных задач Ассоциации входят осуществление обмена идеями и стимулирование проведения исследований, в фокусе внимания которых находится регион, включая использование инструментов, методов и теоретических основ, специально предназначенных для регионального анализа, а также концепций, процедур и аналитических методов различных смежных областей и наук. В настоящее время Ассоциация проводит активную работу по развитию научных идей, проводит международные встречи и конференции. Среди приоритетных направлений в разработке находятся вопросы активной мобильности в устойчивости систем общественного транспорта, роль активных путешествий, развитие туризма и интермодальности, экономические, экологические, социальные и медицинские аспекты в развитии регионов и т. д.

Таким образом, представляется возможным заключить, что в процессе своего формирования Международная ассоциация региональной науки прошла четыре этапа:

- формирование самой идеи новой научной области, способной комплексно решать проблемы региона,
- осознание необходимости создания рабочей площадки для обсуждения текущих исследований и достигнутых результатов,
- преодоление сопротивления новому направлению в научном сообществе,

- учреждение Ассоциации и ее последующий выход на международный уровень.

Главными препятствиями в процессе создания Ассоциации были трудности с продвижением новых идей и организации взаимодействия со смежными областями. Достаточно активное сопротивление научного сообщества, по нашему мнению, можно объяснить тем, что новое направление предлагало интегрировать достижения различных наук для создания междисциплинарного подхода к решению региональных проблем, тогда как в то время не все исследователи были готовы признать равнозначность достижений разных научных областей и принять возможность разработки комплексного подхода к изучению региона.

Литература

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности. Материалы Междунар. науч. конференции. Иркутск, 2019. С. 297–304.

Кузнецова О. В., Карачёва Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности. Материалы Междунар. науч. конференции. Иркутск, 2019. С. 275–280.

Кузнецова О. В., Карачёва Н. С. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (26 апреля 2018 г., Иркутск). Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776> (дата обращения: 16.11.19).

О. В. Кузнецова, Н. С. Карачёва

Isard W. History of regional science and the Regional Science Association International. The beginnings and early history. Berlin: Springer, 2003. — 267 p.

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern transdisciplinary regionology: the goal and the objectives // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences (Prepublication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803> (дата обращения: 17.11.19).

Regional Science Association International (RSAI). URL: <https://www.regionalscience.org/index.php> (дата обращения: 17.11.19).

*О. В. Кузнецова, Д. В. Пелихова
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)*

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ НАУЧНЫХ ЦЕНТРАХ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

В эпоху глобализации региональные исследования приобретают все большую актуальность. Комплексное изучение отдельного региона может не только углубить знания о его социально-политических, экономических, культурных особенностях, но и предоставить материал для трансдисциплинарного исследования, результатом которого станут выводы о месте выбранного региона в системе международных отношений, рекомендации о стратегии установления / улучшения отношений с регионом, повышение уровня прогнозирования региональной политики и др. Кроме того, немаловажно, что «тренды и процессы конца XX — начала XXI вв. обусловили развитие регионоведения в интегральные, трансдисциплинарные региональные исследования, в которых особое внимание уделяется процессам регионализации, политике реги-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

онализа, формированию глобальных регионов» [Лесниковская, Кремнёв, 2019].

В XXI веке Соединенные Штаты Америки находятся в центре внимания большинства современных исследований по различным отраслям гуманитарного знания: социологических, политологических, культурологических и др. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают работы американских ученых по изучению регионов, ведь именно в этой стране зародилась наука о регионах [Кузнецова, Карачёва, 2019]. Целью данной статьи является анализ деятельности европейских научных центров по изучению США.

Отметим, что в региональных исследованиях присутствует многообразие терминов: регионоведение, регионалистика, региональные исследования, регионоведческие исследования и т. д. Нет определенности и в англоязычной традиции: regional studies, area studies и др. [Кузнецова, Карачева, 2018]. Та же ситуация наблюдается и с терминами, используемыми для обозначения американских исследований, — в российской научной традиции используются два синонимичных термина — «американистика» и «американские исследования», в англоязычных работах встречается только один — «American Studies».

Прежде всего, рассмотрим, что понимают под термином «американистика». В западной понимании американистика — это междисциплинарная академическая деятельность, направленная на получение системных знаний об американском обществе и культуре с целью понимания исторического и современного значения Соединенных Штатов [Fluck, Claviez, 2003]. В России также принято считать, что американистика — это совокупность научных дисциплин, изучающих языки, культуру и историю народов Соединенных Штатов Америки. На начальном этапе изучения аме-

риканистики доминировал вопрос о значении Америки в мировом сообществе и о ее уникальности. Необходимость изучения этой страны появилась во второй половине XX века, после Второй мировой войны, когда возникло биполярное противостояние двух гегемонов — США и СССР. Мы разделяем точку зрения многих специалистов о том, что в России и Восточной Европе развитие американистики связано с периодом холодной войны, в то время как в западных европейских странах — с устоявшимся политическим и экономическим сотрудничеством.

Например, в Великобритании американские исследования имеют долгую историю, что объясняется колонизацией Северной Америки в XVIII веке. Начиная с того времени, британские историки исследовали причины и следствия обретения независимости британскими колониями от империи. Безусловно, британо-американские отношения носили сложный характер, начиная с войны 1775 года и заканчивая борьбой за мировые рынки в XX веке. Необходимость изучения США как отдельного региона возникла в Великобритании из-за того, что эти две нации связаны историей, общей правовой системой, религией и языком. Полагаем, что 1930-е годы можно считать периодом становления британской американистики, так как временной отрезок между двумя войнами характеризовался интересом не только к точным наукам, но и к социальным. Кроме того, произошло сближение двух стран из-за создания военного альянса НАТО. Во время Второй мировой войны британское правительство поощряет изучение Америки, а американское правительство начинает видеть необходимость поддержки американских исследований за рубежом во время холодной войны, аргументируя это тем, что «чем больше людей знают о Соединенных Штатах, тем больше они будут восхищаться их политическими и экономическими ценностями и внешней политикой» [Reynolds, 2006].

В начале 1950-х годов Фонд Рокфеллера и Комиссия по образованию США организовали серию англо-американских конференций, которые стали известны как «конференции Фулбрайта», нацеленные на укрепление международных связей США с другими государствами. В 1955 году была основана Британская ассоциация американских исследований (British Association for American studies, BAAS) [British Association for American Studies]. Следует отметить, что ассоциация имеет финансовую поддержку со стороны Государственного Департамента США, следовательно, представляется возможным утверждать, что британские исследования часто подвержены политическому влиянию.

Процесс всемирной американизации привел к разработке нескольких курсов по американистике в учебных заведениях Англии. Такие курсы вызывали интерес не только британцев, но и самих американцев. По оценкам британской ассоциации американских исследований, к 1980-м годам в Великобритании работало не менее двух тысяч американских специалистов в различных областях науки и культуры, благодаря которым исследования по американистике стали включать ранее не изучаемые аспекты: американское кино, новые области культурологии и гендерные исследования.

На сегодняшний день существует большое количество научных центров, которые координируют и обеспечивают исследования США, такие как Школа Американских исследований при Ричмондском университете (University of Richmond), Центр Американских исследований в Ливерпульском университете Джона Мура (Liverpool John Moores University) и т. д. [British Association for American Studies].

Другой крупной национальной ассоциацией является Французская ассоциация американских исследований (French Association for American studies, FAAS), основанная в 1975 году [French Association for American Studies]. Она содей-

ствует академическим исследованиям по американской литературе, истории, культуре и поощряет открытие программ по американским исследованиям на уровне бакалавриата и магистратуры. Ассоциация объединяет ученых, учителей старших классов и независимых исследователей. Сегодня она включает 610 американцев, представляющих различные области науки в Европе. Целями ассоциации являются улучшение франко-американских отношений в сфере научных исследований, взаимный культурный обмен и усиление влияния французских американистов на американские исследования в Европе. Франция и США, так же как Британия и США, связаны общей историей, этим обусловлен интерес к региональным исследованиям в области культуры.

Помимо национальных ассоциаций в Европе также существует Европейская ассоциация американских исследований (далее ЕААИ) (European Association for American Studies, EAAS), которая объединяет 22 ассоциации и 35 стран [European Association for American Studies]. Такие страны, как Австрия, Италия, Франция, Польша, Нидерланды и т. д. имеют ассоциации американских исследований на национальном уровне. Российское общество по изучению американской культуры также входит в Европейскую ассоциацию.

ЕААИ была основана в Берлине в 1954 году, поэтому все официальные документы публикуются на немецком языке. Число американистов в национальных ассоциациях достигло 4301 человека, что привело к созданию организации, которая бы объединяла всех исследователей США. Целями и задачами Европейской ассоциации являются содействие изучению и исследованию во всех сферах американской культуры и общества, а также содействие сотрудничеству и взаимодействию между европейскими и американскими учеными во всех областях. С этой целью организуются регулярные конференции, которые проводятся каждые два года. Также в

рамках ассоциации публикуется журнал «Американские исследования в Европе» («American Studies in Europe») и электронный сборник «Европейский журнал американских исследований» («European Journal of American Studies»). С 1980 года в журналах публикуются все статьи, представленные на конференциях, которые являются инструментом для взаимодействия исследователей двух континентов [European Association for American Studies].

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что в 1990 году во время встречи членов Европейской ассоциации американских исследований в Лондоне возникла идея о создании сети исследовательских центров. Первоначально группа состояла из восьми центров, а сейчас включает 17 учреждений по всей Европе и в настоящее время принимает ассоциированных членов не только в Европе, но и за ее пределами. На сегодняшний день президентом ассоциации является Маркус Хайде, доцент из Шведского института американских исследований. Хотя сеть объединенных исследовательских центров американистики (American Social Network) является независимой организацией, которая имеет собственные источники финансирования, ее деятельность осуществляется параллельно с европейской ассоциацией [EAAS Networks]. Все члены-участники придерживаются междисциплинарного подхода к американистике и изучают тот или иной объект через призму нескольких наук.

Одним из ключевых направлений центров является объединение ресурсов и информации. Поэтому среди центров нередкое явление — обмен учеными, которые читают лекции в различных учреждениях. Примечательно, что существует грант в 1000 евро за лучшее опубликованное исследование на английском языке по любому аспекту американистики. Грант присуждается ассоциированным членам, которые должны являться гражданами европейских стран. Такие вопросы, как

получение гранта обсуждаются ежегодно на встречах директоров научных центров, каждый год в состав ассоциации принимают новое учреждение, если оно соответствует следующим критериям: независимая организация с внешним финансированием, междисциплинарный подход к исследованиям, наличие научно-исследовательской базы, а также доступная связь с обществом, например, через содержание библиотеки или научного архива. Ассоциация также учредила несколько денежных грантов, открывающих возможности для начинающих исследователей. Так, один из таких грантов направлен на поддержку ученых из стран, чей ВВП на душу населения менее 30 000 долларов США. Другим грантом является именная награда Роба Кроза, который был президентом Европейской ассоциации с 1976 по 1988 год и внес большой вклад в становление ассоциации. На сегодняшний день эта награда является одним из престижных грантов для ученых [EAAS Networks].

ЕААИ определяет понятие «американистика» в широком смысле. Публикация должна быть в области литературных, культурных, политических или исторических и междисциплинарных исследований. Акцент на других дисциплинах в контексте американских исследований также может присутствовать в работе. Исследование должно быть связано с явлениями или событиями, которые сосредоточены в том регионе, который сейчас представляют Соединенные Штаты Америки [European Association for American Studies].

Каждый год помимо региональных конференций проходят национальные, которые посвящены актуальным проблемам американского общества. Например, в 2018 году Австрийская ассоциация американских исследований (Austrian Association for American Studies) проводила конференцию, на которой обсуждались проблемы феминизма и положение женщины в обществах [Austrian Association for American Studies]. В конферен-

ции принимали участие не только выдающиеся ученые, но и студенты. Для европейских студентов и аспирантов существует много возможностей для реализации своих исследований. Например, в Австрии действует Ассоциация молодых американистов на основе австрийских университетов, которая направлена на обсуждение текущих проектов и обмен идеями. Помимо обмена опытом студенты могут обратиться к большому архиву ассоциации для проведения своих исследований. Этот архив был открыт в 2006 году с целью профессионального хранения, сбора, организации и предоставления записей, документов и памятных вещей Европейской ассоциации американских исследований. Инициатива принадлежала бывшему президенту ассоциации Гансу Бангерту, который первым начал архивировать опубликованные работы. В настоящее время в архиве хранятся исследования таких европейских американистов, как Гарри Аллен, Морис Гонно, Серхио Перос, Ганс Бангерт, Хайнц Икштадт, Орма Оверланд и Крис Бигсби, которые внесли неоценимый вклад в историю исследований Североамериканского континента [EAAS networks].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что американские исследования в европейских странах на сегодняшний день становятся все более востребованными, несмотря на то что началом американистики принято считать вторую половину XX века. Многие европейские центры по изучению Северной Америки положили в основу трансдисциплинарный подход. Основной целью исследований является улучшение понимания американской культуры через политические, социальные и экономические аспекты. Также необходимость изучения и анализа процессов, происходящих в США, продиктована стремлением европейских государств стабилизировать американо-европейские отношения, так как страны объединены общей историей и политическими взглядами.

Литература

Иванян Э. А. Американистика // Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001. С. 37–38.

Карачёва Н. С., Кузнецова О. В. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (26 апреля 2018 г., Иркутск). Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35021776> (дата обращения: 16.11.19).

Кузнецова О. В., Карачёва Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 297–304.

Austrian Association for American Studies. URL: <https://eaas.eu/about-eaas/constituent-members/16-austrian-association-for-american-studies> (дата обращения: 18.11.19).

British Association for American Studies. URL: <https://eaas.eu/about-eaas/constituent-members/55-british-association-for-american-studies> (дата обращения: 18.11.19).

EAAS networks. URL: <https://eaas.eu/eaas-networks/american-studies-network> (дата обращения: 18.11.19).

European Association for American Studies. URL: <https://eaas.eu/about-eaas> (дата обращения: 18.11.19).

Fluck W., Claviez T. Theories of American culture, theories of American studies. Tübingen: Narr, 2003. — 297 p.

French Association for American Studies. URL: <https://eaas.eu/about-eaas/constituent-members/51-afea-french-association-for-american-studies> (дата обращения: 18.11.19).

Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the international history of the 1940s. Oxford: Oxford University Press, 2006. — 376 p.

Е. В. Лесниковская
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

По мере развития региональной науки менялось представление о регионе и, соответственно, парадигмы и концепции регионального развития. На ранних этапах развития региональных исследований преобладали концепции территории как определяющего фактора в жизни человека и сообщества (детерминизм), а также как предлагающего возможности для реализации человеческого потенциала (поссибилизм). В первой половине XX века получают развитие теории размещения производства, исследуются такие атрибуты территории, значимые для реализации экономического потенциала, как удаленность, транспортная доступность, затраты на производство, доступность рабочей силы. К 1970-м годам формируется новая парадигма регионального развития, концептуальной основой которого выступают теория инновационной среды (*milieu innovateur theory*), теория обучающегося региона (*learning region theory*) и теория переливов тех-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии».

нологий (*technological spillovers theory*), а на первое место выходят такие трудно осязаемые параметры, как коллективное обучение, кластеры, сети взаимодействий, инновационная среда [Bachtler, 2001]. Регион, территория начинают восприниматься как совокупность материальных и нематериальных атрибутов, способных обеспечить развитие инновационной среды, среды с высоким уровнем социального доверия, с развитыми социальными связями. В русле этой парадигмы в начале 2000-х годов развивается теория «территориального капитала».

Понятие территориального капитала было впервые применено Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2001 году. ОЭСР не приводит прямого определения территориального капитала, однако отмечается следующее (далее авторский перевод): «Каждый регион имеет специфический “территориальный капитал”, отличный от капитала других регионов, который дает более высокий возврат на определенные виды инвестиций и более низкий на другие виды, так как первый тип инвестиций лучше подходит для этого региона и эффективнее использует его активы и потенциал» [цит. по: Capello, 2009]. Согласно документу, развитие именно территориального капитала должно стать целью политики управления территориями. Обозначенная идея не осталась незамеченной исследователями. Значительный вклад в разработку концепции территориального капитала внес Р. Каманьи (R. Camagni). Согласно разработанной им структуре территориального капитала, его элементы можно условно расположить по двум осям: конкуренция и «степень материальности». По материальности ресурсы территориального капитала подразделяются на осязаемые (материальные, легко измеримые), неосязаемые (нематериальные, трудно измеримые) и смешанные. По конкуренции — ресурсы с низкой конкуренцией (обществен-

ные блага), высококонкурентные (частная собственность) и смешанные. Основу же этой структуры составляют коллективные блага (ландшафты, культурный капитал); сервисы, обеспечивающие внешние связи компаний, трансфер результатов НИР, исследовательских проектов университета; сети взаимодействий: стратегические партнерства в области НИР, сервиса, управление земельными и культурными ресурсами, организации, содействующие трансферу результатов НИР; реляционный капитал (*relational capital*): доверие, способность к сотрудничеству и коллективным действиям; коллективные компетенции. В структуру территориального капитала по Р. Каманьи включены разные виды капитала: человеческий, социальный, реляционный, границы которых проницаемы и пересекаются. Видно, что характер предложенной структуры — многоаспектный, многофакторный. Все эти элементы, осязаемые или нет, рассматриваются Р. Каманьи как управляемые активы. На наш взгляд, данная структура четко отражает общую направленность теории Р. Каманьи, а именно, идеи о сознательном конструировании ресурсов и потенциала территории. Исследователь утверждает, что все конкурентные преимущества региона — сознательно конструируемые [Camagni, 2002]. Похожую идею находим и у Р. Бachtлера: «...регионы-лидеры отличаются тем, что обладают способностью реструктурировать и обновлять производственные структуры для продвижения инновационных комплексов и создавать новые кластеры вокруг своего конкурентного преимущества» [Bachtler, 2001]. В этой идее, на наш взгляд, отчетливо заметен отход от традиций детерминизма и пошибилизма: акцент делается не на природно обусловленных ограничениях и возможностях, а искусственно созданных за счет эндогенного потенциала региона, креативности, инноваций, знаний, коллективного действия.

Несмотря на высокий интерес к концепции территориального капитала, в России на данный момент она не получила достаточного освещения. Территориальный капитал привлек внимание нескольких российских исследователей (Н. Г. Федотова, П. А. Аношкин, Д. П. Фролов и др.). Так, Н. Г. Федотова исследует символический капитал места, во многом пересекающийся, как она сама подчеркивает, с территориальным капиталом. Утверждается, что «теория символического капитала может быть научно обоснована локальным (территориальным, местным) срезом и рассмотрена как важнейший социокультурный механизм преобразования территорий» [Федотова, 2018, с. 152]. На наш взгляд, указанный ракурс представляет перспективное направление исследования. П. А. Аношкин касается вопроса территориального капитала в контексте пространственного развития городов, справедливо полагая, что территориальный капитал выступает важным инструментом оценки эффективного развития современных агломераций [Аношкин, 2012, с. 10–11]. Е. Л. Аношкина и Ю. В. Карпович рассматривают один из компонентов территориального капитала — человеческий капитал (в территориальном разрезе, в отношении к агломерациям) [Аношкина, Карпович, 2012, с. 14]. Д. П. Фролов и И. А. Соловьева предлагают авторскую трактовку компонентной структуры территориального капитала. Так, он видится как состоящий из базовых и сложносоставных (композиционных) элементов: к базовым относятся различные виды ресурсов (природные, технологические, финансовые и т. д.), а композиционные представляют собой своего рода надстройку над базовыми, сложившуюся в результате их взаимодействия. К композиционным элементам авторы относят доверие, креативность, имидж и бренд территории и т. д. [Фролов, Соловьева, 2016, с. 35–38]. Таким образом, видим, что, несмотря на новизну и пока небольшое число разработок по теме территориального капитала, уже прослеживается определенная вос-

требованность концепции отечественными исследователями.

В связи с этим считаем целесообразной постановку ряда вопросов по применению концепции территориального капитала в современных региональных исследованиях. В имеющихся на сегодняшний день исследованиях довольно подробно рассмотрена структура территориального капитала, а также связь качества его когнитивных элементов с уровнем регионального роста. При этом для дальнейшей теоретической разработки концепции территориального капитала, а также ее практического применения в стратегиях регионального развития необходимо, на наш взгляд, учесть следующие аспекты:

1. рассмотрение территориального капитала в контексте высокорисковых процессов внешнего мира. Одна из важнейших тенденций современного общества — наличие неопределенности — связана с территориальным капиталом в том смысле, что социальное доверие, образующееся на основе территориальной близости и вследствие установленных тесных контактов, помогает нивелировать высокие риски и высокий уровень неопределенности современного мира. Однако в круг внимания должны быть включены физические и нефизические объекты риска, присутствующие на данной территории. К физическим отнесем, например, наличие на территории промышленных объектов, которые могут стать причиной техногенных катастроф. Так, радиационная катастрофа в одночасье разрушает и делает невозможными для использования многие активы региона. К нефизическим объектам риска можно отнести социальную напряженность, политическую неопределенность. На наш взгляд, необходимо включать такие риски в схемы комплексной оценки территориального капитала.

2. Влияние глобализационно-регионализационных процессов на реализацию территориального капитала. Такое влияние многомерно и многоаспектно. В качестве примера, с

дихотомией локальное / глобальное (универсальное) тесно связана характеристика инновационных процессов, играющих важную роль в накоплении территориального капитала. Как известно, отличие инноваций от креативности в том, что инновации универсальны и могут быть применены повсеместно, а креативность тесно связана с локальным контекстом. Таким образом, возникает вопрос о том, могут ли технологические улучшения, разработанные в процессе реализации территориального капитала одного региона, быть перенесены на другие регионы.

3. Возможные негативные аспекты территориальной близости. Основой территориального капитала является территориальная близость (*proximity*). В концепции территориального капитала близость выступает преимуществом — действительно, она несет множество положительных аспектов: от логистического удобства до общности социальных норм и ценностей. Однако, полагаем, что территориальная близость должна быть рассмотрена всесторонне, включая и возможные негативные аспекты: общеизвестно, что территориальная близость несет в себе угрозы конкуренции, борьбы за ресурсы (особенно при нехватке таковых), конфликт интересов. Образующиеся тесные социальные контакты и связи, обмен информацией помимо положительных результатов может нести в себе угрозы неконтролируемой утечки информации, правовые вопросы интеллектуальной собственности, риски монополизации и непрозрачности.

4. Вопросы соотношения полномочий государства и региональных властей. Многие из аспектов территориального капитала находятся под федеральным законодательством и управлением, часть — под местным, в других полномочия пересекаются. Более того, такие важнейшие элементы, как социальное доверие, ценности, убеждения, коды поведения относятся, в первую очередь, к национальному менталитету.

Требуется выявить роль и место национального государства в контексте накопления территориального капитала, когда сам регион зачастую воспринимается как квазигосударство.

Эти и другие вопросы, ожидающие освещения в научной литературе, заставляют задуматься о выборе эффективного подхода к рассмотрению концепции территориального капитала. Очевидно, что данная концепция находится на стыке многих дисциплин (экономики, социологии, урбанистики, культурологии и др.). В связи с этим нам видится целесообразным ее рассмотрение с трансдисциплинарной точки зрения. С другой стороны, использование концепции территориального капитала может стать эффективным теоретическим инструментом в контексте развития трансдисциплинарной регионологии. Трансдисциплинарная регионология определяется как «наука, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое и языковое своеобразие регионов, выявляющая закономерности неравномерного регионального развития в мировом сообществе и опирающаяся на теоретико-методологическую базу изучения процессов регионального развития в регионах — объектах исследования» [Макеева, 2018, с. 10]. Концепция территориального капитала, расширенная до контекста глобализационных и регионализационных процессов, дополненная методикой учета рисков и негативных аспектов территориальной близости и анализом взаимоотношений государство — субрегион, способна занять значимое место в трансдисциплинарной регионологии, а также теории и методологии региональных исследований и практике регионального управления в целом.

Литература

Аношкин П. А. Пространственная организация крупного города и экономическое развитие // Конкурентоспособность компаний

и территорий: кластерные технологии: сборник статей. Пермь, 2012. С. 7–18.

Аношкина Е. Л., Карнович Ю. В. Человеческий капитал как компонент территориального капитала // Региональные исследования. 2012. №1 (35). С. 12–18.

Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. II. Кн. 2. СПб., 2018. С. 6–14.

Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155.

Фролов Д. П., Соловьева И. А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10. С. 28–45.

Bachtler J., Yuill D. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? URL: http://www.eprc.strath.ac.uk/eprc/documents/PDF_files/R46PoliciesandStrategiesforRegionalDevelopment.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

Camagni R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? URL: http://www.yorku.ca/ishd/LED/CD.SP/Links%20BQ/B5_Territorial%20competitiveness_camagni.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

Capello R., Caragliu A., Nijkamp P. Territorial capital and regional growth: increasing returns in cognitive knowledge use. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1443830 (дата обращения: 08.11.2019).

М. Л. Рыбалко

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЭТНИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

In order to explain ethnic representation patterns, it is necessary to review some important scholars' approaches to ethnicity and ethnic mobilization. Population migrations and changes in ethnic compositions of many countries in the contemporary world have moved many scholars to examine the role of ethnicity in political events [Snyder, 2000; Reilly, 2001; Wilkinson, 2004; Olzak, 2006; Birnir, 2007; Moser, 2013].

The definition of ethnicity reflects the approaches of two camps of researchers, characterized as primordialists and constructivists. The former implies identity which has always existed since ancient times [Shils, 1957; Rabushka, Shepsle, 1972; Old societies and new states, 1967]. Primordialist scholars believe that ethnicity is fixed and cannot be changed. Based on their language and physical differences, people possess the information of the group they belong to. Individual's ethnicity is given; there is not any actor which is able to change this perception / identity. The perceptions about ethnicity are permanent; the individual's self-view about ethnicity coincides with the views of outsiders.

Primordialist view of ethnicity relies on common traits which can be shared with the members of the same group. Based on Olzak [Olzak, 2006, p. 39], ethnicity includes «a common set of traits that generate different levels of affiliation, solidarity, and

identification among individuals and groups». Ethnic identity can be viewed as a social boundary dividing the population into different groups [Olzak, 1992]. Their shared gestalt «defines the available political alternatives» [Rabushka, Shepsle, 1972, p. 66]. The definition extends to «ethnic and racial sentiments as an extension of kinship sentiments» [Van den Berghe, 1987, p. 18]. Van den Berghe states that «ethnicity can be manipulated but not manufactured» [Van den Berghe, 1987, p. 27].

A different view is given by constructivists who emphasize the changing character of ethnicity [Horowitz, 1985; Laitin, 1998; Wilkinson, 2004; Chandra, 2004; Posner, 2005; Van Cott, 2005; Birnir, 2007]. The main focus is that ethnic identity is a construct. Ethnic boundaries and identities tend to change depending on culture and time periods [Horowitz, 1985]. The constructed identity is mainly the product of some agent (state, political party, elite) which «activates» these features. Identity is formed in the results of negotiations with neighbors shaped by a certain historical environment [Ethnic groups and boundaries, 1969]. Birnir supports the constructivist view of ethnicity [Birnir, 2007, p. 3]. However, she stresses that ethnicity provides some «characteristic that are either impossible to change, such as color of skin, or very difficult to change, such as primary language» [Birnir, 2007, p. 4].

A more historical and linguistic perception of ethnicity is emphasized by Reilly [Reilly, 2001] who relies on the definition of ethnicity as an ethnic group as a collection of people within a larger society which has real or putative common ancestry, memories and a common cultural focus such as language, religion, kinship or physical appearance.

In the discussions about approaches to ethnicity, the instrumentalist view explains ethnicity as «a tool used by individuals, groups, or elites to obtain some larger, typically material end» [The international spread, 1998, p. 5]. The main difference

from the constructivist approach is an individual's ability to select an ethnicity; the constructivists generally emphasize the role of a state in the ethnic identity formation: «ethnicity is neither immutable nor completely open» [The international spread, 1998, p. 5]. Posner also stresses the instrumental role of ethnicity stressing its subconscious impact on the way of thinking [Posner, 2005, p. 11]. In addition, Posner views the constructivist role of ethnic identification as an economic model employing «conscious» selection of identities with more benefits and maximization of «payoffs» [Posner, 2005, p. 11].

People benefit from using and changing ethnic identities. Multiple examples of the constructivist view of ethnicity can be found in the Soviet Union, where an even larger role of a state creating and promoting ethnic minorities exists than in the western countries. At the same time there was a strong incentive for some Soviet citizens to change ethnic identities and social classes to maximize their educational and employment opportunities [Fitzpatrick, 1999]. Achieving the status of proletariat opened new horizons and opportunities for a social mobility. The lucrative positions of power in the ethnically-based regions were provided by the state to specific members of the ethnic elites. However, most of individuals were limited in their option to choose a different ethnic identity: at the age of 18, children could choose only an ethnic identity of one of the parents [Laitin, 1998]. The children of mixed marriages between the Russians and titular groups had the right to determine their ethnicity at the time they came of age [Laitin, 1998].

In this connection, Posner also asserts that «individuals are able to change their identities strategically in response to situational incentives» [Posner, 2005, p. 14]. Such choices are limited, but an individual can stress religious, regional, linguistic components [Posner, 2005]. The choice is often limited and controlled by the state. The ethnic identity choice gave an

individual not only tangible goods: jobs and university places but also the non-material attributes of, as Posner explains, «prestige, social acceptance, or protection against shunning» [Posner, 2005, p. 11]. Posner describes the organization of ethnic groups based on «usefulness of the political coalitions» for their members and not on the «depth of attachment». «Ethnicity becomes an admission card for membership to a coalition of a particular size and a source of information» [Posner, 2005, p. 12].

Литература

Birrir J. K. Ethnicity and electoral politics. NY: Cambridge University Press, 2007. — 296 p.

Chandra K. Why ethnic parties succeed: patronage and ethnic head counts in India. NY: Cambridge University Press, 2004. — 368 p.

Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference / ed. F. Barth. Boston: Little, Brown and Company, 1969. — 153 p.

Fitzpatrick S. Everyday stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. — 312 p.

Gorenburg D. Soviet nationalities policy and assimilation // Rebounding Identities: The Politics of Identity in Russia and Ukraine / ed. B. Ruble, N. Popson, D. Arel. Washington, DC: Cambridge University Press, 2006. P. 273–303.

Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. — 392 p.

Horowitz D. Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. — 711 p.

Laitin D. D. Identity in formation: the Russian-speaking populations in the new abroad. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998. — 432 p.

Martin T. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. — 528 p.

Moser R. G. Electoral systems and the representation of ethnic minorities: evidence from Russia // *Comparative Politics*. 2008. Vol. 40. № 3. P. 273–292.

Moser R. G. Ethnic federalism, electoral systems, and the representation of ethnic minorities. Evidence from Russia / ed. by O. Protsyk and B. Harzl // *Managing ethnic diversity in Russia*. NY: Taylor and Francis, 2013. P. 215–237.

Old societies and new states: the quest for modernity in Asia and Africa / ed. C. Geertz. NY: Free Press, 1967. — 310 p.

Olzak S. The global dynamics of racial and ethnic mobilization. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006. — 288 p.

Olzak S. The dynamics of ethnic competition and conflict. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. — 288 p.

Posner D. N. Institutions and ethnic politics in Africa. L. A.: Cambridge University Press, 2005. — 360 p.

Rabushka A., Shepsle K. A. Politics in plural societies. A theory of democratic instability. Columbus, Ohio: Charles E. Merrill Publishing Company, 1972. — 272 p.

Reilly B. Democracy in divided societies: electoral engineering for conflict management. NY: Cambridge University Press, 2001. — 217 p.

Shils E. Primordial, personal, sacred and civil ties // *British Journal of Sociology*. 1957. Vol. 7. P. 113–145.

Snyder J. From voting to violence. Democratization and nationalist conflict. NY: W. W. Norton & Company, 2000. — 320 p.

The international spread of ethnic conflict: fear, diffusion, and escalation / ed. D. Lake and D. Rothchild. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. — 392 p.

Van Cott D. L. From movements to parties in Latin America: the evolution of ethnic politics. NY: Cambridge University Press, 2005. — 302 p.

Van den Berghe P. The ethnic phenomenon. NY: Praeger, 1987. — 318 p.

Wilkinson S. I. Votes and violence. Electoral competition and ethnic riots in India. NY: Cambridge University Press, 2004. — 312 p.

Н. Ю. Хлызова

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

XXI век считается эпохой информации. Информационные потоки внедрились во все сферы человеческой деятельности, предоставляя огромные возможности личности. Они повышают производительность труда, увеличивают эффективность управления, открывают доступ к новым знаниям, умениям, предоставляют опосредованное общение и межкультурную коммуникацию, способствуют глобализации и открывают ряд других положительных возможностей. Но одновременно информационные потоки, циркулирующие в окружающем нас мире, имеют негативные свойства. Отмечается переизбыток данных. Человеку трудно отбирать сведения. Информация может быть неполной и демонстрировать искаженную картину событий. Более того, в современном обществе мы все чаще встречаемся с противоречивой информацией, когда новость представляется по-разному в разных источниках медиа, часто ангажированных.

Последние предвыборные кампании во многих странах АТР запомнились скандалами на основе лживой информации, так называемых fake news. Например, президентские выборы США в 2016 году. Кандидат в президенты США от демократической партии Хиллари Клинтон была втянута в скандал «Пизцагейт», в соответствии с которым она создала

организацию педофилов в одной из пиццерий в Вашингтоне. Позже автор теории заговора Алекс Джоунс признался в подлоге, но фейковая новость получила широкое распространение в социальных сетях. Миллионы американцев следили за развитием событий, и не все из них осознали фальшивость истории. Данная новость отразилась на мнении избирателей и, возможно, на итогах выборов.

Информационные потоки имеют тенденцию к увеличению. Попытки ученых оградить личность от информации и ее негативных явлений не были успешными. Альтернативным способом защиты человека от информационного потока является формирование критического мышления. С целью успешного функционирования в информационном обществе, эффективного оперирования данными из различных источников личность должна уметь ориентироваться в информационном потоке, уметь искать, отбирать информацию, оценивать ее и создавать собственное суждение на основе критического мышления — умения осмысливать и оценивать получаемую информацию, основываясь на собственных суждениях.

В соответствии с гипотезой нашего исследования анализ экономических, политических, исторических, социальных, культурных процессов в странах АТР способствует формированию и развитию критического мышления личности.

Цель исследования заключается в рассмотрении потенциала регионального анализа в развитии критического мышления личности на теоретическом уровне. Данная статья посвящена проверке выдвинутой гипотезы.

Изучение работ по проблемам регионоведения свидетельствует о том, что в основе регионоведения лежит аналитическая деятельность. С. Б. Макеева, исследуя регионоведение как отрасль знаний, отмечает, что «комплексность и системность знаний в рамках данного направления позволяет

анализировать региональные проблемы с разных сторон и получать более достоверную информацию, апробированную с учетом использования методов различных наук» [Макеева, 2017, с. 19].

Н. С. Карачёва и О. В. Кузнецова пишут о необходимости «посредством анализа регионоведческих исследований англоязычных научных школ создать комплексное представление об актуальном научном направлении, очертив его методологические и теоретические границы» [Карачёва, 2018, с. 21].

Е. В. Кремнёв и Е. В. Лесниковская, изучая междисциплинарный характер регионоведения, пришли к выводу, что «при осуществлении комплексного регионального анализа будут учитываться все факторы и переменные, влияющие на развитие региона, но нередко упускаемые, когда исследование такого проходит с применением методологии и инструментария отдельной науки» [Кремнёв, 2019, с. 67].

Приведенные выше работы позволяют выделить основные характеристики регионального анализа: комплексность, системность, междисциплинарность. Проведем их корреляцию с ключевыми аспектами критического мышления, разработанными Д. Клустером: «1. Критическое мышление является независимым мышлением. Свобода мыслить самостоятельно является основой для формирования собственного мнения и отношения. 2. Информация является отправной точкой критического мышления, а не конечной точкой. Запоминание или обучение на основе памяти более не является достаточным или достижимым с учетом количества доступных данных. 3. Критическое мышление начинается с постановки вопросов. Для ориентирования в сложной реальности члены общества должны реагировать на проблемы и готовность искать решения. 4. Критическое мышление ищет аргументы. Основные принципы аргументации основаны на фактах и доказательствах. 5. Критическое мышле-

ние — это социальное мышление. Основными признаками функционального общества являются способность к диалогу, обсуждению, командной работе» [Кластер, 2005, с. 7]. На основе вышеописанных аспектов критического мышления можно выделить его основные компоненты: 1. независимость и самостоятельность; 2. поиск и анализ; 3. оценка; 4. аргументация; 5. социальность. Общность целей и интегративная природа позволяет внедрить критическое мышление как обязательный элемент регионального анализа и использовать региональный анализ в качестве средства развития критического мышления личности.

Изучая медийные стереотипы времен «холодной войны» и идеологической конфронтации, А. В. Федоров заметил, что «трактовка медиатекстов изменчива и часто подвержена колебаниям курсов политических режимов» [Федоров, 2016, с. 4]. Можно с уверенностью заключить, что изучение региона предполагает взаимодействие с информацией в условиях разных политических режимов, информационных войн, ангажированности медиа и многих других факторов. Поэтому поиск, отбор, оценку региональных данных очень важно осуществлять через критический анализ материала на основе критического мышления.

Критическое мышление рассматривается как значимый компонент медиаграмотности личности и определяется как «особый вид умственной деятельности, позволяющий человеку вынести здравое суждение о предложенной ему точке зрения или модели поведения» [Johnson, 1985, с. 1]; как «совокупность трех типов мышления: рассуждение, составление собственных суждений и решение проблемных ситуаций» [Willingham, 2007, с.11]; как «сложный рефлексивный процесс мышления, который включает ассоциативное восприятие, синтез, анализ и оценку механизмов функционирования медиа в социуме и поступающих к человеку через средства мас-

совой коммуникации медиатекстов (информации / сообщений)» [Федоров, 2007, с. 42].

В современных информационных условиях количественный подход к региональному анализу сменяется качественным, который предполагает эффективную систематизацию информации, ее оценивание и выявление релевантных материалов из неактуальных, установливание приоритетов, поиск альтернативных интерпретаций, практического применения, а также составление собственных умозаключений. Учитывая специфику регионоведения, его междисциплинарный характер, для выполнения регионального анализа необходимо не только интегративное, но и критическое мышление. Для этого регионоведы должны уметь выражать свое отношение, формулировать собственное мнение, предлагать решения спорных ситуаций. Для достижения успеха как необходимое условие нужны хорошая аргументация и критическое мышление.

В соответствии с целью нашей статьи и для проверки выдвинутой гипотезы была изучена таксономия образовательных целей Б. Блума [Bloom, 1956, с. 207]. Эта теория посвящена процессу познания через оценку целей. Б. Блум и С. Бенджамин выделили по уровням сложности последовательность из шести отдельных стадий процесса познания: 1. знание, 2. понимание, 3. применение, 4. анализ, 5. синтез, 6. оценка.

Позже таксономия была дополнена Л. Андерсоном и Д. Кратволем, которые выделили две основные области процесса познания, чтобы определить когнитивную, аффективную и сенсорную природу процесса: 1. область нижнего порядка, предполагающую знания фактов, понятий и процедур и т. д.; 2. область верхнего порядка, в которой происходят сравнение, оценка и применение [Anderson, 2001, с. 287].

В контексте таксономии Б. Блума критическое мышление может быть определено как когнитивное измерение верхнего

порядка, которое требует способности анализировать, синтезировать, оценивать и применять.

Изучение региона на уровне запоминания фактов как механическое сохранение знаний без дальнейшего применения является фрагментом познавательных функций и соотносится с областью нижнего порядка таксономии Б. Блума. Любые знания, полученные в результате запоминания, Л. Андерсон и Д. Кратволь определяют областью низкого порядка [Anderson, 2001, с. 287]. В прединформационный век в основе обучения лежал знаниевый подход, акцент делался на запоминание, на энциклопедические данные, на готовые знания. В условиях неограниченного доступа к информации такой подход становится иррациональным, информация часто неактуальной. Еще одним когнитивным процессом, который не квалифицируется как критическое мышление, является понимание. Понимание содержания рассматривается предварительным условием для оперирования материалом, однако с точки зрения процессов познания оно по-прежнему представляет собой форму пассивного приема существующих рамок, процедур, идей или концепций, а не их активного использования. В рамках таксономии понимание классифицируется в область низкого порядка измерения навыков мышления, поскольку оно не активирует когнитивные процессы верхнего порядка. Последний когнитивный процесс, не коррелирующий с принципами критического мышления, — интуитивное или творческое мышление [Sieglová, 2017]. Этот тип когнитивного процесса основан на спонтанных или сиюминутных реакциях, а не на критических отражениях в конкретной теме и типичен для искусства, спорта.

Региональный анализ с элементами критического мышления относительно таксономии Б. Блума определяется как когнитивное действие верхнего порядка, которое требует способности анализировать, синтезировать, оце-

нивать и применять знание на основе собственных выводов и умозаключений.

В ходе исследования, посвященного изучению потенциала регионального анализа в развитии критического мышления личности на теоретическом уровне, получены результаты, которые позволяют заключить следующее. Исследование критического мышления через призму регионального анализа свидетельствует о том, что критическое мышление становится ключевой компетенцией для современного информационного общества в целом и для изучения региона в частности. В контексте информационного бума способность ориентироваться в информации, формировать собственное мнение, а также отстаивать его является необходимым условием для решения комплексных региональных проблем и основой для социального прогресса.

Осуществление регионального анализа способствует развитию критического мышления личности, поскольку он направлен на:

- выявление связей между фактами, событиями, идеями;
- определение важности и актуальности аргументов;
- распознавание и оценивание доказательной базы;
- выявление несоответствий и ошибок в рассуждениях;
- последовательное и систематическое решение проблем;
- размышление об обосновании предположений, верований и ценностей.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую ранее гипотезу и наглядно свидетельствуют, что региональный анализ имеет большой потенциал в развитии критического мышления личности. Эффективное внедрение критического мышления в практику регионального анализа видится перспективным направлением для регионоведения.

Итоги теоретического исследования требуют практической реализации, которая станет целью следующего этапа проводимого исследования.

Литература

Карачёва Н. С., Кузнецова О. В. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 19–22.

Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Критическое мышление и новые виды грамотности. М.: ЦГЛ, 2005. С. 5–13.

Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 65–75.

Макеева С. Б., Кремнёв Е. В. Развитие магистратуры регионоведческого направления в России в условиях расширяющегося межрегионального российско-китайского сотрудничества (на примере магистратуры «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран АТР») // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 1. С. 19–24.

Федоров А. В. Развитие критического мышления в медиаобразовании: основные понятия // Инновации в образовании. 2007. № 4. С. 30–47.

Федоров А. В. Трансформации образа западного мира на советском и российском экранах: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2016). М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2016. — 216 с.

Anderson L. W., Krathwohl D. R. A taxonomy for learning, teaching and assessing: a revision of Bloom's taxonomy of educational objectives / L. W. Anderson, D. R. Krathwohl (eds.); with P. W. Airasian et al. New York: David McKay Company, 2001. — 287 p.

Bloom B. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. Handbook I. The Cognitive Domain. New York: David McKay Company, 1956. — 207 p.

Johnson R. H. Some observations about teaching critical thinking // CT News. Critical Thinking Project. Sacramento: California State University, 1985. Vol. 4. № 1. P. 150–156.

Sieglová D. Critical thinking for language learning and teaching: methods for the 21st century // Conference: Cross-Cultural Business Conference 2017, At University of Applied Sciences Upper Austria, School of Management, Campus Steyr. URL: https://www.researchgate.net/publication/315697174_Critical_Thinking_for_Language_Learning_and_Teaching_Methods_for_the_21st_Century (дата обращения: 07.11.19).

Willingham D. T. Critical thinking: why is it so hard to teach? // American educator. Summer 2007. Washington: Hared Publications, 2007. P. 21–29.

**История, культура, философия, политология,
социология, этнология, право стран АТР**

О. А. Балабейкина, Ю. А. Кузнецова
(Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РЕГИОНОВЕДЕНИИ

Изучению различных вопросов, связанных с историей распространения тех или иных религий, институциональным оформлением религиозных организаций, а также с другими аспектами проявления функционирования конфессионального зарубежного пространства в последние годы отечественные исследователи стали уделять существенное внимание. Актуализации научных работ российских ученых, посвященных обозначенной тематике на современном этапе, способствует целый ряд факторов. Во-первых, это снятие идеологических запретов советского периода, делавших подобного рода труды лишенными объективности и разнообразия методологических и содержательных подходов. К тому же, если говорить о религиозном пространстве зарубежных стран, то данные, позволяющие охарактеризовать процессы и явления, свойственные ему на современном этапе и в недалекой ретроспективе, стали доступны только в последние десятилетия.

Еще один фактор, делающий научный интерес к зарубежному конфессиональному регионоведению практико-

ориентированным, — это становление и формирование религиозного пространства России после десятилетий целенаправленного разрушения традиций и идеологии вероучений, свойственных народам, населяющим территорию России. В этом плане опыт других стран и регионов мог бы быть полезен и, возможно, после анализа соответствующих данных и изучения материалов, частично реализован на региональном или национальном уровне.

Кроме того, религиозная принадлежность населения выступает как неотъемлемая часть его культуры, определяя не только социальные, психологические, ментальные, но также экономические, политические особенности, уже поэтому заслуживая изучения. Осознавая это, российские исследователи неоднократно обращались к изучению влияния религий на обозначенные аспекты жизнедеятельности в разных странах и регионах мира. Здесь, правда, следует признать, что в региональных рамках отечественные ученые чаще отдают предпочтение зарубежной Европе [Балабейкина и др., 2018; Манаков, 2019]. Упомянутые работы могут содержать компоненты методологического аппарата, применяемого для изучения религиозного пространства Азиатско-Тихоокеанского региона.

Отдельные страны АТР неоднократно выступали в качестве предмета исследований [Горбунова, 2018; Кожевников, 2014; Петровский, Хатченков, 2017]. Анализируя содержание научных публикаций, отражающих историю и современный этап развития религиозного пространства государств, составляющих Азиатско-Тихоокеанского регион, можно отметить, что в основном тематика их носит довольно частный характер, а работы, отражающие пространственные тенденции распространения религиозных организаций или содержащие информацию о региональной дифференциации, обусловленной каким-либо религиозным фактором, встречаются

крайне редко как в отечественной, так и в зарубежной литературе. В качестве исключения можно привести пример исследования филиппинского автора [Cornelio, 2012], в рамках которого он обозначает существенные региональные различия в уровне жизни католического духовенства Филиппин и качественного состояния приходов Римско-Католической Церкви, прямо указывая на обусловленность экономического благосостояния их расположением в центральной или периферийной частях страны. Но такого рода научные труды — большая редкость, в то время как потребность в них ощущается.

В рамках данной работы ставится цель выявить основные тенденции и перспективы развития в таком направлении исследований, как изучение религиозного пространства стран Азиатско-Тихоокеанского региона, с учетом приоритетных на данный момент аспектов, методов и подходов, применяемых в обозначенной области знания.

Представляется, что с учетом процессов интеграции, глобализации, усиления межкультурных и международных экономических, политических связей большее внимание следует уделить вопросу правовых взаимоотношений государства и религии в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Дело в том, что юридический статус религиозных организаций и специфика законодательной базы, регулирующей их деятельность, может выступать как лимитирующий фактор в межконфессиональных или во внутриконфессиональных взаимоотношениях или, наоборот, способствовать развитию.

Так, например, в Китае отношения государства и религии на протяжении второй половины XX — начала XXI века не были равными и даже характеризуются в период 1950–1970-х годов гонениями на религию. Затем, с 1978 года, курс правительства КПК в этом отношении изменился в направлении реализации закона о свободе вероисповедания [Пече-

рица, Сюй Сяобо, 2016; Афонина, 2016]. Тем не менее, как в Китае, так и в КНДР, при декларированном и закрепленном в Конституции праве граждан на принадлежность к любой религиозной организации государство осуществляет жесткий многоуровневый контроль над проявлениями деятельности последних. И существенные трудности в российско-китайских отношениях выявляются, когда речь заходит о православии в Китае. Обращаясь к вопросу правового положения религий в Китае, Л. А. Афонина перечисляет следующие из них как легитимные: «Китайская даосская ассоциация, Китайская буддийская ассоциация, Китайская исламская ассоциация, Комитет китайского протестантского патриотического движения за “три самостоятельности”, Китайский христианский совет (Совет церквей Китая), Китайская католическая патриотическая ассоциация, Епископская конференция католической церкви Китая» [Афонина, 2016, с. 551]. Автономная Китайская Православная Церковь, формально находящаяся в каноническом подчинении Русской Православной Церкви (РПЦ) и управляемая непосредственно Московским Патриархом, в данный перечень не входит, а все существующие исторически епископские православные кафедры Китая называются «вдовствующими», т. к. назначить на них управляющих епископов не позволяет законодательство страны.

Кроме того, данный вопрос приобрел особую остроту и вызвал необходимость урегулирования со стороны отдела Международных связей РПЦ, возник вопрос об обучении в духовной семинарии и последующих дьяконской и священнической хиротоний гражданина Китая Юй Ши (свящ. Александр Юй). В итоге, в мае 2015 года в ходе переговоров на высоком уровне между представителями РПЦ МП и руководства Государственного управления по делам религий Китая была достигнута договоренность о рукоположении этниче-

ского китайца в сан священника. На момент написания данной работы (осень 2019 года) в Китае могут совершать православные богослужения уже два священника, кандидатуры которых были одобрены соответствующими органами управления по делам религий в Китае, но Православная Автономная Китайская Церковь перечень легитимных религиозных организаций на тот момент не пополнила. Данный вопрос требует дальнейшего урегулирования, что придает дополнительную актуализацию исследованиям в области религиозного пространства АТР.

Интересны правовые аспекты взаимоотношений между государством и религиями в других странах данного региона. Примечателен, например, тот факт, что на Филиппинах Римско-Католическая Церковь обладает правом легитимации венчанных браков. В любом случае, в условиях интенсификации межкультурных и, в частности, межрелигиозных связей данное направление в изучении религиозного пространства Азиатско-Тихоокеанского региона является одним из актуальных.

Новые грани в области исследований религиозного пространства стран АТР открывает обращение к вопросам, связанным с изучением экономической и социальной деятельности религиозных организаций. Данное направление в принципе только обозначило начало своего развития, и работы, касающиеся его, носят единичный характер, а конфессии Азиатско-Тихоокеанского региона практически никогда не выступали в качестве их предмета. Между тем, перспективы для исследований такого рода есть, по крайней мере, на национальном уровне. Так, например, Римско-Католическая Церковь (РКЦ) Филиппин в открытом доступе публикует на английском языке ежегодные отчеты, отражающие направления социальной работы католических структур в стране и финансовое состояние отдельных митрополий и епархий.

Также кажется перспективным расширение ареала предметных исследований, касающихся религий в АТР. Преимущественно специалисты избирают для них Китай и Японию, в то время как, например, институциональная организация, политическая и социальная роли РКЦ на Филиппинах, история ее распространения на территории страны тоже заслуживают отдельного изучения.

Актуальность исследований, предметом которых будет конфессиональное пространство Филиппин, обусловлена уже тем, что наряду с другим государством зарубежной Азии — Восточным Тимором, это государство, где по численности религиозных адептов и объектов культовой инфраструктуры резко преобладает католическое направление христианства. Кроме того, почти 100-миллионное население страны и высокая доля приверженцев католичества в его среде позволяют говорить о Филиппинах, как о третьей в мире стране в рейтинге по численности католиков после Бразилии и Мексики. Еще интереснее тот факт, что принадлежность к РКЦ филиппинцами не только декларируется, но и подтверждается их активным участием в церковных богослужениях, обрядах и таинствах. Последнее касается 37% лиц, назвавших себя верующими католиками [Cruz, 2013].

Еще одно направление исследований в области конфессионального регионоведения стран АТР может быть связано с подробным рассмотрением и анализом специфики территориально-административного деления и организационно-управленческой структурой религиозных организаций и институтов. Существующие на данный момент фундаментальные исследования содержат подробные и труднодоступные, грамотно систематизированные сведения о направлениях буддизма и даосизма, о католичестве и протестантизме, а также тенденциях их территориального распространения в КНР, числе и типах религиозных объе-

динений, органах управления. Не лишена по объективным причинам приблизительности, но максимально отражает реальное положение приводимая С. А. Горбуновой численность приверженцев основных религий и их направлений, но остается в стороне вопрос иерархического соподчинения первичных образований религий и конфессий и создаваемых ими структур [Горбунова, 2016]. Если применительно к буддизму и даосизму в данном случае может не быть предмета для исследования, то христианские конфессии должны образовывать институциональную сеть в силу особенностей вековых традиций. И специфику ее становления и оформления в странах АТР можно отразить на уровне отдельных исследований.

В работах С. А. Горбуновой обозначено еще одно интересное направление, которое может стать одним из основных в рамках изучения религиозного пространства АТР, — это национальные особенности мировых религий (буддизма, христианства, ислама), приобретаемые за счет воздействия ряда этнокультурных, ментальных, экономических, политических, климатических и т. д. характеристик, присущих населению, специфике законодательной базы, природе отдельных стран региона.

Объективность и обоснованность результатам исследований в области конфессионального пространства придает применение экономико-математического и статистического инструментария. Среди опубликованных на данный момент работ исследований, отражающих те или иные вопросы, связанные с проявлениями религиозной жизни в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не встречается. Между тем для отражения равномерности распределения объектов культовой инфраструктуры как на территории административно-территориальных единиц отдельных стран АТР, так и для характеристики этого показателя в странах региона можно

воспользоваться графико-статистическим способом, построив по соответствующим показателям кривую Лоренца.

Возвращаясь к упоминанию о методологической базе теоретических работ, посвященных конфессиональному пространству других регионов, к которой стоит прибегать при обращении к изучению религий в АТР, можно снова упомянуть работу А. Г. Манакова и В. С. Дементьева [Манаков, Дементьев, 2019], где приводится модель религиозного ландшафта и его структурирования на составные элементы — конфессиональные плиты. Подобного рода конфессиональных плит в АТР можно выделить сразу несколько — буддистскую, синтоистскую, конфуцианскую, христианскую, но этот вопрос требует проведения отдельного исследования.

Таким образом, можно говорить о том, что изучение религиозного пространства в рамках такого научного направления, как зарубежное регионоведение в целом и Азиатско-Тихоокеанского региона в частности, является актуальным и перспективным в современных условиях глобализации и интеграции общества. Предметная область этого направления постоянно расширяется, и наметились отдельные вопросы, которые требуют более детального изучения с применением новых подходов и научного инструментария. К таковым можно отнести экономическую, социальную деятельность религиозных организаций в регионе, специфику их институциональной структуры и т. д.

Литература

Афонина Л. А. Китайская модель регулирования религиозной деятельности // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 20-1. С. 542–553.

Балабейкина О. А., Тюрикова М. О., Нецвет В. Ю. Конфессиональная принадлежность населения Северной Европы как пример средства самоидентификации // Формирование современной евро-

пейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 30–35.

Горбунова С. А. Состояние религий в Китае // История Китая с древнейших времен до начала XXI в. / под ред. А. В. Виноградова. М.: Изд-во «Наука», 2016. С. 860–871.

Горбунова С. А. Специфика нормативно-правовой деятельности общегосударственных религиозных объединений КНР // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 48-2 (28). С. 621–630.

Жожевников В. В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2014. № 4 (86). С. 166–179.

Манаков А. Г., Дементьев В. С. Территориальная структура юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. № 1. С. 92–108.

Петровский Д. Ю., Хатченков Ю. А. Политика китайского руководства в религиозной сфере и отношения с Ватиканом // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 26–32.

Печерица В. Ф., Сюй Сяобо. Исламский фактор в культурной и социально-политической жизни КНР // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 63–72.

Cornelio J. S. Priesthood satisfaction and the challenges priests face: A case study of a rural diocese in the Philippines // Religions. 2012. № 3 (4). P. 1103–1119. URL: <https://doi.org/10.3390/rel3041103> (дата обращения: 26.10.2019).

Cruz O. Filipino Catholic population expanding, say Church officials. 2012. URL: <https://newsinfo.inquirer.net/463377/filipino-catholic-population-expanding-say-church-officials> (дата обращения: 26.10.2019).

Ю. Г. Благодер
(Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар, Россия)

МИР ПРИРОДЫ В КИТАЙСКОМ ИСКУССТВЕ: ИЗОБРАЖЕНИЯ ПТИЦ И ИХ СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ (КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ)

Интерес к природе, тесное соприкосновение с образами природы явились основой формирования системы культурных ценностей в Китае. Вследствие этого привычные и уникальные образцы мира природы заняли достойное место в сюжетных композициях изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Говоря о китайском искусстве, в частности, пейзажных композициях, изделиях из фарфора, расписных эмалях, лаковых произведениях, вещах, выполненных в технике перегородчатой эмали и пр., следует отметить разнообразные изображения таких обитателей мира природы, как птицы. Как свидетельствует китайская литература, созерцание их полетов и слушание щебета считались благородным занятием. «Тот, кто любит птиц, — отмечал поэт Чжэн Баньцяо, — посадит вокруг своего дома деревья, чтобы их ветви и густая листва служили хорошим прибежищем для пернатых. Тогда, просыпаясь ранним утром, мы еще в постели можем слышать сквозь дрему дивные птичьи трели, подобные музыке самого Неба» [Малявин, 2001, с. 343].

Российский дипломат И. Коростовец упоминал о трогательном отношении китайцев к птицам. На пекинских улицах

он неоднократно встречал торговцев, держащих в руках несколько жердочек, на которых сидели птички, привязанные за лапки. На этот товар всегда находились покупатели. Исследователь пишет: «Китайцы прогуливаются с любимыми птичками, сидящими на жердочке или в круглой деревянной клетке, покрываемой в холодные дни теплым ватным футляром» [Коростовец, 1896, с. 307], носят их с собой на работу, беседуют с ними.

Как писал Вэнь Чжэньхэн, птицы возвещают восход солнца и приход весны. По мнению путешественника П. Добеля, трогательное отношение китайцев, умеющих глубоко чувствовать природу, к певчим птицам может сравнить с нежностью матери к своим малышам. Образ уточек-мандаринок олицетворяет нежно любящих друг друга супругов, поэтому является особенно почитаемым у многих китайских поэтов и писателей.

В китайской символике можно встретить изображения фантастической птицы феникс, которые должны предрекать наступление эпохи благоденствия. Эта чудесная птица, почитавшаяся с древних времен, была эмблемой верности и добродетели.

Изображения птиц (дикого гуся, павлина, журавля и пр.) в период правления династии Мин появляются на буфанах гражданских чиновников как знаки различия. В Китае существовали ритуалы, связанные с почитанием петуха, который представлял символом солнца, глашатаем приближения божества дня, защитником дома от огня и демонов. На длинном шесте изображение красного петуха размещалось у дверей домов каждый Новый год [Васильев, 2001, с. 410].

На указанных выше примерах мы видим, что в Китае мир природы воспринимался в качестве не только среды обитания, но и духовной жизни. Жанр «цветы и птицы», рожденный мастерами китайского искусства, получил широкое

распространение не только в Срединной империи, но и за ее пределами. Полихромные композиции этого жанра можно увидеть в китайской пейзажной живописи, в росписи шелка, посуды, предметов быта и пр.

С течением времени в Европе, а затем и России, формируется мода коллекционировать предметы восточного искусства. Аристократов восхищали нежные образы и причудливые орнаменты. Европейцы, используя образы и художественные приемы китайского искусства, явили миру «шинуазри» — стилизованное направление в искусстве — одно из направлений стиля рококо.

В Российской империи произведения китайского искусства, как художественные, так и этнографические, уверенно завоевывали пространство в императорских дворцах [Благодер, 2011, с. 5–9] и особняках знати.

В современных российских музеях можно увидеть ценные экспонаты, пережившие трагические годы революций и войн. Так, Кунсткамера располагает большим количеством китайских изделий из резного камня, бронзы, лака, расписанной керамики, фарфора, дерева, слоновой кости [Благодер, 2009, с. 35–38]. В Большом дворце Петергофа в Восточном и Западном китайских кабинетах экспонируются фигурки петуха, фазанов, а также изображения птиц на фарфоровых и лаковых изделиях. В стеклярусном кабинете «Китайского дворца» Ораниенбаума посетителей восхищают расположенные на каминной полке бронзовые с золочением скульптуры изящных цапель.

Сегодня в собрании Государственного музея Востока есть много уникальных произведений китайского искусства, ранее находившихся в частных коллекциях, провинциальных музеях. Среди них следующие образцы перегородчатых эмалей: курильницы в форме утки (XV в.), куропаток (XVIII в.); скульптурные изображения птиц, в том числе куропаток, жу-

равля «сяньхэ» (XVIII — начало XIX в.); чаша с изображением двух летящих павлинов «кун» и четырех летящих фениксов «фэн» (XVI в.); коробка цилиндрическая со съёмной крышкой с изображением двух летящих фениксов «фэн» (XVI в.); панно в виде прямоугольной пластины с изображением красноголовых журавлей «хэ» (XVIII в.), верхние части створок ширмы с изображением птиц (начало XX в.); пять ваз «пин» с изображением журавлей и других птиц (начало XVIII — XIX в.); ваза в форме «тяньцю» с изображением птиц (XIX — начало XX в.) [Неглинская, 2006, с. 78, 80, 82, 93, 95–99, 104, 127–129].

Государственный Эрмитаж хранит уникальные произведения китайского декоративно-прикладного искусства с различной, в том числе и благожелательной символикой. Во-первых, это экспортные веера, росписи некоторых из этих образцов включают изображения птиц. Например, лаковый веер конца XVIII в., «манدارинский» веер середины XIX в. (санда, бумага, слоновая кость, шелк), веер Екатерины II середины XVIII в. (слоновая кость, резьба, золочение, кожа). Следует отметить изображения птиц на лаковом футляре для веера конца XIX в. [Китайские экспортные веера, 2004, с. 2–3, 12–14, 20–21, 29]. Во-вторых, расписные эмали XVIII в.: стенники овальные с двумя подсвечниками (№ 9, 10), чайница четырехгранная с крышкой в виде двуглавого орла (№ 11), бритвенный таз с изображением петухов (№ 12), портмоне с изображением петуха и курицы (на дне) и цапли (на крышке) (№ 19), блюдец для закусок в форме плода персика с изображением оленей и цапель (№ 61), блюдо круглое с изображением павлинов, бабочек и цветов (№ 86), блюдо глубокое (таз) с изображением феникса и птиц (№ 88), блюдо круглое и чайник четырехгранный с изображением цветов и птиц (№ 93, 125) [Арапова, 1988]. В-третьих, фарфоровые изделия XVIII в.: блюдо и миска с изображением двух фазанов и рас-

тений, судок с двумя кувшинчиками с изображением летящей птицей, умывальный прибор с изображением фениксов, бритвенные тазы с изображением павлина и целующихся голубей, миска с крышкой и поддоном с изображениями фениксов, бассейн (возможно, часть умывального прибора) с изображением уток и лебедей, чаша с изображением павлина на скале. В-четвертых, перегородчатые эмали: две (парные) вазы с изображением птиц. В-пятых, изделия китайских ювелиров: серебряный чайник с шаровидным приплюснутым туловом. В-шестых, шелковые ткани, в росписи которых присутствуют птицы [Китайское экспортное искусство, 2003, с. 26–30, 39, 48, 64, 90, 141, 170–172].

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Изучение произведений декоративно-прикладного искусства позволяет судить о степени распространения в работах китайских мастеров сюжетов, включающих изображение элементов природы, а именно существующих и мифических птиц. Выявление и систематизация хранящихся в российских музеях экспонатов с художественными изображениями птиц, имеющими символическое значение, позволяет расширить знания ученых о представлениях российской общественности о китайском искусстве, о том, какое влияние оно оказывало на формирование и трансформацию образа Китая в сознании россиян.

Литература

Арапова Т. Б. Китайские расписные эмали. Собрание государственного Эрмитажа. М., 1988. — 291 с.

Благодер Ю. Г. Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. № 3 (4). С. 35–38.

Благодер Ю. Г. Произведения китайского искусства в дворцовых резиденциях российских правителей XVIII века // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011. № 2 (40). С. 5–9.

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001. — 488 с.

Китайские экспортные веера. СПб., 2004. — 31 с.

Китайское экспортное искусство из собраний Эрмитажа. Конец XVI — XIX век. СПб., 2003. — 215 с.

Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896. — 625 с.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2001. — 632 с.

Неглинская М. А. Китайские перегордчатые эмали XV — первой трети XX в. Собрание Государственного музея Востока. М., 2006. — 165 с.

Н. А. Бунаева, Б. С. Сосорова
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

К ВОПРОСУ О ПОПУЛЯРНОСТИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Корея известна как одна из самых передовых стран в сфере пластической хирургии. В Южной Корее, по данным ISAPS (Международное общество эстетических и пластических хирургов), в 2011 году было проведено около 15 миллионов пластических хирургических процедур, таким образом, Корея стала страной с самым большим количеством граждан, которые воспользовались услугами пластической хирургии. В целом, каждый десятый кореец подвергнулся изменению в своей внешности [ISAPS international survey]. Однако не только корейцы пользуются данными услугами, в Корее развит медицинский туризм, доказательством которого может служить район Апкучжон в Сеуле. Этот район также известен под названием Пояс Красоты (Beauty Belt), т. к. здесь расположено более 200 клиник. Самыми распространенными операциями среди корейцев являются блефаропластика, ринопластика и изменение овала лица на V-образную форму.

Стремление иметь европейскую внешность обусловлено историческими факторами. В период с 1910 по 1945 год Корея находилась под властью Японии. Колониальные власти проводили жесткую авторитарную политику в отношении населения, на протяжении всего периода корейцы подверга-

лись дискриминации [Breaking the silence]. Одной из целей японского правительства являлся процесс культурной интеграции и ассимиляции корейцев с японским населением. Корейцев заставляли говорить на японском, обучение проводилось на языке колонизаторов, обращение в синтоизм являлось обязательным, молодое население корейцев призывали в японскую армию [Savada, Shaw, 1992, p. 20–24]. Последствиями японской колонизации являются национализм и ненависть по отношению к японцам. Согласно Р. Холидей и Дж. Эльфвинг-Хванг, «национальная идентичность корейцев сложна и невозможна без рассмотрения японского колониального периода 1910–1945 гг.» [Holliday, Elfving-Hwang, 2012, p. 68].

Корейцы в поисках своей идентичности опирались на труды писателя и активиста Ли Кван Су, который использовал термин *sonnin*, что в переводе означает «хорошая раса», «добродетельный», в свою очередь, по отношению к японцам они использовали термин *chosenjin*, который имеет значение «низший», «раболопный». Заявление Ли Кван Су отражало «неоспоримое убеждение о злой природе всех японцев» [Pai, 2000, p. 259].

Идея различий между японцами и корейцами нашла свой отклик в трудах антрополога На Се-Джина, который занимался описанием физиологических особенностей корейцев. Рост корейцев выше среднего, шея тонкая и длинная, развитая мускулатура позволяет им быть подтянутыми и иметь хорошую осанку. Пропорции тела равномерные, форма головы вытянутая. Корейцы, в отличие от представителей монголоидной расы, имеют вытянутое лицо. Имеют сильные ноги, руки, тело в целом и отличаются храбростью [Pai, 2000, p. 260]. На делал акцент не только на превосходстве в уме, внешности и физических данных среднестатистического корейца в сравнении с китайцами и японцами, но также он от-

делял корейцев от других представителей монголоидной расы, утверждая, что среднестатистический кореец обладает чертами, напоминающими больше американца или европейца.

Родоначальником пластической хирургии в Корее был Дэвид Ральф Миллард, который начал проводить операции на двойное веко. Стараясь избежать обвинений в копировании европейских стандартов красоты, корейцы начали проводить операции по изменению контуров лица (V-shape). Таким образом, корейцы сконструировали уникальную идентичность, не похожую ни на азиатскую, ни на европейскую.

Следующим фактором, повлиявшим на рост популярности пластической хирургии, является социальная конкуренция. Быть корейцем значит быть конкурентоспособным всегда и во всем, данная особенность берет свое начало в конфуцианстве, учении, благодаря которому корейцы почтительно относятся к возрасту, ценят общественную стабильность и испытывают уважение к образованию и совершенствованию. Еще одним толчком к самосовершенствованию послужил Азиатский финансовый кризис 1997 года.

До кризиса организационной структуре корпораций была свойственна модель вертикальной иерархии, которая способствовала поддержанию стабильности и низкого уровня безработицы. В период кризиса уровень безработицы возрос от 2,5% до 6,8%, что составило 1,6 млн безработных. Отсутствие системы государственной поддержки безработных, которая существует в США и европейских странах, означало отсутствие средств к существованию. В условиях безработицы и высокой конкуренции нужно было обладать еще чем-то кроме хорошего образования, чтобы быть трудоустроенным. Обязательным условием для кандидатов становится наличие фотографии на заявлении, что было бы интерпретировано как нарушение прав человека в любой

европейской стране. Другими словами, корейцы нашли решение в использовании пластической хирургии, которую впоследствии назвали «survival surgery» [Bon]. Более того, пластические операции считаются долгосрочными инвестициями в самого себя, увеличивая собственные шансы на победу при трудоустройстве в условиях жесткой конкуренции и успех в любой сфере деятельности.

Благодаря экономическому кризису 1997 года мир увидел корейскую волну, или Халлю. Во время кризиса стало ясно, что экспорт только техники и автомобилей не способен гарантировать стабильность экономики. Корея сделала ставку на культурный экспорт. Примерно 1% бюджета страны стали выделять на субсидии и низкопроцентные займы на компании и стартапы в сфере культуры. Халлю влияет на распространение культуры, национальной кухни, языка и определенного образа. Данный образ подразумевает под собой вежливо улыбающегося айдола (в корейской и японской поп-культуре айдол — медиа-персона подросткового возраста) с большими глазами, узкими скулами и светлой кожей, отличающегося изящной и утонченной красотой. Практически все К-рор айдолы, вне зависимости от пола, делали пластические операции или корректировали проблемные зоны во внешности. Эта популярность и значение, придаваемое хирургией звездами К-рор, привела к тому, что Корея в настоящее время является лидирующей страной по количеству пластических операций [Чем грозит увлечение корейской попсой].

Халлю оказало влияние и на экономику страны. Благодаря популяризации корейской культуры увеличилось количество медицинских туристов. Решающими факторами в предпочтении Южной Кореи для медицинских туристов являются высокое качество и низкая стоимость. Помимо этого правительство Южной Кореи идет на уступки медицинским туристам при прохождении таможенного контроля после измене-

ния внешности. Развитие индустрии красоты благоприятно сказалось и на рынке труда.

У любого явления есть не только плюсы, но и минусы, и изменение внешности не является исключением. Кризис идентичности является одним из них. В данном случае идентичность понимается как внешность, которая позволяет отличать одного человека от другого. Термин «кризис идентичности» является сложным понятием и имеет несколько видов:

А. Потеря идентичности — человек больше не владеет своей первоначальной внешностью после операции. Чаще всего связана с принятием различий во внешности «до и после».

Б. Неудовлетворенность и недовольство своей внешностью — человек недоволен внешностью, данной ему от природы, под давлением общества. Корейскому обществу свойственен коллективизм, поэтому большинство корейцев хотят соответствовать общепринятым стандартам. И внешность не является исключением.

С. Кризис новой идентичности в постоперационный период — человек задается вопросом «Кто я сейчас с этим новым, незнакомым лицом?». У некоторых пациентов физические изменения влекут за собой и психологические. Приобретение новой, более привлекательной внешности отражается на доброжелательном отношении окружающих к человеку, повышении его социального статуса и качестве жизни в целом [Pettit].

К минусам также можно отнести высокий риск возникновения отрицательных последствий, таких как различные инфекции, кома и даже смерть пациента.

Таким образом, можно выделить несколько основных причин, способствующих стремительному росту популярности пластической хирургии в Южной Корее.

С исторической точки зрения, колониальный контроль Японии над Кореей в 1910–1945 годах привел к антияпонским настроениям и полной неприязни ко всему, что связано с Японией. И именно изменения во внешности позволили корейцам отличаться от японцев. Корейцы стали пионерами в блефаропластике.

Азиатский финансовый кризис 1997 года сыграл важную роль в развитии пластической хирургии. Массовые увольнения, последовавшие после банкротства многих компаний, привели к усилению социальной конкуренции при трудоустройстве. Также конкуренция усугублялась наличием обязательного условия, а именно размещения фотографии на резюме. Эти исторические события привели к расцвету пластической хирургии в Южной Корее.

Корейцы уделяют большое внимание физиогномике и верят в то, что определенные черты лица принесут им удачу, высокий статус и роскошную жизнь. Историческое и социальное развитие Кореи сделало доступной пластическую хирургию для корейца с любым достатком. На данный момент существует тенденция дарить сертификаты на услуги пластической клиники на совершеннолетие. Корейцы считают, что подобное изменение внешности является своего рода инвестицией в будущее человека.

Особый вклад в процесс популяризации пластической хирургии внесла культура К-поп. Многие молодые корейцы, глядя на айдаолов, желают иметь аналогичную внешность и успех.

Помимо этого глобализация К-поп культуры позволила расширить рынок косметологических услуг, что привлекло большое количество медицинских туристов.

К недостаткам можно отнести кризис идентичности и постоперационные последствия. Несмотря на это, популярность пластической хирургии набирает обороты и становится неотъемлемой частью корейской национальной культуры.

Литература

Чем грозит увлечение корейской попсой? URL: <https://whatis-good.ru/raznoe/music/chem-grozit-povalnoe-uvlechenie-korejskoj-popsoj-2/> (дата обращения: 31.10.2019).

Von S. Billion dollar industry to be: plastic surgery in South Korea. 16 Jan. 2014. URL: <https://www.theRichest.com/expensive-lifestyle/billion-dollar-industry-to-be-plastic-surgery-in-south-korea/> (дата обращения: 28.10.2019).

Breaking the silence on «comfort women». Amnesty. 1 Jan. 2005. Web. 2 Jan. 2015. URL: <http://www.amnesty.org.nz/files/Comfort-Women-factsheet.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).

Holliday R., Elfving-Hwang J. Gender, globalization and aesthetic surgery in South Korea // *Body & Society*. 2012. Vol. 18. № 2. P. 58–81.

ISAPS international survey on aesthetic / cosmetic procedures performed in 2011. International society of aesthetic plastic surgery. 30 Dec. 2011. Web. 19 Nov. 2014. URL: <http://www.isaps.org/Media/Default/global-statistics/ISAPS-Results-Procedures-2011.pdf> (дата обращения: 30.10.2019).

Pai H. Nationalism and rewriting of past wrongs // *Constructing «Korean» origins: A critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories*. Harvard-Hallym: Harvard University Asia Center, 2000. P. 258–262.

Pettit C. Extreme plastic surgery in South Korea // *The Blot Magazine*. 23 Apr. 2014. Web. 28 Nov. 2014. URL: <http://theblot.com/extreme-plastic-surgery-south-korea-identity-crisis-meaning-7718504> (дата обращения: 31.10.2019).

Savada M. A., Shaw W. Korea under Japan rule // *South Korea: A country study*. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress, 1992. P. 20–24.

А. Л. Верченко
(Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия)

ОЦЕНКА НЕКОТОРЫХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ФОРУМОВ В ГОД 70-ЛЕТИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В год 70-летия образования КНР, установления дипломатических отношений между нашей страной и Китаем, 70-летия Общества китайско-советской / российской дружбы в России и Китае состоялся целый ряд общественно-политических и научных мероприятий, посвященных этим юбилеям.

Высокий уровень представительства и широкий охват поднятых тем объясняется наличием во многом сходных позиций сторон на международной арене, основанных на заинтересованности стран в сохранении стабильности, глобальной и региональной безопасности в интересах своих народов, а также активным взаимодействием в межгосударственных отношениях. Общность взглядов была подтверждена руководителями обеих стран во время государственного визита в Россию председателя КНР Си Цзиньпина в июне 2019 года. В выступлении на торжественном вечере в Большом театре В. В. Путин отметил: «Сегодня Российскую Федерацию и Китайскую Народную Республику объединяет многоплановое, действительно всеобъемлющее стратегическое партнерство, в основе которого — незыблемые принципы уважения суверенитета, национальной самобытности, равноправия, добрососедства, учета интересов друг друга» [Вечер, посвященный 70-ле-

тию...]. Си Цзиньпин отметил, что страны ведут насыщенный политический диалог, налажены взаимовыгодные торгово-экономические связи, промышленное и техническое сотрудничество [Российско-китайский круглый стол]. Стороны закрепили следующую обновленную формулу в отношениях между странами: вступающие *в новую эпоху* отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

На этом фоне прошли визиты высокопоставленных руководителей КНР в Москву: премьера Госсовета Ли Кэцяна, председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Чжаньшу, члена Госсовета, министра иностранных дел Ван И. Все они говорили о важности, особом характере, беспрецедентно высоком уровне отношений между нашими странами. По данным опросов общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в октябре 2019 года, Китай находится на первом месте в списке стран, с которыми у России установились прочные, дружественные отношения [Конференция «70 лет КНР»].

Сотни мероприятий, в том числе выставки, фотовыставки, конференции, концерты и фестивали, прошли по всей стране в рамках перекрестных (2018–2019) годов межрегионального сотрудничества, завершающий год которого совпал с тремя юбилеями в истории КНР. Перспективы дальнейшего сотрудничества между двумя странами в целом и отдельными территориями наших стран обсуждались на таких важных площадках, как Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум во Владивостоке, Российско-китайский финансовый форум в Москве, **Российско-китайский диалог: 70 лет точки сопряжения и роста** в Москве, Российско-китайская ЭКСПО в Харбине. Прошедший в Москве деловой форум «Цифровая экономика — развитие без границ» был посвящен планам реализации сотрудничества в области цифровизации, электронной

торговли, образования, туризма и межрегионального взаимодействия. В мероприятиях принимали участие представители высокого уровня с обеих сторон. Стоит особо отметить, что китайские представители традиционно обращали внимание на необходимость государственной поддержки для обеспечения гармоничного межрегионального сотрудничества.

На финансовых форумах стороны обсуждали сотрудничество в торговой, экономической и финансовой сферах, заявляли о готовности к модернизации его содержания и поиску новых направлений. Речь шла о продвижении синергического развития экономик, о содействии экологическому развитию, расширении пространства для практического сотрудничества между двумя странами. Напомним, что Китай девятый год подряд сохраняет статус крупнейшего торгового партнера России. В очередной раз стороны подтвердили стремление к продолжению работы по развитию региональной интеграции, в том числе по сопряжению программ «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза [Си Цзиньпин]. Представляется, что практическая реализация подобных мер могла бы привести не только к оздоровлению торгово-экономического сотрудничества, успешному достижению поставленных амбициозных задач по достижению взаимного товарооборота до 200 миллиардов долларов, но и к повышению иммунитета обеих экономик к давлению со стороны третьих стран. Тема «третьих стран» поднималась, особенно китайской стороной, во время российско-китайских встреч, как в экономическом, так и в политическом диалоге. Китайские представители неоднократно упоминали «двойное сдерживание США в отношении Китая и России» и их попытки «рассорить нас». Однако, как заметил Ли Чжаньшу, «мы это хорошо видим, и мы не попадемся на их удочку» [Встреча с председателем Постоянного комитета].

О традиционно дружественных отношениях между Россией и Китаем, сложившихся сразу после образования КНР и определивших их будущее на следующие поколения, говорили участники прошедшего в Москве форума «Вспоминая прошлое, устремляемся в будущее: российско-китайские отношения в новую эпоху». Встреча представителей общественности была организована Обществом российско-китайской дружбы, Институтом Дальнего Востока РАН, журналом «Новости Китая» при поддержке Отдела пропаганды ЦК КПК, Посольства КНР в РФ и Китайского информационного агентства «Чжунсиньшэ». Выступавшие анализировали советско- / российско-китайские отношения между государствами и между народами, отмечали, что они прошли непростой путь, но в итоге вышли на дорогу нормального развития, искреннего и надежного сотрудничества, отмечали важность межцивилизационного общения и информационного сотрудничества двух стран, поскольку знания друг о друге не только углубляют взаимопонимание, но и облегчают общение и сотрудничество. Большое внимание участники форума уделили значению народной дипломатии в поддержании дружеских отношений между странами.

Не меньшее значение имел состоявшийся в июне 2019 года «Круглый стол» по глобальному управлению, на котором в сжатом режиме выступили 38 докладчиков. Российские и китайские ученые, эксперты, политические и общественные деятели обсудили актуальные вопросы современных российско-китайских отношений и их растущее влияние на решение мировых проблем, а также российско-китайского всестороннего стратегического взаимодействия. Особое внимание было обращено на отношение двух стран к понятию «глобальное управление» в политическом и экономическом контексте; было подчеркнуто значение гуманитарных обменов для продвижения всестороннего сотрудничества между двумя странами.

Отметим, что в организации упомянутых выше двух совместных мероприятий с участием общественности и авторитетных представителей научных кругов России с китайской стороны принимал участие Отдел пропаганды ЦК КПК, что говорит о повышенном внимании к российско-китайским отношениям, которое проявляется по партийной линии. В работе «Круглого стола» принял участие заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК, председатель правления Национального мозгового центра Китая Ван Сяохуэй. Мнения китайской стороны прозвучали в сообщениях бывшего заместителя руководителя Отдела международных связей ЦК КПК, вице-президента Всекитайской народной ассоциации за мир и разоружение Чжоу Ли, директора Института по изучению пограничных проблем Китая КАОН Син Гуанчэна, директора Института прикладной экономики Народного университета Чжэн Синьэ, директора Института «Один пояс, один путь» Пекинского педагогического университета Ху Биляна, научного сотрудника Китайского института международных проблем Ши Цзэ. С докладами выступили авторитетные российские ученые из академических институтов (Дальнего Востока, Европы, Экономики, ИМЭМО), МГИМО, РУДН, МГУ, Аналитического центра Изборского клуба [Российско-китайский круглый]. Директор ИДВ РАН профессор Сергей Лузянин, открывая форум, подчеркнул важную роль современных отношений между Россией и Китаем в формировании нового справедливого мирового порядка, отметил растущее влияние российско-китайских связей на вызовы новой эпохи. Участники форума отмечали недопустимость диктата со стороны отдельных стран и их попыток навязать свою волю другим; категорически отвергли идею политического глобального управления, допустив координацию действий в мировой экономике. В целом выступления участников форумов были ориентированы на будущее и поиски

путей более конструктивного взаимовыгодного сотрудничества по всем направлениям.

70 лет преобразований во всех сферах жизни китайского общества, включая политическую, социально-экономическую, гуманитарную, стали темой состоявшейся в сентябре 2019 года в Московском педагогическом государственном университете Международной научной конференции «70 лет КНР: история, современность и перспективы развития» [Конференция «70 лет КНР»]. Предметом обсуждения и дискуссий, в которых приняли участие российские и китайские ученые, стали история образования и развития КНР; роль и место Коммунистической партии Китая в политической и социально-экономической системе КНР и в развитии китайского общества; идеологические и культурные аспекты развития Китая на современном этапе; особенности системы высшего и среднего образования в КНР; внешнеполитический курс КНР, состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. Большой интерес представляли доклады на пленарном заседании директора ИДВ РАН профессора С. Г. Лузянина «Геополитическое положение и внешнеполитический курс КНР», руководителя Отделения моделирования производственных объектов и комплексов ЦЭМИ РАН Г. Б. Клейнера «Системные проблемы и системные решения: Россия и Китай», заместителя директора ИДВ РАН А. В. Островского «Социально-экономическое развитие Китая за 70 лет», главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» В. Я. Портякова «Внешнеэкономические связи КНР» и др. Большая заслуга конференции — привлечение китайских ученых, а также российских ученых из других городов (Комсомольска-на-Амуре, Элисты, Казани, Владивостока, Иркутска, Санкт-Петербурга, Минска). Стоит также отметить, что расширить тематику конференции позволило участие ученых, для которых Китай не является главным объектом изучения.

Характеристику отношениям между нашими двумя странами на новом этапе дал Си Цзиньпин, выступая в Большом театре в июне 2019 года. Он счел нужным напомнить о связывающей нас дружбе, о помощи СССР в период антияпонской войны, отметил значение дипломатического признания КНР Советским Союзом и содействие нашей страны в процессе создания основ индустриализации в 1950-е годы. Председатель КНР подчеркнул: «Пережив взлеты и падения в отношениях, обе стороны, понимая необходимость идти в ногу со временем и учитывать коренные интересы народов, способствовали нормализации китайско-советских отношений, продемонстрировали новаторство в установлении китайско-российских отношений нового типа «неприсоединения к блокам, отказа от конфронтации и ненаправленности против третьих стран» [Си Цзиньпин].

Этот тип отношений получил высокую оценку на состоявшемся в Пекине в Университете Цинхуа в сентябре Международном научном форуме «Восток — Россия — Запад: история и современность». Форум был организован и проведен Китайским обществом изучения истории китайско-российских отношений совместно с Институтом стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа. Россию представляли ИДВ РАН, ИСАА МГУ, ИФГИ СПбГПУ, МИИТ, ИВ РАН, СПбГЭУ. В докладах китайских ученых из академических, учебных и практических организаций прозвучало единогласное мнение о делении истории отношений Китая с нашей страной на два периода: 42 года (с СССР) и 28 лет (с Россией). Внутри этого длительного отрезка времени китайские историки выделяют следующие этапы: период союзнических отношений (1949–1959), идеологической полемики и ухудшения межгосударственных отношений (1960–1966), полного противостояния (1966–1981), движения к нормализации (1982–1991), установления и

развития отношений партнерства и стратегического взаимодействия (1992–2019). Об этом говорили бывший директор Института России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Ли Цзинцзе, председатель Общества изучения истории китайско-российских отношений Цзи Чжие и многие другие ученые. Общая точка зрения китайских коллег состоит в том, что страны должны строить отношения на принципах равенства, добрососедства, дружбы, сотрудничества, что крайне важно для соседних стран, имеющих протяженную границу. Любая конфронтация, по их мнению, наносит вред обеим сторонам. Неоднократно с высокой оценкой упоминался договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 года.

Министр иностранных дел России С. В. Лавров в интервью «Российской газете» в сентябре 2019 года, говоря о российско-китайских отношениях, отметил: «Мы не навязываем друг другу своих подходов и ценностей, тем более не вмешиваемся во внутренние дела. Нам удалось вывести за скобки чувствительные темы общего прошлого, оставив их историкам». Китайские историки, бросая ретроспективный взгляд на 70 лет отношений с нашей страной, отмечая глубокие исторические корни этих отношений, поднимали и чувствительные темы. По-прежнему бытует точка зрения о том, что на пике конфронтации на китайско-монгольской и китайско-советской границе СССР держал миллионную армию, упоминаются «три больших препятствия», советский гегемонизм, советская угроза. Но, как подчеркивается, все эти проблемы остались в прошлом. Выступая на открытии Международного научного форума «Восток — Россия — Запад: история и современность» в Цинхуа, Ли Цзинцзе отметил, что Китай не верит в то, что Россия может бросить ему вызов: «...мы слишком близки, любое столкновение опасно». Во многих докладах звучало, что сегодня между Россией и Китаем работа-

ет принцип равенства, чего не было в 1950-е годы, когда один из лидеров был ведущим, другой — ведомым. Советско-китайские отношения не были зрелыми, отметил Син Гуанчэн, директор Института проблем китайской границы. О принципе взаимного уважения выбора партнером пути политического, экономического, социального, культурного развития, особенно в выборе идеологии, говорили многие китайские участники. Некоторые вспоминали 1950-е годы, когда отношения, по их мнению, были неравноправными, ущемлявшими суверенитет (в качестве примера вспоминали Люйшунь, Далянь, ЮМЖД). По словам Син Гуанчэна, в 1950-е годы в Даляне многие вопросы решали советские представители, и это унижало Китай.

Сегодня прекрасные личные отношения между руководителями двух государств рассматриваются как прочная гарантия добрососедских отношений и сопряжения интересов между Китаем и Россией. На основе предыдущего опыта в отношениях между странами выработаны принципы невступления в союзнические отношения, невступления в конфронтацию и ненаправленности против третьих стран. В связи с этим докладчики неоднократно отмечали важность взаимного уважения суверенитета и норм международного права, что является основой долгосрочного сотрудничества между Россией и Китаем. Помощь СССР в строительстве нового Китая в 1950-е годы в целом оценивается положительно. Ма Цзяньгуан из Исследовательского института Министерства обороны напомнил о работе советских советников в Китае, группа которых помогала создавать его институт. Сегодня успешно осуществляется китайско-российское военное и военно-техническое сотрудничество. Тема помощи СССР была затронута в докладах Ся Ишаня и Ли Суйань. Помощь СССР КНР в строительстве и реконструкции промышленных предприятий и объектов инфраструктуры признается как единственно

возможная в то время в условиях блокады западных государств и сыгравшая большую роль на начальном этапе модернизации.

Китайские ученые полагают, что нормализация китайско-российских отношений в 1989 году стала поворотным моментом в улучшении межгосударственных связей (Дин Мин, Институт современного Китая), а после визита Б. Н. Ельцина в Китай в 1992 году китайско-российские отношения вступили в новый этап добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. На форуме приводились слова Дэн Сяопина: «Невзирая на изменения в Советском Союзе, мы должны спокойно развивать отношения с ним на основе пяти принципов мирного сосуществования, в том числе политические отношения, не вступая в идеологическую полемику» [Дэн Сяопин, 1999, с. 353]. Отказ от идеологии в двусторонних отношениях, по мнению китайских ученых, был мудрым решением и способствовал нормализации китайско-советских отношений и установлению нового типа межгосударственных отношений, проведению более гибкой внешней политики. Оценивая двусторонние отношения как наилучшие за всю историю, китайские ученые отмечают, что такой уровень стал возможен благодаря позиции отказа от союза с какими-либо государствами, в отличие от положений Договора 1950 года, который назывался «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР». Как сказал один из докладчиков, в Китае не знали, что с ним делать, когда начали переговоры, тем более что 3 апреля 1979 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение продлить договор после истечения срока его действия. Ли Юнцюань (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН), говоря о союзе 1950-х годов, отметил, что для того времени существовала потребность в союзе. В нем нуждались обе страны: СССР помог

КНР в народно-хозяйственном строительстве, КНР обеспечила Советскому Союзу расширение его влияния в мире. Однако, с точки зрения ученого, союз имел изъян с самого начала — он состоял в ущемлении суверенитета Китая.

Лу Наньцюань, Ли Цзяньминь сосредоточили внимание на вопросах дальнейшего развития и совершенствования в новую эпоху экономического и торгового сотрудничества, свободного от политического воздействия; соблюдения баланса интересов, создания более эффективного и более действенного механизма для углубления двусторонних отношений; оптимизации торгово-экономических отношений, предоставления им необходимой юридической поддержки, поиска новых моделей торгово-экономического и научно-технического взаимодействия, соответствующих вызовам нашего времени, в первую очередь исходящим от США. Лу Наньцюань напомнил, что в мире происходят кардинальные изменения, к которым Китай и Россия должны быть готовы, они должны предпринимать согласованные действия. Ли Цзяньминь предлагает следующие меры для совершенствования торгово-экономического сотрудничества: укрепление стратегического взаимодоверия на принципах равноправия, достижения согласия при наличии расхождений и развитие сотрудничества в тех областях, где достигнут консенсус, отмечая при этом асимметричность объемов экономик и экономическое присутствие двух стран в мире; поиск новых точек роста (торговля сельхозпродукцией, электронная торговля, межрегиональное сотрудничество, производство, освоение Арктики); содействие повышению качества торговли; соблюдение баланса интересов; расширение инвестиционного сотрудничества, климата и бизнес-среды для него. Выступавшие подчеркивали важность подъема торгово-экономических отношений до высокого уровня политических.

Ян Шу (Государственный архив) отметил, что в изучении китайско-российских отношений существует диспропорция:

в СССР и России на эту тему опубликовано гораздо больше работ, чем в Китае. Архивист указал на важность изучения документов и проведения глубоких исследований, упомянул сотрудничество архивистов двух стран, особенно активизировавшееся после 1991 года.

Научный сотрудник Института новой истории Китая КАОН, заместитель председателя Китайского общества изучения истории китайско-российских отношений Чэнь Кайкэ остановился на важности изучения документальной базы китайско-российских отношений и рассказал о работе по созданию в Институте собственного архива важнейших документов из архивов России.

На проведенных по случаю трех юбилеев научных и практических форумах было признано, что в отношениях с Китаем Россия придерживается принципов уважения независимости, суверенитета, многовекторности, неконфронтационности, отстаивания национальных интересов, что обеспечивает стабильность этих отношений.

Представляется, что у наших двух стран могут быть разные цели и разные задачи, но сегодня мы научились выстраивать диалог на основе взаимного уважения и соблюдения интересов друг друга. Отношения между Россией и Китаем как между равными партнерами могли бы послужить примером межгосударственных отношений в сегодняшнем мире.

Литература

Вечер, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. 5 июня 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60674> (дата обращения: 13.09.2019).

Встреча с председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61642> (дата обращения: 01.10.2019.)

Дэн Сяопин вэньсюань. Ди сань цзюань. Пекин: жэньминь чубаньшэ. 1999 тянь. Ди 353 е (Избранные произведения Дэн Сяопина». Т. 3. Пекин: Издательство Жэньминь чубаньшэ, 1999).

Конференция «70 лет КНР: история, современность и перспективы развития». URL: <http://mpgu.su/anonsyi/konferencija-70-let-knr-istorija-sovremennost-i-perspektivy-razvitija/> (дата обращения: 01.10.2019).

Пресс-выпуск ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9971> (дата обращения: 18.10.2019).

О чем говорили Владимир Путин и Си Цзиньпин. URL: <https://ria.ru/20190605/1555295889.html> (дата обращения: 15.09.2019).

Российско-китайский круглый стол по глобальному управлению — 2019. Программа мероприятия. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/news/062019/05062019.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

Си Цзиньпин цзай чжун э цзяньцзяо циши чжоунянь цзинянь дахуэй дэ цзянхуа (Выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 70-летию установления китайско-российских дипломатических отношений). URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/06/c_1124589505.htm (дата обращения: 1.10.2019).

Гуань Сюлань

(Шаньдунский молодежный университет политических наук,

Цзинань, КНР)

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

邦交正常化以来，中日政治、经济关系的发展虽然波折不断，但从整体走势来看，经贸规模的不断发展和壮大是最基本的趋势。在越来越紧密的相互依存关系中，“共赢”（win-win）逐渐成为双方发展经济关系必须遵循的原则。中日的经济合作模式，由最初日本主导下的“互补性合作”，逐渐成长为当前两国共同协调下的“竞争性发展”（图1）。引起双方合作模式发生变化的要素，包括硬件和软件两个方面。硬件因素，主要指经济发展水平、地理位置、市场规模、国土资源、政治制度等相对比较客观和稳定的方面；软件因素，包括国家政策、社会发展、历史认识、文化理解等与认知者主观意识及依照判定基准不同而差异比较明显的方面（图1）。这些硬件和软件中的主要部分，特别是经济发展水平和国家政策这类关键性因素配合良好，就能够完成一定历史时期双方合作的平台建构，为两国经济界的合作创造条件。反之，则会造成负面影响。邦交正常化以来中日经济合作的历史和现状正是这种软硬件平衡的建立、打破和重新建立的过程。

一、邦交正常化以来的中日经贸关系发展概况

从1949年新中国成立，到1972年中日邦交正常化实现，这之间的23年属于中日无国交时期，双边的经济往来属于民

间贸易阶段。虽然经济界百般努力，但到邦交正常化之前的1971年，中日贸易总额刚刚勉强实现9亿美元。

1972年，中日两国实现邦交正常化，当年的双边贸易额就达到11亿美元。此后，在1973年为20亿美元，1974年33亿美元，1975年38亿美元。到中国推动改革开放政策和《中日和平友好条约》正式签订的1978年，这个数额已经达到50亿美元。这之后的10年，史称中日关系的“蜜月期”。从中日贸易数据看，1988年，双边贸易额已经变成193.3亿美元，几乎达到了1978年的4倍，中日相互在对方对外贸易中的地位逐渐提高（图1）。

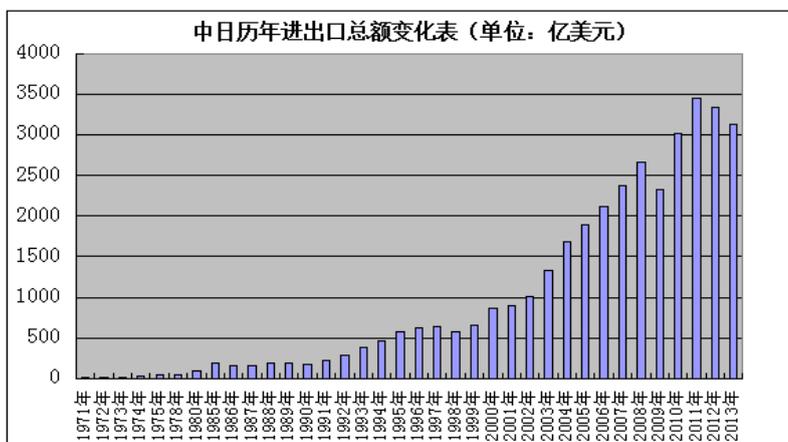

图1： 1971 - 2013年中日历年进出口总额变化

数据资料来源：中国商务部

1993-2003年的连续11年间,日本一直是中国的第一大贸易伙伴。虽然2004年,受欧盟东扩等因素的影响,日本下降为中国的第三大贸易伙伴,但如果仅从国家排名看,对于中国来说,日本仍然是仅次于美国的第二大贸易对象国。2007年以后,中国取代美国成为日本最大的贸易对象国。到2011年中日贸易总额达到3450亿美元的最高值,几乎是1972年的314倍。受中日之间钓鱼岛纷争的影响,2012年和2013年的中日贸易额有所下降,但是,从(图1)的数据可以发现,这两年的下降幅度并不太大。

表1：2013 - 2018年中日进出口总额统计

年 度	2013年	2014年	2015年	2016年	2017年	2018年
中日进出口总额 (单位：亿美元)	3099	3075	2699	2705	2973	3175

数据资料来源：日本海关

2013年以后，属于中日双边经济交流的“新时代”。中国提出“一带一路”倡议之后，虽然日本经济界很快意识到其为难得的历史机遇，但是由于安倍政府的观望态度，中日双边贸易额并未取得实质性突破。根据日本海关的统计数据，在2013-2018年间，中日双边贸易额整体呈先减后增的趋势。2016年始，在日本经济界的推动之下，中日贸易额开始出现回升。到2018年，中日双边进出口贸易总额终于突破3000亿美元大关。

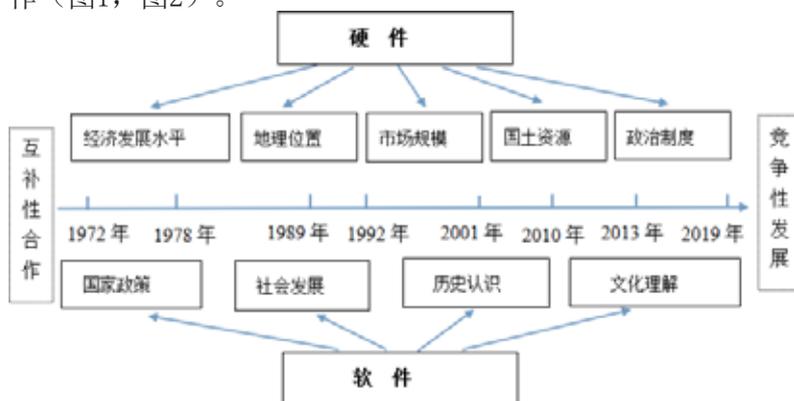
以上情况，一方面阐明了近50年来中日经贸关系不断发展、中日相互依存地位不断提高的事实。另一方面，邦交正常化前后中日贸易规模的巨大对比，以及不同历史时期双边贸易发展状况的起伏波动，也从一个侧面反映出双方政治关系对经济合作，不可避免地产生一定影响。

二、影响中日经济关系发展的硬件因素

邦交正常化以来的近50年间，中日双方在人员、经贸、技术、管理、文化交流等多个层次取得了非常长足的发展，带来这些变化的原因有很多，被普遍关注的重要因素之一就是地理方面的便利条件。这是因为在经济成本的考量中，运输成本是重要的影响因素。中日“一衣带水”的地理环境，为两国经贸往来提供了天然的便利条件。海上运输使石油、煤炭、原材料等大宗贸易的成本大幅度降低成为可能。

地理方面的便利诚然重要，但绝非决定性因素。最典型的反例就是：就日本而言，美日两国虽然地理上非常遥远，但在经济方面的联结却比日本同其他任何国家都要紧密。回到中日之间，两国除了地理方面的便利条件之外，中国丰富的资源、

人力和不断扩大的市场，特别是中日两国在经济发展程度上的互补性，都为两国的合作提供了硬件方面的必要条件。因此，地理方面的便利，仅仅为中日经济交流提供了一种可能。真正促进双方合作实现的力量，当属自方的客观经济需求和对方能够满足己方需求的程度：邦交正常化前后中日经济发展水平方面的“南北差距”，恰好为双方经济合作互补性平衡的建立提供了可能。日本方面，经过上个世纪五、六十年代的飞速发展，实现了战后的经济崛起。成功举办1964年东京奥林匹克运动会，成为日本进入世界发达国家行列的标志。但是，由于石油危机的冲击和在纤维、钢铁、彩电等领域日美贸易摩擦的压力增大，进入七十年代，日本急于寻找石油替代能源及谋求设备出口的多元化。拥有稳定的煤炭·石油等出口资源、与日本仅一水之隔的中国自然进入日本政府和经济界考量的范围。中国方面，由于同苏联之间关系恶化，为实现“四个现代化”，需要寻找新的大型工业设备的进口地，并通过资源出口获取发展经济所必需的资金和技术支持。这种经济发展水平的互补性和双方不同层次的需求，是真正推动中日两国跨越意识形态差异、发展经济合作的主要内在力量。中日实现邦交正常化之后的前30年（1972年-2001年），两国关系主要是在这样一种双方经济发展程度不对等的前提下，以“互补”为主题的经济合作（图1，图2）。

图2： 中日经济关系构筑的软硬件分析

硬件因素的稳定性是相对的，所有的要素都会随着时代的变迁逐渐发生改变。对中日经济合作关系影响最大的经济发展水平恰好就是这样一个例子。在上个世纪80、90年代，中国经济实现了改革开放以来的飞速发展，而日本经济却迈入了“失去的10年”，这导致迄今为止两国安定合作所依据的“南北差距”逐渐缩小。一直以来，建立在中国经济技术水平落后，对日经济合作模式以出口原材料、煤炭、纤维，进口钢铁、成套设备、高科技产品为中心的双边经济关系逐渐被打破。90年代末开始，伴随双方合作关系的不断紧密，中日贸易额的不断增加，日本企业的对华直接投资加速，贸易摩擦和政治方面的分歧逐渐浮出水面。同时中国由于实行全面社会主义市场经济体制，在一跃成为“世界工厂”的过程中，加强产业政策、招商引资政策、推动WTO加盟，技术实力、经济实力不断提升。进入21世纪后，中国企业逐渐放眼于世界市场，实现了走出国门，到世界投资、经营的全面发展。以中日在俄罗斯市场的输油管道之争为标志，两国在世界能源市场的竞争不断加剧。中日关系迎来了必须重新寻找新的协作与平衡，建立世界市场视角下协调与竞争关系的新时期。与此同时，随着中国广大地区基础设施的健全、劳动力素质的提高，中国作为“世界工厂”的地位逐渐巩固；伴随中国经济发展水平的提高，中国作为拥有巨大潜力的消费者市场的角色越来越受到重视，“中国”对日本经济界的吸引力有增无减。“随着中国市场的持续扩大，日本的制造业如今已经到了离开中国就无以为继的地步。”¹

从整个40多年来中日实现经济合作的硬件考量，随着两国经济发展情况的变迁，既有的平衡已被打破，建立新的平衡成为时代对两国经济合作模式的需求。对日本来说，原来建立在“南北差距”前提下，从中国进口初级产品和能源、向中国出口技术和设备为主的中日互补型贸易时代的确已经

---

¹ 摘自片寄浩纪“日中交流現場40年”，原文为“巨大市場が広がり続ける中、日本の製造業は今や中国なしでは存続できないほど、その存在が重要になっている。”本文作者译。

过去。但是随着中国经济的发展，在仅有一水之隔的960万平方公里的广袤国土上，近14亿人口组成的巨大消费市场业已形成。在全球化竞争时代，包括中国自身在内，谁占有了这个市场，谁就会成为新的赢家。精于经营之道的日本经济界人士对这点自然心知肚明。单从双边贸易额来看，中日贸易额从1972年的11亿美元发展到2018年的3175亿美元，中国已经是日本最大的贸易对象国，日本也是中国的第四大贸易伙伴。虽然近年中日政治关系波折不断，但日本经济界对中国的关注却不断提高。在对双方合作的硬件有充分认识的前提下，影响和推动软件因素特别是国家政策和对华认识的转变，放眼世界、重新调整自身和他者的身份定位，从邦交正常化之初的“互补性共赢”走向新时期的“协调性共赢”的时代已经到来。

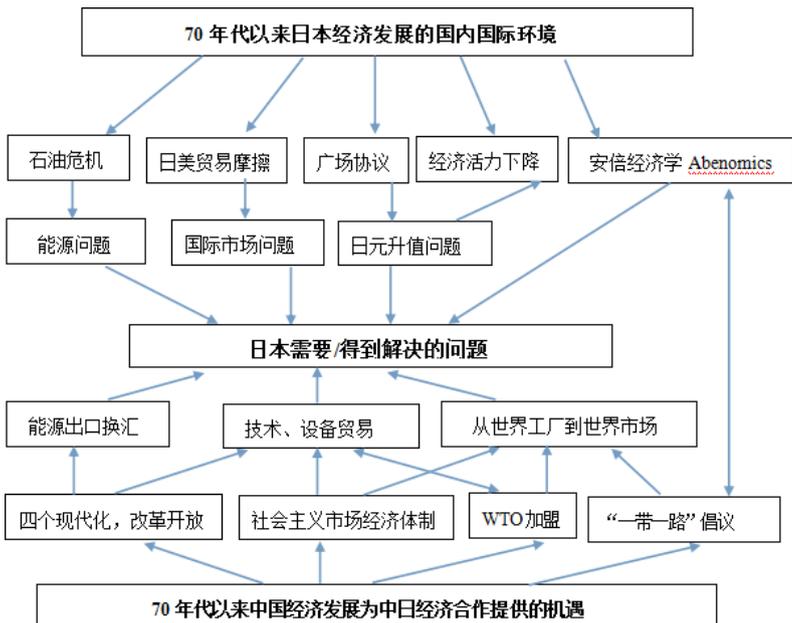

图3： 日本推动中日经济合作的内外影响因素关系图

二、影响中日经济关系发展的软件因素

硬件因素虽然为中日经济合作构建了必要前提，使两国发展经济交流成为可能。但是，如果没有两国政府创造的政治条件（政治因素）、没有两国经济界人士坚韧不拔的努力（经济因素）、没有两国人民之间的积极交流（文化因素），当前中日密切的经济交往关系也不可能实现。目前日本同朝鲜之间，同样具备中日经济合作的主要硬件，但是日朝经济紧密合作的日子遥遥无期，即是一个反面证明。所以，软件方面的因素影响之重要性亦不可忽视。在软件因素内，起决定性引领作用的是政界和经济界的活动。在表现形式上，政界人士通过国家政策的制定、政界代表性人物的涉华言论、行动等对整个社会的对华认识产生影响；经济界利用直接的对华经济交流、积极的访华活动和专业的涉华研究，引导社会舆论的发展方向，推动中日经济关系的发展。

上个世纪70年代，在日本经济界的大力推动下，由日本政界牵头实现了中日邦交正常化，此后政经两界携手，促成了一系列经贸协议和双方经济合作政策性协议的签订。这些积极的对华行动一方面推动了中日经贸规模与合作方式的发展，另一方面带动了整个社会对华认识“友好框架”的构建。这些都是促使70年代到80年代之间中日关系“蜜月期”出现的重要软件因素。

“泡沫经济”破灭之后，日本国内经济长期不景气，90年代以来的日本经济发展已开始被描述为“失去的20年”。与此同时，中国在改革开放政策及全面社会主义市场经济体制的带动下实现飞速发展，国民经济蒸蒸日上，两国之间经济发展水平的差距逐步缩小，中国在国际上的地位和影响力不断提高。这种背景下，日本社会特别是一些激进分子的类型“中国风险”、“中国威胁论”之类的说法也随之出现。受此影响，中日在政治、经济等多方面的摩擦和纷争以多种形式表现出来，又对两国总体关系和国民相互认识产生了一定程度的影响。日本社会各阶层对中国的认识也逐渐出现不同的声音。两国人民之间的好感度在中日政治关系的负面影

响下越来越低。日本非营利组织“言论NPO”和《中国日报》在2013年8月5日共同实施完成的国民相互感情和认识第九次民意调查结果显示：90.1%的日本人和92.8%的中国人对对方国家“印象不好”，分别比2012年增加了5.8%和28.3%，均跌至该调查项目启动以来的最低点。但是，该报告的调查结果还显示：两国70%以上的国民均认为“中日关系对双方非常重要”，理由主要包括三点：一是两国互为地理上邻国的事实；二是两国作为世界第二、第三大经济强国的现状；三是两国经济互补性强，存在共同利益，可以实现合作共赢。²可见，尽管当前中日双方国民的好感度普遍很低，但都对双方经济合作方面存在的有利条件及现实方面协作的必要性有着充分清醒的认识。这与研究界近年对该领域的高度关注呈现一致。

中日经济关系的发展走向，与中日包括政界、经济界在内的各界相互认识密切相关，同时受到双方的经济发展水平、彼此在对方经济链条上的重要性关系密切。当中日经济发展水平差距较大时，双方比较容易建立安定的互补性经济合作关系。反之，当一方的发展打破这种平衡，中日关系就会出现摩擦。就90年代以来、特别是本世纪初期双方摩擦的根本原因来说，可以归结为原来在中日经济合作中明显占主导地位的日本，不能适应中日经济合作关系由双边互补到在全球市场环境下的竞争性合作的结果。但是，日本经济界在长期的对华经济合作中不断积累经验，加之中国作为全球性市场的巨大潜力成为日本经济界的共识，他们在变化的对华经济合作中提高管理能力，正确面对在中国存在的市场风险，适应中国经济发展需求，研究中国的对内对外经济政策，并促使日本政府调整与国际社会和中国的关系，坚定不移地发展对华贸易与投资合作，推动双方合作关系逐步走向理性与成熟。

---

² 本部分数据资料来自《第九次中日共同舆论调查报告》，第11页。

参考文献

刘江永：《可持续安全论》[M]。北京：清华大学出版社，2016年版。

张季风主编：《中日友好交流三十年（1978-2008） 经济卷》[M]。北京：社会科学文献出版社，2008年版。

黄大慧：《日本大国化趋势与中日关系》[M]。北京：社会科学文献出版社，2008年版。

刘江永主编：《中国与日本：变化中的“政冷经热”关系》[M]。北京：人民出版社，2007年版。

程永明，石其宝：《中日经济关系60年》[M]。天津：天津社会科学院出版社，2006年版。

Е. В. Дроботушенко

(Забайкальский государственный университет, Чита, Россия)

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ШАНХАЕ¹

История российской эмиграции в Китае не раз становилась предметом научного анализа. Однако изучена она неравномерно в территориальном и тематическом плане. Значительное большее внимание уделено северу и северо-востоку страны, где какое-то время проживало достаточно много российских эмигрантов. В меньшей степени проанализированы особенности жизни российской эмиграции на западе страны, в Синьцзяне, а также в Тяньцзине, Мукдэне, Ханькоу и Шанхае. При этом отдельные аспекты изучены сильнее, отдельные слабее. На наш взгляд, на сегодня не в полной мере проанализирована и нашла отражение в научных публикациях история православной эмиграции в Шанхае. При этом архивные хранилища содержат значительный объем документов по проблематике. Значительное количество фондов с делами по православной российской эмиграции Шанхая содержатся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет».

К сожалению, на сегодняшний день нельзя назвать какой-либо один конкретный фонд, полностью посвященный православной шанхайской истории. Информация дисперсно разбросана по самым разным фондам и делам. При этом в документах основной массы фондов аспекты истории православия в Шанхае находят только упоминания. В то же время есть фонд, в котором данные по интересующей нас проблеме сосредоточены в большей степени. Это фонд Р6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1943–1991». Интереснейшие данные находим в документах первой описи «Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965 гг.» названного фонда. В них представлены, помимо прочего, материалы по православию в Китае. Отдельные дела так и называются. К примеру, дело 433 «Материалы по православной церкви в Китае» [Ф. Р6991. Оп. 1]. Некоторые дела содержат документы по православию в Японии, Корее и Китае [Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 588; Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 589].

Здесь следует сказать, что упор делается, главным образом, на состояние Духовной миссии в Пекине или на православии севера страны. Однако встречаем и упоминания, связанные с православием в Шанхае. В том же деле 433 говорится об оценке архиепископом Виктором (Святым) позиции епископа Иоанна (Максимовича) в период «раскола» [Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 433. Л. 19].

Некоторые дела содержат документы с характеристикой истории Восточно-Азиатского Экзархата, образованного в 1946 году с центром в китайском Харбине. Ярчайшим примером таких дел является дело 1002 «Материалы по Восточно-Азиатскому Экзархату». Создание и деятельность Экзархата, по нашему мнению, не оказала сильного влияния на православие в Шанхае, однако некоторые документы характеризуют отдельные страницы его истории [Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1002].

Отдельно можно выделить документы по вопросам деятельности Православной Церкви на Дальнем Востоке (Япония, Корея, Китай). Они представлены в виде переписки Министерства иностранных дел СССР. В них содержатся самые разноплановые данные, к примеру, о деятельности Восточно-Азиатского Экзархата. Среди прочего «проскальзывает» информация по православию в Китае, к примеру о том, что Экзархат не получает средств от подворья Российской Духовной миссии в Шанхае, или о том, что священники — китайцы по происхождению в начале 1950-х годов были, помимо Пекина, только в Шанхае [Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1106. Л. 86–88].

Выше шла речь о делах первой описи фонда Р6991, однако интереснейшие дела, а, самое главное, содержащие богатейший материал по истории православия в Китае относятся и к некоторым иным описям. Так, к примеру, ко второй описи относятся дела 300 и 600 «Материалы по православной церкви в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Китае, Японии, Индии, Индонезии и др.)» от 1960 и 1965 года, соответственно. Они дают нам информацию по православию в разных регионах страны, относительно подробно останавливаясь на истории Православной Церкви в Синьцзяне [Ф. Р6991. Оп. 2. Д. 300; Ф. Р6991. Оп. 2. Д. 600].

Среди дел четвертой описи того же фонда встречаем документы по истории старообрядчества в разных странах, в том числе и в Китае. Оно характеризуется на фоне анализа общей социально-политической ситуации в отдельных регионах страны, что помогает в воссоздании восприятия исследователем религиозной картины в целом [Ф. Р6991. Оп. 4. Д. 53].

В оценке фондов ГА РФ по истории православия в Шанхае нельзя не сказать о фонде Р6343 «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, Сремске-Карловцы 1921–1941». Первая «Опись дел Архиерейского Синода

РПЦ за границей. 1917–1940 гг.» представлена рядом дел с послужными списками священнослужителей Православной Церкви в Китае. Основная масса этих дел очень кратки и содержат только самые основные данные по персоналиям, однако в совокупности с данными иных документов и имеющихся публикаций они позволяют воссоздать наиболее полную картину истории православия в стране. Несколько дел касаются православных священнослужителей в Шанхае [Д. 216; 277; 286; 321; 324; 329; 330; 331; 334; 335; 336; 337; 338].

Отдельные дела названного фонда содержат данные по истории российской эмиграции в Австралии, основная часть представителей которой, как широко известно, прибыла из Китая, в частности, из Шанхая [Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 216].

Основные носители православия в Шанхае в рассматриваемое время — это, несомненно, представители российской эмиграции. Китайцев в общей массе верующих было немного. Исходя из сказанного очевидно, что данные по православной истории города могут быть встречены в документах по истории эмиграции.

В рамках проблемного поля статьи нельзя не сказать о фонде Р9145. Отдельные дела первой описи «Дела постоянного хранения. 1918–1945 (небольшая часть документов за 1900–1912–1917 гг.)» содержат данные по Православной Церкви в Китае. Так, интереснейшим представляется дело 234 «Материалы белоэмигрантских церковных организаций в Китае (отчеты, воззвания, заявления и другие. 1924–1936». Данное дело содержит очень много самой разнообразной информации по православию в Китае, в том числе и по Шанхаю. В нем находим информацию об устройстве молитвенного дома в помещении Союза служивших в российских армиях и флоте в 1927 году, об устройстве архиерейского дома, о речи епископа Симона (Виноградова), обращавшегося к верующим Шанхая, и т. д. [Ф. Р9145. Оп. 1. Д. 234. Л. 195, 205].

Значительную часть прихожан Православной Церкви составляли представители казачества в эмиграции. Здесь следует сказать о, пожалуй, единственном фонде, полностью посвященном истории «русского Шанхая». Это фонд Р5963 «Казачий Союз в Шанхае. 1925–[1939]». Так, дело 15 данного фонда «Сведения о эмигрантских союзах и обществах в Китае. Справки о членах правления казачьего союза в Шанхае. 09 апреля 1925 — 25 февраля 1926» первой описи «Дела постоянного хранения. 1925–1931 годы» дает нам представление о социальном составе основной массы белоэмигрантского общества города, которая была представлена казачеством [Ф. Р5963. Оп. 1. Д. 15]. Списки эмигрантов по ряду общественных эмигрантских общественных организаций Шанхая содер­жатся в объемном деле 25 «Письма И. Е. Шендрикова о делах шанхайского и харбинского белоказачьих союзов, впечатления о Японии. Список членов правления, ревизионной комиссии и суда казачьего союза. Ходатайство членов союзов о выдаче им пособий» [Ф. Р5963. Оп. 1. Д. 25]. Илья Никифорович Шендриков (1878–1957) — бывший присяжный поверенный, бывший казак Семиреченского казачьего войска, представитель этого войска при адмирале А. В. Колчаке, некоторое время был редактором шанхайской газеты «Русское эхо», секретарем Комитета по оказанию помощи сиротам Великой войны. Он стоял у истоков Шанхайского казачьего союза, был председателем его правления [Шендриков, 2005]. Очевидно, что он лично знал значительную часть представителей российской эмиграции, и его переписка является ценнейшим источником как по истории российской эмиграции в целом, так и по истории эмиграции православной.

Большой объем данных по российской эмиграции в Китае содержится в делах фонда 10017 «Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций. 1904–2005». Это самые разные по свое-

му характеру документы: переписки, газетные вырезки, справки. Примером может являться дело 148 «Вестник Национального Комитета Русского Эмигрантского Комитета. 1935–1936 годы. Шанхай». В нем, среди прочего, упоминается об эмиграции из Харбина в Шанхай в 1932 году после сильнейшего наводнения значительной части эмигрантов [Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148]. Данный фонд содержит также документы по общей истории Православной Церкви за границей, отдельные эмигрантские газеты и др. Примером может служить «Послание Архиерейского Собора Русской Православной церкви за границей», номера газет «Церковная летопись», «Православная Русь», «Рождество Христово» и др. [Ф. 10017. Оп. 1. Д. 182; Д. 200; Д. 201; Д. 202].

Аналогичным является фонд Р5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов», однако он отличается тем, что содержит и определенное количество заметок эмигрантов, отпечатанных на машинке, относящихся к периоду их бегства в Китай или на момент проживания в эмиграции. Таковыми являются, к примеру, записки Г. В. Енборисова «От Урала до Харбина. Воспоминания. 1917–1927» (позже были опубликованы [Енборисов, 1932; Енборисов, 2014]), Г. Земмеринга «От Омска до Чугучака и от Чугучака до Харбина через Монголию. Воспоминания. б/д» и др. [Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 334; Д. 349]. К этому же фонду относятся дела с вырезками из белоэмигрантских газет [Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 862 и др.].

Представляют интерес некоторые дела фонда 10113 «Коллекция копий документов по истории белого движения и эмиграции, переданных из других архивов Российской Федерации и зарубежных стран». Среди них часть дел содержит документы по истории российской эмиграции в Шанхае. Это дела 56 «Опросные дела Шанхайского бюро общественной безопасности, заполненные отдельными российскими эмигрантами», 57 — «Прошения Совета объединенной русской

эмиграции, Эмигрантского комитета и общества “Помощь”, заявления и анкеты отдельных русских эмигрантов, изъявивших желание переехать в Китай, с просьбой получения разрешения на въезд и проживание в г. Шанхае» [Ф. 10113. Оп. 1. Д. 56; Д. 57].

По истории российской эмиграции в целом интерес для настоящего исследования представляют и иные фонды, к примеру, фонд Р6055 «Коллекция информационных материалов в советской России, Германии, Польше и других странах за 1917–1937 гг.». Его дела, в частности, содержат вырезки из эмигрантских газет о Китае по самым разным вопросам [Ф. Р6055. Оп. 1. Д. 49].

К этому же фонду относятся некоторые документы, характеризующие отношения Китая к иностранцам [Ф. Р6055. Оп. 1. Д. 37].

Переписку главы всех воинских союзов и организаций Дальнего Востока и Америки генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского с белоэмигрантскими организациями Дальнего Востока, в том числе с шанхайскими, находим в целом ряде дел фонда Р5826 «Русский Общевоинский Союз (РОВС). Сремски-Карловцы, Париж. 1924–[1937]». Они относятся к первой описи «Дела постоянного хранения. 1921–1932 гг.». Документы данных дел дают исследователю представление о российских эмигрантских структурах. Это Шанхайский Казачий Союз, Комитет защиты прав и русских интересов в Шанхае, Комитет монархических организаций Дальнего Востока, Общество русских эмигрантов в трех восточных провинциях Китая. Здесь же встречаем переписку А. С. Лукомского с различными деятелями российской эмиграции за границей, такими как председатель отдела Русского Общевоинского Союза (РОВС) в Китае, глава Дальневосточной русской эмиграции генерал-лейтенант Дмитрий Леонидович Хорват, начальник штаба белоэмигрантской группы войск

маршала Чжан Цзолиня генерал-майор М. А. Михайлов и др. [Ф. Р6055. Оп. 1. Д. 37; Д. 137; Д. 1386; Д. 141; Д. 143; Д. 144; Д. 145; Д. 146; Д. 148; Д. 149; Д. 150; Д. 151]. Отметим, что в некоторых публикациях говорится, что М. А. Михайлов был полковником Генерального штаба [Окороков, 2017].

К фонду Р5826 относятся также дела, содержащие в себе документы иного рода, к примеру, списки белоэмигрантов на Дальнем Востоке [Ф. Р5826. Оп. 1. Д. 122].

Отдельные упоминания по истории российской эмиграции в Шанхае можно встретить в личных фондах (фондах личного происхождения). Так, к примеру, к первой описи «Дела постоянного хранения. 1921–1936» фонда Р7055 «Скачков Павел Антонович. Заведующий донским казачьим архивом. 1877–1936» относится дело с письмом Общеказачьей станицы Шанхая. Отметим, что материалы дела служат лишь дополнением к истории российской эмиграции, называя некоторые имена и казачьи структуры города [Ф. Р7055. Оп. 1. Д. 245]. К первой «Описи дел фонда И. П. Игнатьева за 1623–1918 гг.» фонда 730 ««Игнатьев Николай Павлович, граф, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел, посол в Турции, министр государственных имуществ, министр внутренних дел, член Государственного Совета, Председатель Славянского благотворительного общества» относится дело с копией письма начальника Русской Духовной миссии в Пекине архимандрита Гурия (Карпова) торговому дому «Россель Коми» в Шанхае с просьбой сообщить об условиях снабжения Пекина рисом, датируемого еще 1860 годом [Ф. 730. Оп. 1. Д. 391].

В личном фонде «Павлович Михаил Павлович (Вельтман), Председатель Всесоюзной научной организации востоковедения, Председатель Правления Российско-восточной торговой палаты, Ректор Московского института востоковедения им. Нариманова» находим заметки М. П. Павловича

«Шанхайские события 1925 г. (о революционном движении Китая за период 1925–1927 гг.)». Очевидно, что эти заметки не имеют своей целью охарактеризовать историю шанхайской российской эмиграции или шанхайского православия, однако они могут служить иллюстрацией социально-политической жизни города в рассматриваемые годы. Они же дают нам понимание происходящего со стороны одного из представителей российской эмиграции города [Ф. 5402. Оп. 1. Д. 233].

Одно из дел первой описи «Дела постоянного хранения. 1877–1930 гг.» фонда личного происхождения Р5825 «Руссель-Судзиловский Николай Константинович, народник, публицист, ученый-естествоиспытатель, эмигрант, сенатор и Президент Сената Гавайских островов (США), Почетный гражданин всесоюзного общества политкаторжан» содержит данные по российским эмигрантам большевистской идеологической направленности, появившимся в Шанхае на рубеже второго-третьего десятилетий XX века. В частности, упоминается сам Н. К. Руссель-Судзиловский, который бывал в Шанхае [Ф. Р5825. Оп. 1. Д. 120(1)].

Нам представляется, что на личные фонды стоит обращать особое внимание. Дело в том, что зачастую их исследуют не полностью. Это связано с тем, что по той или иной теме в личных фондах может содержаться одно дело, один документ или же только краткое упоминание. А потому фонды личного происхождения требуют более кропотливой работы. Значительно проще работать со специализированными фондами. Возможно, при дальнейшей работе именно личные фонды дадут новую, не известную ранее информацию по истории российской эмиграции и истории православия в Шанхае.

Отдельные дела с упоминанием российского, а затем и советского представительства в Шанхае с именами россий-

ских эмигрантов относятся и к иным фондам ГА РФ, таким, к примеру, как фонд 102 «Департамент полиции министерства внутренних дел. 1880–1917». Одно из дел описи 238 «Особый отдел. 1908 г.» содержит документы о попытках создания агентурной сети Российской империи в городе и называет имена некоторых российских граждан в Шанхае. Православие в нем не упоминается, но называются имена некоторых российских подданных в городе [Ф. 102. Оп. 238. Д. 102].

Далеко не все российские эмигранты, прибывшие в Шанхай, там осели. Точнее, основная масса из них задержалась в городе до конца 1940-х годов, а затем через филиппинский остров Тубабао отправилась дальше в поисках лучшей доли. Речь идет о тех эмигрантах, которые приехали в город на рубеже второго-третьего десятилетий XX века и практически сразу отправились дальше. Часть из них уехала или планировала уехать в Канаду. Данные о русской колонии там, о возможностях переезда, некоторые имена эмигрантов находим в фонде Р200 «Министерство иностранных дел Российского правительства. г. Омск. 1918–1920». Одно из дел первой описи «Дела Министерства иностранных дел Российского правительства А. В. Колчака. 1918–1920 гг.» содержит переписку по названным вопросам [Ф. Р200. Оп. 1. Д. 196].

Дела фонда Р200 содержат и иную, самую разноплановую информацию по истории российских подданных и русского имущества в Китае. В них встречаем данные и по Шанхаю [Р200. Оп. 1. Д. 417; Д. 443; Д. 476].

Помимо эмигрантов в Шанхае, как и в ряде иных населенных пунктов Китая, проживали и служащие, сначала различных учреждений Российской империи, а затем Советского Союза. Архивы содержат данные и о них. Информация является дополнением к истории уже всей российской (советской) колонии в Китае и Шанхае. Так, одно из дел восьмой «Описи дел постоянного хранения. 1925» фонда 5468 «Центральный

Комитет Профессионального Союза советских и торговых служащих СССР» содержит в себе данные по местным комитетам советских учреждений в Китае, в том числе и в Шанхае. Это протоколы заседаний отделений с именами и фамилиями членов, с обсуждением решаемых вопросов [Ф. Р5468. Оп. 8. Д. 387]. Очевидно, что советские служащие имели слабое отношение к православию, однако подобные дела важны для иллюстрации общей картины шанхайской жизни, в которую «вплеталось» православие.

В Китай в целом и в Шанхай, в частности, российские подданные уезжали и в связи с иными нуждами, не связанными со службой и не думая становиться эмигрантами. К примеру, для лечения. Данные об отъезде из России в Китай российских подданных встречаем в некоторых делах, к примеру, первой описи «Дела постоянного хранения за 1920 г.» фонда Р341 «Политический центр (исполнительный орган Временного Совета народного управления Сибири)» [Ф. Р341. Оп. 1. Д. 47]. При этом приезжавшие в город являлись православными верующими и входили в шанхайскую православную паству.

Определенные данные по истории Шанхая в целом, а также по истории советских служащих, российских эмигрантов дают дела фонда Р4459 «Телеграфное агентство Советского Союза при Совете Министров СССР (ТАСС). 1925–1992». Они относятся, очевидно, к советскому периоду и главным образом затрагивают вопросы развития советских представительств в городе. В то же время на страницах некоторых дел встречаются упоминания и о бывших российских подданных, об их переезде в Шанхай с севера страны [Ф. Р4459. Оп. 28. Д. 262. Л. 7].

Можно назвать и некоторые иные фонды, которые содержат в себе информацию по истории Шанхая в рассматриваемое время, по истории российских подданных в городе, вкра-

плениями в которые можно встретить данные по истории православия. Интересен фонд Р4626 «Русское бюро печати (Российское правительство). Омск. 1919», первая опись которого «1919» содержит, к примеру, дело «Переписка с Шанхайским Русским консульством по вопросу освещения внутренней жизни Китая в прессе» [Ф. Р4626. Оп. 1. Д. 4].

Таким образом, достаточно много фондов Государственного архива Российской Федерации содержат документы по истории российской эмиграции в Шанхае. Специального фонда с данными по истории православия в городе нет, однако информация вкраплениями встречается в самых разных делах различных фондов. Дальнейшая работа с источниками, на наш взгляд, позволит расширить перечень фондов с документами по шанхайской православной истории.

Литература

Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. М.: Вече, 2014. — 288 с.

Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. — 155 с.

Оороков А. В. Русские эмигранты в боях за «Поднебесную» (1920-е гг.) // Журнал института наследия. 2017. № 4 (11). С. 5.

Шендриков И. Н. Нужды Семиреченского казачества // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 240.

Ю. Б. Дюндик

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ — РЕГИОН ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КИТАЯ

Сегодня мы наблюдаем смещение центра мировой политики, основными игроками которой становятся две сверхдержавы — США и Китай. Подъем Китая — это, безусловно, наиболее значимый и важный международно-политический процесс XXI века: невероятный экономический рост и активная дипломатия официального Пекина уже преобразуют Восточную Азию, а в ближайшем будущем мы увидим, что его мощь будет только расти, а влияние расширяться [Буравкова, 2014, с. 12]. Китай, достигнув небывалых высот в экономике (по некоторым прогнозам, к 2025 году Китай выйдет на первое место в мире в сфере экономики), начинает претендовать также на ведущую роль в сфере геополитики, что ведет к расширению его интересов относительно не принадлежащих ему территорий.

Так, территориальная принадлежность целого ряда островов в Южно-Китайском море (ЮКМ) уже в течение многих лет является предметом спора между Китаем и несколькими странами АТР (Вьетнамом, Брунеем, Малайзией, Тайванем и Филиппинами). В частности, речь идет о Парасельских островах, островах Наньша (Спратли) и Хуанъянь (риф Скарборо). Китай претендует на 80 процентов территории, Вьетнам — на Парасельские острова и Спратли, Филип-

пины — на острова Спартли и риф Скарборо, Бруней и Малайзия — на южную часть моря и часть Спратли. Китайские источники сообщают, что острова были обнаружены китайцами примерно две тысячи лет назад. Однако до начала XX века не было отмечено каких-либо территориальных споров в ЮКМ относительно этих островов. В 1947 году Китай обнаружил карту, в которой государственная граница в ЮКМ была обозначена в виде так называемой девятипунктирной линии (nine-dash line), которая включает в себя практически 90% этого региона, в том числе острова Спратли и риф Скарборо. Что примечательно, Китай использует эту карту как главный аргумент в споре, доказывая свои права на территорию.

В последние годы мы наблюдаем все большую активность Китая в ЮКМ, что связано, в частности, с тем, что в 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс — один путь», которая глобально направлена не только на усиление экономического влияния в мире, но и на достижение мирового политического господства. Н. В. Полякова отмечает, что в проекте «Один пояс — один путь» могут участвовать все заинтересованные государства, а также международные организации, а не только те страны, которые входят в регион Древнего Шелкового пути, когда-то соединившего практически всю Евразию [Полякова, 2019, с. 125]. Данная инициатива объединяет два проекта: первый — «Экономический пояс Шелкового пути», который предполагает формирование единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора, а также «Морской Шелковый путь XXI века», т. е. развитие морских торговых путей. Таким образом, доминирование в Южно-Китайском море — стратегически важная цель, без которой достойная реализация проекта кажется маловероятной.

Помимо расширения географии и других инструментов, способствующих установлению геополитического доминирования, для реализации поставленных целей необходимы мощный военно-морской флот и современная боевая авиация с большим радиусом действия. На сегодняшний день Китай уступает лишь США и занимает второе место в мире по оборонным расходам. Например, в Китае сегодня три флота: это народно-освободительная армия Китая (НОАК), народно-вооруженная полиция (внутренние войска, сюда же относятся береговая охрана) и вооруженная морская полиция, созданная в 2013 году, которые являются самыми многочисленными в мире. Активно проводится техническое (пере)оснащение вооруженных сил, идет программа модернизации, особенно значительные успехи отмечаются в сфере военно-морского строительства. Так, Китай имеет внушительное количество подводных лодок — 75 (у США — 70 судов), но уступает флоту США по числу авианосцев — у КНР их два, в то время как у США — десять. По данным А. В. Губина, Пекин владеет несколькими списанными или недостроенными авианосцами — «Мельбурн», «Киев», «Минск» и «Варяг», самым передовым является «Варяг» — аналог российского авианосца «Адмирал Кузнецов», который был куплен на Украине в 1998 году. Этот крейсер введен в состав китайского флота под названием «Ляонин» в 2012 году [Губин, 2018]. Тем не менее, КНР активно занимается строительством трех плавучих аэродромов, а к 2025 году ожидается появление первого атомного авианосца. Расширение военной мощи несомненно также требует расширения территории, где корабли могут размещаться для обслуживания, ремонта, переоснащения и пополнения припасов. Таким образом, Китай начинает активное строительство и развитие военно-морских баз, в частности на спорных территориях Южно-Китайского моря. Китай начал проводить политику так называемых искусственных

насыпных островов, не афишируя свои действия. Только благодаря анализу снимков со спутника информация об активном возведении искусственных насыпных островов и их дальнейшей застройке стала известной мировой общественности. Как отмечают Н. К. Хунг и М. Е. Тригубенко, крупнейший атолл архипелага — Суби, например, является наиболее «застроенным» из семи, уже возведены или находятся в процессе 400 зданий и построек. На остальных островах рекордными темпами также возводятся объекты военной инфраструктуры (казармы, взлетно-посадочные полосы с укрытиями, мастерскими, многочисленными складскими помещениями, включая помещения для ракет, хранилища топлива, радарные установки, станции слежения), расширяются гавани [Хунг, Тригубенко, 2018, с. 44]. Таким образом, мы видим постепенное планомерное усиление позиций Китая, противопоставление Китая не только странам АСЕАН, но, главным образом, США, не желающим сдавать свои позиции в регионе. США не выдвигают каких-либо территориальных претензий, однако оказывает активную поддержку своим союзникам в регионе. Безусловно, США выполняют не только привычную роль миротворца в регионе, но и преследуют свои цели. ЮКМ представляет собой источник огромных запасов нефти и газа¹; в ЮКМ пролегает стратегически важный

---

¹ Анализируя работу Кларенса Буше, И. Н. Золотухин пишет: «...архипелаг Спратли не без оснований называют “вторым Персидским заливом”. Буше приводит данные USEIA (администрации США по энергетической информации), которая оценила освоенные резервы газа в районе шельфовой зоны Спратли в 1 трлн куб футов; неосвоенные залежи нефти от 5,4 до 8 млрд баррелей; неосвоенные залежи газа от 7 до 55 трлн куб футов. Цифры Национальной нефтяной компании КНР еще более оптимистичны: 125 млрд баррелей и 500 трлн куб футов, что в 5 раз превышает резервы Китая. Интерес Китая к энергоресурсам шельфа Спратли очевиден с учетом того, что в ближайшие 25 лет потребление нефти и газа в стране вырастет вдвое, а потребление угля, как экологически грязного топлива, сократится. К тому же Спратли значительно ближе, чем Персидский залив, что

морской маршрут из Восточной Азии в Западную Азию, Африку и Европу через Малакский пролив, при этом через пролив ежегодно проходит груз на триллионы долларов; Парасельские острова и острова Спратли важны с военно-стратегической точки зрения — военное присутствие позволяет контролировать с воздуха большую часть ЮКМ [Хунг, Тригубенко, 2018; Dyundik, 2019]. Активные действия Китая в нейтральных водах Южно-Китайского моря в последние годы можно считать благоприятным толчком для более активных действий США в регионе, которые начали утрачивать свое влияние в регионе. Вместе с тем некоторые исследователи утверждают, что политика Дональда Трампа — громогласные заявления, не имеющие реальной реализации в отношении Китая и других стран АСЕАН — подарок для Китая, и многие в Китае надеются на его переизбрание на второй срок, поскольку именно благодаря его политике КНР начинает обретать мощь и занимать ведущие позиции в геополитике (But for China, Trump's weaknesses are more important than his bluster. During numerous off the record discussions with Chinese government officials and scholars, we are finding that an increasing number are hoping for Trump's reelection next year. At a time when China's political influence and military capabilities are growing, they argue that in spite of his anti-China bluster, Trump has afforded Beijing the space to expand its influence across Asia and, more importantly, comprehensively weakened Washington's global leadership. From a zero-sum standpoint, many Chinese have concluded that Trump's policies are strategically very good for China in the long run [Haenle, Bresnick, 2019]).

Тем не менее, на сегодняшний день действия США позиционируются самой Америкой и рассматриваются в мировом

снижает себестоимость углеводородов, а также и инфраструктурные и транспортные затраты» [Золотухин, 2014, с. 146].

сообществе как протекционистские и, соответственно, не вызывающие вопросов у общественности, ср.: «China is trying to be a bad neighbor, but the U. S. won't let it» ([Bateman, 2015] — заголовок в журнале «Esquire»). Для Китая важно не допустить укрепления доминирования США в ЮКМ, как и для США стратегически важно не допустить абсолютного лидерства Китая в регионе. Помимо вышеперечисленных причин доминирования в ЮКМ, релевантных для обеих стран, стратегический интерес Китая — это также Тайвань. «Китай полон решимости блокировать действия военных судов США, которые потенциально могут воспрепятствовать его возможной операции по воссоединению с Тайванем, в случае, если это потребует силового воздействия, а также они способны перекрыть его торговое судоходство со странами Ближнего Востока и Центральной Азии через ЮКМ» [Локшин, 2019, с. 58–59].

Вероятно, конфронтация между двумя мировыми державами будет со временем только нарастать, поскольку на сегодняшний день, несмотря на видимое затишье и дипломатические переговоры, в частности, обсуждение Кодекса поведения сторон (Code of Conduct) в Южно-Китайском море, обе страны ведут активные действия: например, США под предлогом северокорейской угрозы разместили в Южной Корее противоракетные комплексы THAAD, которые, по мнению КНР, направлены в первую очередь на возможность блокировать КНР при необходимости; также обе страны проводят активную пропаганду в СМИ, подготавливая общественность к необходимости решительных мер в ситуации конфликта и оказывая психологическое давление друг на друга. Тем не менее, некоторые специалисты считают, что Пекин пока не готов к серьезному открытому военному столкновению с Америкой. Здесь важную роль играет не только наличие ядерного оружия у обеих стран, но и тесные торгово-эко-

номические отношения, кризис в которых, несмотря на торговую войну, нанесет серьезный ущерб не только странам-участницам конфликта, но и мировой экономике. Интересно также мнение, что своим постоянным присутствием в водах ЮКМ США провоцирует локальные конфликты между странами АСЕАН, пытаясь втянуть КНР в местные «разборки» с сопредельными государствами, что повлечет ослабление мощи Китая и, соответственно, США сможет укрепить свои позиции в мировой политике и экономике.

Таким образом, как отмечает Г. М. Локшин, на сегодняшний день основная линия геополитического напряжения пролегает именно в АТР, при этом Америка, привыкшая к лидерским позициям, активно борется за сохранение своих до недавнего времени господствующих позиций, а новый, «молодой» лидер (Китай) не менее энергично пытается ее вытеснить. Противостояние США и Китая в Южно-Китайском море — это часть их общей борьбы за доминирование в АТР. Для США это попытка сохранить установившийся там после Второй мировой войны порядок, который называли в прошлом «Пацем Америка», против явно идущего ему на смену китаеццентричного «Сина пацем» [Локшин, 2019, с. 54]. Открытая конфронтация США и Китая может привести к холодной войне, затрагивающей не только эти две страны, но и запустить процесс деглобализации, когда мир вынужден будет разделиться и принять либо сторону США, либо Китая. Поскольку «мир по-американски» во многом является глубоко чуждым не только КНР, но и многим другим развивающимся странам, вполне вероятно, что в 20–30-е годы XXI века в мире начнется формирование антиамериканского блока, а лидером станет именно Китай, следовательно, вероятность геополитического конфликта между КНР и США значительно возрастет [Арсентьева, 2015, с. 50].

Литература

Арсентьева И. И. Вероятность геополитического конфликта КНР и США // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 6–3. С. 47–50.

Буравкова А. Г. Конфликтогенный потенциал американо-китайских взаимоотношений: глобальное и региональное измерение // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 34. С. 12–23.

Губин А. В. Военно-морские силы как инструмент современной политики Китайской народной республики // Россия и АТР. 2018. № 1 (99). С. 187–202.

Золотухин И. Н. Американский взгляд на территориальный спор вокруг архипелага Спратли // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 2 (29). С. 144–151.

Локишин Г. М. Стратегическое соперничество Китая с США в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1. № 2 (43). С. 54–73.

Полякова Н. В. Новый интеграционный формат КНР: «Один пояс — один путь» // Двадцатые Петровские чтения: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. СПб., 2019. С. 125–127.

Хунг Нгуен Куок, Тригубенко М. Е. Битва за Южно-Китайское море между КНР и США // Академия права и экономики. 2018. № 1. С. 43–48.

Bateman R. China is trying to be a bad neighbor, but the U.S. won't let it. URL: <https://www.esquire.com/news-politics/politics/news/a39695/china-us-spratly-sea/> (дата обращения: 20.11.2019)

Dyundik Yu. B. Fight for global leadership: US — CHINA conflict in the South China sea // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: Материалы Международной научной конференции. Иркутск, 2019. С. 151–155.

Haenle P., Bresnick S. Trump Is Beijing's best asset. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/15/trump-is-beijing-s-best-asset-pub-80101> (дата обращения: 27.11.2019).

叶慧（南昌）
江西财经大学
康明尧（伊利库茨克）
伊利库茨克国立大学

中国管理原社会学：老子的“无为”思想及其对现代社会管理的启示

一、老子“无为”思想的产生

春秋战国时代，周王室衰微，各诸侯国任意妄为，社会动荡不安、秩序混乱，给百姓带来了沉重的灾难。土地的兼并现象日趋严重，加剧了贫富差距的分化，“富者田连阡陌，贫者无立锥之地”就是当时社会的残酷写照。而各诸侯国为扩大领土、掠夺财富肆意发动战争，频繁的战争使百姓流离失所，生命安全无法得到保障。加之诸侯国各领导阶层为满足骄奢淫逸的生活和频繁的对外战争，而“厚征敛于百姓，暴夺民衣食之财”，这横征暴敛更是加深了老百姓饥寒交迫的生存苦难。

在这么一个特殊时期，由于铁农具的使用和耕牛技术的推广，社会生产力特别是农业生产有了很大的发展。以牛耕和铁农具使用为标志的农业技术革命兴起，整个社会进入了一个大变革时期。原来“籍田以力”的经营方式难以继续维持，于是各诸侯国相继采取了收取租税的方法。这种经营方式的改变造就了大批的新兴地主，使古代中国的社会结构发生了变化。与农业的发展并行的是手工业的发展和商业的繁荣。政治上，周天子的权威逐渐下降，逐步丧失了对天下的控制权，而诸侯的经济军事力量却逐步超越周天子。诸侯的不断强大，造就了一批崛起的卿大夫们。卿大夫们因为实力

的增强，也逐渐不再听从诸侯的号令，由此政权不断下移。王权的衰微和诸侯的兼并扩张，导致了礼乐制度的崩坏。这种“礼崩乐坏”的局面，表明了旧有的等级关系和统治秩序的崩溃，社会呈现出多元、无序的混乱状态。

在这么一种混乱的形势下，面对这场变革，当时的思想家们站在不同的立场上著书立说，提出了各种各样的应对方案并进行深刻论述，对中国的塑造和发展产生了重大而深远的影响，以至于我们今天的社会还有他们的深刻烙印，我们进行社会管理时还能从中找到灵感。其中道家学派的创始人老子，就在深入研究前人成就的基础上，根据自己所面对的现实进行深入的具有高度超前性的理论思考，提出了一套独特而完整的社会管理思想，以不同的路径持续影响着后来的中国社会，并一直延绵至今。

老子作为周朝的守藏室之史官，就是现在的国家图书馆馆长。可以想象作为国家图书馆的馆长，他有着特别丰富的知识与智慧。他看到的东西远远不是一般人能看到的，去他那里查阅图书的，必然是高层次的文化人和学者，经常进行交流。“听君一席话，胜读十年书。”自然老子的知识和智慧在不断丰富起来了。而且，他这个职位在京城，处于王朝的中心，能够获取大量的历史信息，这也就是老子的知识和智慧产生的源泉。

二、老子“无为”思想的内涵

老子在他的《道德经》第三章写道：“不尚贤，使民不争；不贵难得之货，使民不为盗；不见可欲，使民不乱。是以圣人之治也，虚其心，实其腹，弱其志，强其骨，常使民无知无欲。使夫智者不敢为也，为无为，则无不治。”这就是他的社会管理思想的基本原则“无为而治”。

当然，这种“无为而治”不是普通意义上的无所作为，是基于当时“妄为而治”而提出的，是具有深层次涵义的“无为而治”。

“无为而治”主要包含两层含义：一是在社会管理中，管理者并非消极地不干任何事，而是要在顺应自然规律地情况下实事求是地办事情。老子的《道德经》中有：“道常无为而

无不为。候王若能守之，万物将自化”，“道”常以无为的行为而达到无所不为的目的。《道德经》中的“道法自然”，“道”取法于它自然而然之下的本真状态，万物遵循“道”而自然运行，管理者若可以守住大“道”，治下的黎民百姓都将自然顺化而生存。二是管理者在管理社会时不可任性妄为。《道德经》中：“我无为而民自化，我好静而民自正，我无事而民自富，我无欲而民自朴。”管理者要是做到了“无为而治”，百姓就会变得自然顺化；管理者内心要是能处于宁静状态，百姓自然会端正思想德行；管理者不任性妄为地用政令或战争坑害人民，百姓自然会自立自强而走向富裕安康；管理者若不骄奢淫逸地任意放纵自己的欲求，百姓便自然地变得敦厚、朴实。《道德经》中：“圣人处无为之事，行不言之教；万物作焉而不辞为始，生而不有，为而不恃，功成而弗居。夫唯弗居，是以不去”。这就是说圣人所要做的事就是顺应自然，不主张人为，圣人的教育就是顺应人心而不用言语教化。万物生长不加限制，生养了万物而不据为己有，帮助了万物而不自恃有功，建立了功劳却不居功。正是因为不居功，所以才不会失去功绩。所以，管理者最好的办法就是：顺应自然，去掉那些极端的、过分的和不切实际的想法与做法。

1.“无为而治”即“自然而治”

老子的管理思想立足于“无为而治”是有其理论上的内在逻辑依据的：老子的无为主义思想是从天道自然原理推演出了社会人事“无违”自然的人道原则，体现了无为主义与自然主义的统一。老子认为：道作为本体，其实质就是无为。所以“无为”是道之“德”的体现，“无为”是道的一种“上德”，《道德经》中就有：“道常无为”、“上德无为”。

《道德经》中“道生之，德畜之，长之育之，亭之毒之，养之覆之，生而不有，为而不恃，长而不宰，是谓玄德”。也就是说，道生万物，德养万物但“道”并不因此而把功劳占为己有，也不自恃有功对万物生长横加干涉，这是一种深远的德。道之所以会具有这种生而不有，为而不恃，长而不宰，功成不居的深厚的道德 是出于道的自然本性。老子认为道的本性就是不用心、不经意、不强求、自然而然的态度去成就一切。又

有“天之道，不争而善胜，不言而善应，不召而自来”。道的这种自然性就是无为“无为”也就是无违自然，因任自然而无所作为或不强作为之义。在老子看来，不仅道“无为”，而且天地万物在其本性上也都是“无为”的，因此人当然也不应例外。所以老子得到了“人法地、地法天、天法道、道法自然”这一结论。所谓“自然”，就道自身来说，就是自己如此之义，而就道与万物的关系来说，就是顺应万物之固有本性、使之自然而然地演化之义。可见，道的作为就是一种“顺其自然而为”老子说：天地不仁，以万物为刍狗；圣人不仁，以百姓为刍狗。天地无所偏爱，听任万物自生自灭；圣人无所偏爱，听任百姓自然地生活，这种使天地万物“自化”顺其自然而为的结果就体现了道的“无为而无不为”的性质。这样，我们可以看到“无为”的概念必须在道的自然性中去把握其内涵，实际上“无为”就是“自然”的另一种说法，两者是一样。也就是说，人民和万物都可以得到自由、自然的发展，“功成事遂，百姓皆谓我自然”。管理者不干涉人民，任其自然，功成事遂了。理想的管理者，正是善于以这种自然无为的态度管理社会。

2.“无为而治”即“无事而治”

“无为而治”的主要表现形式是“无事而治”。《道德经》中：“为无为，事无事。以正治国，以奇用兵，以无事取天下。取天下常以无事，及其有事，不足以取天下”。老子用“无事”来解释“无为”，表明在管理方面的无为就是无事。“事”是什么呢？通俗的说，事就是国家的祭祀，打仗，礼教等方面的事情，老子是厌恶礼制与打仗这些“事”，认为繁文褥礼、仁义说教并不能管理社会，同样，戎马仓皇、干戈扰攘，也不足以管理好社会。同时老子所厌弃的“事”，还应包括管理者设禁忌、制法令之事。在老子看来，管理者以其权力强行制定并推行的各种禁忌法令越多，人民所获得的自由就越少，生活就会越贫困。同时严刑律法不仅未能禁绝邪恶之事，反而使之泛滥，导致更多的盗贼的产生和社会的混乱。所有这些强作妄为之事都违背了道的自然无为的属性，因此这样子是不足以管理好社会的。相反，若“无事”即无繁苛之政、无扰攘之事、无兵役之劳，则社会就可达到“无为而治”，“无事”意味着清静无为无欲不争，因

而老子把“无为”“无事”的管理原则又进一步引申为清静无为、无欲不争的管理之道。老子认为，贪欲不仅是人生的大敌，也是社会管理的大敌，是造成社会罪恶和灾害的源头，这就是老子说的“咎莫大于欲得”。如果管理者能做到“无为”、“好静”“无事”“无欲”，人民就能自我化育，社会就会自我完善。

3.“无为而治”即“善为而治”

老子的“无为而治”，常常被简单地误认为是一种鼓吹消极避世的颓废主义，其实老子思想的基本格调是积极入世的，“无为而治”即是如此。老子说“无为”“无事”“无欲”，并非真的提倡完全无所作为无所事事绝对禁欲。实际上，在老子的无为学说中，老子没有一概而论的反对“为”，而是不轻率、不妄为、不做作、不自恃的作为，是善于以顺其自然而然的态度成就的作为。对于“无为”和“善为”，老子还有一个很形象的比喻，即“治大国若烹小鲜”。“治大国若烹小鲜”是老子的一句广为人知的管理社会格言。这个比喻的意思就是要“无为而治”。治理国家就像烹制小鲜鱼，不能老去乱翻搅，翻搅多了就会搅烂，不乱搅，就是“无为”，管理社会亦然，不能乱干涉，瞎折腾，作为多了反而要坏事。因此管理的最好办法恰恰是不采取任何办法，实行无为、少为而治。显然，这是最符合老子“无为而治”思想的解法。所以，管理社会就要像煎一条小鱼一样轻松自如，毫不挂意。这就是要“举重若轻”，只有能够将一切万物都置之度外，才能将管理好社会，因为只有这样，才能以一种自然的“平常心”来管理社会，才能达到“无为而无不为”的“善为”之结果。

三、老子“无为”思想的发展

面对春秋时期社会更加混乱、政治更加腐败的现象，作为周朝守藏室之史官的老子，反思历史、剖析社会，提出了“无为”的思想。它强调人们做人要坚守自己的本性，做事要遵循一定的自然规律，使人与人、人与自然、人与宇宙都能处于和谐统一状态。

到了战国时期，出现了道家学派另一代表人物——庄子，庄子继承和发展了老子的“无为而治”思想。他以天人关系为出发点的，崇尚“无为而为”。他认识到，构成当时社会

现状的一切不安因素只要是那些存在于社会各阶级阶层之间观念的谬误。正是因为这样，出现了“有为”，有了斗争、有了不和谐。他还认为“有为”又始于“人知”，他说“故天下每每大乱，罪在于好知”，意思说如果被管理的人有了知识、有了思想，他们就可能会反抗。所以，庄子赞美浑沌的状态，反对“机心”，达到“无为”就要使民无知，甚至于连自己不同于牛马也不知道。这是关键，是根本。“故绝圣去知，大盗乃止；擿玉毁珠，小盗不起；焚符破玺，而民朴鄙，斗折衡，而民不争。殫残天下之圣法，而民始可以议论。”他认为取消了这些东西就可以得到所谓“至德之世”。这正是对老子“无为而治”的思想的继承。

而后，述庄派把“无为”概念的精神在艺术领域大加发挥，把“无为”理论导入了美学领域。述庄派认为，最好的艺术品是在无心的状态下完成的，艺术家必须心无他虑，只在乎他即将创作出来的艺术品的自然之性。

黄老派突出的一个特征就是提出了“君无为而臣有为”的新观念。他们认为，无为只适合君主，臣下需要行动。黄老派把“无为”理论应用到社会管理领域，并对后世产生了很大的影响。

而在西汉初年，由于刘邦君臣大都或直接或间接受到老子思想的影响，如张良、陈平、陆贾，所以他们施政治国运用了老子的“治大国若烹小鲜”的道理。他们主张清静无为的政治，实行轻徭薄赋、除烦去苛、敦朴节俭等措施，使西汉初期的政治稳定、经济发展、人民生活水平日益提高。

唐代开国初期，在面对经历了隋末疾风暴雨式的战争之后，百废待兴的残局，李唐王朝的统治者不仅以老子的后代自居，为了巩固统治，发挥发展生产，运用老子的“无为”思想安民理国。他们施行了“抚民以静”的施改方略，轻徭简政，实行抑情损欲的修身之道，去奢从简，提出了谦下纳谏的诚信之道，与民休息，抚外安内，迎来了“贞观之治”的盛世。

四、老子“无为”思想的启示

如今，科学技术飞速发展，社会日新月异，而老子的“无为”思想仍然对社会管理有着很大的作用。管理者在管理社会

时，要避免出现越位、缺位、错位的现象，这就要求管理者“归位”，把做好的事情。管理者不是万能的，不可能也没必要包办全社会所有事务，管理者要做的是应该加强公共服务、解决公共问题，为经济社会协调发展提供切实保障，从而达到无为而治。深刻理解老子的无为思想对进一步提高管理者社会管理效率，对于高效管理社会具有重要意义。

“无为”思想有利于促进人与自然的和谐。首先，老子的“无为”思想就是要人效法自然，人存在于自然之中，时时与自然发生各种错综复杂的联系，如何处理好人与自然之间的关系。是当今社会急待解决的问题。随着科技不断发展，特别在全球生态危机日益严重的情况下，人类只有重新建立起人与自然的和谐关系，才能实现人与自然和谐和可持续发展。人类对自然界应该持“无为”的态度，在改造自然过程中遵从自然发展规律，尊重宇宙万物的自然本性，不可以人的功利价值随意改变一切。这样，才能实现人与自然和谐发展。

其次，人生活在社会之中。人与社会每天都会发生联系，如何保持人与社会的和谐是人们关心的重要问题。老子主张人应效法道而生活，认为人与人之间是平等的，如果人人都能“谦下不争”，矛盾就能得到有效缓解，才能维持社会稳定与和谐发展。他的“小国寡民”思想表现出人民本来是“同性、同德”的平等思想，这是构建和谐社会需要关注的重要方面。

再次，社会管理问题上，老子的“无为而治”思想，认为管理社会的人，不需要过多的规章制度来约束，一切问题都由全体社会成员共同参与。这些对于改变当今管理机关滥用权力，提高管理者管理水平，都具有较强的现实启发性。

参考文献

清·王先谦. 庄子集解 庄子集解内篇补正. 北京：中华书局，1987年版。

冯友兰. 中国哲学史新编. 北京：人民出版社，1998年版。

老子.道德经[M].武汉：崇文书局，2015：120.

卿希泰，唐大潮.中国道教史[M].南京：江苏人民出版社，2006.

Д. С. Кочетков
(Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)

ОКЕАНИЯ, ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО И КАННИБАЛИЗМ

Люди, специально не изучающие труды по географии, страноведению, этнографии и т. д., обычно получают представление о той или иной стране, регионе или народе из массового искусства — кино, художественной литературы, живописи и др.

При упоминании такого региона, как Океания (находится в южной части Тихого океана между Австралией и Южной Америкой), очень многим людям, родившимся во второй половине XX века на территории СССР и постсоветского пространства, вспоминается песня всенародно любимого барда Владимира Семеновича Высоцкого под названием «Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука?».

Песня посвящена гибели знаменитого британского мореплавателя Джеймса Кука, который исследовал Австралию и Океанию в XVIII веке и был убит жителями Гавайских островов в 1779 году.

Создавалась песня в период 1971–1979 годов. Известно несколько ее вариантов, один из которых прозвучал в художественном фильме Станислава Говорухина «Ветер Надежды» (1977).

Песня стала настоящим хитом. До ее появления Полинезия, Новая Зеландия, Новая Гвинея, Таити были для боль-

Владимир Высоцкий. 1972

шинства русских просто названиями на географической карте. Для кого-то они были образом удивительного тропического «рая» с морем и пальмами. Однако после выхода «Одной научной загадки» тысячи наших людей узнали, что этот чудный мир скрывает в себе угрозу, связанную с жестокими (с точки зрения нашей культуры) обычаями местных народов. В умах слушателей появился образ опасного и непредсказуемого туземца-каннибала, который неожиданно может напасть на путешественника, даже если незадолго до этого проявлял дружелюбие, но при этом наивного и не очень злого, способного раскаиваться в содеянном. Отчасти это представление соответствует действительности, отчасти нет.

Высоцкий не был ни историком, ни этнографом. Его песня носит развлекательный характер и не претендует ни на какую достоверность. Но она все равно расширила кругозор слушателей, поскольку в ней раскрывается тема, о которой редко говорится, — мистический аспект каннибализма.

Владимир Высоцкий и Марина Влади. 1969

Владимир Семенович много путешествовал, в том числе несколько раз в жизни он посещал Океанию. Вместе с женой Мариной Влади он побывал на Гавайях, на Таити и на острове Moorea [Цыбульский].

Можно предположить, что именно эти путешествия сподвигли его написать песню о Куке. Однако первые публичные исполнения ранних версий «Одной научной загадки» датируются 1972 годом, а путешествия в Океанию Высоцкий совершал в 1976–1978 годах.

Тем не менее, благодаря этим поездкам песня обогатилась: каждое ее исполнение Владимир Семенович начал предварять мини-лекцией, в которой рассказывал слушателям о своих поездках в Океанию и об интересных вещах, которые он там узнал. Например, о том, что каннибализм был призван не только решить «вопрос питания», но и использовался в магических целях: «...если съесть печень своего врага, то станешь храбрее, скажем, если сердце, то изменится твой ха-

рактер, ты станешь добрым, для того чтобы лучше бегать, надо, вот, обглодать коленную чашечку у кого-нибудь, или там чтобы лучше стрелять и видеть, глаз съесть... и масса вариантов в связи с этим...» — говорит бард в одной из мини-лекций [Аудиозапись]. Далее он поет саму песню, в которой есть такой куплет:

Но есть, однако же, еще предположение,
Что Кука съели из большого уважения,
Что всех науськивал колдун — хитрец и злюка:
— Ату, ребята! Хватайте Кука!
Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет, вроде Кука...
Кому-то под руку попался каменюка,
Метнул, гадюка — и нету Кука!

Следует повторить, что исторической достоверности в этой песне нет. Джеймс Кук был убит не по инициативе какого-либо колдуна. В 1778 году, во время своей третьей кругосветной экспедиции, он открыл Гавайский архипелаг. В начале 1779 года Кук со своей командой некоторое время гостил у гавайских аборигенов. Однако отношения британцев с островитянами по ряду причин испортились, и корабли Кука покинули острова. Однако вскоре они попали в шторм и были вынуждены вернуться на Гавайи для ремонта. Местные жители, озлобленные на британцев, начали воровать с кораблей вещи. Чтобы заставить их вернуть украденное, Кук попытался взять в заложники одного из вождей. Произошла вооруженная стычка, в которой Джеймс Кук был убит. Туземцы захватили его тело и расчленили, чтобы использовать части в ритуальных целях: по их верованиям, смелые и сильные предводители, подобные Куку, обладали большой «маной» — магической силой, которая помогает добиваться успеха в раз-

личных сферах жизни. Труп и части тела такого человека сохраняют эту волшебную силу, и поэтому являются ценным трофеем. Однако доказательств того, что они пытались его съесть, нет [Шандрикова].

По местным легендам, каннибализм был на Гавайях сотни лет назад, но практиковали его только высокопоставленные вожди. По тем же легендам, в конце концов сами гавайцы признали этих вождей злодеями и уничтожили, и к появлению на Гавайских островах первых европейцев каннибализм там уже не практиковался [Kawaharada].

Смерть капитана Джеймса Кука. Худ. Джордж Картер. 1783

Несмотря на эту и другие неточности, содержащиеся в песне Высоцкого и в его мини-лекции, высказанная им идея о мистическом и магическом смысле людоедства очень интересна и была чем-то совершенно новым для большинства его слушателей. И это не было вымыслом поэта: такие представления действительно существовали и существуют у разных

народов, в разных частях света и в разные эпохи. Многие народы Океании верили или верят, что поглощая плоть убитого врага, они получают его ману — мистическую силу, описанную выше, и таким образом становятся более удачливыми и могущественными или же приобретут какие-то качества жертвы. До XIX века на Таити считалось, что если вождь племени, победившего в войне, съест сердце побежденного вождя, то получит его силу и мужество.

В наше время каннибализм, как пищевой, так и ритуальный, практикуется на острове Новая Гвинея.

Остров Новая Гвинея на карте мира

Это второй по площади остров на нашей планете, расположенный вблизи северного побережья Австралии. В наше время он разделен на две части: восточную половину занимает независимое государство Папуа — Новая Гвинея, а западная половина принадлежит Индонезии. Остров изобилует горами и покрыт густыми тропическими лесами. А это значит, что на нем много труднодоступных районов, в которых аборигены могут вести привычный образ жизни, практически не испытывая влияния государства.

Новая Гвинея населена множеством папуасско-меланезийских племен. Развить земледелие и скотоводство, как другие народы Океании, большинство из них не смогло, и сохранило до наших дней первобытный образ жизни.

Такие племена, как асматы, яли, куку-куку и короваи, или до недавнего времени убивали и употребляли в пищу людей, в том числе иностранных путешественников [Фальк-Рённе], или делают это до сих пор.

Новогвинейское племя асमत верит, что, съев человека, можно заполучить, ни много ни мало, его душу. Иногда для этого тело съедалось целиком, иногда — только отдельные его части.

У новогвинейского племени яли есть праздник, во время которого вождь поедает мозг принесенного в жертву шамана, чтобы получить его знания.

Также большое внимание жители Новой Гвинеи уделяют печени, которая у разных народов и в разные времена считалась вместилищем воинской храбрости и жизненной силы и являлась особо ценным трофеем.

Возможно, мистические переживания являются неотъемлемой частью почти всех случаев каннибализма, даже спровоцированного голодом и практикующегося представителями современной цивилизации. С точки зрения психологии, убийство и поедание тела другого человека является актом абсолютного доминирования над ним, и позволяет канниба-

ду остро ощутить чувство собственного превосходства, прилив жизненных сил и уверенности в себе. Это чувство движет не только представителями людоедских племен, ведущих первобытный образ жизни, но и серийными убийцами из «цивилизованных» стран.

Совпадений между мышлением цивилизованных и первобытных убийц великое множество. Описывая следователям и психиатрам свои ощущения при совершении преступлений, современные маньяки-убийцы порой говорят, что приобретают какую-то мистическую власть над душами жертв. Это похоже на представления тех же асмагов и многих других первобытных жителей Океании, считающих, что съев врага, они могут заполучить его душу. Маньяки едят своих жертв довольно редко, однако само по себе убийство позволяет им ощутить сверхъестественную власть. Также известно, что некоторые серийные убийцы занимаются коллекционированием частей тела или предметов, принадлежавших их жертвам. Это сильно напоминает описанные выше обычаи гавайцев и многих других народов, собиравших такие же трофеи, наделенные, по их мнению, магической силой, которой они подпитывают своего владельца. Можно заключить, что независимо от уровня развития цивилизации убийцами движут одни и те же мотивы — желание возвыситься над другими людьми, стать «сверхчеловеком». Просто первобытные люди более четко и откровенно сформулировали свои переживания в мифах о магических свойствах человеческой плоти.

В завершение можно сказать, что незатейливая на первый взгляд песенка про то, почему аборигены съели Кука, полная исторических и географических неточностей, открыла перед нами целый пласт незнакомой культуры, помогла по-новому взглянуть на жизнь и, возможно, задуматься о каких-то важных вопросах культурологии, психологии и морали. Это вообще свойственно творчеству Владимира Высоцкого.

В 2010 году крошечный остров Ниуэ (находящийся в свободной ассоциации с Новой Зеландией) выпустил памятную монету «Владимир Высоцкий» в память о его пребывании в Океании

Литература

Аудиозапись концерта В. С. Высоцкого, конец 1970-х годов, в архиве автора.

Фальк-Рёнке А. Путешествие в Каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. М.: «Наука», 1985. — 198 с.

Цыбульский М. Высоцкий в Полинезии. URL: https://v-vysotsky.com/statji/2003/Vysotsky_v_Polinezii/text.html (дата обращения: 17.10.2019).

Шандрикова Е. История Гавайев. 1778 г. Первые европейцы на Гавайях, или А вы знаете, что «аборигены» на самом деле НЕ съели Кука? URL: <https://loving-hawaii.blogspot.com/2015/11/1778-pochemu-seli-kuka.html> (дата обращения: 17.10.2019).

Kawaharada D. The killing of the cannibal king. URL: <http://apdl.kcc.hawaii.edu/oahu/stories/waialua/killing.htm> (дата обращения: 17.10.2019).

А. Е. Лестев
(Университет управления «ТИСБИ», ООО «АЕЛ Эксперт»,
Казань, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ДЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Международный военный трибунал для Дальнего Востока стал одним из первых в истории международных уголовных процессов над военными преступниками, став в своем роде прецедентом и заложив основы для дальнейшего развития международного уголовного права.

В конце XX — начале XXI века было учреждено еще два международных трибунала под эгидой Совета безопасности ООН: 1) Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года; 2) Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (МТБЮ) [Международные трибуналы, 2019]. Кроме того, в качестве вспомогательного органа Совета безопасно-

сти ООН в результате принятия резолюции 1966 (2010) от 22 декабря 2010 года [S/RES/1966, 2010] был создан Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов, целью которого было объявлено завершение работы, начатой МТБЮ и МУТР [Международные трибуналы, 2019].

В настоящее время также функционируют другие международные трибуналы, например, международный трибунал над «красными кхмерами», называемый Чрезвычайными палатами в судах Камбоджи (ЧСПК), Специальный трибунал по Ливану, называемый первым международным судом для осуждения терроризма.

В настоящей статье предлагается кратко рассмотреть предпосылки для изучения международно-правового значения Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ).

Обозначим в начале современные проблемы и вопросы, для которых изучение опыта Международного военного трибунала для Дальнего Востока является актуальным до сих пор, а также некоторые причины сохраняющейся актуальности исследования МВТДВ.

1. Главной актуальной проблемой в российско-японских международных отношениях остается вопрос отсутствия мирного договора со времени окончания Второй мировой войны между Россией и Японией из-за территориальных претензий Японии на четыре Курильских острова: Кунашир, Итуруп, Хабомаи (группа маленьких островов, условно обозначаемых как один), Шикотан [Лестев, 2016]. В качестве одного из аргументов незаконности владения Россией островами, представляемых Японией, является претензия о нарушении Пакта о нейтралитете между СССР и Японией с целью захвата японских территорий [Кузьминков, 2018, с. 77]. В этой связи актуально изучение решений МВТДВ в отношении Японии и законности действий СССР.

2. Современными учеными-правоведами отмечается кризис современного международного уголовного правосудия, вызванный незаконными действиями, нарушениями норм международного права и ущербом системе международного права в результате деятельности МТБЮ [Итоговый документ, 2012, с. 306] и МУТР [Мезяев, Локленд, 2018, с. 207]. В этой связи изучение опыта и истории создания МВТДВ может помочь в разрешении накопившихся проблем в международной юстиции.

3. На Дальнем Востоке регулярно возникают все новые международные скандалы и политические конфликты из-за дипломатических протестов со стороны Республики Корея и КНР в адрес Японии в связи с посещением японскими официальными лицами святилища Ясукуни, в котором почитаются души погибших японских воинов, включая военных преступников [Молодякова, 2017, с. 178].

4. В решениях МТБЮ имеются ссылки на опыт военных трибуналов, созданных после Второй мировой войны, при разработке и описании теории «Совместных преступных действий» (СПД) апелляционной палатой МТБЮ по делу Д. Тадича [Дершовиц, 2012, с. 28].

Учитывая выделенные проблемы современности, интересно рассмотреть основную критику работы и решений МВТДВ, которые повлияли на дальнейшее развитие международного уголовного права.

Выделяются следующие аспекты деятельности МВТДВ:

1) Выбор обвиняемых по соображениям политической целесообразности и необходимости.

2) Ограждение императора и членов императорской фамилии от обвинений и даже от участия в судебном процессе.

3) Суд победителей над побежденными, что явилось нарушением принципа беспристрастности суда. Фактически в качестве судей и прокуроров выступали представители только стран, участвовавших в войне с Японией.

4) Нарушение принципа, что никто не может быть осужден за деяния, которые на момент их свершения не считались незаконными.

5) Внесение в обвинительный акт формулировки «Заговор против мира», которой не существовало в континентальном праве и которая позволила осудить Сиратори Тосио фактически за политические речи и статьи. По нашему мнению, именно этот прецедент позволил апелляционной палате МТБЮ ссылаться на опыт трибуналов после Второй мировой войны [Дершовиц, 2012, с. 28] при незаконном осуждении сербских деятелей (Тадича, Краишника и др.) по обвинению в совместных преступных действиях (СПД).

6) Нарушение принципа презумпции невиновности. Все обвиняемые были объявлены военными преступниками еще до начала судебного разбирательства.

7) Нарушение принципа состязательности и равноценности сторон в деле. Любые доказательства обвинения принимались и признавались подлинными без каких-либо исследований, экспертиз и возражений. Доказательства защиты часто отклонялись без объяснения причин.

8) Учреждение трибунала не в результате международного договора, а приказом американского генерала Дугласа Маккартура, что поставило трибунал в полную зависимость от американской политики.

9) Не совсем понятное ограничение деятельности трибунала именно цифрой 28 обвиняемых.

10) Отсутствие какого-либо процесса по факту бесчеловечной атомной бомбардировки Соединенными Штатами Америки городов Хиросима и Нагасаки, в результате которой погибли сотни тысяч мирных граждан, а миллионы остались инвалидами, сиротами и обездоленными.

Последнее особенно актуально в связи с дальнейшей политикой США и многочисленными военными преступления-

ми, совершенными американцами во Вьетнаме, Сербии, Ливии и других странах, ставших жертвами американской агрессии.

Таким образом, нами отмечены некоторые основные вопросы к деятельности МВТДВ, требующие дополнительного изучения. Полезным также будет рассмотрение вопроса эволюции международного уголовного права.

Литература

Дершовиц Н. Доктрина «совместных преступных действий» в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии // Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. Материалы международной научной конференции (Москва, 22–23 апреля 2009 г.) / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2012. С. 23–30.

Итоговый документ Международной научной конференции «Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ): содержание, результаты, эффективность» // Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. Материалы международной научной конференции (Москва, 22–23 апреля 2009 г.) / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2012. С. 305–310.

Кузьминков В. В. Россия и Япония: японский взгляд на территориальное размежевание. М.: Квадрига, 2018. — 304 с.

Лестев А. Е. Подводные камни российско-японского мирного договора // Российский совет по международным делам (РСМД). 10 мая 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7653#top-content1 (дата обращения: 22.11.2019).

Международные трибуналы // Совет Безопасности ООН. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/international-tribunals> (дата обращения: 22.09.2019).

Мезяев А. Б., Локленд Д. Деятельность международного трибунала по Руанде (на примере дела Жана Камбанды) // Вестник «ТИС-БИ». 2018. № 2. С. 206–213.

Молодякова Э. В. Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные труды 2000–2016 гг. М.: ИВ РАН, 2017. — 448 с.

S/RES/1966 (2010) Резолюция 1966 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6463-м заседании 22 декабря 2010 года // Совет Безопасности ООН. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1966%20\(2010\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1966%20(2010)) (дата обращения: 22.09.2019).

С. Б. Макеева

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева

(Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В КИТАЕ (1980-е годы — НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)¹

Современные китайские исследования в области зарубежного регионоведения проводятся в основном научно-исследовательскими институтами, или «мозговыми центрами». Наиболее влиятельными традиционно являются институты и центры, созданные при Академии общественных наук Китая (далее — АОНК). Однако в последнее время правительство выделяет все большее финансирование организациям, входящим в состав ведущих китайских университетов. Это связано не только с потребностью создания строгой теоретической базы китайского зарубежного регионоведения, но и с желанием правительства так или иначе освободить тематику и содержание проводимых исследований от столь пристального

---

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» № 19-011-00040.

контроля, следуя западному образцу развития данной научной дисциплины. Кроме того, важным направлением развития научно-исследовательских центров в области страноведения и зарубежного регионоведения считается углубление их сотрудничества со схожими институтами за рубежом (особенно, с научно-исследовательскими центрами США, Европы, Японии и Южной Кореи), вплоть до создания объединенных организаций, например, Пакистанского института Китая и транснационального мозгового центра Китая и стран АСЕАН, где на равных долях работают китайские и зарубежные эксперты. Не следует забывать и о научно-исследовательских институтах регионального уровня — провинциальных академиях общественных наук, провинциальных университетах, которые, пользуясь близостью к тем или иным странам, способствуют лучшему их изучению, налаживанию торгово-экономических и культурно-образовательных контактов. Регионоведческая проблематика в настоящее время в странах АТР становится одной из определяющих [Лесниковская, Кремнёв, 2019; Макеева, 2019].

В целом, круг задач, стоящих перед китайскими «мозговыми центрами» в области страноведческих и регионоведческих исследований, достаточно широк: они собирают и анализируют различного рода информацию из других стран, обеспечивая тем самым информационное сопровождение и поддержку китайского правительства; участвуют в обсуждении и принятии различного рода решений, подписании официальных документов. Не следует недооценивать и идеологическую работу научно-исследовательских центров, которая ведется в двух направлениях: во-первых, НИИ освещают ситуацию в других странах и, представляя информацию под тем или иным углом, напрямую участвуют в формировании общественного мнения и отношения к той или иной стране; во-вторых, научно-исследовательские институты являются

важным инструментом «мягкой силы», посредством своих связей с зарубежными научными или даже правительственными кругами они выражают официальную точку зрения китайского правительства, влияют на отношение иностранных партнеров к Китаю и действиям китайского руководства.

Наиболее подробно китайские научно-исследовательские центры изучают США, страны Европы и Азии (в особенности, Центральной и Южной, сотрудничество с которыми представляется важным для развития китайской экономики, приграничных районов Китая). В последнее время из-за активизации китайского политического и экономического влияния на страны Африки наблюдается стремительный рост мозговых центров, посвященных изучению этого региона. Далее мы рассмотрим основные китайские научно-исследовательские центры по регионам мира, которые они изучают, а также проанализируем роль, значение и основные приоритеты их работы.

Базу для изучения США в Китае со времени своего учреждения в мае 1981 года обеспечивает Институт изучения США при АОНК (中国社会科学院美国研究所). Основной задачей данного института является осуществление комплексных исследований данного региона, включающих американскую политическую и экономическую систему, идеологию, социальные тенденции, экономическую политику, внешнеэкономические и торговые стратегии США, историю американской дипломатии и анализ современных дипломатических решений, систему национальной безопасности, политику контроля над вооружениями, систему социального обеспечения, религиозный и расовый состав населения, культурные течения, средства массовой информации, состояние внутренней безопасности США, историю и современность китайско-американских дипломатических и торгово-экономических отношений. Основная тематика исследований обуславливает существующую структуру института, который состоит из пяти отделов: американской полити-

ки, экономики, дипломатии, отдела стратегических исследований и социально-культурного отдела, а также редакции. Кроме того, в состав данного института входит секретариат Китайской ассоциации американских исследований (中华美国学会), что обеспечивает ему полный контроль над всеми исследованиями по американистике в Китае. Обязанности директора Института изучения США в настоящий момент исполняет У Байи, который является одновременно членом экспертной группы по чрезвычайным ситуациям при Госсовете, членом Института мирового развития Центра исследований проблем развития при Госсовете КНР и Китайского фонда международных стратегических исследований, т. е. как действующий политический деятель он отвечает за доведение всех результатов исследований института до правительства. Институт изучения США при АОНК поддерживает обширные контакты с университетами, исследовательскими центрами и академическими группами по всему миру (и особенно в США), принимает более ста иностранных ученых и посетителей каждый год, а их лекции и семинары проходят каждую неделю, сотрудничает с учеными с Тайваня, Гонконга и Макао, располагает обширной и открытой для общественности библиотекой более чем из 40 000 книг (по большей части на иностранных языках), раз в два месяца публикует журналы «Американские исследования» и «Современное американское обозрение».

Однако в последнее время благодаря государственным дотациям стабильную конкуренцию Академии общественных наук составляет Центр американских исследований при Институте международных исследований Фуданьского университета (复旦大学美国研究中心). Созданный в 1985 году этот центр стал базой для основания всего Института международных исследований Фуданьского университета. В 2000 году Министерством образования было объявлено, что этот центр является ключевым исследовательским пунктом в области гу-

манитарных и общественных наук, а с 2006 года — в области философии и общественных наук. В 2015 году Пекинским университетом, Китайским народным университетом, Академией военных наук НОАК, Китайским институтом современных международных отношений, Институтом изучения США при АОНК на базе Фуданьского университета был создан Центр совместного китайско-американского развития. Помимо Министерства образования и Фуданьского университета центр спонсируется также Агентством США по международному развитию через специально созданный Фуданьский фонд. За всю историю существования Центра его посещали экс-президент США Картер, бывший госсекретарь Киссинджер, вице-президент Байден и другие видные политические деятели США. Центр американских исследований Фуданьского университета поддерживает активный научный обмен с Центром стратегических и международных исследований Бруклинского института. Таким образом, Центр обладает всеми условиями для осуществления своих основных функций — проведения научных исследований, осуществления консультирования по вопросам политики, подготовки кадров и международного обмена. Так как Институт изучения США при АОНК уже оказывает экспертную помощь напрямую Госсовету КНР, Фуданьский университет поддерживает не менее важный государственный орган — Министерство иностранных дел. Сотрудники Центра проводят исследования по заказам Министерства либо работают напрямую с его экспертами, участвуют в совещаниях Министерства иностранных дел. К приоритетным научным направлениям, разрабатываемым Центром, относятся американская политика и дипломатия, контроль над вооружениями и национальная безопасность, американское общество и культура, стратегия безопасности США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, экономическая система США и китайско-американские отношения.

Кроме двух вышеперечисленных институтов исследования в области американистики занимается Институт изучения США при Китайской академии современных международных отношений (далее — КАСМО), который отвечает в основном за научный обмен с такими мозговыми центрами США, как Институт Брукингса, Национальный совет по внешней политике, Центр морского анализа, Гарвардский университет, Университет Денвера, Калифорнийский университет в Беркли и т. д. Следует отметить, что Китайская академия современных международных отношений — это старейший из ныне существующих мозговых центров Китая по проблемам международных отношений, находящийся в непосредственном ведении Министерства государственной безопасности. Главным заказчиком академии является Руководящая группа по внешнеполитическим делам при ЦК КПК, а в задачи самой академии входит предоставление результатов исследований в форме отчетов соответствующим государственным структурам или научных публикаций, информационное обеспечение всех дипломатических встреч и визитов (т. е. сбор данных по биографии будущего собеседника, современной внутривнутриполитической ситуации в стране, откуда приезжает собеседник, последним внешнеполитическим контактам с Китаем и позиции собеседника по территориальным спорам и внешнеполитическим проблемам Китая) [Комиссина, 2012, с. 121–122].

Центр США при Шанхайской академии международных исследований (ШАМИ) сконцентрирован в основном на теоретических исследованиях по глобальной стратегии США, отношениях между мировыми сверхдержавами, теории международных отношений в целом. Наряду с этим существуют также институты и центры Китайского института международных исследований, Пекинского университета, Пекинского и Шанхайского институтов иностранных языков и т. д. На региональном уровне американистика развивается в Шанхай-

ской академии общественных наук (далее — ШАОН) и Тяньцзиньской академии общественных наук (далее — ТАОН), в Гуандунском институте иностранных языков и внешней торговли, Нанькайском (г. Тяньцзинь), Нанкинском, Восточно-Китайском педагогическом, Сычуаньском университетах.

В целом, китайская американистика интересуется несвойственными для Китая демократическими механизмами управления, а потому глубоко изучает внутреннюю политику США и ход избирательного процесса, анализирует положение политических партий, Конгресса, различных групп интересов в политике и даже особенности кадровой системы с целью возможного влияния на внутривнутриполитические процессы в США. Сфера внешней политики США тоже оценивается с позиций соперника: тщательно изучаются обширные военные возможности и стратегия национальной безопасности США, оцениваются военные риски для Китая, через призму истории американской дипломатии анализируются изменения во внешнеполитической стратегии во время и после Второй мировой и холодной войны, антитеррористическое направление политики после событий 11 сентября 2001 года, отношения США с современными союзниками и потенциальными противниками, предлагаются стратегии дипломатического и геополитического сдерживания этой сверхдержавы. Многие китайские научно-исследовательские институты определяют как приоритетные исследования истории, современности и перспектив китайско-американских отношений, стратегию и интересы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Немаловажным направлением считается изучение на макро- и микроуровнях американской экономической системы, которая определяется китайскими учеными как «американский монополистический капитализм», влияние крупных транснациональных корпораций на эту систему с целью оценить факторы, определяющие ее успешность и жизнеспособность.

Центральный институт, осуществляющий европейские исследования в Китае, также входит в состав Академии общественных наук Китая — это Институт изучения Европы при АОНК (中国社会科学院欧洲研究所), во время своего создания в мае 1981 года называвшийся Институтом исследования Западной Европы. Институт изучения Европы — научно-исследовательское учреждение государственного значения, специализирующееся на исследовании европейской политической, экономической, правовой, социальной, культурной, научно-технической политики и комплексном изучении международных отношений. Данный институт сотрудничает и консультирует многие государственные органы, например, Исследовательский центр при Госсовете, Канцелярию по делам иностранцев, Министерство иностранных дел, Отдел международных связей ЦК КПК, Канцелярию ЦК КПК по внешней пропаганде, Министерство коммерции, Национальный комитет по реформам и развитию, Министерство финансов, Министерство науки и техники, Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения, Министерство гражданских дел, Министерство культуры, Информационное агентство «Синьхуа», Общество дружбы с зарубежными странами, университеты и научно-исследовательские институты внутри Китая и за рубежом. Кроме того, данный институт поддерживает тесные связи с исследовательскими центрами, учебными заведениями, неправительственными организациями, фондами и торгово-промышленными кругами стран-членов ЕС, работает с европейскими делегациями и посольствами в Китае. Как и Институт изучения США, Институт изучения Европы руководит Китайской ассоциацией европейских исследований (中国欧洲学会). В 2005–2008 годах Институт выступал основным исполнителем совместной программы Китая и ЕС по европейским исследованиям.

Однако в последнее время Министерство образования Китая обращает все большее внимание на другой исследова-

тельский институт, занимающийся изучением стран Европы, — Центр европейский исследований при Школе международных исследований Народного университета Китая (中国人民大学国际关系学院欧洲研究中心). Этот центр был создан в 1994 году по инициативе Факультета международной политики и Факультета международной экономики Китайского Народного университета. Его первоначальное название — Информационно-исследовательский центр ЕС. В 1996 году Центр европейских исследований приобрел свое настоящее название, став междисциплинарным учебным и исследовательским институтом. Кроме того, Центр был выбран как один из основных в рамках Программы китайско-европейского сотрудничества в сфере образования.

Определенной известностью в китайских научных кругах пользуется и Центр китайско-европейских отношений (复旦大学中欧关系研究中心), находящийся под управлением уже упоминавшегося выше Института международных исследований Фуданьского университета и реорганизованный в 2013 году из Центра европейских исследований Фуданьского университета. В настоящее время область исследований Центра включает в себя четыре направления: китайско-европейские отношения, модель европейской интеграции, внешняя политика ЕС и страны-члены ЕС (в основном Германия, Великобритания и Франция). Хотя, например, Франция является объектом глубокого изучения Центра французских исследований (复旦大学法国研究中心), созданного на базе Фуданьского университета в 2015 году (в честь 50-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Францией), который, впрочем, является скорее площадкой для визитов французских послов и политических деятелей, совместного сотрудничества китайских и французских ученых, чем самостоятельным учреждением. В отличие от него, Центр китайско-европейских отношений пользуется широкой спонсорской поддержкой Национального

фонда общественных наук, Министерства образования и Шанхайского фонда общественных наук, совместные проекты также субсидируются странами-членами ЕС. Центр широко сотрудничает с европейскими исследовательскими институтами, включая Лондонскую школу экономики, разрабатывает научные проекты и осуществляет консультации по заказам китайского правительства, публикует серию книг «Европейский Союз и мир».

Кроме вышеперечисленных научно-исследовательских институтов европейские исследования в Китае проводятся под руководством ШАОН и Центра Европы при ШАМИ, Пекинского университета, Университета Цинхуа, Восточно-Китайского научно-технического и педагогического университетов, Шаньдунского, Уханьского, Сычуаньского, Гуандунского университетов иностранных языков, Нанкинского и Юньнаньского университетов.

В европейских исследованиях по сравнению с американскими заметен явный уклон в сторону экономики, экологии, права и социального обеспечения. Китайских ученых интересует то, как можно использовать опыт европейской интеграции в модернизации Китая, особенности построения низкоуглеродной экономики и экологически чистой энергетики, общества с высокими социальными гарантиями на примерах западных стран. Заметно явное стремление к сотрудничеству с западными специалистами в области электронной промышленности, возобновляемых источников энергии. Хотя в Китае действует своя особая правовая система, важным направлением считается изучение принципов европейского законодательства и международного арбитража, которое проводится с тем, чтобы Китай мог при необходимости оперировать международными законами на мировой арене, создать видимость соответствия своей правовой системы принципам европейского законодательства. Кроме того, исследовательскими цен-

трами оценивается готовность и риски всех европейских стран в рамках осуществления концепции Экономического пояса Шелкового пути. В сфере внешней политики Китай прежде всего интересуется положением Европейского союза в глобальной системе международных отношений, а также судьба китайско-европейских отношений при традиционном сотрудничестве двух блоков — ЕС и НАТО.

Научно-исследовательские институты Китая, занимающиеся азиатскими исследованиями, можно условно разделить на три типа по субрегионам Азии, которые они изучают: НИИ, занимающиеся исследованиями Центральной Азии, изучением Восточной (в некоторых вариантах — Северо-Восточной) и Юго-Восточной Азии.

Китайские мозговые центры, посвященные исследованию центральноазиатских проблем, помимо стран, традиционно относящихся к субрегиону Центральной Азии (в китайском определении это так называемые Пять государств Центральной Азии — Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, а кроме того, Афганистан, Пакистан, иногда Иран), изучают также Россию и страны Восточной Европы, включая другие страны СНГ, Украину, Закавказье и три прибалтийских государства. Ключевым институтом подобного рода считается Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии при АОНК (中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所). Спектр исследований данного института необычайно широк: внутренняя и внешняя политика, экономика, история, социальное устройство, культура, военные силы, образование, наука, законодательство и спорт России, история СССР, исследования всех вышеперечисленных государств и таких межгосударственных объединений, как СНГ и ШОС. Он руководит деятельностью Китайской ассоциации восточно-европейских, российских и центральноазиатских исследований (中国俄罗斯东欧中亚学会), активно

сотрудничает с научными учреждениями не только России и других стран изучения, но и с институтами США, Японии, Австралии, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Республики Корея, занимающимися славистикой. За последние десять лет Институт совместно с зарубежными партнерами организовал ряд представительных международных семинаров и конференций. Кроме того, он ежегодно выпускает «Доклады о развитии России, Центральной Азии и Восточной Европы» (так называемые «Желтые книги»), которые активно использует правительство Китая в выстраивании международных отношений с этими странами.

Помимо такого влиятельного, правительственного аналитического центра, как Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии при АОНК, китайские политики и дипломаты также прибегают к помощи других ведущих «мозговых центров», например, к исследованиям Евразийского института при Китайской академии современных международных отношений — КАСМО (中国现代国际关系研究院欧亚研究所), в который входят Институт изучения России (俄罗斯研究所) и Институт изучения Центральной Азии (中亚研究室). Видное место занимает Центр изучения России и Центральной Азии при Фуданьском университете (复旦大学国际问题研究院俄罗斯中亚研究中心), который за высокие научные заслуги в 2017 году был признан Министерством образования как опорный исследовательский центр китайско-российского гуманитарного обмена. С тех пор данный институт принимает активное участие в дискуссионном клубе «Валдай», Астанинском экономическом форуме, Сообществе восточноазиатских славянских исследований и других известных международных площадках. На этом список исследовательских центров по центральноазиатским проблемам вовсе не заканчивается: существует еще Центр России и Центральной Азии при ШАМИ, Институт Восточной Европы

и Центральной Азии при Китайском Народном университете, Институт Центральной Азии Педагогического университета провинции Шэньси (в фокусе внимания которого находится проблема «трех зол» западных рубежей Китая — терроризма, сепаратизма и экстремизма). Институты, занимающиеся изучением только России, без привязки к регионам Центральной Азии, часто встречаются на Северо-Востоке Китая (ХАОН, Восточно-Китайский педагогический университет).

Приоритетные задачи, установленные правительством для мозговых центров по центральноазиатской проблематике, касаются: 1) изучения процесса распада СССР и перехода российской экономики от командно-административной системы к рыночной, в целях усвоения уроков соседней страны в собственной экономической и социальной политике, недопущения ошибок советского руководства; 2) комплексного исследования экономических возможностей и ресурсного потенциала Сибири и Дальнего Востока, в целях налаживания такого торгово-экономического обмена, который был бы выгоден для китайской стороны; 3) изучения возможностей расширения и развития Шанхайской организации сотрудничества в интересах Китая; 3) сбора и анализа информации по украинскому кризису, конфликтам в странах Закавказья, отношениям России с Эстонией, Литвой и Латвией, в целях определения китайской позиции по этим важным международным вопросам; 4) изучения отношений России с бывшими советскими республиками, всестороннего исследования России и стран СНГ (особенно Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана, Грузии, Закавказья, прибалтийских стран) как единого региона в рамках стратегии «Один пояс — один путь», изыскания способов преодоления проблем в осуществлении этой инициативы, например, исламистских террористических движений на территории Центральной Азии.

Основным объектом всех восточноазиатских исследований в Китае, вне всякого сомнения, являются такие страны, как Япония и Южная Корея. Признанным лидером всех исследований по японистике считается Институт изучения Японии при АОНК (中国社会科学院日本研究所), в состав которого входят отделы, занимающиеся изучением японской политики, дипломатии, экономики, социальной структуры, культуры и т. д. Кроме того, при данном Институте основаны такие межведомственные организации, как Центр политических исследований Японии, исследовательские центры, посвященные изучению китайско-японских отношений, японской экономики, социально-культурным вопросам Китая и Японии, а также Китайское научное общество японских исследований и Национальное научное общество экономики Японии. Конкуренцию Институту изучения Японии при АОНК составляет Центр японских исследований Фуданьского университета (复旦大学日本研究中心). При Фуданьском университете существует также Центр корейских исследований, основные направления исследований которого включают проблемы Корейского полуострова, международных отношений и межрегионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии, современную политику, экономику, дипломатию и национальную безопасность Южной Кореи, религию Южной Кореи и традиционную восточную культуру, южнокорейское движение за независимость и современные китайско-корейские отношения. Общим изучением Северо-Восточной Азии занимается известная в китайских научных кругах Академия Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета, имеющая сравнительно длительную историю (с 1964 года) и входящая в «Проект 211» по подготовке элитных специалистов для осуществления национальных проектов развития в экономической и социальной сферах.

Юго-Восточная Азия является объектом изучения институтов и центров при региональных академиях общественных

наук, например, АОН провинций Шанхай, Ляонин, Юньнань, Гуанси-Чжуанского автономного района, а также при крупнейших столичных и провинциальных университетах — Пекинском, Цзинаньском, Юньнаньском, Гуансиском, Сычуаньском, Ляонинском, Яньбяньском. Наибольшим авторитетом среди подобных «мозговых центров» пользуется Центр изучения Юго-Восточной Азии Сямэньского университета (厦门大学中南亚研究中心), силы которого сосредоточены на изучении политики, экономики, международных отношений, истории, культуры и религии в странах Юго-Восточной Азии, а также решении проблем хуацяо в этом регионе (по этому аспекту институт тесно сотрудничает с Канцелярией по делам проживающих за границей китайских граждан при Госсовете КНР).

Как уже отмечалось ранее, перспективным направлением зарубежного регионоведения в Китае считается африканский регион. На настоящий момент основная масса подобных исследований приходится на Институт изучения Западной Азии и Африки при АОНК (中国社会科学院西亚非洲研究所). В качестве приоритетных данный институт выделяет направления исследования Ближнего Востока, Южной Африки и международных отношений в Африке. В рамках Китайско-американской программы обмена в области африканистики на средства Фонда Форда в Институте была проведена серия международных семинаров.

В различных «мозговых центрах» Китая проводятся также исследования, посвященные Латинской Америке, Австралии, региональным объединениям — АТР, ШОС, ООН, пристальное внимание уделяется Гонконгу, Макао, о. Тайвань.

Литература

Комиссина И. Н. Научные и аналитические центры Китая. М.: РИСИ, 2012. — 266 с.

Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: Материалы Международной научной конференции. Иркутск, 2019. С. 297–304.

Макеева С. Б. Проблемы регионального развития КНР в работах китайских ученых-экономистов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 101–106.

中国俄罗斯东欧中亚研究网 [网站]. URL: <http://euroasia.cssn.cn/> (使用日期: 2019年5月18日) (Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук Китая).

中国社会科学院拉丁美洲研究所 [网站]. URL: <http://ilas.cass.cn/> (使用日期: 2019年11月19日) (Институт изучения Латинской Америки при Академии общественных наук Китая).

中国社会科学院美国研究所 [网站]. URL: <http://ias.cass.cn/> (使用日期: 2019年11月18日) (Институт изучения США при Академии общественных наук Китая).

中国社会科学院欧洲研究所 [网站]. URL: <http://ies.cass.cn/> (使用日期: 2019年11月18日) (Институт изучения Европы при Академии общественных наук Китая).

中国社会科学院日本研究所 [网站]. URL: <http://ijs.cssn.cn/> (使用日期: 2019年11月19日) (Институт изучения Японии при Академии общественных наук Китая).

中国社会科学院西亚非洲研究所 [网站]. URL: <http://iwaas.cass.cn/> (使用日期: 2019年11月19日) (Институт изучения Западной Азии и Африки при Академии общественных наук Китая).

С. Е. Пале

(Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)

НАУЧНЫЙ ВКЛАД ЭКСПЕДИЦИЙ В. М. ГОЛОВНИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ ОКЕАНИИ (НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Первые научные сведения об Океании появились в России лишь в начале XIX века, после первого в русской истории кругосветного плавания под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803–1806) и последовавших вслед за этим плаваний В. М. Головнина, О. Коцебу и др., по итогам которых И. Ф. Крузенштерн в 1823–1826 годах издал самый точный для того времени «Атлас Южного моря» (так в ту пору назывался Южно-Тихоокеанский регион). Собранные у жителей Океании предметы культуры и быта (сегодня хранящиеся в фондах Кунсткамеры в Санкт-Петербурге), а также подробнейшие этнографические описания островитян, изданные на многих европейских языках и ставшие в то время сенсацией, до сих пор представляют собой величайшую научную ценность, дав начало региональным исследованиям этих удаленных земель в России.

Два кругосветных плавания Василия Михайловича Головнина ознаменовали новую веху в исследовании народов Океании: в ходе первого путешествия российские мореплаватели впервые в истории посетили о. Танна (сегодня — в составе государства Вануату), а второе плавание привело корабль В. М. Головнина на о. Гуам, также впервые в истории.

Первая кругосветная экспедиция В. М. Головнина на шлюпе «Диана» (1807–1809)

Целью экспедиции под командованием капитана В. М. Головнина была доставка военного и морского снаряжения, материалов и продовольствия в Русскую Америку (так именовались удаленные российские владения на Аляске, Алеутских островах, тихоокеанском побережье Северной Америки и др.), а также выполнение научной работы, в которую входило описание берегов Курильских островов.

Шлюп «Диана», на котором прошла первая экспедиция В. М. Головнина в 1807–1809 годах, — изначально транспорт-лесовоз, переделанный в военный корабль водоизмещением 300 тонн с 16 пушками, — вошел в историю как первый корабль собственно русской постройки, перешедший из Балтики на Камчатку. Маршрут плавания, начавшегося в Кронштадте 25 июля 1807 года, пролегал через Атлантический океан к бразильскому острову Св. Екатерины и далее к мысу Горн, который пройти не удалось из-за непогоды. Тогда Головнин решил идти на Камчатку восточным путем и повернул к южноафриканскому мысу Доброй Надежды, планируя пополнить запасы провизии в принадлежавшем Великобритании Саймонстауне (рядом с Кейптауном), где базировался английский военный флот и куда российский корабль зашел впервые в истории, но был пленен англичанами в связи с началом войны между Россией и Англией. Головнину удалось тайно освободить свой корабль лишь спустя год, в мае 1809 года, всколыхнув своим дерзким побегом мировую прессу. Находясь на вынужденном простое в английском плену, в августе 1808 года Головнин стал первым русским, увидевшим и описавшим коренных новозеландцев-маори — сына верховного вождя северной части Новой Зеландии, возвращавшегося домой из Англии, где он был представлен королю Георгу III.

Вырвавшись из Саймонстауна спустя год, 16 мая 1809 года, «Диана» совершила 69-дневный безостановочный переход от мыса Доброй Надежды к острову Танна в архипелаге Новые Гебриды (сегодня — государство Вануату) в Меланезии в южной части Тихого океана, а оттуда спустя всего пять дней корабль отправился, опять безостановочно, в Петропавловск-Камчатский.

После побега для пополнения запасов пресной воды и провианта Головнин, опасаясь погони, решил остановиться на о. Танна в архипелаге Новые Гебриды, поскольку это место было максимально удалено от привычных морских маршрутов. Европейские мореплаватели побывали здесь лишь дважды: английский капитан Джеймс Кук заходил на остров за 35 лет до экспедиции Головнина, а первым его берега увидел испанец Педро Фернандес Кирос за 70 лет до Кука. Подробно описывая о. Танна, Головнин упомянул «огнедышащую гору» — активный вулкан Ясур, который хорошо виден с моря и который сегодня является главной туристической достопримечательностью острова. Головнин также стал свидетелем небольшого извержения вулкана перед отплытием.

При первой встрече с островитянами состоялся торг на лодках: железные предметы и бисер обменивались на съестные припасы. Жители Танны были настроены вполне доброжелательно, несмотря на копья в их руках. Выяснилось, что они были прекрасно осведомлены о действии пушек на борту корабля после встречи с капитаном Куком и боялись их. Однако с российскими мореплавателями островитяне наладили настолько доверительные отношения, что при расставании плакали. Во время пребывания на Танне Головнин сделал много ценных наблюдений и собрал богатый этнографический материал о быте, обычаях, материальной культуре местных жителей. Не обошлось без курьезов: совершив первую высадку на берег, Головнин знаками пытался объяснить мест-

В 2009 году в южноафриканском городе Саймонстаун была установлена гранитная доска с надписью на английском и русском языках в честь 200-летия отважного побега русского императорского шлюпа «Диана» из английского плена в 1809 году

ному вождю, что он приплыл из огромной страны, которая называется Россия, и что его корабль называется «Диана». Вождь понял его, как мог, и до конца пребывания Головнина на Танне его звали «Дианой»: «...может быть, они меня под сим именем помнят», — иронизирует Головнин в своей работе «Путешествие шлюпа “Диана” из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807, 1808 и 1809 годах», изданной в Санкт-Петербурге вскоре после его возвращения [Путешествие шлюпа..., 1949]. Интересны наблюдения Головнина о том, что жители Танны — меланезийцы, являющиеся представителями одной из древнейших культур каменного века на земле, сильно отличались от полинезийцев по уровню материального развития.

Поскольку свиней и кур — ценного источника белка для команды корабля — в достаточном количестве получить на о. Танна не удалось, а вода оказалась не проточная, а стоячая

Памятник В. М. Головнину. Порт-Вила, Вануату. 2009

и быстро стухла, то Головнин сделал неутешительный вывод о том, что для пополнения припасов этот остров совершенно непригоден, и в дальнейшем мореплавателям заходить на него не стоит.

С острова Танна экспедиция привезла в Санкт-Петербург предметы культуры и быта. Этнографическая коллекция В. М. Головина была передана Кунсткамере в 1819 году.

Покинув остров 31 июля 1809 года, «Диана» взяла курс на Камчатку, куда прибыла 23 сентября 1809 года.

В 1810 году «Диана» совершила плавание на о. Кадык, доставив туда с Камчатки хлеб. Головнин собрал ценные сведения о состоянии Российско-Американской компании. Во время описи Курильских и Шантарских островов, а также Татарского пролива, на острове Кунашир, входящем в группу Курильской гряды, Головнин вместе с экипажем был захвачен

в плен японцами. Из плена он освобожден спустя два года (1813), а до Петербурга добрался через Сибирь в 1814 году.

28 июля 2009 года в столице Вануату городе Порт-Вила по инициативе местного Фонда художников «Н. Мишутушкин — А. Пилиоко» и российского правительства был торжественно установлен бюст В. М. Головнина в честь 200-летия первого пребывания русских на о. Танна.

В результате научной экспедиции В. М. Головнина были проделаны картографические исследования, уточнены правильные названия и исследован климат Курильских островов. Благодаря первой экспедиции В. М. Головнина в России появились ценные и систематизированные сведения о ранее неизвестных народах Тихого океана.

Вторая кругосветная экспедиция В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1817–1819)

В задачи второй экспедиции входило доставить грузы и запасы продовольствия в Петропавловск-Камчатский и Охотск (главный город-порт для судов Российско-Американской компании); произвести опись северо-западных берегов Северной Америки и астрономически определить ряд пунктов в русских владениях; произвести корректировку карт, а также изучить отношение работников Российско-Американской компании к местным жителям.

Вторая кругосветная экспедиция В. М. Головнина на специально построенном военном шлюпе «Камчатка» водоизмещением 900 тонн и с 32 пушками состоялась в 1817–1819 годах и была организована за счет российского правительства. Выйдя из Кронштадта 26 августа 1817 года, «Камчатка» побывала в бразильском Рио-де-Жанейро, обогнула мыс Горн, зашла в порт Кальяо близ Лимы — столицы Перу на западном побережье Южной Америки, доставила грузы на Камчатку, посетила Алеутские острова и о. Кадьяк — первую столицу Русской

Америки, зашла в Ново-Архангельск — вторую столицу Русской Америки (совр. г. Ситка на Аляске), посетила крепость Росс на северо-западном берегу Америки (русское поселение в районе современного города Сан-Франциско, существовавшее в 1812–1841 годах), зашла в порт Монтерей и порт Румянцева (совр. Бодега) в Калифорнии, оттуда взяла курс на Сандвичевы острова (совр. Гавайи), затем на Марианские острова с посещением острова Гуахан (совр. Гуам), после этого в Манилу (столицу Филиппин), далее через английский остров Св. Елены (место ссылки Наполеона в 1815–1821 годах) и через португальские Азорские острова — в Кронштадт.

От берегов Северной Америки Головнин направился к Гавайским островам, куда экспедиция прибыла 19 октября 1818 года и пробыла 12 дней. Благодаря Головнину до нас дошли ценные сведения о культуре, традициях, экономике и истории Гавайских островов. При первой встрече островитяне привезли на продажу свиней и женщин, что немного раздосадовало Головнина своей «гнусностью». Головнин отметил среди пороков гавайцев распутство, сопряженное с вспышками венерических болезней, пьянство, в том числе среди женщин, и повальное курение табака, не забыв упомянуть склонность к азартным играм. Знакомство Головнина с Гавайями происходило при участии помощника короля Гавайского королевства Камеамеа I — Джона Элиота де Кастро, англо-португальского происхождения, который тесно общался с русским капитаном О. Коцебу во время его пребывания на острове два года назад, в 1816 году. Внимание Головнина также привлекло то, что все местные жители, не исключая Элиота, строго соблюдали постоянные запреты — *табу*, которые касались, к примеру, норм поведения при приеме пищи мужчинами и женщинами.

Затем Головнин посетил место убийства Джеймса Кука: ход трагических событий, которые привели к гибели про-

славленного капитана, подробно передал Элиот, который узнал о них от короля Камеаеа I, бывшего непосредственным свидетелем инцидента.

Головнин лично встретился с королем Гавайского королевства Камеаеа I, о котором у капитана сложилось самое лучшее впечатление: он «...бодр, крепок и деятелен, воздержан и трезв, крепких напитков никогда не употребляет и ест очень умеренно. В нем видна разительная смесь ребяческих поступков и самых зрелых суждений и деяний, которые не обеславили бы и европейского государя. Честность его и любовь к справедливости могут показать в настоящем виде разные его поступки» [Путешествие вокруг..., 1949].

30 октября 1818 года «Камчатка» отправилась к Марианским островам. Перед отплытием Головнин взял к себе на службу молодого проворного коренного гавайца лет 25 по имени Лаури, полагая, что он, выучив русский язык, окажется весьма полезным Российско-Американской компании в торговле с Гавайями. Прибыв на Камчатку и затем посетив Санкт-Петербург, где он провел зиму, Лаури отправился на попутном корабле домой, на Гавайи. По возвращении на родину Лаури был востребован (в том числе при дворе гавайского короля) как рассказчик об удивительной северной стране России.

После посещения Гавайских островов шлюп «Камчатка» впервые в истории направился к острову Гуам в Марианском архипелаге для пополнения продовольствия. Головнин уточнил его положение — он оказался на 58 миль западнее, чем полагали английские картографы.

Встреча с губернатором Гуама состоялась в бухте Уматак, той самой, где в 1521 году этот остров был открыт португальцем Фернаном Магелланом в ходе его кругосветного путешествия, и где в 1565 году конкистадор Мигель Лопес де Легаспи объявил остров собственностью испанской короны.

На Гуаме удалось запастись большим количеством припасов, включая кур и свиней — большое количество прекрасной еды на фоне общей нищеты острова поразило Головнина. Торговлю с Гуамом никто не вел — на «экспорт» изредка ходившим на Гуам кораблям местные жители предлагали лишь бойцовых петухов, которые высоко ценились в Маниле (Филиппины). «Камчатка» оставила остров Гуам спустя пять дней, 26 ноября 1818 года, и направилась в Манилу, оттуда — до острова Св. Елены и затем через Азорские острова в Кронштадт, где бросила якорь 5 сентября 1819 года.

Карты и описания береговых линий островов Океании, составленные во время экспедиции, отличаются большой точностью и подробностью изображения. Головнин сделал ценные выводы о закономерностях и направлении ветра, о его силе и взаимодействии с состоянием погоды. В 1873 году Морское ведомство издало книгу «Метеорологические наблюдения, производившиеся во время кругосветного плавания шлюпа “Камчатка” под командой капитана 2-го ранга Головнина в 1817, 1818, 1819 гг.». Бесценны для наших дней оставленные Головниным этнографические данные о жителях островов Океании той эпохи, а также коллекции уникальных артефактов, переданные на хранение в Кунсткамеру.

Литература

Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным. М.; Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0020.shtml (дата обращения: 20.10.2019).

Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807, 1808 и 1809 годах. М.; Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0050.shtml (дата обращения: 20.10.2019).

Т. В. Федорова

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

А. В. Степанов

(МБОУ г. Иркутска СОШ № 18, Иркутск, Россия)

**ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ
КАК СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
В ПАРАДИГМЕ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГИОНАЛИЗМА**

В настоящее время глобализация является одним из основных трендов развития современного мира, однако данные процессы имеют не только положительные аспекты, но и негативные, бросающие вызов всему мировому сообществу и угрожающие международной безопасности, а также несущие в себе опасность для отдельных стран. В условиях современной глобализации демократия считается одним из самых устойчивых и развитых политических режимов. Лишь демократия способствует созданию диалога между гражданами и представителями власти. Это позволяет решать многие вопросы с пользой и учетом мнения обеих сторон. Также демократия сохраняет и укрепляет мир на международной арене, устанавливает равенство всех перед законом, следит за соблюдением прав и свобод граждан. Перечисленные преимущества улучшают качество жизни в демократических странах.

«Идея народной власти» давно посещала человечество, хотя для большинства древних государств она выглядела ско-

рее утопией, чем реальностью. Тем не менее, первые попытки демократизации были предприняты еще в XIX в. в европейских странах, когда стало уходить классовое разделение. Некоторые развитые страны повернули в сторону демократии в течение XX в., только ощутив последствия разрушительных мировых войн, практически все государства мира пришли к осознанию необходимости становления на путь демократизации.

В XXI в. распространение демократии носит в большей степени приоритетный характер. В некоторых странах уже сформировались демократические институты правления, в других же они претерпевают различные изменения, находясь в длительном процессе демократизации. А такое государство, как Соединенные Штаты Америки даже провозгласили демократизацию мира одним из главных направлений в своей внешней политике. Известно, что США помогали ряду стран Ближнего Востока, а именно Сирии, Ливии, Ираку встать на тропу сложных, но необходимых демократических преобразований в данных государствах. Несмотря на это, гражданские войны, смена политической элиты, экономическая нестабильность на Ближнем Востоке показывают неоднозначность результатов демократизации. Возможно, это связано с тем, что общественно-политическая ситуация в данных странах не была достаточно подготовлена для начала демократических изменений внутри государств.

Роль Америки в распространении демократии и мира встречает сегодня как поддержку, так и критику. У противников продвижения демократии есть целая группа доводов, почему Америке не стоит брать на себя такую ответственность. Связано это с тем, что стремление к демократии должно протекать из исторического опыта страны. Демократия должна быть культурной ценностью для граждан. Примером подтверждения данной теории может служить ситуация в Азии.

Далеко не все государства в Азии можно полноценно назвать демократическими. Исторический опыт данного региона показывает, что многие века азиатские государства имели авторитарное правительство. По этой причине они менее склонны к развитию процесса демократизации.

Кроме того, демократия не может быть навязана сверху, так как этот процесс сам по себе противоречит либеральным ценностям, свободе выбора. Следовательно, это противоречие самой демократии. Демократические реформы должны являться результатом политического развития в государстве. Результатом последовательного развития. Страна сама должна дойти до фазы демократизации [Fukuyama, McFaul, 2007, с. 6–8].

Существует ряд причин, согласно которым Америка считает своим долгом придерживаться данного направления внешней политики. Во-первых, американские национальные интересы [Fukuyama, McFaul, 2007, с. 2–3]. Ни одна страна в мире не выигрывала от продвижения демократии повсеместно так, как это делают США. Трансформация автократий в демократии отвечает национальным интересам США в сфере международной безопасности. Во время Мировых войн изменения политических режимов в Германии, Японии и Италии пошли на руку Соединенным Штатам. Они почувствовали себя безопаснее. В конце XX в., во время распада Советского Союза, основного противника США, мир стал безопаснее для Америки и его союзников. В настоящий момент их деятельность на Ближнем Востоке также направлена на развитие демократии. Связано это с тем, что активность террористов представляет собой угрозу для граждан США и безопасности в мире.

Во-вторых, американские ценности. Уинстон Черчилль говорил, что демократия ужасна, но все же лучше, чем все остальные существующие режимы [Fukuyama, McFaul, 2007,

с. 4]. Система управления в демократическом государстве больше ориентирована на участие и поддержку граждан. Кроме того, благосостояние жителей в автократиях значительно ниже. А также в демократии власть избегает любой опасности для каждого человека. Общественные опросы показывают, что преобладающая часть земного шара, включая и некоторые страны Ближнего Востока, поддерживают демократию [Fukuяama, McFaul, 2007, с. 5]. Демократия неразрывно связана со свободой и равенством для всех граждан. Те же самые ценности заложены в сердце каждого американца.

В-третьих, исторический опыт. Весь мир видит, что Америка представляет собой хороший пример демократии. В настоящее время США — самая развитая в экономическом и социальном плане страна. Кроме того, они имеют высокий уровень развития гражданского общества. Эффективность демократического правительства также говорит в пользу США. Таким образом, демократия считается самым лучшим вариантом для любого государства, и сами США подтверждают это. Именно по этим причинам у Америки есть «нематериальный, а моральный интерес» в распространении демократии.

Политика продвижения демократии в США имеет давнюю историю. Она взаимосвязана с теорией демократического мира. Сама концепция такого мира возникла в 1795 году. И. Кант в своей работе «Вечный мир» говорил о некоторых предпосылках к так называемому «вечному миру». Одной из них, по мнению философа, считалась республиканская конституция в каждом государстве [Kant, 1903, с. 9]. Также он верил, что есть три важных момента в республиканской форме правления для существования «мира без войны». Во-первых, человек должен иметь право на свободу. Во-вторых, все люди должны быть равны. В-третьих, все обязаны соблюдать закон.

Затем разработкой концепции «мира во всем мире» занялся М. Дойл. В 1983 году он написал статью о значении

распространения либералистических идей в международных отношениях [Doyle, 1983]. В своей работе Доул полагал, что демократии могут быть агрессивны по отношению к автократиям, но не к демократиям. Причина кроется в наличии у демократических государств одних и тех же либеральных ценностей. Идея, что государство с демократическим режимом с меньшей вероятностью может быть втянуто в войну, лежит в основе «идеи демократического мира».

Внедрение данной концепции во внешнюю политику США произошло в период президентства В. Вильсона, который в 1917 году высказался о Германии как о «враге свободы». Но уже через год в своих «14 пунктах» он отмечал, что «их программа — программа всеобщего мира является единственно возможной» [Системная история международных отношений..., 2000, с. 27–28].

Во внешней политике последующих президентов США также прослеживается акцент на продвижение демократических процессов. Так, Гарри Трумэн (президентский срок — 1945–1953 годы) являлся автором новой доктрины, которая носила антикоммунистический характер. На тот период времени коммунисты считались противниками демократии. Они мешали ее развитию в коммунистических странах. Следовательно, мешали продвижению демократии. Линдон Джонсон (президентский срок — 1963–1969 годы) характеризовал войну во Вьетнаме как войну за свободу. Американцы приняли участие в ней в качестве борцов за свободу. Рональд Рейган стремился к миру и продвигал либерализацию в некоторых государствах.

Однако до президентства Дж. Буша в 2001 году продвижение демократии не являлось первостепенным направлением внешней политики. События данного года стали отправной точкой для изменения внешнеполитического курса в сторону демократизации мира. Речь идет об известном тер-

рористическом акте, произошедшем 11 сентября 2001 года. Эта трагедия унесла жизни многих американцев. После нее стало очевидным, что возникла новая угроза безопасности для Америки и всего мира. Во время своей второй инаугурации президент Дж. Буш младший сказал следующие слова: «Америка — это нация с особой миссией, и эта миссия проистекает из наших убеждений. Именно Соединенные Штаты должны распространять и поддерживать рост демократических движений и институтов в каждой нации и культуре» [Carothers, 2007, с. 3]. Согласно его мнению, именно недостаток политической свободы в некоторых странах и особенно на Ближнем Востоке привел к политическому экстремизму и терроризму. Предполагается, что продвижение демократии в данном регионе истребит террористическую деятельность. При Буше началась война с терроризмом, и демократизация мира представляла собой главный компонент для борьбы с ним [Carothers, 2007, с. 4]. Таким образом, распространение демократии стало одной из приоритетных целей внешней политики США.

В отношении Ближнего Востока результаты внешней политики Дж. Буша сводились к тому, что администрации президента удалось избавиться от диктаторских режимов в двух странах Ближнего Востока (включая Афганистан, который был отнесен администрацией к «большому Ближнему Востоку»). Они были заменены двумя выбранными правительствами. Несмотря на борьбу нового правительства с кровопролитными мятежами, администрация Буша все же считала это большим прогрессом в продвижении демократии.

Президент и его советники считали необходимыми политические изменения в арабском мире. Поэтому распространение этих идей в обществе привело бы к давлению на правительство ближневосточного региона. В результате были предприняты меры для дружественных автократических

стран региона, чтобы продвигать там демократические реформы. К этим мерам и мероприятиям относятся различные экономические выгоды (соглашение о свободной торговле с Бахрейном и Марокко), создание специальной программы помощи «Партнерская инициатива США — Ближний Восток» [Alessandri, Hassan, Reinert, 2015, с. 3], а также пересмотр взаимных двусторонних программ и соглашений, добавление в них демократического содержания и создание региональных демократических программ и инициатив.

Кроме того, используя экономические санкции, дипломатические инициативы, различные фонды помощи, США оказывали давление на две, по их мнению, враждебные страны — Иран и Сирию.

Вторжение в такие страны, как Афганистан (2001 год) и Ирак (2002–2003 годы) было охарактеризовано администрацией Буша как «миссия по демократизации». Однако фактор безопасности сыграл в этих случаях большую роль. В Афганистане задачами были смена политического режима и пленение участников террористической организации Аль-Каида, в том числе и их лидера Усамы бен Ладена. Данная группировка взяла на себя ответственность за события 11 сентября 2001 года. Война, которая развязалась впоследствии, закончилась лишь в 2014 году. США устранили главаря Аль-Каиды в ходе операции 2011 года и вывели свои войска. Ввод армии в Ирак имел причинами свержение режима Саддама Хуссейна и ликвидацию оружия массового поражения. Закончился данный военный конфликт в 2011 году победой Соединенных Штатов и их союзников. Недемократическое правительство было вновь свергнуто, на смену ему пришло другое.

Кроме того, Дж. Буш занимался продвижением так называемой «программы свободы». Он полагал, что именно свобода народа поможет преобразовать «репрессивные» регионы [Alessandri, Hassan, Reinert, 2015, с. 2].

После Дж. Буша его место занял новый президент — Б. Х. Обама, одержавший победу в 2008 году. Для нового президента было очень важно, чтобы люди не ассоциировали распространение демократии с тем, что случилось в Ираке и Афганистане. Исходя из этого, он говорил, что ни одна политическая система не может быть навязана, в том числе и демократия [Obama's Speech in Cairo, 2009]. Американский лидер хотел поддерживать развитие демократии без ее навязывания сверху. Однако при этом было важно сохранить свои отношения с некоторыми дружественными странами Ближнего Востока. Например, США поддерживали переход к демократии в Тунисе, Египте и Ливии.

В мае 2011 года президент Обама объявил о создании ближневосточной и североамериканской «Торговой и инвестиционной партнерской инициативы» (Middle East and North East «Trade and investment partnership initiative», MENA-TIP). Целью данного проекта являлось укрепление торговых и инвестиционных отношений в регионе, а также оказание помощи в либерализации торговли. Хотя основное внимание уделялось Египту, Иордании, Марокко, Тунису и, в меньшей степени, Ливии [MENA..., 2015, с. 2].

Достаточные усилия Соединенных Штатов были направлены на помощь в создании благоприятных условий для демократизации в регионе. К этим мероприятиям относились поддержка свободных, честных, конкурентоспособных выборов; инвестиции в ключевые сектора экономики в Тунисе и Египте; разработка стратегий и планов помощи вышеперечисленным странам совместно с международными институтами и другими государствами.

Б. Обама намеревался не вмешиваться в политические изменения, происходящие в регионе. В начале гражданской войны в 2011 году в Сирии США не предприняли таких же решительных действий, как в Ираке. Америка лишь пообеща-

ла ответить на использование Сирией химического оружия против оппозиции в августе 2013 года [Katz, 2013, с. 1]. Однако в 2014 году он был вынужден изменить свое решение и вмешаться в дела Сирии. Следовательно, Обама стал продолжателем идей продвижения демократии, хотя и использовал другие методы. Например, улучшение торговых связей, помощь в укреплении демократических институтов.

Что же касается Д. Трампа, то продвижение демократии продолжилось посредством усилий двусторонней дипломатии и взаимных соглашений. Так, после длительной конфронтации были достигнуты договоренности с главой КНДР Ким Чен Ыном. Трамп стал первым президентом США, который в 2019 году побывал в Северной Корее.

Таким образом, сама идея демократизации стран взаимосвязана с теорией демократического мира. Продвижение демократии в США стало главным направлением внешнеполитического курса президента Дж. У. Буша (годы президентства — 2001–2008 годы). Такие изменения были связаны с террористической атакой 11 сентября 2001 года. Во время его президентства ближневосточный регион (некоторые государства) подвергся изменениям в политических и экономических сферах. Далее его политика была частично продолжена следующим американским лидером Б. Х. Обамой (президентство — 2009–2017 годы). При Обаме политика продвижения демократизации использовала более «мягкие» методы. В частности, к ним относились установление торговых отношений, помощь в развитии демократических институтов в регионе.

Литература

Системная история международных отношений, 1918–2000. В 4 т. Т. 2: Документы 1910–1940 / сост. А. В. Мальгин; под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. — 243 с.

Alessandri E., Hassan O., Reinert T. U. S. democracy promotion from Bush to Obama. Working Paper № 1. The German Marshall Fund of the United States; the University of Warwick, UK, April 2015. — 32 p.

Carothers T. Democracy promotion during and after Bush. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2007. — 35 p.

Doyle M. W. Kant, liberal legacies and foreign affairs // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12. № 3, 1983. P. 205–235.

Fukuyama F., McFaul M. Should democracy be promoted or demoted? // *Bridging the Foreign Policy Divide*. The Stanley Foundation, June 2007. P. 1–16.

Kant E. Perpetual peace. A philosophical essay. New York: Macmillan, 1903. — 204 p.

Katz M. US policy toward Syria: Making the best of a bad situation? // *Viewpoints*. № 41. 2013. — 5 p.

MENA-U.S. Trade and investment report. Promoting business between the U.S. and the MENA region // *The report of April 2015*. — 23 p.

Obama's speech in Cairo // *The New York Times*. URL: www.nytimes.com/2009/06/04/us/politics/04obama.text.html (дата обращения: 28.11.2019).

Цай Ин

*(Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия)*

ПУНКТЫ ПРОПУСКА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ УЧАСТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Протяженность российско-китайской государственной границы в Амурской области — 1247,0 км (полностью речной участок). На территории Амурской области установлено восемь пунктов пропуска: автомобильный «Кани-Курган», смешанные «Благовещенск», «Поярково», «Сковородино», «Джалинда», «Ушаково», «Константиновка», воздушный «Благовещенск», в т. ч. пять пунктов пропуска («Благовещенск», «Поярково», «Ушаково», «Константиновка», «Джалинда») расположены на российско-китайском участке государственной границы [Чжоу, 2018, с. 311–315]. Правовой основой установления пунктов пропуска является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе от 27 января 1994 года [Постановление Правительства...]. Друг напротив друга по берегам Амура расположены пять китайских пунктов пропуска («Хэйхэ», «Сюньхэ», «Хума», «Суньбу», «Мохэ»). Из пяти пунктов пропуска «Ушаково» и «Константиновка» не функционируют с момента установления [Пункты пропуска...].

1. Пункт пропуска «Благовещенск».

Пункт пропуска «Благовещенск» имеет подъезды через улично-дорожную сеть города и автодорожный мост через реку Зея к федеральной автомобильной дороге «Подъезд к г. Благовещенск», федеральной автомобильной дороге «Амур» (Чита — Хабаровск), к сети региональных автомобильных дорог, а также к подъездным железнодорожным путям. Проектная пропускная способность данного пункта: физические лица — 540 чел. / час, грузы — 5000 т / сутки, грузовые автотранспортные средства и автобусы (в период ледостава) — соответственно 120 и 300 ед. / сутки.

2. Пункт пропуска «Поярково».

Подъезд осуществляется по региональной автомобильной дороге «Завитинск — Поярково» с федеральной автомобильной дороги «Амур» (Чита — Хабаровск), а также по железнодорожной ветке «Завитинск — Поярково». Проектная пропускная способность пункта пропуска: физические лица — 80 чел. / час, суда (в период навигации) — 6 ед. / сутки, грузовые автотранспортные средства и автобусы (в период ледостава) — соответственно 40 и 20 ед. / сутки. Порт «Поярково» является одним из трех основных портов на бассейне реки Амур (Хэйлуңцзян) в России и имеет все портовые сооружения и развитую транспортную систему.

3. Пункт пропуска «Джалинда».

Джалинда является терминалом Транссиба, соединяющим Транссиб и БАМ. Подъезд осуществляется по железнодорожной ветке от Транссиба «Сковородино — Джалинда», по федеральной автомобильной дороге «Подъезд к границе с КНР (с. Джалинда) от М-56 “Лена”», от города Тынды (300 км), который по величине занимает второе место в Амурской области [Пограничные пункты пропуска...].

Пограничный переход «Джалинда» — «Мохэ» был открыт в 1993 году и действовал более 10 лет, однако в начале

2008 года он был закрыт из-за низкого пассажирского потока и низкого грузопотока. В последнее время в связи с активным наращиванием деловых связей приграничных регионов двух стран встал вопрос о реанимировании закрытого погранперехода. В начале 2019 года Приамурье и Якутия заявили о планах сформировать совместное предложение для национальной программы развития Дальнего Востока о создании международного транспортного коридора через пункт пропуска «Джалинда» — «Мохэ» [В Приамурье планируют реанимировать...]. Работы по строительству нового пункта пропуска начнутся весной 2020 года. Планируется, что таможенный пункт пропуска «Джалинда» — «Мохэ» станет крупным транспортно-логистическим узлом, который задействует три региона: Забайкальский край, Якутию и Амурскую область [Новый таможенный пункт...].

Через все пять пунктов пропуск осуществляется в период летней навигации водоизмещающими судами, в период ледостава — автобусами или грузовым автотранспортом по наплавным (понтонным) мостам.

Стоит сказать о двух нефункционирующих пунктах пропуска: смешанный «Сковородино» и автомобильный «Кани-Курган», хотя они не расположены на российско-китайском участке государственной границы, но характер границы обуславливает особенности размещения здесь пунктов пропуска.

4. Пункт пропуска «Сковородино».

Правовая основа установления данного пункта пропуска — распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.06.2011 № 1083-р. Пункт пропуска функционирует временно по заявкам в целях обслуживания нефтепровода от нефтеперекачивающей станции (НПС) Сковородино до НПС Мохэ. Проектная пропускная способность пункта пропуска: транспортные средства — 10 ед. / сутки; лиц — 40 чел. / час; товаров — 60 т / сутки.

«Сковородино» расположен в с. Джалинда, 682 км реки Верхний Амур, в 280 м от государственной границы. Подъезд осуществляется по федеральным автомобильным дорогам «Подъезд к границе с КНР (с. Джалинда) от М-56 “Лена”», а также межмуниципальными автобусными маршрутами.

5. Пункт пропуска «Кани-Курган».

Правовая основа установления пункта пропуска — Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об упрощенном порядке пересечения границы во временном пункте пропуска Кани-Курган — Чанфантунь персоналом, занятым на совместном строительстве моста через Амур, от 30 апреля 1997 года. В настоящее время Правительство РФ одобрило решение об установлении автомобильного пункта пропуска Кани-Курган (Амурская область) — Хэйхэ (КНР). Планируется, что пропускная способность пункта Кани-Курган составит в сутки 630 грузовых автомобилей, 164 автобуса, 68 легковых автомобилей и около 5,5 тыс. человек. Срок ввода его в эксплуатацию будет синхронизирован со сроком завершения строительства пограничного мостового перехода Благовещенск — Хэйхэ в 2020 году [Соглашение между Правительством...].

Река Амур (Хэйлунцзян), являющаяся границей между Амурской областью РФ и провинцией Хэйлунцзян Китая, достаточно широка и полноводна на этом участке, что является естественным преимуществом для речного транспорта. В речных портах могут припарковаться баржи водоизмещением в тысячи тонн, а грузы могут быть доставлены из внутренних территорий РФ до Японского моря. Этот маршрут является звеном в цепочке речного и морского транспорта [Якимович, 2014, с. 249–252].

Основываясь на регулярных встречах между премьер-министрами двух стран и на Восточном экономическом форуме в последние годы [Левушкина, 2017, с. 268–271], развитие эконо-

мики Северо-Восточной Азии стало приоритетным [Ишаев, 2015, с. 57]; главной темой стало развитие и общение в политических, экономических и других сферах между Россией и Китаем. В сентябре 2019 года был обнародован общий план пилотной зоны свободной торговли Китая и г. Хэйхэ (Хэйлунцзян) в качестве одной из них. Эта деятельность на государственном уровне несет новую историческую возможность для развития СВА, особенно для развития Дальнего Востока РФ.

Государственная и региональная власти активно осуществляют международную торговую деятельность; в настоящее время необходимо решить три основных вопроса:

1. Постоянно совершенствовать инфраструктуру строительства портовых пассажирских залов, причалов, складов, складских, транспортных и товарооборотных площадок.

2. Повысить общую операционную эффективность портов, а именно служб инспекции, карантина, надзора, обработки, транспортировки, складирования, финансов, страхования, связи, туризма и таможенного оформления.

3. Исходя из внутренней и внешней транспортной системы, всесторонне изучить перспективы и объемы грузоперевозок, а затем оптимизировать маршруты и сервисы транспортировки.

Таким образом, в контексте международной и внутренней ситуации строительство новых портов и улучшение эксплуатационного потенциала существующих портов являются основными гарантиями того, что Россия встает на путь стратегического развития и реализации актуальных мероприятий в политической и экономической сферах на Дальнем Востоке.

Литература

В Приамурье планируют реанимировать пограничный переход Джалинда-Мохэ. URL: <http://np-srv.ru/news/v-priamure-planiruyut-reanimirovat-pogranichnyu-perechod-dgalinda-moche.html> (дата обращения: 24.10.2019).

Ишаев В. И., Ивантер В. В., Кувалин Д. Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс, 2015. — 264 с.

Левушкина А. О. Восточный экономический форум: история становления и перспективы развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VII международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.). Вып. 7 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 268–271.

Новый таможенный пункт в Амурской области объединит три региона. URL: <https://finance.rambler.ru/markets/42695320-novyyu-tamozhennyu-punkt-v-amurskoy-oblasti-obedinit-tri-regiona/> (дата обращения: 21.08.2019).

Пограничные пункты пропуска. URL: <https://issa.ru/forms/kpp/?curPos=100> (дата обращения: 08.11.2019).

Постановление Правительства РФ от 5 июня 1994 г. N 654 «О создании Межведомственной комиссии по открытию, строительству и обустройству пунктов пропуска на российско-китайской государственной границе». URL: <http://base.garant.ru/6302442/> (дата обращения: 17.10.2019).

Пункты пропуска на территории Амурской области. URL: <http://vstamur.ru/node/94/> (дата обращения: 28.08.2019).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об упрощенном порядке пересечения российско-китайской государственной границы во временном пункте пропуска Кани-Курган — Чанфатунь персоналом, занятым на совместном строительстве моста через р. Амур (Хэйлунцзян), а также перемещения строительных материалов, оборудования и транспортных средств. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901761689> (дата обращения: 14.11.2019).

Чжоу Тяньхэ. Пункты пропуска на восточной части российско-китайской границы в 1990-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII международной научно-

практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 г.). Вып. 8 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. С. 311–315.

Якимович М. Ф. Проблемы таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности между Амурской областью и Китаем // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 14–19 мая 2014 г.). Вып. 4 / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 249–252.

周天河（布拉戈维申斯克）
布拉戈维申斯克国立师范大学

中国旅游在俄罗斯远东地区的特点（1990年代）

如今，中国已成为国际移民进程的主要参与者。中国数量众多的人口以及高人口密度，成为了大量中国公民出国的客观原因。在解除出国限制后，就为旅游移民提供了广泛的机会。在全球经济中中国的积极参与，近年来获得国家经济的成功，它是数十个国家中大量外国华侨的保证。

阿穆尔州地区由于其与中国接壤的地理位置，一直对发展与中国的旅游联系具有广阔的前景。但是，只有在1990年代才能完全实现。“在苏联时期，来中国的俄罗斯人很少。1987年，有2.48万俄罗斯人到访了中国-苏联在当时公民到访中国的15个国家中排名第12位 [宋魁,陈秋杰, 2001, 页11]。两国之间的旅游交流始于1988年9月24日，当时苏联与中国之间的第一批旅游团进行了交流。从布拉戈维申斯克（Blagoveshchensk）到黑河（Heihe），两个互换团体（每个40人）进行了为期一日的免签证交流旅行：旅游行业的创始人回忆说：“甚至还向第一批游客提供当地货币来购买纪念品” [在布拉戈维申斯克...]。从那时起，俄罗斯远东地区 and 黑龙江省之间的旅游业务开始迅速发展。1989年，布拉戈维申斯克与黑河相互交流了389个旅游团（包括191个旅游团，共7858人从中方访问俄罗斯）和198个旅游团（8138人）。旅游变得如此流行，以至于那些有兴趣的人需要提前至少一个月在旅游团中保留位置。

1990年，双方达成协议，将此类旅游团的数量从每周两个增加到十二个。但这不能满足边界两侧俄罗斯和中国人民

日益增长的需求。在布拉戈维申斯克和黑河之间一日游的普及度的影响下，开发了以下路线：同江-下涅林斯基，绥芬河-波格拉尼奇纳亚，东宁-乌苏里斯克。俄国人发现了中国东北的城市，如哈尔滨，密山，虎林，抚远，逊克，饶河，琿春等。1991年，俄罗斯人到访黑龙江省的游客人数首次超过了来自日本和台湾的游客人数[宋魁,陈秋杰, 2001, 12]。

在激活游客流量的过程中，两国之间达成了许多协议。首先，达成了苏联与中国之间关于两国之间免签证团体旅游的协议，该协议记录在中国外交部从1991年1月4日的记录中，以及苏联驻中国大使馆从1991年3月1日的记录中。随后是《俄罗斯联邦政府与中华人民共和国政府关于贸易和经济关系的协定》（1992年3月5日），“关于派遣和雇用中国公民在俄罗斯企业，联合公司和组织中工作的准则”的协定（1992年8月19日），俄罗斯联邦劳动部与中华人民共和国国家外国专家管理局之间的《关于向中国派遣俄罗斯技术专家的协议》（1992年12月18日），以及两国政府之间的《关于免签证团体旅游的协议》（1992年12月18日）。所有这些协定都有助于加强移民交流，发展贸易和经济联系以及在国家和地区间进行经营活动。1993年，二十世纪最后十年，中国和俄罗斯公民在布拉戈维申斯克和黑河之间的互动达到了顶峰。

应当指出，随着苏联解体，俄罗斯人到中国的旅游具有许多特点。在俄罗斯的经济改革的背景下，随着日用品和消费品日益短缺的，此类旅行的目的是唯一的——购物。在短短的几年内，俄罗斯人来华已成为市场经济自发的独立分支和有利可图的商务类型[宋魁,陈秋杰, 2001, 页11]。从1988年7月到1993年10月，俄罗斯对中国移民的普遍开放程度可谓很高。关于跨境迁移核算系统的质量，研究人员指出，由于该系统的创建仅在上述时期的最后阶段才开始，因此无法统计跨境移民的具体数量，监督跨境移民的能力处于非常低的水平[Киреев, 2014, 页 16]。

1993年，情况发生了重大变化。互访次数减少，使用现金旅行开始流行，希望自己游览邻国的人数增加。固定的团体一日游逐渐转变为对各个日期的旅游交换——38妇女节，

教师节，以及来自科学和工业各个领域的专家和科学家的交流。为来到中国的俄罗斯人开发了新的路线-到亚布力滑雪基地，镜泊湖，以及北戴河，大连，北京，上海，深圳等。逐渐地，边境旅游开始发展为跨境旅行：通过东北的机场，俄罗斯人自己可以到达泰国，马来西亚，越南，新加坡，菲律宾和其他东南亚国家。再次值得注意的是，俄罗斯远东地区的中国之所以如此受欢迎，是因为边境地缘：对远东地区而言，北戴河的游览费用比去索契费用的便宜三倍 [宋魁,陈秋杰, 2001, 12]。

至于中国公民的入境，由于1994年实行签证制度，入境受到了限制。但这并没有成为国际联系的严重障碍。1994年，俄罗斯人和独联体国家居民来华访问次数达到创纪录的10万次，比1993年增长了50%以上。1996-1997年这个数字继续增加，分别达到16万和23万的访问量。1996年，俄罗斯人访问中国的人数达到了55万人次（在中国的日本游客人数为150万，韩国游客为69.3万，美国游客为57.6万，位居第四）[宋魁,陈秋杰, 2001, 页13]。1996年，在“阿穆尔州”地区，国际旅游业正在发展，有7家旅行社在运营。目前，每年有23.15万俄罗斯公民出国旅游。布拉戈维申斯克的Amurturist公司开设了国际一流的旅游酒店“[阿穆尔河地区国家档案馆, 页10]。

根据现有统计数据，1996年，每位俄罗斯游客在中国的消费为205.89美元，远高于平均水平147.96美元，也高于中国从日本来的游客的消费水平（每天175.70美元），而从韩国来的游客的消费水平为每天（174.44美元），德国（155.10美元），美国（139.3美元）。这是由于上面已经提到的原因：俄罗斯公民在一次旅游旅行中主要是为了购物，包含而上述费用不仅包括住房，食物，旅游费用，还包括购物费用。因此，在1996年的两日黑河之旅中，俄罗斯人平均花费55.1%进行购物（机票-19.1%，住房10.5%，食物7.3%，游览0.9%，娱乐1.2%，用于通讯的2.4%，用于本地交通的1.3%，其他费用-2.2%）。如此大量的购物支出当然不免让黑河的商贩欢欣鼓舞[宋魁,陈秋杰, 2001, 页13-15]。

商业活动是留在俄罗斯的中国游客的主要目标，也是对国内经济的严峻挑战。这种活动的特殊性导致了所谓的现象的出现。“穿梭贸易”或“民间贸易”-一种特殊的社会经济现象。如 В. И. Дятлов 亚特洛夫所述的“穿梭”贸易在社会主义经济崩溃的关键时刻为当地人口起到了巨大的，甚至决定性的作用。对于受惠于此的数十万人，它已成为一所创业学校，是中小企业的孵化器。顺便提一下，形成了巨大的商品跨境流动的数量，官方几乎没有统计 [Дятлов, 2017, 页 104]。

实际上，这个年轻的俄罗斯国家在危机情况下没有同等的就业选择，因此允许采取诸如进口数量有限的免税商品等措施，这有可能部分解决在短时间内填补消费市场的问题。经济的停滞，失业的增加，工资的拖延数月以及商品的短缺，促使俄罗斯公民的旅游业迅速转变为“穿梭”生意，这使其成为1990年代俄罗斯经济中最大，最重要的现象之一。相应的基础设施开始形成：专门从事前往不同国家的购物之旅的旅行社的数量不断增加；大规模“穿梭”贸易的交易平台（服装市场）开始自发创建，然后依法成立。到2000年代初。穿梭业务已经成为具有既定规则的正式活动。

根据中国学者的说法，俄罗斯和中国之间的“民间贸易”与既定的传统贸易形式完全不同，它不是通过双方的公司而是通过私人贸易商和私人合伙企业进行的。应将所有游客旅行的80%视为以购买或出售商品为目的的旅行” [宋魁, 陈秋杰, 2001, 页13]。据中方称，“中俄国民贸易中的影子贸易规模估计约为8至100亿元人民币。”在1990年代穿梭贸易占15%，在食品进口中占50%。” [Антонова, 2009, 页 136]。

应当指出，中国早于俄罗斯就已经准备好建立这种关系模型：早在1978年，中国就通过在边界地区创造特殊的经济条件，着手改革开放，发展跨境合作。这种经济自由主义的苏联（后来的俄罗斯）经济在十年后成熟（1986年，苏联部长会议扩大了各部的权利，并允许企业进入国外市场）。黑河市人民政府在旅游事业建设中所遵循的口号是：“旅贸兴业，兴边富民”（“旅游贸易促进经济发展，为人民致富”），在此口号下，旅游贸易部门积极互动。

在俄罗斯的背景下，“穿梭贸易”似乎“反映了90年代俄罗斯市场经济的畸形的特点，是对该国对人口需求漠不关心的自发抗议” [Ларин, 2005, 页 243]。前往相邻国家的旅行的简化，赤字的增加，公共部门实际工资的急剧下降是造成“穿梭旅游”的主要原因，在1990年代上半叶，这种旅游大多是自发的，没有受到法律的完全管制，后来又通过行政措施得以稳定。”当然，中国创造的“开放地带”与区域经济增长之间的关系仍然需要论证。但是中俄边境地区经济潜力之间的差距不断扩大是毋庸置疑的。” [Рыжкова, 2008, 页 95]。

逐渐地，中国游客成为阿穆尔州经济生活中不可或缺的一部分。“实际上，边境城市黑河和布拉戈维申斯克之间的旅游业和贸易是两个不可分割的现象，它们融合在一起，这在许多互动领域中造成了无秩序和混乱，包括在旅游领域” [郭文贵, 1998, 页 35]。俄中旅游业也正在非法发展中：立法领域以外的活动越来越广泛。根据中国的估计，影子贸易的规模估计约为8至100亿元人民币。估计在1990年代。穿梭贸易占15%，而食品进口占50%。正如 Н. Е. Антонова 安东诺瓦指出的，最严重的问题之一是中方继续押注发展“人民”或“穿梭”贸易，其中大量货物由个人运输。这种原始的贸易形式导致到各级预算中的税收流失，无法监测商品的制造过程，无法确定进口商品的质量和真实证书的真实性 [Антонова, 2009, 页 139]。

对于中国而言，旅游业已转变为“民间贸易”，是一项谨慎且提前计划的长期经济政策的延续。对于俄罗斯人来说，以前不为人知的旅游活动实际上并不是生存的一种“经济机会”-首先是自发的，后来受到法律的管制，最终决定了1990年代该地区的社会经济结构。

参考文献

Антонова Н. Е. 俄罗斯在远东地区的经济合作 // 空间经济, 2009年, 第3期, 页134-158。

在布拉戈维申斯克来到了由副市长率领的中国代表团和黑河[电子资源。 - 访问模式：<http://www.amur.info/news/2018/09/28/143971>。 - (是一个绘制28/09/2018)。

郭文贵。黑河对俄罗斯存在的问题及对策(黑河去俄罗斯的游客:存在的问题和解决方案)//黑河学刊,1998年,第6期,页35-36。

阿穆尔河地区国家档案馆。Ф. 2286. Оп. 1. Д. 280。

Дятлов В. И. 后苏联的露天市场:新现象还是传统的延续?//西伯利亚历史研究,2017年,第1期,页99-118。

Киреев А. А. 俄罗斯移民政策对中国跨境移民的影响//奥库梅纳,2014年,第4期,页8-25。

Ларин В. Л. 俄中地区关系(二十世纪八十年代和二十一世纪初)。М.: 东西方出版社,2005。390页。

Рыжова Н. П. 中国边境地区的“门户开放政策”//政策,2008年,第4(51)期,页95-104。

宋魁,陈秋杰。中俄旅游合作的回顾与展望(俄罗斯和中国在旅游领域的过去和未来合作)//西伯利亚研究,2001年,第5期,页11-16。

И. В. Шалина, С. А. Зыкова
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ ОБМЕНА И ИХ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

Сегодня практика стажировок за рубежом становится все более популярной. Студенты российских вузов имеют достаточно возможностей для получения подобного опыта. Большинство университетов развивают интеграционные связи с вузами других стран, благодаря чему студенты могут воспользоваться льготными условиями. Образование, полученное за рубежом, считается престижным и активно поощряется руководством вузов страны.

Процесс осуществления программ обмена в области науки и культуры, преподавание и изучение японского языка за рубежом, поддержка исследований в области японоведения, открытие японских центров, способствующих подготовке кадров для ведения бизнеса и ведущих профориентационную деятельность, относят к так называемой мягкой силе, от английского *soft power*, когда распространение влияния идет не жестким насильственным путем, а через создание позитивного образа страны, привлечение к ней внимания.

«При интерпретации концепта “мягкой силы” часто используется ряд смежных понятий: имидж, бренд, символическая политика, пиар, модный менеджмент, культурная и гуманитарная дипломатии и другие. Под *soft power* подразумевается

совокупность разнообразных практик, отражаемых в данных понятиях, — главная “матричная” черта понятия “мягкая сила” заключена в его интегративном и комплексном характере по отношению к отмеченным коммуникативным практикам. Суть данного подхода состоит в том, что *soft power* — это прежде всего стратегия, политика управления ресурсами, которая может быть успешной только при условии коммуникативной интеграции своих структурных компонентов» [Русакова, Ковба, 2016, с. 15].

Вышеназванная стратегия осуществляется вполне успешно: ежегодно в Японию, на обучение или работу, в зависимости от программы, отправляются люди со всего мира.

Нельзя не отметить огромную роль Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (далее мы будем использовать английскую аббревиатуру МЕХТ, так как она наиболее распространена и известна).

Именно МЕХТ является основателем таких программ, как «学部生» (Студент), «研究生» (Стажер-исследователь), «日研生» (Язык и культура Японии) и других. Мы рассмотрим их более подробно, а также попытаемся выявить главные цели, на которые они направлены.

В 1972 году под эгидой Министерства иностранных дел Японии был учрежден Японский фонд (The Japan Foundation) — специальная организация для развития международного культурного обмена Японии. Статус независимой административной организации фонд получил 1 октября 2003 года [Королев, Кудрявцева, 2014].

Японский фонд является единственной в Японии организацией, осуществляющей всестороннюю деятельность по культурным обменам между Японией и другими странами. Фонд ставит своей целью внести вклад в формирование фундамента гармоничного сосуществования народов Японии и всех стран мира и ведет свою деятельность по трем основным направлениям:

- Программы обмена в области культуры и искусства;
- Программы по преподаванию японского языка за рубежом;
- Программы поддержки исследований по Японии и интеллектуальных обменов [Материалы Японского фонда].

На протяжении истории Япония развивалась стремительно, невозможно однозначно трактовать направления ее внешней политики, а также отношения с зарубежными странами, не говоря о желании привлекать человеческие ресурсы из-за границы.

Чтобы объяснить принцип развития международных отношений с Японией, необходимо постичь нормы поведения международного сообщества, японского общества и государственных чиновников Японии. Сквозь призму этого восприятия нужно разглядеть попытки людей понять приоритетность собственных интересов в сложившихся исторических условиях [Шалина, 2007, с. 196].

Существует несколько причин, по которым Япония заинтересована в притоке иностранцев.

Одной из них является проблема старения населения: на фоне низкой рождаемости увеличивается количество пожилых людей. В Японии остро ощущается нехватка работоспособных людских ресурсов, поэтому с каждым годом количество иностранцев, устраивающихся здесь на работу, растет. Несмотря на то, что несколько лет назад Япония считалась страной, в которую сложно попасть даже туристу, сейчас возможности иностранцев расширяются. Политика Японии приносит видимые результаты.

Второй причиной может являться цель поднять рейтинг японских вузов в мире путем привлечения ученых и студентов из англоговорящих стран. Кроме того, при ранжировании университетов одним из критериев является индекс цитирования, в частности, большую роль играет цитирование именно в европейских журналах.

Третьей причиной является повышение имиджа страны, демонстрация того, что Япония открыта для сотрудничества и поддержания международных связей.

Итак, выше мы говорили о стажировках, предлагаемых для иностранных граждан. Конечно же, самыми привлекательными из них являются стипендиальные программы.

Первая из них — «日研生 *никкэнсэй*», по-русски ее называют «Японский язык и культура Японии». Цели этой программы прослеживаются в самом названии. Она направлена на знакомство с тем, что же такое Япония, каковы ее традиции, а также на изучение японского языка. В течение 9–10 месяцев стипендиаты имеют возможность бесплатно жить и учиться в Японии. Это помогает продвигать позитивный образ Японии, а также дает шанс на то, что, вернувшись на родину, студенты поделятся опытом пребывания в Стране восходящего солнца.

Вторая программа называется «学部生 *гакубусэй*», или «Студент». В отличие от первой эта программа более сложна, так как человек, принявший в ней участие, фактически обучается в японском вузе (полный срок) и получает диплом бакалавра по окончании университета. Длится программа от пяти лет, в течение первого года студенты изучают язык, чтобы иметь возможность обучаться в университете на одном уровне с японцами. По окончании программы можно как вернуться на родину, так и продолжить обучение или начать карьеру в Японии.

Третья программа поможет поднять заявителя с уровня простого студента до магистранта. «研究生 *кэнкю:сэй*», или «Стажер-исследователь», предполагает, что у претендента уже есть одно высшее образование, однако человек готов развиваться дальше как ученый. Важным нюансом является наличие плана научного исследования на момент подачи заявления. К тому же на первом этапе необходимо доказать, что

ваше исследование действительно актуально и принесет пользу не только японской научной школе, но и мировой науке в целом, так как на поддержку стипендиатов данной программы выделяются ощутимые денежные средства (от 143 000 йен в месяц).

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что увеличение количества программ по обмену, а также готовность Японии выделять денежные средства для поддержки стипендиальных программ говорят о правомерности теории «мягкой силы» и о выраженной потребности Японии в человеческих ресурсах.

Литература

Королев В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2. М., 2014. С. 190–206.

Материалы Японского фонда. URL: <http://jpfmw.ru/ru/about/ofonde.html> (дата обращения: 21.10.2019).

Русакова О. Ф., Ковба Д. М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона // ПОЛИТЭКС. Т. 12. № 2. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С. 14–29.

Шалина И. В. Взаимопроникновение культур России и Японии в аспекте исторического взаимодействия // Азиатско-тихоокеанский регион: диалог языков и культур. Иркутск: ИГЛУ, 2007. С. 195–201.

И. В. Шалина, Д. И. Мартыанова
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЯПОНСКАЯ ВЕРСИЯ СПЕКТАКЛЯ «УТИНАЯ ОХОТА» КАК ОБРАЗЕЦ УСПЕШНОГО КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ТЕАТРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Впервые в истории российско-японские культурные отношения были выведены на новый уровень в 2018–2019 годах: в СМИ сообщалось о проведении года России в Японии и года Японии в России соответственно. Согласно информации, размещенной на сайте посольства Японии, вплоть до 30 июня 2019 года, когда перекрестный год был завершен, на территории России для ознакомления с культурой и традициями Японии было проведено 609 мероприятий, в которых приняли участие 1 625 921 человек. Отмечая высокий уровень интереса к кросскультурным мероприятиям, главы двух стран объявили 2020–2021 годы Годом японо-российских межрегиональных обменов [Кросскультурные исследования].

Однако межрегиональные обмены были и остаются объектом пристального внимания заинтересованных в международном обмене специалистов достаточно давно. Такой межрегиональный обмен — между Иркутской областью и префектурами Исикава, Номи, Аомори и др. — продолжается на протяжении 53 лет. Регионы регулярно принимают учеников-стажеров, бизнес-делегации и коллективы художественной культуры, осуществляя тем самым разноплановый кросскультурный диалог.

За исключением бизнес-среды, правила и регламент в которой усреднены и в целом подчинены определенным базовым требованиям, прочие области кросскультурного диалога России и Японии существенным образом отличаются в силу специфики культурных особенностей двух стран. Вследствие этого обмен как элемент кросскультурного диалога подразумевает знакомство с инофонной средой, ее культурным кодом и разницей восприятия этносов, сохранение в аспектах обмена высокой степени «традициональности».

Под инофонной средой мы понимаем ту, которая характерна для носителя иностранного языка и соответствующей языковой картины мира.

В рамках принятых положений спектакль японского театра «Ангелус» по пьесе Александра Вампилова «Утиная охота» представляет собой произведение, объединившее культурные коды двух стран еще на этапе разработки и инсценизации, что является нехарактерным для объекта культурного обмена, однако реализует собой непосредственно кросскультурный диалог.

Спектакль «Утиная охота» театра «Ангелус» (г. Канадзава, Япония) вошел в программу VIII Международного театрального фестиваля современной драматургии им. А. Вампилова и был представлен зрителям городов Иркутска, Ангарска и Шелехова (в рамках мастер-класса) в сентябре 2011 года. Об интересе к постановке говорит тот факт, что в залах не было свободных мест, а часть публики расположилась на лестницах и полу. Для удобства восприятия текст оригинала на русском языке размещался в виде проекции на заднике сцены; время от времени в речи самих актеров-японцев появлялись русские слова и фразы: «я не ханжа», «я крупно рискую», «почему» и другие. Вместе с тем основные музыкальные вставки являлись вариациями на тему похоронного марша и

песен из репертуара известной японской блюз-исполнительницы Маки Асакава.

Произведение Александра Вампилова стало объектом внимания режиссера театра «Ангелус» Наомити Окаи за 35 лет до появления постановки [«Утиную охоту» по-японски показали в Иркутске], когда появился японский перевод пьесы. Через переводной текст и интерпретацию режиссера отчетливо прослеживаются, в первую очередь, инофонные мотивы. Так, весь спектакль выполнен в стилистике классического японского театра: выбеленные лица указывают на пространство Кабуки, однако движения и речь близки традиционному театру Но. В оформлении преобладает белый цвет — традиционный символ загробного мира для азиатских культур. Поступки главного героя пьесы, Виктора Зилова, режиссер объясняет вмешательством потусторонних сил, превращая нескольких персонажей в орудие воздействия на главного героя. Ирину, любовный интерес Зилова, режиссер представляет манекеном, которым снова управляет нечистая сила. Во многом подобная интерпретация отсылает нас как зрителей к теории высокого и низкого контекста культур Э. Холла [Типы контекста культуры]. Высококонтекстная японская культура акцентирует особое внимание на оформлении ситуации, размещая слова на второе место. Русскую культуру также относят к высококонтекстным, однако в бытовых реалиях мы наблюдаем преимущественно низкий контекст и вербализацию смыслов говорящего. В связи с повышенным, применительно к русской культуре, контекстом японской культуры в спектакле возникает тематика загробного мира и, как следствие этого, двойственность ощущений главного героя — возможно, единственного реального человека. А кукольный образ Ирины передается как образ «не способного к эмпатии представителя современной молодежной культуры» (режиссер Н. Окаи).

В том числе с позиции разницы в контекстах культуры представлена развязка спектакля. В тексте оригинала Вампилова мы наблюдаем открытый финал с выстрелом, который раздается вне поля зрения зрителя. Каждому предлагается домыслить произошедшее. Однако японская «Утиная охота» не оставляет выбора ни главному герою, ни адресату действия. Первоначальная попытка самоубийства главного героя заканчивается неудачей: в последний момент он отказывается от этой мысли. Финальный же выстрел происходит на глазах зрителя, но все говорит о том, что Виктор Зилов застрелился случайно.

Обоснование такого режиссерского решения также имеет культурологическую природу и находится в области восприятия и расшифровки культурного кода. Япония с ее богатым историческим прошлым сформировала в своих жителях нейтральное отношение к смерти, которое зачастую носит прагматический характер — в современных реалиях более половины самоубийств приходится на людей, у которых были проблемы со здоровьем, на втором месте по распространенности желание избавиться от экономических и бытовых проблем. Прежде самоубийство имело некий романтический ореол, но в наши дни подобного рода действия не поощряются.

Для мотивации поступков главного героя, по словам режиссера, приходилось искать обоснования в соответствующем, японском культурном коде [«Утиную охоту» по-японски показали в Иркутске]. Самоубийство осознанного характера стало бы для японского Зилова своего рода искуплением, что подчеркнуло бы благородство главного героя. С другой стороны, оставить безнаказанными все его поступки также не представлялось хорошим решением, поскольку на протяжении всей японской интерпретации главный герой представлялся не самым тонким и душевным человеком. В финале ре-

жиссер представил свою трактовку выстрела: случайное самоубийство, инициированное то ли самим Зиловым, то ли потусторонними силами, по версии автора инсценизации, активно вмешивающимися в жизнь героев. Интересен тот факт, что этот прием напрямую отсылает зрителя и к элементу русского культурного кода, а именно к принципу драматургии так называемого «чеховского ружья» [Заряженное ружье выстрелило]. Благодаря его наличию в постановке, театральные критики получили возможность анализировать пьесу под заголовками вроде «Заряженное ружье выстрелило», что не вызвало диссонанса у русского читателя.

Максимальному сближению русского зрителя и японской инсценизации спектакля способствовали упомянутые ранее вкрапления русских слов в тексте японского перевода. Все артисты перед началом показа консультировались с переводчиками о значении и интонировании тех или иных слов и фраз для надлежащего воздействия на зрителя. В результате земляки Александра Вампилова, знакомые с текстом пьесы на русском языке, могли проще ориентироваться в тексте повествования, не заглядывая в субтитры. Однако одно из слов, понятное русскому носителю культурного кода, по всей вероятности, осталось за пределами понимания японских зрителей и участников действия во время премьеры спектакля в г. Канадзава, Япония.

Речь идет о неологизме «алик», который А. Вампилов вводит в текст пьесы через одну из героинь, Веру. Изначально сокращенная форма имени, которая послужила поводом для шутки в гостях у иркутского писателя Петра Реутского [Вампилов], превратилась в ласковое обозначение алкоголика. Именно «аликами» называет всех мужчин Вера при первом знакомстве. В японской версии текста пьесы так и осталось безымянное *アリ ッ ク арикку*, без каких-либо пояснений в программках и рекламных памфлетах к спектаклю. По этой

причине у японского зрителя, вероятно, могло сложиться впечатление о Вере как о девушке недалекого ума, которая не в состоянии запомнить ни единого мужского имени. К счастью, этот пласт информации не является ключевым в восприятии спектакля, однако часть иронии без должного перевода остается пустым инфофоном, непонятым адресатом.

Таким образом, спектакль «Утиная охота» — яркий пример состоявшегося кросскультурного диалога в театральном пространстве России и Японии. Постановка вызвала большой интерес, не в последнюю очередь благодаря своей региональной направленности: именно в Иркутске начинался творческий путь драматурга Александра Вампилова, именно в Иркутском академическом драматическом театре им. Н. П. Охлопкова впервые в стране поставили произведение А. Вампилова «Старший сын» [«Утиную охоту» по-японски показали в Иркутске]. Нельзя забывать и о том, что именно Иркутск является городом-побратимом японского города Канадзава, откуда приехал коллектив театра «Ангелус».

Сочетание знакомых со школьных уроков литературы предлагаемых обстоятельств пьесы и инфонной культуры нашло свой отклик в сердцах зрителей региона.

Переводные русские пьесы притягивают внимание сочетанием разнообразия культурных кодов оригинала, который переводчик максимально старается сохранить, и принимающего языка, чья особенность выражается в том числе посредством инсценизации.

Литература

Вампилов А. В. Прототипы героев произведений. URL: http://irkipedia.ru/content/vampilov_v_prototypy_geroev_proizvedeniya (дата обращения: 20.10.2019).

Заряженное ружье выстрелило... URL: https://baikvesti.ru/new/zaryazhennoe_ruzhe_vistrelilo (дата обращения: 17.10.2019).

Кросскультурные исследования. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.09.2019).

Типы контекста культуры: теория Э. Холла. URL: https://studopedia.ru/13_42277_tipi-konteksta-kulturi-teoriya-eholla.html (дата обращения: 15.09.2019).

«Утиную охоту» по-японски показали в Иркутске. URL: <http://www.pribaikal.ru/events-contacts/article/10940.html> (дата обращения: 10.11.2019).

М. О. Шевцова

(Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЯПОНСКОЙ КУХНИ: ОТ ДЕЛИКАТЕСА ДО ФАСТ-ФУДА

На протяжении своей истории Япония отличалась способностью перенимать и адаптировать иностранные изобретения и открытия. Позаимствовав все самое лучшее от культуры восточных стран, начав испытывать все большее влияние Запада, с середины XIX века Япония оказалась охваченной процессом вестернизации. Однако с началом глобализации Япония была готова сделать ответный шаг, открыв для мира свои традиции, которые, благодаря особенностям менталитета, удалось сохранить в первозданном виде. Этот процесс коснулся не только сферы питания, но и других культурных аспектов. Японская культура питания, являясь для других стран некой «диковинкой», вызвала живой интерес и получила активное распространение. Начало этой тенденции можно заметить уже в 60-х годах XX столетия, в первую очередь в США, где уже в 1966 году открылся первый ресторан японской кухни в Нью-Йорке. В России же первый ресторан японской кухни появился только в 1980-е годы.

Происхождение японской кухни берет начало в древности, в те времена, когда японцы, мигрируя, ощущали острую нехватку средств питания. В поисках продуктов питания они обследовали около 2000 островов, где обнаружили различные пригодные в пищу водоросли, мхи, грибы и, конечно же,

рыбу и различные морепродукты. Именно морепродукты стали основой японской кухни. Однако «днем рождения» японской кухни принято считать момент, когда японцы стали возделывать рис. По-японски вареный рис звучит как «гохан», что также имеет значение «еда». И в древности, и в современной Японии рис употребляют в пищу три раза в день.

Жители древней Японии были благодарны природе за любой дар, и этой благодарностью было вызвано трепетное отношение японцев к еде, которое сохраняется и по сей день. Употребляя в пищу самые простые продукты питания, японцы стремились придать им эстетичный вид. Хозяйки создавали целые натюрморты из водорослей, редьки, васаби и различных морепродуктов. Также подача блюд проводилась с особой торжественностью, которая отражала благодарность природе и богам за пищу, а также уважение к гостю.

В знак почтения природе японцы стремились сохранить естественный вкус продуктов, подвергая их минимальной обработке. Так появилось, пожалуй, самое популярное блюдо японской кухни в современном мире — суши. В древней Японии так называли способ хранения рыбы. Сначала ее раздвигали и укладывали слоями, присыпая солью, а потом пресовали с помощью камня. И только в конце XIX века появились суши в том виде, который известен нам сейчас.

В современной Японии есть два основных вида суши — это макидзуси (巻き寿司), чьей особенностью является то, что начинка оборачивается в лист сушеных водорослей (нори), а скручивание происходит при помощи бамбуковой циновки в цилиндрическую форму с последующим разрезанием на дольки (чаще всего на 6 и 8 частей, иногда на 12). Вторым видом суши являются nigиридзуси (握り寿司), которые состоят из продолговатого комочка риса, спрессованного ладонями, небольшого количества васаби и тонкого кусочка начинки, которая покрывает рис. Макидзуси, попав заграни-

цу, получили название «роллы», под которым они появляются во всех ресторанах японской кухни вне Японии.

Однако изменения претерпело не только название, но и сам состав блюда. Несомненно, столкнувшись впервые с японской кухней, иностранцы были крайне заинтересованы и очарованы оригинальностью японских блюд, но если бы состав этих блюд остался неизменным, вероятность того, что они вошли бы в рацион питания жителей зарубежных стран на постоянной основе, была бы крайне мала. Если рассмотреть внешние изменения в блюдах на примере роллов, то можно судить о том, что они произошли в основном в ингредиентах, а не в способе приготовления, который остался аутентичным.

Еще шестьдесят лет назад американцы сочли бы невозможным употребление в пищу сырой рыбы, однако активная эмиграция японцев и популярные американские шоу сделали свое дело. В начале 1960-х годов стали открываться первые рестораны японской кухни в районе «Маленький Токио» Лос-Анджелеса. Сначала они пользовались популярностью только у японских иммигрантов. Так произошло и с рестораном, который открыл в 1966 году японский бизнесмен по имени Норитоси Канаи, переехав в Америку с женой и мастером по приготовлению суси. Постепенно до Японии дошли слухи, что в Америке можно хорошо заработать на продаже японских блюд, и талантливые повара устремились в США [Corson, 2008, с. 45]. Заинтересованность самих американцев помогла вызвать СМИ. Так, журналист и ресторанный критик Крэйг Клэйборн, писавший для газеты «The New York Times» в разделе «Dining section» в течение того десятилетия, был крайне заинтересован международной кухней и следил за многочисленными японскими ресторанами города. Он определил японскую кухню как «набирающую популярность» в Нью-Йорке после того, как в 1963 году открылись два заведения, отметив, что «нью-йоркцы, похоже, принимают в

пищу блюда из сырой рыбы, сасими и суси, с почти таким же энтузиазмом, как и темпура и сукияки». Однако он признал, что «суси могут показаться слишком мелкими для многих американских гурманов» [Claiborne, 1990, p. 186].

Конечно же, попав в Америку, суси подверглись некоторым преобразованиям. Прежде всего, это было связано с желанием угодить новым клиентам, а во-вторых, с заменой труднодоступных ингредиентов на местные. Так, первые изменения произошли с целью заменить свежий жирный тунец, который было так трудно достать в США. На замену взяли авокадо с мясом краба. А через некоторое время произошла настоящая инновация — появились «роллы наизнанку». Лист нори использовали как начинку, а не заворачивали ролл в него. После этого стали использовать икру тобико и тонкие кусочки лосося для того, чтобы заворачивать в них роллы. В качестве классического примера выступает появившийся в начале 1980-х годов острый ролл с тунцом и соусом чили. Затем появились «горячие роллы», которые обжаривались в кляре и подавались горячими. В Японии виды начинки очень ограничены — в ресторанах Японии роллы, как правило, начинены рыбой, но можно также встретить в качестве начинки огурец, соленую сливу, яйцо. В современных российских ресторанах японской кухни встречаются сладкие роллы с бананом, клубникой, шоколадом, также в качестве начинки используется сыр, ветчина, а заправляются роллы майонезом. В Сингапуре можно приобрести суси с карри в качестве начинки, на Гавайях — суси с ветчиной и специями, в Китае — с уткой по-пекински, в Южной Корее — с кимчи, а в Австралии — суси с курицей в соусе терияки и авокадо.

Нельзя не отметить, что культурное влияние Японии не было односторонним. Преобразования, произошедшие с суси в Америке в 1990-х годах, оказались успешными и достаточно глубокими настолько, что в процессе глобализации в Японию

встречной волной вернулись уже измененные суси. В Токио открыли ресторан американизированной японской кухни «Genji Sushi New York». Меню в этом ресторане написано на японском и английском языках, а посетителям предлагают роллы, состав которых был придуман в Америке. Они известны под названиями «Калифорния», «Филадельфия» [Sushi reverses course: Consuming American sushi in Tokyo].

Однако изменения коснулись не только состава блюд, но еще и культурной составляющей. В Японии суси — это блюдо, которое ассоциируется с определенными торжествами, для того, чтобы их поесть, люди идут в ресторан, где его приготовит квалифицированный повар, специализирующийся на приготовлении именно этого блюда [Эксперимент: настоящий японец пробовал настоящие гомельские суши]. На Западе суси представляет собой блюдо широкого спектра — часто не требуется повод, чтобы его поесть, также для этого не обязательно идти в ресторан, ведь можно заказать суси на дом. Во многих торговых центрах прилавки, где продаются суси, стоят вплотную к фаст-фуду, что не может не вызывать определенных ассоциаций.

Обратив внимание на способ распространения по миру японской кухни, сравнив ее, например, с китайской, можно заметить глобализационные способы распространения и дистрибуции. Китайская кухня появляется в различных регионах мира в рамках районов, густо заселенных мигрантами из КНР, где местные повара-китайцы открывают свои небольшие рестораны и готовят аутентичные блюда кухни родной страны. С японской кухней ситуация хотя и схожая, но отчетливо иная. Она в первую очередь стала популярна в США. Это было связано не в последнюю очередь с проводимой оккупационным режимом, созданным американской администрацией под руководством генерала МакАртура, структурной перестройкой социальной и экономической системы

Японии. В результате, хотя у американцев и имелось достаточно негативное отношение к Японии и всему японскому, они все же были в некоторой степени знакомы с японской культурой и кухней в том числе. Но это влияние было двусторонним — примерно так же японцы относились к США и всему американскому — оно было и враждебным и привлекательным одновременно, давая тем самым сильнейший импульс к его освоению. Эти факторы повлияли на модели и способы распространения японской кухни как бизнеса — сетевые рестораны, франшиза.

Согласно данным, опубликованным в октябре 2017 года, число ресторанов японской кухни в мире достигло 117 568. По результатам исследования Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства Японии по сравнению с данными 2015 года число ресторанов увеличилось на 30%, а если сравнить с 2006 годом, то в 5 раз. Около 60% всех ресторанов японской кухни в мире приходится на Азию, на втором месте США, на третьем Европа. В России находится около 2400 ресторанов [海外の日本食レストラン11万8千店に]. Если говорить о популярности японской кухни среди концепций современных рестораторов России, то она твердо занимает четвертое место после национальной кухни, итальянской кухни и фаст-фуда [Ресторанный рынок России].

Из данных, приведенных в статье, можно сделать вывод о том, что японцам удалось одними из первых поучаствовать в процессе глобализации не только в качестве объекта, но и в качестве субъекта, став во главе процесса истернизации не только в культурном его аспекте, но и в одной из самых прибыльных отраслей бизнеса — общественном питании.

Литература

Ресторанный рынок России. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 14.11.2019).

Эксперимент: настоящий японец пробовал настоящие гомельские суши. URL: <https://bigpicture.ru/?p=491871> (дата обращения: 14.11.2019).

Claiborne C. The New York Times international cookbook. N. Y.: Harper Collins, 1990. — 640 p.

Corson T. The story of sushi: An unlikely saga of raw fish and rice. N. Y.: Harper Perennial, 2008. — 416 p.

Sushi reverses course: Consuming American sushi in Tokyo. URL: <http://apjif.org/2011/9/5/Rumi-SAKAMOTO/3481/article.html> (дата обращения: 01.10.2019).

海外の日本食レストラン11万8千店に. URL: <https://www.nippon.com/ja/features/h00128> (дата обращения: 30.09.2019).

Ян Линьлинъ
(Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Восточный экономический форум (ВЭФ) является важной платформой для международного сотрудничества на Дальнем Востоке России, это также важная возможность для стран Северо-Восточной Азии сотрудничать друг с другом. Помимо двух международных дипломатических мероприятий — Петербургского международного экономического форума в июне и ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба Валдай в октябре, ВЭФ стал третьим по величине ежегодным международным дипломатическим мероприятием России на своем поле.

4–6 сентября 2019 года состоялся пятый ВЭФ во Владивостоке. Президент РФ Владимир Путин, премьер-министр Индии Нарендра Моди, президент Монголии Халтмаагийн Баттулга, премьер-министр Японии Синдзо Абэ, премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад и вице-премьер Госсовета КНР Ху Чуньхуа участвовали на пятом ВЭФ. На форуме было подписано 270 соглашений на сумму 3,4 трлн рублей. Более 440 компаний работали на форуме на уровне глав, в том числе такие знаковые представители иностранного бизнеса, как управляющий «Japan Bank for International

Cooperation» Тадаси Маэда; президент, главный исполнительный директор «Kinross Gold Corporation» Пол Джонатан Роллинсон; председатель, директор-представитель, главный исполнительный директор «JGC Corporation» Масаюки Сато [Итоги работы ВЭФ, 2019]. Результаты этого форума окажут серьезное и далеко идущее влияние на собственное развитие России и ситуацию в регионе.

После всплеска финансового кризиса в США в 2008 году российская валюта и стабильность рынка были серьезно затронуты: стране пришлось полагаться на инвестиции из стран АТР и нефтяные кредиты Китая, чтобы избежать углубления кризиса. Россия начала сочетать политику Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона со своими собственными целями национального развития. В 2012 году на фоне ухудшающихся отношений между Западом и Россией российско-европейское экономическое сотрудничество как основа внешнеэкономического сотрудничества России подверглось серьезной угрозе. Владимир Путин незамедлительно предложил стратегию развития Дальнего Востока. Для реализации этой стратегии российское правительство обнародовало законы и создало Министерство развития Дальнего Востока и Фонд развития Дальнего Востока. Однако с точки зрения внешнего сотрудничества администрация России не принимала активного участия в разделении труда и системе сотрудничества в азиатско-тихоокеанской экономической системе и не желала открывать свой рынок для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. И в первые несколько лет развитие российского Дальнего Востока значительно замедлилось.

Украинский кризис 2014 года вызвал широкомасштабные и долгосрочные санкции против России на Западе, нанеся серьезный экономический ущерб России. Суровые условия заставили Россию задуматься над идеями развития Дальнего Востока. Очевидно, что доступ на рынки АТР является решением про-

блемы, а потому возник Восточный экономический форум. Россия начала осознавать, что инфраструктура и человеческие ресурсы являются ключевыми препятствиями, ограничивающими развитие российского Дальнего Востока, Россия не может полагаться на свои собственные силы для преодоления этих двух препятствий и должна полагаться на страны АТР.

В конце 2013 года Китай предложил инициативу «Один пояс — один путь», или «Шелковый путь». Россия серьезно рассматривает позитивное значение инициативы по развитию российского Дальнего Востока, сознательно принимает меры по стыковке, ускоряет строительство инфраструктурных проектов на Дальнем Востоке и делает упор на укреплении инфраструктурного сотрудничества между Китаем и Россией.

В 2015 году президент Владимир Путин подписал закон «О свободном порте Владивосток» и определил ряд преференциальных политик, таких как упрощение визовой системы, оптимизация транзитных услуг, система свободных таможенных зон, льготный тариф страхования, льготное налогообложение и совершенствование системы управленческого обслуживания. Сфера применения охватывает 15 городов, включая Владивосток в Приморском крае и важные юго-восточные порты, такие как порты Посыет, Зарубино и Находка, а также граница между Приморским краем России и провинцией Хэйлуньцзян Китая включена в зону покрытия [Путин подписал закон о расширении режима СПВ, 2018]. С точки зрения человеческих ресурсов, несмотря на опасения по поводу притока китайских мигрантов в Россию, в условиях тяжелой ситуации с населением России российское правительство предоставляло привилегии для выдачи специальной политики в отношении электронных виз в некоторых частях Дальнего Востока в 2017 году. Непосредственными бенефициарами этого политического положения являются китайские туристы и российские туристические деятели. В тот год,

когда была введена политика в отношении электронных виз, Владивосток стал вторым по величине городом для поездок в Россию граждан Китая.

Как сообщили в пресс-службе Министерства развития Дальнего Востока РФ, в июле 2017 года глава министерства Александр Галушка и председатель Госкомитета КНР по развитию и реформе Хэ Лифэн подписали меморандум о сотрудничестве в области развития международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2». Они проходят через территорию свободного порта Владивосток, а также соединяют китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с портами Приморского края [Россия и Китай подписали меморандум по МТК, 2017].

В 2018 году председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в четвертом ВЭФ. Во время его визита были достигнуты новые договоренности по расширению и углублению двустороннего сотрудничества, развитию инвестиционной среды обоих государств, строительству транспортной инфраструктуры [Ляо Вэйцзин, 2018].

На четвертом ВЭФ 2018 года «чувство вовлеченности» России в политику Азиатско-Тихоокеанского региона было еще более интенсивным. В качестве основной части своей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе сотрудничество между Россией и Китаем перешло от стратегического планирования к практической деятельности. Расширение экономического сотрудничества между двумя странами смещается от традиционных областей, таких как энергетические ресурсы и военная промышленность, к областям с более высокой добавленной стоимостью, таким как цифровая экономика и высокотехнологичное сельское хозяйство.

Вне экономической повестки дня Россия также усиливает свое внимание к ситуации в области региональной безопасности. «Восток-2018» — самое масштабное мероприятие под-

готовки войск в истории Российской армии. Китай и Монголия также направили военнотружущих и оборудование для участия. Россия таким образом показала миру, что оказывает сильное влияние на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и провела стратегическое командно-штабное учение «Центр-2019», которое было крупнейшим военным учением в этом году [ССТV, 2019].

Одной из центральных тем выступления президента РФ на пленарном заседании пятого ВЭФ стало ускорение развития Дальнего Востока. Одной из ключевых тем пятого ВЭФ стала Национальная программа развития Дальнего Востока, которая будет представлена на полях форума. Документ разрабатывался с 2018 года по поручению главы государства. Программу формировали с учетом мнений жителей региона, ее мероприятия планируется проводить до 2025 года, а в перспективе — до 2035 года [ВЭФ-2019, 2019]. До 1 декабря должен быть введен дополнительный повышающий коэффициент к единовременным компенсационным выплатам участникам программ «Земский доктор» и «Земский учитель», прибывшим на работу в сельские населенные пункты, рабочие поселки либо поселки городского типа Дальневосточного федерального округа, исходя из увеличения размера выплат до 200%. Сведения о границах особо охраняемых природных территорий Дальневосточного федерального округа и центральной экологической зоны Байкальской природной территории должны внести в Единый государственный реестр недвижимости до 1 июля 2021 года [Елена Березина, 2019].

Иностранцы участники увидели, что российский город Владивосток чист и опрятен, а количество строящихся инфраструктурных проектов значительно увеличилось. После прояснения политики российского Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона региональное сотрудничество в Северо-Восточной Азии сталкивается с новой возможностью возобновиться и ожи-

виться. Как отметил председатель Си Цзиньпин на четвертом ВЭФ, «модели и уровни развития стран в Северо-Восточной Азии не одинаковы, темпы экономического роста быстры, и есть много проектов сотрудничества. Необходимо больше основываться на реальности, фокусироваться на долгосрочной перспективе, укреплять общую координацию и осуществлять экономическое и социальное развитие ресурсов и окружающей среды, а также гармоничное развитие людей и природы».

Литература

Восточный экономический форум — 2019. 04.09.19. URL: <http://www.sib-science.info/ru/conferences/dalnego-vostoka-04092019> (дата обращения: 18.11.2019).

Елена Березина. Утверждены поручения по итогам Восточного экономического форума. 06.09.19. URL: <https://rg.ru/2019/09/06/reg-dfo/na-vef-zakliuchili-soglashenij-na-34-trilliona-rublej.html> (дата обращения: 18.11.2019).

Итоги работы Восточного экономического форума — 2019. 10.09.2019. URL: <https://forumvostok.ru/news/itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2019-/> (дата обращения: 18.11.2019).

Крупнейший масштаб в истории — открытие годового стратегического учения России. 15.09.19. / CCTV. URL: <http://military.cctv.com/2019/09/15/ARTISFSBPybFKkQ7xWfv0lwc190915.shtml> (дата обращения: 18.11.2019).

Ляо Вэйцзин. Регионы строят фундамент. 06.11.18. URL: [https://iz.ru/808969/liao-veitcz in/regiony-stroiat-fundament](https://iz.ru/808969/liao-veitcz-in/regiony-stroiat-fundament) (дата обращения: 18.11.2019).

Путин подписал закон о расширении режима свободного порта Владивостока. 04.07.18. URL: <https://ria.ru/20180704/1523893192.html?in=t> (дата обращения: 18.11.2019).

Россия и Китай подписали меморандум по МТК «Приморье-1» и «Приморье-2». 04.07.17. URL: <https://ria.ru/20170704/1497826786.html> (дата обращения: 18.11.2019).

Начинающий востоковед

А. Д. Белобородова
(Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург, Россия)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИНДОНЕЗИИ

Явление миграции носит международный характер. Согласно данным The World Bank, за 2018 год количество мигрантов (в том числе беженцев) выросло до 266 миллионов человек. По сравнению с 2017 годом эта цифра выросла на 8 миллионов человек [Migration and remittances: recent developments and outlook]. Международная миграция в Юго-Восточной Азии — явление почти вековое, связанное с урбанизацией, демографическими изменениями, международной торговлей, культурным обменом, трудовой миграцией, колониализмом, военными конфликтами, преследованиями, изменениями экологической обстановки и природными катастрофами [McAuliffe, 2016, с. 5]. В рамках изучения процессов миграции в Юго-Восточной Азии (ЮВА) многие ученые и международные организации отмечали сложность и многогранность данного явления. Будет справедливо сказать, что такая многогранность является отражением экономического, этнического и демографического разнообразия стран, находящихся в этом регионе.

Интенсивная миграция между государствами ЮВА обусловливается прежде всего существенным дисбалансом населения, в результате чего образуется нехватка рабочей силы в

одних странах и ее избыток в других. Так, традиционными государствами-донорами выступают Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам, а страной-реципиентом является Таиланд. Аналогичная ситуация с Сингапуром, Малайзией и Индонезией. В государствах-реципиентах повышается уровень жизни, ее продолжительность, снижается рождаемость, и в итоге мы получаем нехватку рабочей силы (как это происходит с Сингапуром).

Следующей причиной миграции в регионе является значительная разница стран в уровне экономического развития, что сказывается на уровне зарплат и качестве жизни населения. В этом аспекте лидерство принадлежит опять же Сингапуру. Также в регионе есть страны, занимающие промежуточные позиции и являющиеся одновременно и донорами, и реципиентами (например, Малайзия и Таиланд) [Преображенская, Князев, 2018, с. 73].

Таким образом, обобщая ключевые особенности миграционных процессов в Юго-Восточной Азии, можно выделить следующие аспекты:

- Для многих государств последствиями миграции является значительное повышение показателей эмиграции, иммиграции, а также транзитной миграции. Увеличивается число беженцев, людей, просящих убежища, внутренне перемещенных лиц и лиц без гражданства. Отсюда следует, что многим странам в регионе необходимо выработать такую миграционную политику, которая отражала бы их интересы как в отношении иммигрантов, так и эмигрантов.

- Как уже упоминалось выше, существует значительный разрыв в уровне дохода и развития государств ЮВА. Сохраняется тенденция миграции из государств с низким уровнем дохода в государства с высоким уровнем в рамках региона (а иногда и за его пределы). Уровень

миграции значительно выше у стран, разделяющих границу.

- Преобладающим видом миграции является трудовая, далее следует миграция на постоянное место жительства, студенческая и вынужденная миграции соответственно.

- Сложности контроля миграционных процессов усугубляются внутренне перемещенными лицами и лицами без гражданства.

- В ЮВА достаточно высокие уровни внутрирегиональной миграции с долговременными коридорами миграции, в результате чего отношения между государствами по миграционному вопросу становятся особенно важными.

- Процесс миграции отличается высокой долей нерегулируемых и неконтролируемых перемещений, что в основном относится к временной трудовой миграции.

- Распространенность незаконного пересечения границ и нелегальных мигрантов связана с рядом более широких проблем, среди которых регулирование рынка труда, зависимость промышленности от нелегальных рабочих, торговля людьми и трафик мигрантов.

- Процессы международной миграции в ЮВА связаны с рядом таких явлений, как внутренняя миграция, урбанизация, сети диаспор и изменения в демографической обстановке и уровне развития государства [McAuliffe, 2016, с. 7].

За свою историю Индонезия прошла через несколько политических преобразований, повлиявших не только на ее экономику, но и на миграционные паттерны. В колониальный период вся экономическая деятельность контролировалась и осуществлялась голландцами, и ее единственной целью было принесение выгоды колониальному правительству. В независимой Индонезии самым долго правящим президентом был президент Сухарто, ввиду чего можно предположить, что его экономическая политика оказала наибольшее

шее влияние на обстановку в государстве. После его отставки в 1998 году ситуация в стране существенно изменилась, произошел переход от относительно доминирующего централизованного управления к более децентрализованному и ориентированному на рынок [Pohan, Izharivan, 2017, с. 146].

Таким образом, историю миграции в Индонезии логически можно разбить на три части, но подробнее мы остановимся на последних двух.

Во время правления Сухарто важной проблемой в стране оставалось перераспределение населения, поскольку неравномерность расселения никуда не исчезла даже в XX веке. В середине 1970-х годов на Яве, составляющей всего 6,1% общей территории Индонезии, проживало более 60% населения страны. Аналогичная ситуация наблюдалась в Суматре, Калимантане и Сулавеси. В то время как средняя плотность населения по стране составляла примерно 60 чел/км², на Яве этот показатель равнялся 565 чел/км² [Pohan, Izharivan, 2017, с. 148].

Наравне с попытками уменьшения демографического давления на Яве активно развивалась трансмиграция как способ перераспределения человеческих ресурсов для развития внешних островов. Суть такой политики заключалась в том, чтобы сделать необрабатываемые земли плодородными путем увеличения количества рабочих, а по мере увеличения производства сельскохозяйственной продукции улучшить и уровень жизни населения.

При Сухарто также имела место добровольная миграция внутри страны. Поток населения перемещался в основном из менее в более развитые регионы. Большая часть мигрантов хотели улучшить качество жизни за счет более высокого дохода и более качественной медицинской помощи. Еще одной важной причиной было желание найти до-

стойную работу и обеспечить лучшее образование своим детям.

Несмотря на свою долгую историю и различные способы организации, индонезийская программа переселения не совсем оправдала возложенные на нее надежды. Многие мигранты оказались в худших условиях после участия в этой программе, поскольку они не были знакомы с новым районом, климатом, условиями, требовавшими иной техники ведения сельского хозяйства. Например, почва, бедная питательными веществами, не подходила для выращивания риса, к которому привыкли мигранты. В результате 65% мигрантов, переселившихся на Суматру, живут в бедности [O'Connor, 2004, с. 319–333].

Более того, программа также не справилась с задачей перераспределения населения. К 1970-м годам в ее рамках на внешние острова было перевезено около 990 тыс. человек, что несравнимо с ростом населения Явы в целом (35 млн человек). Такой рост произошел в связи с высоким уровнем миграционного потока, идущего с внешних островов на Яву, а также в связи с высоким уровнем рождаемости. В целом итоги программы переселения неутешительны [MacAndrews, 1978, с. 458–472].

Правительство Индонезии направляет усилия на уменьшение размера семей, увеличение продолжительности жизни и улучшение качества высшего образования. Благодаря развитию транспорта происходит значительное улучшение качества автомобильных и воздушных перевозок, что, в свою очередь, способствует повышению мобильности населения. Изменения наблюдаются в географической структуре миграции. Возросла привлекательность для мигрантов таких провинций, как Центральная и Восточная Ява и Южный Сулавеси. В 2000 году чистая миграция в Центральной Яве составила –2,4%, т. е. людей уезжало больше, чем приез-

жало. За тот же год показатель Восточной Явы равнялся $-1,1\%$, а Южного Сулавеси — $-1,5\%$. Однако на 2010 год показатели чистой миграции составили $0,7\%$, $0,2\%$ и $1,1\%$ соответственно. Однако есть провинции, в которых происходят противоположные процессы. Например, в 2000 году показатели Джокьякарты и Центрального Сулавеси составляли $2,3\%$ и $2,5\%$, а в 2010 году упали до $-9,4\%$ и $-6,3\%$ соответственно. Таким серьезным изменениям есть причина — в результате извержения вулкана Мерапи в 2010 году в Джокьякарте многие жители уехали из опасных мест, а поток переселенцев из Центрального Сулавеси был обусловлен гражданским конфликтом в Посо [Muhidin, 2014].

Миграционная модель в Индонезии значительно усложнилась. Ранее рынок труда был географически сегрегирован, где-то производительность труда превышала средний показатель по стране в два раза, а где-то не дотягивала и до его половины. В провинциях с высокой производительностью труда преобладают горнодобывающая промышленность и сфера услуг. В аграрных регионах — низкая производительность труда. Но сегодня благодаря повышению уровня образования по стране в целом более бедные провинции способны повысить производительность труда внутри региона, так как меньше работников участвует в сельскохозяйственной деятельности, и они почти не перемещаются в более современные секторы в других местах [Muhidin, 2014].

Значительная часть населения Индонезии является внутренними мигрантами. В 2010 году количество временных внутренних мигрантов составляло 9,8 млн человек, что значительно превышает количество международных мигрантов, уехавших из Индонезии (4,6 млн человек). Как правило, миграция в Индонезии происходит по схеме «сельская местность — город», ввиду чего растет городское население провинций.

Что же касается международной миграции, то ее рост пришелся на начало 1970-х годов, как раз на период правления Сухарто. Правительство Индонезии начало активно поощрять трудовую миграцию для устранения излишков рабочей силы и для получения иностранной валюты. Большая часть рабочих отправилась в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Персидского залива, при этом самыми популярными направлениями оказались Малайзия и Саудовская Аравия. Экономические потрясения после Азиатского финансового кризиса 1997 года стали мотивацией поиска работы за границей для многих индонезийцев.

Доля женщин в общем потоке международных трудовых мигрантов начинает возрастать с 1970-х годов. Со временем их стало больше, чем мужчин. Например, в 2006 и 2007 годах 69% низкоквалифицированных мигрантов составляли женщины, работающие в Гонконге, Малайзии, Сингапуре и на Среднем Востоке [Missbach, Palmer, 2018]. Большинство из них работает в секторах экономики, на которые не распространяются законы о трудовых отношениях, например, в качестве сиделок или домработниц, причем часто живут в домах своих работодателей, ввиду чего они становятся беззащитны перед насилием и сверхэксплуатацией, т. к. конкуренция в этой сфере высока.

С 2010 по 2013 год рост эмигрантов увеличился на 1,9% (с 2 819 995 человек до 2 981 061 человека), число иммигрантов за тот же период увеличилось на 1% (с 286 829 человек до 295 433 человек) [Hugo, Wall, Young, 2015, с. 7].

Если говорить о последних данных по миграции в Юго-Восточной Азии, то стоит обратиться к данным Департамента по социальным и экономическим вопросам ООН (табл.).

*Миграционные потоки внутри Юго-Восточной Азии,
2019 год, чел.*

Страны-реципиенты	Страны-доноры						
	Индонезия	Малайзия	Сингапур	Таиланд	Вьетнам	Камбоджа	Филиппины
Индонезия	—	2363	23 524	23 524	—	—	4203
Малайзия	1 225 156	—	91 002	15 580	99 875	16 166	116 423
Сингапур	138 338	952 261	—	16 329	—	—	13 044
Таиланд	699	1369	760	—	7350	689 451	1366
Вьетнам	8217	133	1830	12 077	—	1035	118
Камбоджа	111	182	130	32 758	38 744	—	161
Филиппины	3407	817	845	350	425	40	—

Источник: United Nations Population Division. Department of Economic and Social Affairs [International migrant stock].

Чиновники правительства Сукарно говорили, что отбывающие за рубеж переселенцы должны терпеть плохое обращение, но после введения нового порядка (*Orde Baru*) ситуация изменилась, и правительство Индонезии стало больше внимания уделять нуждам соотечественников. Обычно в ответ на общественное возмущение по поводу физического насилия или даже законной казни рабочих-мигрантов правительство приостанавливало отправку на работу в эти страны (например, в Малайзию с 2009 по 2011 год) [Missbach, Palmer, 2018].

Переселенцы из Индонезии платят относительно высокий сбор за прием на работу за границей в сравнении с тем, сколько они зарабатывают. Например, в Гонконге, где зарплата считается высокой, работники платят 60–70% от зарабо-

таных ими средств как сбор за прием на работу в течение первых 5–7 месяцев. Это является одной из статей законодательства Индонезии; правительство не ратифицировало Конвенцию Международной организации труда о частных агентствах занятости от 1998 года, запрещающую взимание платы за прием на работу.

В 2017 году президент страны Джоко Видодо официально оформил соглашения, позволяющие начать использование экономического, политического и социального потенциала миллионов индонезийцев, находящихся за границей, многие из которых уже не являлись гражданами Индонезии. В течение многих лет индонезийская диаспора лоббировала законодательные поправки, включая двойное гражданство, парламентское представительство, права собственности и конституционное признание. Президентское постановление № 76/2017 законодательно закрепило так называемую карту диаспоры, дающую индонезийцам, находящимся за границей, право на долгосрочную визу и право на частную собственность.

В Индонезии также существует другая форма эмиграции — приезд на учебу. Австралия традиционно была главным направлением для индонезийцев, стремящихся получить степень бакалавра, в основном ввиду географической близости, высокого качества образования и обучения на английском языке. В 2016 году почти 20 тысяч индонезийцев обучались в Австралии, на втором месте идут США, на третьем — Малайзия.

Также индонезийцы мигрируют для того, чтобы жениться или выйти замуж. Такая тенденция наблюдается во многих китайскоязычных районах Азиатско-Тихоокеанского региона.

В Индонезию приезжают высококвалифицированные специалисты, но правительство санкционирует иностранную занятость лишь в тех сферах, в которых требуется особая

квалификация, опыт работы и набор навыков, которые проблематично найти на местном рынке труда. Количество иммигрантов, работающих в качестве учителей английского языка, старших менеджеров и др., в последние годы значительно снизилось ввиду ужесточения политики государства [Missbach, Palmer, 2018].

Тем не менее, низкоквалифицированные несанкционированные иностранные рабочие, преимущественно из Китая, также направляются в Индонезию. Из-за антикитайских настроений, чему способствует и напористая политика индонезийского правительства по отношению к Китаю в Южно-Китайском море, эта проблема часто политизируется и превращается в сенсацию.

Кроме того, в Индонезии находятся иностранцы, ставшие жертвами торговли людьми, в частности, рыбаки из Мьянмы, Камбоджи, Лаоса и Таиланда. В начале 2015 года правительство спасло 1200 насильно удерживаемых рыбаков из отдаленных районов восточной Индонезии, где их содержали в условиях, сходных с рабством. Обычно этих людей возвращают на родину без каких-либо компенсаций или реституций. Также большое количество иностранок, в основном из Восточной Европы, Таиланда, Вьетнама и Китая, оказываются вовлечены в сферу проституции.

В 2016 году около 5700 иностранных студентов поступили в индонезийские университеты, которые особенно привлекательны для тех, кто говорит на индонезийском или малайском языках, например, для студентов из Восточного Тимора (который в свою очередь входил в состав Индонезии до 2000 года), а также малайских меньшинств на юге Таиланда. Тем не менее, по сравнению с количеством иностранных студентов в соседних Сингапуре и Малайзии, а также индонезийскими студентами, обучающимися за границей, эта цифра крайне мала [Missbach, Palmer, 2018].

Благодаря своему тропическому климату Индонезия является очень привлекательным государством для пенсионеров из более холодных стран. В 1998 году в Индонезии была создана специальная пенсионная виза для людей от 55 лет и старше, с доходом от пенсий или инвестиций по крайней мере \$18 000 ежегодно. Государство готово им предоставить значительные привилегии, благодаря которым пенсионеры могут не работать, но должны платить налоги на доходы, полученные из-за рубежа. В отличие от соседней Малайзии Индонезия не входит в десятку самых популярных зарубежных стран для выхода на пенсию.

Стоит также упомянуть ситуацию с беженцами. Правительство воспринимает Индонезию как транзитную страну, а не конечную остановку, поэтому не обеспечивает постоянную защиту беженцев. В условиях отсутствия надлежащей правовой базы и актуальной политики в отношении беженцев Индонезия продолжает отказывать им в важных социальных, экономических и культурных правах, одновременно с этим отказываясь от ответственности за них перед третьими лицами, вроде Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции. Индонезия не подписала международную Конвенцию о статусе беженцев и вряд ли подпишет. Местная интеграция в индонезийское общество практически невозможна, и беженцы продолжают сталкиваться с запретами на социальную и экономическую деятельность.

Тем не менее, согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2018 году Индонезия приняла 14 016 беженцев, но бежало из страны 15 562 человека [Global trends: forced displacement in 2018].

Риски и последствия для уязвимых, низкоквалифицированных трудовых мигрантов за границей задокументированы как в индонезийских СМИ, так и в научной литературе. Для

решения этих проблем правительство Индонезии в 2012 году ратифицировало Международную Конвенцию ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, которая обеспечивает мигрантов, включая тех, кто живет и работает в нерегулярных условиях, рядом юридических прав.

В 2017 году индонезийское правительство заменило закон № 39/2004 «О размещении и защите индонезийских рабочих за границей» законом № 18/2017 «О защите индонезийских мигрантов-рабочих». Старый закон не обладал достаточной силой для защиты прав мигрантов, скорее фокусируясь на вопросе управления приемом на работу. В соответствии с более поздним законом региональное правительство (а не частные компании) будет следить за предоставлением профессиональной подготовки и размещением работников. Данные меры направлены на сдерживание частных рекрутинговых фирм, берущих с мигрантов существенные сборы и буквально привязывающих к себе работников до тех пор, пока они не выплатят долг. Однако многие наблюдатели отмечают, что защита мигрантов в соответствии с новым законом по-прежнему слаба в отношении эксплуатации и современного рабства.

Двумя другими важными законодательными изменениями являются закон о гражданстве и закон об иммиграции. В 2006 году в Индонезии был принят Закон о гражданстве, аннулировавший закон от 1958 года. Индонезия продолжает руководствоваться принципом, в рамках которого гражданство предоставляется тем людям, оба родителя которых (или хотя бы один) является гражданином Индонезии [Missbach, Palmer, 2018]. Однако новый закон вводит ограниченную форму двойного гражданства для обеспечения большей защиты детей, чьи родители разных национальностей. Многие двунациональные семьи до сих пор считают существующее законодательство недостаточным и требуют введения поправок к закону 2006 года, позволяющих получить полное двойное гражданство.

Вдобавок к этому Индонезия приняла закон об иммиграции, заменяющий устав от 1992 года. Этот закон, принятый в 2011 году, был создан отчасти для того, чтобы позволить квалифицированным иностранцам легче получить постоянное место жительства. Он также включает в себя положения о содействии координации между полицией и иммиграционными следователями и более эффективное устранение иммиграционных нарушений, таких как контрабанда и торговля людьми. Два годами ранее парламент Индонезии ратифицировал две международные конвенции об организованной преступности и торговле людьми.

Сегодня в Индонезию возвращается все больше и больше некогда мигрировавших людей. Предполагалось, что они внесут свой вклад в развитие общества путем привнесения новых идей и применения полученных навыков, которые бы способствовали модернизации страны и приостановили темпы «утечки мозгов». Однако чаще всего ожидания не оправдывались. Вернувшись на родину, бывшие мигранты остаются со своей семьей преимущественно в сельской местности. Достигнув своей главной цели — улучшения условий существования своих семей, они не стремятся реализовывать полученные знания и способствовать модернизации государства. Они стремятся потреблять, а не производить.

Как показывает проведенное исследование и опыт других стран, мигранты могут способствовать модернизации экономики Индонезии, но для этого требуется изменение мышления, достигаемое за счет повышения уровня образования и квалификации населения. Требуется создать условия для получения образования с последующим трудоустройством в соответствии с имеющейся специальностью и квалификацией индонезийцев внутри страны и вернувшихся граждан Индонезии, обучавшихся в других странах, на родину.

Литература

Преображенская А. А., Князев П. Ю. Формирование миграционной системы в Юго-Восточной Азии // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 4 (16). С. 71–89.

Hugo G. J., Wall J., Young M. The Southeast Asia-Australia Regional migration system: some insights into the «new emigration». Washington, DC: Migration Policy Institute, 2015. — 30 p.

Global trends: forced displacement in 2018. URL: <https://www.unhcr.org/5d08d7ee7.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).

International migrant stock, 2019. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (дата обращения: 27.10.2019).

O'Connor C. M. Effects of central decision on local livelihood in Indonesia: Potential synergies between the programs of transmigration and industrial forest conversion // Population and Environment. 2004. P. 319–333.

Pohan H. M., Izharivan Y. Inside the Indonesian migration: A historical perspective // Jurnal Manajemen Maranatha. 2017. P. 145–153.

MacAndrews C. Transmigration in Indonesia: Prospects and problems // Asian Survey — 1978. С. 458–472.

McAuliffe M. Resolving policy conundrums: Enhancing humanitarian protection in Southeast Asia. Washington, 2016. — 43 p.

Migration and remittances: Recent developments and outlook, 2019. URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2019-04/Migrationand-developmentbrief31.pdf> (дата обращения: 14.10.2019).

Missbach A., Palmer W. Indonesia: A Country grappling with migrant protection at home and abroad // Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/indonesia-country-grappling-migrant-protection-home-and-abroad> (дата обращения: 30.10.2019).

Muhidin S. Migration patterns: People on the move // Regional Dynamics in a Decentralized Indonesia. 2014. P. 317–341.

Ю. Н. Братухина
(Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург, Россия)

ПОЛОЖЕНИЕ КНР В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ СТРАНЫ

Актуальность данной статьи заключается в освещении основных постулатов, выдвигаемых правительством КНР в национальной военной доктрине и «Белой книге», касающихся внешнеполитического курса Китая, а также стратегии национальной оборонной политики и участия в поддержании международной безопасности. Все эти положения приобретают особую значимость на фоне роста влияния страны в мировой экономике и политике.

Новая «Белая книга» была выпущена 27 сентября 2019 года, то есть спустя четыре года после предыдущей. За это время многое в мире успело измениться, включая распределение сил среди главных политических акторов, в связи с этим огромный интерес представляет сравнение положений, изложенных в документе 2015 года с новым изданием. Далее анализ направлений и перспектив военной политики КНР пойдет на основании авторского перевода вышеуказанных документов [«Белая книга», 2015 год; «Белая книга», 2019 год; Военная доктрина КНР на 2019 год].

Так, в «Белой книге» 2015 года отмечается только появившаяся тенденция к глобализации и стремлению стран решать

сообща не только региональные, но и общемировые проблемы. Соответственно, Китай четко обозначил стремление занять свою нишу в этом процессе и выразил основную позицию относительно других государств, заключающуюся в стратегии «активной обороны». То есть на 2015 год Китай придерживался принципа проведения оборонительных операций, самообороны и поражения врага только после того, как враг начал атаку.

Среди основных проблем Азиатско-Тихоокеанского региона выделялись следующие:

Во-первых, планомерное усиление военного присутствия США, обусловленное смещением в регион экономического и стратегического центра тяжести, а также создание и усиление военных союзов (Австралия, Япония).

Во-вторых, стремление Японии уйти от послевоенного внешнеполитического курса, наблюдаемое Министерством иностранных дел Китая.

В-третьих, сохранение нестабильности в Южно-Китайском море: споры по поводу островов и прибрежных территорий, усиление военного присутствия и незаконные проникновения на территорию КНР.

В-четвертых, сохранение в регионе этнических, религиозных, территориальных споров и связанных с этим побочных проблем в форме терроризма, сепаратизма и экстремизма. Данные факторы негативно сказывались на безопасности пограничных территорий Китая.

В-пятых, особую опасность для страны представляли внутренние проблемы, в частности, Тайваньский вопрос и необходимость урегулирования политической и социальной ситуации в Тибете (Тибетский автономный район) и Восточном Туркестане (Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Касательно Тайваня, нельзя не упомянуть о желании КНР за счет включения острова в свой состав не только

восстановить прежние границы страны, но и получить в свое распоряжение территорию со столь богатым экономическим потенциалом. Тайвань же отклонял (и отклоняет) подобные предложения, не желая входить в состав Китая даже на условиях, схожих с теми, что были предоставлены Гонконгу и Макао. При этом в стране ведется активная пропаганда идеи о том, что Тайвань — это земля, принадлежащая Китаю, одна из его исторических территорий. И на сегодняшний день очень сложно найти китайца, согласного с тем, что это отдельная, независимая страна.

Основными же проблемами на территории Тибета и Восточного Туркестана являлись усиливающиеся тенденции к сепаратизму и террористической деятельности. Причины данных явлений уходят корнями в историю Китая и, несмотря на преобразования со стороны властей КНР, направленные на удовлетворение потребностей наиболее важных национальных меньшинств посредством создания автономных районов по этническому признаку, до сих пор сохраняется проблема, связанная с памятью населения о независимости от КНР.

Отличительной чертой 2015 года в Китае является тот факт, что страна стояла на пороге проведения масштабных реформ в системе обороны: была выработана трехэтапная стратегия развития для поэтапной модернизации национальной обороны и вооруженных сил, включающая в себя:

1. Информатизацию вооруженных сил.
2. Общее планирование экономического развития и обороны страны (подразумевается выгодное взаимодействие и сосуществование гражданского и военного секторов экономики).
3. Реорганизация вооруженных сил для повышения эффективности.

Таким образом, в «Белой книге» 2015 года КНР выражает свою надежду на скорейшее разрешение проблем, назревших в регионе, а также заявляет о своей готовности приложить

все усилия для урегулирования территориальных вопросов с позиции мира. Важно отметить, что основные болевые точки АТР (военное присутствие США, новые тенденции в Японии, сохранение разногласий на религиозной и территориальной почвах), общемировой переход военного дела на новый этап развития, а также внутренняя военная активность стран, включающая корректировку оборонных стратегий и военную трансформацию, хоть и вызывали беспокойство, но подталкивали только к усилению национальной безопасности, без подготовки к неминуемой войне.

Но уже в 2018 году на фоне экономической войны с США в СМИ Китая все чаще раздавались призывы переориентировать армию с оборонного назначения на превентивное. Данная военная стратегия даже получила неофициальное название «стратегия упреждающего планирования». И, казалось бы, в ответ на эти призывы в начале 2019 года Китай значительно нарастил импорт товаров ВПК, тем самым вернувшись в список мировых лидеров-импортеров. Однако осенью 2019 года выходит новая «Белая книга», отсекающая подобные подозрения.

В первой же главе документа обозначается тот факт, что за прошедшие пять лет глобальные мировые проблемы не только не нашли своего решения, но и усугубились. Международная система безопасности и порядок подрываются растущей гегемонией, силовой политикой, односторонностью, постоянными региональными конфликтами и войнами.

США в этом издании также числится в списке главных врагов мировой безопасности, однако на этот раз в качестве основного дестабилизирующего фактора, обостряющего международную стратегическую конкуренцию посредством принятия односторонней политики. Помимо этого страна значительно увеличила свои оборонные расходы, сделала упор на создании дополнительного потенциала в ядерной, космической, кибернетической и противоракетной обороне, подрыва-

ла глобальную стратегическую стабильность. В противовес США очевидным укреплением своих позиций занимается НАТО, активизируя военное развертывание в Центральной и Восточной Европе и проводя частые учения. В стремлении сохранить свои стратегические позиции Россия проводит укрепление ядерного потенциала.

Китайские аналитики также отмечают возрождение гонки вооружений. Отмечается и тот факт, что режим нераспространения оружия массового поражения сталкивается с такими глобальными вызовами, как прагматизм и двойные стандарты на международной арене. При этом помимо традиционных угроз безопасности (экстремизм, терроризм) с большей силой вспыхивают новые, связанные с кибербезопасностью, биологической безопасностью и пиратством. Помимо этого Китай обеспокоен иранской ядерной проблемой и вопросами Сирии.

Что касается ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то она охарактеризована как «в целом стабильная». Страны сплотились ради общей цели и сообща контролируют безопасность региона: ситуация в Южно-Китайском море стабильно улучшается, достигнут устойчивый прогресс в создании скоординированного контртеррористического механизма среди стран Азии. Особую роль в этих процессах играют международные региональные организации, в частности, ШОС и АСЕАН, благодаря деятельности которых АТР стал стабильной частью глобальных коммуникаций.

Основным источником нестабильности в регионе выступают по-прежнему США, усиливающие военное вмешательство и укрепляющие военные альянсы. Так, например, развертывание США системы терминальной высокогорной обороны района (Terminal High Altitude Area Defense (THAAD)) в Республике Корея подорвало региональный стратегический баланс и всерьез задело интересы безопасности стран региона. Австралия же продолжает укреплять свой

военный союз с США, усиливать военное участие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стремясь играть более значительную роль в вопросах безопасности.

Претензии также сохраняются и к Японии, скорректировавшей свою послевоенную политику безопасности и военную политику таким образом, что теперь она направлена не только на оборону, но и на другие страны. Также спорным остается вопрос с архипелагом Сенкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море.

Отмечается сохранение традиционных очагов опасности в регионе: нестабильность на Корейском полуострове, конфликт Индии с Пакистаном, религиозные, этические и территориальные конфликты.

Проблемы внутри Китая также остаются неизменными: на сегодняшний день актуальной угрозой безопасности и социальной стабильности по-прежнему выступают сепаратистские силы Тибета и Восточного Туркестана. Решение данного вопроса является одной из основных целей национальной обороны КНР в «новой эре». Помимо этого до сих пор не решен Тайваньский вопрос, ставший за последние пять лет еще более острым для Китая. Данной проблеме в новой «Белой книге» уделено особое внимание. Деятельность сепаратистских сил «Независимости Тайваня» признается основной угрозой безопасности в Тайваньском проливе, а также общей целостности и благополучия Китайской Народной Республики. Кроме этого, китайскими аналитиками усматривается иностранное вмешательство в данный вопрос, и в связи с этим высказывается следующая позиция: «Мы не даем никаких обещаний отказаться от применения силы и оставляем за собой возможность принятия всех необходимых мер. Речь идет... о вмешательстве внешних сил и очень малом числе сепаратистов “Тайваньской независимости” и их деятельности. НОАК решительно победит любого, кто попытается отделить Тайвань от Китая, и за-

щитит национальное единство любой ценой» [«Белая книга», 2019 год]. Данная цитата как нельзя точно передает настроение китайского правительства относительно вопроса независимости Тайваня, а наличие подобного пункта в списке основных целей на пути к обеспечению национальной безопасности не оставляет сомнений в решимости КНР в период «новой эры» завершить все территориальные споры.

Усиление глобальной военной конкуренции также стало одним из центральных вопросов для рассмотрения и анализа. Так, выносятся следующие мировые тенденции, подталкивающие Китай к ускорению проводимой реформы в сфере безопасности и обороны:

- Пересмотр крупнейшими странами мира своих военных и оборонительных стратегий и реорганизация структуры ВПК.
- Погоня США за абсолютным военным превосходством.
- Продвижение Россией своей военной реформы.
- Переход мира к новому витку промышленной и технологической революции: применение искусственного интеллекта, технологии big data, квантовых вычислений.

На фоне всех этих достижений Китай по-прежнему сохраняет свое отставание от ведущих военных держав (несмотря на третье место по силе армии в мире [Рейтинг Global Firepower]). Однако после завершения проводимой военной реформы планируется выйти на лидирующие позиции на международной арене по технологической и инновационной составляющей. Также планируется многократно увеличить боеспособность армии.

Важно отметить, что военно-стратегический ориентир Китая на новую эру укладывается в рамки классической позиции «Мы начинаем боевые действия только в ответ чье-либо нападение», прописанной в ранее изданных «Белых книгах». Также прописана позиция КНР по вопросу ядерного

оружия: страна выступает за окончательное полное запрещение и полное уничтожение ядерного оружия, отрицает участие в гонке ядерных вооружений и в целом позиционирует свое обладание этим видом оружия как дополнительное обеспечение безопасности государства перед лицом иноземных, в том числе ядерных, вторжений. Примечателен также и тот факт, что в данном документе в рамках политики открытости приводится подробная статистика расходов на ВПК с четким отображением направленности средств, что выводит страну на принципиально новый мировой уровень.

Особое внимание уделяется взаимодействию Национально-освободительной армии Китая (НОАК) с другими государствами по вопросам проведения совместных военных учений и обменов, организации безопасности в регионе и мире. Также КНР, являясь членом ООН, принимает активное участие в различных программах, направленных на сохранение и поддержание мира в горячих точках (Корейский полуостров, иранская ядерная проблема и сирийский вопрос). Помимо этого сделан акцент на совместных с другими государствами мероприятиях в сфере безопасности и обороны, основными партнерами в которых выступили РФ, США, АСЕАН, ЕС и Африка. Таким образом, можно заключить, что Китай на сегодняшний день — это высоко интегрированная в международное пространство страна, старающаяся поддерживать мирные отношения даже с теми державами, чья политика ему чужда.

Актуальная военная доктрина представляет собой выжимку из «Белой книги» и содержит следующие основные пункты:

1. Характеристика национальной военной политики, которая носит исключительно оборонный характер.

2. Необходимость дальнейшего отстаивания национальных интересов по существующим территориальным спорам (острова Южно-Китайского моря, архипелаг Сенкаку (Дяюйдао)).

3. Выражение твердой решимости вернуть Тайвань.
4. Отрицание какого-либо стремления к экспансии, гегемонии и сферам влияния, отказ вступать в военные блоки.
5. Реализация укрепления боевого потенциала в соответствии с требованиями «новой эры» (всесторонняя модернизация, технологизация и информатизация).
6. Осознание той мысли, что счастье населения невозможно без спокойствия и гармонии во всем мире, в связи с чем Китай проявляет активное участие в разрешении как региональных, так и глобальных мировых вопросов.

Таким образом, на сегодняшний день Китайская Народная Республика — это интегрированная в мировое пространство, высокоразвитая страна, реализующая активную политику в сфере международной безопасности на разных континентах. Несмотря на территориальные, политические и экономические разногласия, а также на усиление международной напряженности, Китай склонен к мирному диалогу со всеми государствами, осознавая, что всеобщего консенсуса можно достичь только посредством дипломатии и сотрудничества.

Литература

«Белая книга», 2015 год. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 17.11.2019).

«Белая книга», 2019 год. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-09/27/content_5433889.htm (дата обращения: 27.11.2019).

Военная доктрина КНР на 2019 год. URL: <http://eng.mod.gov.cn/defense-policy/index.htm> (дата обращения: 27.11.2019).

Рейтинг Global Firepower. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=china#manpower (дата обращения: 27.11.2019).

А. В. Бурак

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЗООНИМ 马 ‘ЛОШАДЬ’ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА

Лингвокультурологический [Степанов, 2004; Телия, 1996] и лингвострановедческий [Верещагин, Костомаров, 2005; Готлиб, 2018] подходы к анализу «языка культуры и истории» нацеливают на раскрытие лингвокультурной насыщенности семантики знаков и позволяют рассматривать в качестве лингвокультурем [Маслова, 2001] как отдельные лексемы, так и фразеологизмы.

Зоонимы, слова обозначающие наименования представителей фауны, хотя и изучаются лингвистами на протяжении длительного срока и являются одними из широко представленных лексических единиц в языках всего мира, но продолжают вызывать интерес в различных аспектах анализа, в том числе в русле их символики и значимой роли в процессах оценивания мира носителями различных культур. По мнению В. М. Мокиенко, зоонимы являются одними из наиболее национально-маркированных лексических единиц во фразеологии [Мокиенко, 2007, с. 58], что позволяет считать их культурными репрезентантами оценочных образов национальной картины мира.

Зооним «лошадь» номинирует животное, давно входящее в «жизненный мир» человека. В настоящий момент домашние лошади распространены во всех странах мира и со вре-

мен одомашнивания стали неотъемлемой частью сельскохозяйственной, охотничьей, военной и торгово-экономической сферы жизни человека, использовались как одно из средств передвижения на дальние дистанции. Лошадь из объекта охоты превратилась в верного помощника, друга и соседа.

Достоверно неизвестно, где впервые была одомашнена лошадь, мнения ученых расходятся в данном вопросе. Часть исследователей связывают начало процесса коневодства с Ботайской культурой, проживавшей на территории современного Казахстана [The first horse herders...]. Лошади были одомашнены после овец, коз и свиней приблизительно в период с 3500 по 3000 год до н. э. В процессе приручения лошадь стала не только объектом охоты, но и предметом труда и средством производства [Зайберт, 2009, с. 296]. Для многих культур именно лошадь является одним из культурных национальных символов. В сознании представителей мировой культуры Китай, прежде всего, ассоциируется с таким животным, как дракон — символом могущества и власти; черепаха, например, также наделяется весьма важным символическим значением долголетия и мудрости. В нашем исследовании мы попытались выяснить, какие ассоциативные признаки закреплены за зоонимом «лошадь» в китайской лингвокультуре.

В лингвострановедческом плане важно отметить «исторический» аспект лингвокультуры. Исследователь тохаров Э. Паллиблэнк в 1966 году предположил, что в эпоху Шан (商朝) китайцы могли позаимствовать у данного индоевропейского племени, проживавшего к западу от бассейна реки Хуанхэ, одомашненных лошадей и индоевропейского типа боевые колесницы [см.: История Китая, 2002, с. 18]. Однако среди находок культуры Яншао 仰韶文化 (V–III вв. до н. э.) обнаружено много костей животных, а именно костей свиней, лошадей и быков, что свидетельствует о стабильности

поселений и развитием скотоводстве [Фань Вэнь-лань, 1958, с. 19]. Из этого следует вывод, что в период V–III вв. до н. э. породы одомашненных лошадей уже имелись на территории Китая.

Лошадь — один из двенадцати знаков китайского зодиака 生肖, который является важной частью традиционной китайской астрологии и астрономии. В древности существовало поверье, что знак китайского гороскопа определяет судьбу человека. Появление китайского гороскопа традиционно связывают с периодом правления императора Хуан-ди, однако точное время появления гороскопа по сей день неизвестно [吴裕成, 2003, с. 3].

В одном из самых древних памятников китайской литературы, в каноне Ши Цзинь 诗经 (XI–VI вв. до н. э.), встречаются многочисленные упоминания лошадей, которые свидетельствуют о важной роли этих животных в жизни китайского общества. В песнях и стихотворениях лошади энергичны, стремительны и уверены, о чем свидетельствует данный отрывок из песни «駟»:

«駟駟牡马，在坰之野。薄言駟者，有骝有騊，有骅有骝，以车伾伾。思无期思，马斯才。」 [诗经全文].

«Мощные, как на подбор, жеребцы в табунах
Рядом пасутся с границею в диких степях.
Лошади разных мастей, трудно все перечесть:
Есть и каурые, и серо-пегие есть,
Огненно-рыжие с ярким окрасом спины, —
В упряжи конной выносливы, силы полны.
Усталь неведома им, вольным ветром летят
Так совершенны собою и радуют взгляд!»

[Абраменко, 2017, с. 562].

В данном стихотворении автор наделяет «лошадь» оценочно-образным содержанием, восхищается красотой, грацией и силой этого животного.

Лошадь также связывают с историей появления шелкопряда. Техника выращивания шелковичных червей получила развитие в Китае в V–III вв. до н. э. Самой влиятельной и известной богиней шелкопряда является Матоунян 马头娘 (Дама коньей головы). Эта девушка была обещана в невесты коню, а впоследствии превратилась в шелковичного червя [Малявин, 2000, с. 40].

На протяжении веков многие китайские художники изображали лошадей на своих картинах, например, Хань Гань, Чжао Линь, Лу Гунлинь, Чжао Мэнфу, Жэнь Жэньфа и другие. Наиболее известным среди них является художник Сюй Бэйхун, ставший ключевой фигурой в мире искусства в Китае в первой половине XX в., и благодаря своим заслугам в области изобразительного искусства он был назван отцом современной китайской живописи. Он питал огромную симпатию и любовь к лошадям, своей уникальной авторской манерой письма изображал лошадей, передавая энергию, экспрессию и силу этого животного.

Одним из самых известных изваяний Древней Китайской цивилизации является монументальная скульптура коня на могиле у ханьского полководца Хэ Цюйпина. Также широко известны статуэтки лошадей из бронзы эпох Чжаньго и Хань (战汉时期), предназначенные для ритуальных обрядов и погребений [Малявин, 2000, с. 464].

Лошадь стала объектом статьи главного редактора издания «中国文物» Цао Бину (曹兵武). В своей статье «马背上承载人类文明史» он назвал лошадь другом и братом человека, воплощением всех самых добрых и лучших качеств, почитаемых человеком: простоты, доброты и преданности, единением элегантности, скорости, неистовой энергии и нежной натуры. Лошади — одна из важнейших составляющих процесса эволюции и становления человеческой цивилизации [曹兵武. 马背上承载人类文明史].

Для создания наиболее полного представления о культурной коннотации зоонима «лошадь» в Китае необходимо обратиться к китайскому языку. В. Гумбольдт в своей теории о внутренней форме языка связывал содержательную форму языка с духовной и культурной жизнью народа. «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое. <...> Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 2000, с. 68].

Так как китайский язык — это язык с идеографическим типом письма, в котором смысл знака зафиксирован не только в сознании носителей языка, но и передан в его графической форме, изучение культурных особенностей китайской нации не может проходить без рассмотрения внешней формы знаков.

Знак 𠂇, семиотизирующий животное лошадь в современном китайском языке, прошел череду видоизменений, сейчас в нем сложно узнать очертания этого животного. Рассмотрим эволюцию данного иероглифа.

В период функционирования письма *цзягувэнь* 甲骨文 (XIV–XI вв. до н. э.) знак изображал вставшего на дыбы коня с вытянутой мордой, большими глазами, развевающейся по ветру гривой и длинным хвостом. Затем, с появлением знаков *цзиньвэнь* 金文 в эпоху Шан-Чжоу (XIII–IV вв. до н. э.), произошли изменения в структуре: голова, глаза и гри-

ва прежнего знака были объединены и обрели вид , ноги и хвост изменились на . В VIII–III вв. до н. э. письменный стиль *сяочжуань* 小篆 перенял знак «лошадь» у стиля *цзиньвэнь* 金文. В почерке *дачжуань* 大篆 за основу вновь был взят знак *цзягувэнь*, голова и ноги изображались следующим образом — , наряду с этим был сделан акцент на гриве . В III в. до н. э. в стиле *лишу* 隶书 основу знака составил иероглиф стиля *чжуаньшу* 篆书, изображение двух ног и хвоста приняли вид четырех точек с добавлением изогнутой черты . В упрощенной форме стиля *кайшу* 楷書 знак, семиотизирующий лошадь , был создан на основе данного начертания стиля *цаошу* 草书 и сложного написания знака «лошадь» в традиционной форме *кайшу* 楷書 путем замещения четырех точек на одну горизонтальную линию [象形字典].

Динамические изменения иероглифа 马 представлены в следующей таблице:

甲骨文	金文	篆文	隶属	楷书	草书	繁体标宋	简体标宋
							

В данном исследовании была предпринята попытка выявления национальной специфики зоонима «лошадь» в языковой картине мира китайцев. Описывая звуковую картину мира китайцев, С. В. Стефановская в своей монографии отмечает, что «имея представление о том, какие звуки и зрительные образы воспринимает человек в окружающем мире, можно воссоздать определенный срез или фрагмент картины мира; получить информацию об окружающем человека мире звуков» [Стефановская, 2015, с. 41]. Проанализировав звукоподражательные слова китайского языка, она подчеркивает, что в звуковой картине мира китайцев присутствует несколько звукоподражаний (зп), передающих первичные звуки, характерные для лошади: 萧萧 xiaoxiao — зп ржанию лошадей; 啾啾 jiujiu — зп ржанию лошадей; 嘶噪 sizaо — зп ржанию лошадей, и более 10 звукоподражаний вторичным звукам: 却却 queque — зп цоканью; 卒卒 zuzu — зп цоканью; 登登 dengdeng — зп топоту, цоканью; 得得 dede — зп цокоту копыт и т. д. Носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков, и тот факт, что в китайском языке существует такое количество звукоподражаний звукам, издаваемым лошадью, может свидетельствовать о важной роли этого животного в жизни китайцев.

Менталитет и ценности народа транслируют зафиксированные в языке и сознании ассоциативные значения слов. Одними из наиболее национально показательных языковых единиц являются фразеологизмы. По мнению В. А. Масловой,

фразеологизмы — это «душа всякого национального языка, в котором неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [Маслова, 2001, с. 82]. В ходе нашего исследования отбирались фразеологические единицы с компонентом «лошадь» путем сплошной выборки из электронного словаря 汉语大辞典.

В китайской картине мира лошадь представлена как животное, обладающее большой физической силой и энергией. Подтверждение этому мы обнаружили в следующих фразеологизмах:

开足马力 — дать полный ход, [работать] на полную мощь (досл.: начать движение с лошадиной силой);

万马奔腾 — неудержимо стремиться вперед (досл.: мчатся десять тысяч коней);

脱缰之马 — безудержно (досл.: сорвавшаяся с привязи лошадь);

牛高马大 — крепкий здоровьем (досл.: высокий бык, крупная лошадь);

龙马精神 — полон сил и энергии (досл.: дух коня-дракона).

В древнем Китае в эпоху Чжаньго (战国时代) (V–III вв. до н. э.) боевые лошади являлись важным стратегическим товаром, который обменивали у кочевых племен на шелк, чай и драгоценности [Малявин, 2000, с. 129]. Мы нашли подтверждение данному явлению в следующем фразеологизме:

买马招兵 — готовиться к войне (досл.: покупать коней, вербовать солдат).

Боевые колесницы с лошадьми играли большую роль в ведении боя, главной ударной силой были всадники [Малявин, 2000, с. 70]. Вероятно, в связи с этим множество фразеологизмов связано с военной тематикой:

秣马脂车 — подготовится к боевым действиям (досл.: кормить лошадей, смазывать колесницы);

系马埋轮 — прочно обороняться, твердо держать позиции (досл.: стреноживать лошадь и врывать в землю колеса повозок);

善马熟人 — славный скакун и бравый воин;

戎马倥偬 — в спешке военных приготовлений, напряженные военные действия (досл.: второпях запрягать коней в колесницы);

秣马厉兵 — готовиться к войне; мобилизоваться (досл.: кормить коней, точить оружие);

汗马功绩 — боевые заслуги, военные достижения (досл.: заслуги, совершенные на взмыленном коне);

马到成功 — добиться быстрых успехов (досл.: прибыла лошадь, добиться успеха).

В период древних империй богатые знатные люди передвигались на изысканных экипажах с шелковыми балдахинами, которые были запряжены парой или четверкой лошадей. Наличие таких экипажей являлось показателем благополучия и достатка [Малявин, 2000, с. 61]. Данный факт нашел отражение в следующих устойчивых выражениях:

宝马香车 — роскошь на показ (досл.: превосходный конь и прекрасная повозка);

宝马雕车 — превосходный скакун и расписная повозка;

驷马高门 — выезд знати (досл.: четверка лошадей и знатный дом);

马瘦毛长 — бедняку не до гордости (досл.: у худой лошади шерсть длинная);

肥马轻裘 — богатый и обеспеченный (досл.: упитанные лошади и легкие меха).

В китайском языке встречаются и фразеологизмы со знаком «лошадь», значение которых может иметь негативную коннотация: 害群之马 — лошадь, которая весь табун портит; 牛头马面 — мерзкий, отвратительный; темные силы (досл.: бычья голова и лошадиная морда). Следует пояснить, что

данный фразеологизм связан с мифом о буддийском боге и владыке загробного мира Ямараджей. Адскими прислужниками этого бога были Ньютоу 牛头, существо с телом человека и головой быка, и Мамянь 马面 с человеческим телом и головой коня. Согласно преданиям, Ньютоу и Мамянь во время земной жизни вели очень порочный и безнравственный образ жизни, за что после смерти были наделены такой внешностью [Корнильева, 2010, с. 97–102].

Анализ зоонима как лингвокультуемы показал, что знак соотносим и с историческим аспектом, объясняющим роль животного в жизни людей, и с символическим образным аспектом, показывающим его интерпретацию в искусстве и литературе. Анализ фразеологизмов позволил выявить коннотативный аспект знака, выявляющий ценность лошади в военной жизни Китая и ценность ее как товара. Лошадь почитали за ее физическую силу, энергию и выносливость. Наличие хороших лошадей являлось показателем достатка семьи и элементом роскошной жизни. Важная роль лошади в жизни и развитии китайского государства находит свое отражение не только во фразеологических единицах, но и в мифах, поэзии и изобразительном искусстве.

Литература

Абраменко В. П. Китайская философская классика в поэтических переводах: В 2-х т. / «Дао дэ цзин», «Ши цзин» (Канон поэзии). М.: ИДВ РАН, 2017. — 636 с.: ил. — (т. 1).

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М.: «Индрик», 2005. — 1040 с.

Готлиб О. М. Китай. Лингвострановедение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом ВКН, 2018. — 216 с.

Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звонинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. — 400 с.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: «ҚазАқпарат», 2009. — 576 с.

История Китая: Учебник / под ред. А. В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. — 736 с.

Корнильева Т. И. Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли баочао»: ортодоксальный буддизм и народные верования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 1. С. 91–105.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. — 183 с.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: «Издательство Апрель», «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. — 632 с.

Мокиенко В. М. Языковая картина мира в зеркале фразеологии // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Redakcja naukowa W. Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. С. 49–66.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. — 991 с.

Стефановская С. В. Семиотизация звукового мира. Звукоподражания китайского языка. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. — 200 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. От первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — 297 с.

The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe

expansions into Asia. URL: <https://science.sciencemag.org/content/360/6396/eaar7711> (дата обращения: 1.11.2019).

曹兵武. 马背上承载人类文明史. URL: <http://roll.sohu.com/20140118/n393720353.shtml> (дата обращения: 19.10.2019).

汉语大辞典. URL: <http://www.hydc.com/cy/chengyu/cy02525.htm> (дата обращения: 15.10.2019).

诗经全文. URL: https://so.gushiwen.org/shiwenv_d88086f97714.aspx (дата обращения: 19.10.2019).

吴裕成. 中国生肖文化 — 2版 — 天津: 天津人民出版社, 2003. 303页.

象形字典. URL: <http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=2892> (дата обращения: 21.10.2019).

Н. М. Вейнберг, Т. С. Серых
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЯПОНИИ

В современном обществе становится более значимой роль женщины во всех сферах деятельности, что приводит к изменениям отношений между полами и структуры общества в целом. Изменяется представление о гендере — смоделированной обществом и поддерживаемой социальными институтами системе ценностей, норм и характеристик мужского и женского поведения, стиля жизни и образа мышления, ролей и отношений женщин и мужчин, приобретенных ими как личностями в процессе социализации [Словарь гендерных терминов].

Япония не является исключением: старение населения и снижение уровня рождаемости приводят к нехватке рабочей силы, что вкупе со стремлением соответствовать мировым стандартам побуждает японское правительство искать способы более активного вовлечения женщин в сферы общественной жизни, которые долгое время были для них малодоступны, такие как экономика и политика [Садафуми, 2017]. Несмотря на то что традиционные взгляды на устройство общества в сознании японцев изменяются постепенно, расширение сферы деятельности японок и увеличение их вовлеченности в экономическую и политическую активность, ведущие к их большей самостоятельности, приводят к изменениям в

отношениях мужчин и женщин и всей социальной системы Японии [Изотова, 2015, с. 87–88].

Понятие гендера широко используется в таком междисциплинарном направлении науки, как гендерные исследования для анализа общественных явлений и их изменений. Гендерные исследования (далее — ГИ) — направление исследований, в котором все социальные явления и процессы рассматриваются с точки зрения гендерного измерения, т. е. в связи с различиями социальных ролей и социальных статусов мужчин и женщин [Современная западная философия, 2009, с. 12–14].

Главную роль в возникновении и становлении ГИ сыграли феминизм и женское движение второй половины XX века [Современная западная философия, 2009, с. 12–14]. Начало ГИ было положено в 1970-е годы с появлением «женских исследований» (феминологии), синонимом к которым они и являлись в этот период. В 1980-е годы вслед за развитием «женских исследований» появились «мужские исследования» (социальная андрология), и оба направления какое-то время существовали отдельно друг от друга [Энциклопедия Кругосвет]. К концу 1980-х годов в науке появилась тенденция называть все исследования, касающиеся вопросов пола, гендерными — какого бы содержания они ни были и на основе какой бы теоретической базы они ни писались. Таким образом, с конца 1980-х годов «женские исследования» и «мужские исследования» были объединены, концепция гендера перестала быть связана только с женским опытом. Исследователи-гендерологи перешли к выявлению и анализу разных аспектов культуры и жизни общества с точки зрения гендера, который теперь рассматривается как система отношений в основе стратификации общества по признаку пола. В наше время ГИ являются признанным направлением научного знания, которому посвящаются образовательные программы

разных уровней, различные конференции, летние школы, конгрессы и другие мероприятия, касающиеся изучения проблем гендера и связанных понятий. На современном этапе результаты ГИ нередко представляют интерес и для правительств разных стран и, другими словами, оказывают влияние на их деятельность [Энциклопедия Кругосвет].

Что касается развития ГИ в Японии, доктор социологии Юмико Эхара, представительница феминистского движения, занимающаяся гендерологией и женскими исследованиями, разделяет его на **5 этапов** [江原, 2008].

Первый этап — период «освободительного движения» (リブ運動期 *рибу ундо:ки*) конца 60-х годов XX века, время студенческих протестов и движения «новых левых». Девушки, принимавшие участие в подобных движениях, обратили внимание на существующую в их структуре дискриминацию по половому признаку и критически отнеслись к глубоко укоренившемуся сексизму в японской социальной системе и общественном сознании, начали критиковать собственные представления девушек о гендерных ролях. Однако поднимаемые вопросы воспринимались обществом как что-то несерьезное и бессмысленное, научных исследований по данной теме не было, так же как и освещения в средствах массовой информации; из печатных изданий были только брошюры, выдаваемые на встречах участниц движения [江原, 2008].

Второй этап — этап «становления женских исследований» (女性学成立期 *дзёсэй гаку сэйрицу ки*; первая половина — середина 1970-х годов). Интерес к женской проблематике привел к увеличению числа студенток в университетах с 4-летней системой обучения (до этого женщины чаще обучались по укороченным программам, занятие же исследовательской деятельностью среди женщин было редкостью). Многие стремились развивать тему женской проблематики, в особенности те, кто проходил обучение за границей и видел, как на-

правление ГИ внедряется в зарубежную научную среду. Стали появляться научные общества, посвященные женским исследованиям (女性学 *дзёсэй гаку*), к 1978 году их насчитывалось уже четыре [江原, 2008]. Состав интересующихся данной тематикой при этом изменился: если первоначально это была молодежь, активно участвующая в общественных движениях, то теперь исследователи были старше и имели более высокий социальный статус. Однако информация об исследованиях все еще не была широко распространена и встречалась в основном в специализированных научных журналах. Среди факторов, способствовавших формированию направления женских исследований именно в этот период, отмечают:

— затихание общественных движений (как следствие — возвращение молодежи к университетским занятиям), которое привело к потере значимости их идей в глазах японской общественности — женские исследования стали для некоторых способом научно обосновать необходимость социальных изменений и таким образом побудить японское общество к реформации;

— объявленная ООН Декада женщин (1976–1985), ставшая для японской общественности сигналом о том, что женская проблематика признается мировым сообществом, а значит, заслуживает признания и в Японии [江原, 2008].

Третий этап — этап «введения теории феминизма» (フェミニズム理論導入期 *фэминидзуму рирон до:ню: ки*; 1984–1990 годы). До начала 1980-х годов термина «феминизм» в Японии не существовало: в 1960-е годы использовались понятия «женская проблематика» (婦人問題 *фудзин мондай*) и «женские исследования» (女性学 *дзёсэй гаку*), в период «освободительного движения» — «теория эмансипации женщин» (女性解放論 *дзёсэй кайхо: рон*), «освобождение женщин» (ウーマン・リブ *у:ман рибу*, ウィメンズリベレーション *уимэндзу*

рибэрэ:сён). При этом термин «феминист» существовал, но его значение отличалось от нынешнего и означало обходительного с дамами мужчину, джентльмена [Jisho]. Появление понятия феминизма внесло новый характер в ГИ того времени: первоначально «женские исследования» были научным направлением, изучающим движения за права женщин, но вкуче с теорией феминизма сфера исследований стала шире и включила в себя рассмотрение истории и современности с позиции гендера [江原, 2008].

Это нововведение привело нас к следующему, **четвертому этапу**, когда сформировалось более широкое понятие ГИ как таковых, а не в значении синонима к «женским исследованиям» — этапу «перехода от женских исследований к гендерным» (*女性学からジェンダー研究への変容期* *дзэсэй гаку кара дзэнда: кэнкю: э но хэнгё: ки*; 1991–2000 годы). Сфера ГИ расширилась: предмет изучения постепенно перешел от исключительно женской проблематики к вопросам распределения гендерных ролей, разделения домашних обязанностей, появились и «мужские исследования» (*男性学* *дансэй гаку*), которые профессор социологии Микио Ито назвал темой ГИ данного десятилетия; началось изучение сексуальности [江原, 2008]. В 1997 году было образовано Японское общество гендерных исследований (*日本ジェンダー学会* *нихон дзэнда: гаккай*) [日本ジェンダー学会]. Таким образом, четвертый этап стал этапом систематизации и распространения ГИ. Гендерными исследованиями также стало интересоваться правительство, и в 1999 году был принят Основной закон о гендерном равенстве, однако это оттолкнуло людей от идей феминизма из-за его продвижения правительством — так, в обиходе появилось выражение «государственный феминизм» (*官製フェミニズム* *кансэй фэминидзуму*) [江原, 2008].

Пятый этап — этап «реакции на критицизм» (*バツクラ ッシュへの対応期* *буракку рассю э но тайо: ки*). Идея об

установлении гендерного равенства в некоторых кругах была интерпретирована как стремление к устранению гендерных различий и создание «среднего пола», что вызвало большую волну критики и приравнивание ГИ к радикальному феминизму. В 2003–2004 годах ГИ критиковались и в правительстве. В 2005 году был начат пересмотр плана действия Основного закона о гендерном равенстве, идеи которого отнесли к идеям марксизма и коммунизма. Не знакомые с данной научной сферой люди стали считать ГИ опасными. В результате в названиях учебных дисциплин университетов, а также названиях исследований употребление термина «гендер» нередко стало избегаться, сократилось количество изданий по данной тематике [江原, 2008].

Из-за ассоциаций с крайними формами феминизма ГИ сталкиваются с критикой, однако не теряют своей актуальности. Юмико Эхара отмечает, что ГИ необходимы для создания в обществе правильного представления о равноправии полов и его реализации, продвижения сбалансированного образа жизни, равных условий найма [江原, 2008]. Предполагается, что ГИ могут внести вклад и в решение существующих проблем со старением населения и снижением рождаемости [鳥居, 2004]. Так как в последнее время правительство премьер-министра Синдзо Абэ принимает различные меры по более активному вовлечению женщин в политическую и экономическую деятельность («вуменомика») [Polyák, 2018], можно предположить, что развитие гендерной тематики будет поддерживаться государством, и недопонимание и критicism в отношении ГИ останутся позади.

Литература

Изотова Н. Н. Трансформация гендерных стереотипов в японском обществе // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 83–96.

Садафуми Т. Старение и сокращение населения Японии: как преодолеть депопуляцию? URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00336/> (дата обращения: 29.10.2019).

Словарь гендерных терминов. URL: <http://a-z-gender.net/gender.html> (дата обращения: 17.05.2019).

Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова, при участии Т. А. Дмитриева. М., 2009. 387 с.

Энциклопедия Кругосвет. URL: <https://www.krugosvet.ru> (дата обращения: 15.10.2019).

Jisho Japanese-English dictionary. URL: <https://jisho.org/> (дата обращения: 2.11.2019).

Polyák E. Womenomics — women at the Japanese labour market. February 13, 2018. URL: <http://www.geopolitika.hu/en/2018/02/13/womenomics-women-at-the-japanese-labour-market/> (дата обращения: 24.10.2019).

日本ジェンダー学会。 URL: <http://jp-gender.jp/wp/> (дата обращения: 23.10.2019).

江原 由美子, ジェンダー研究のこれまでとこれから2008年度ジェンダーフォーラム設立 10周年記念公開講演会. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKewiJgo6LvTlAhXzwcQBHTM5BNIQFjAAegQIBVAC&url=https%3A%2F%2Frikkyo.repo.nii.ac.jp%2F%3Faction%3Drepository_action_common_download%26item_id%3D5715%26item_no%3D1%26attribute_id%3D18%26file_no%3D1&usg=AOvVaw113LVs3TNFLL39wyg1VJh1 (дата обращения: 08.09.2019).

鳥居千代香, 日本におけるジェンダー研究の重要性. URL: <https://appsv.main.teikyo-u.ac.jp/tosho/ctorii24.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

А. Д. Евсеева

*(Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург, Россия)*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЯПОНИИ

Когда речь заходит о «мягкой силе», на ум приходят несколько выдающихся в данном плане стран, и одна из них — Япония. Несмотря на запоздалый старт, Страна восходящего солнца в полной мере осознала, насколько важна данная составляющая во внешней политике. Особенно большую роль в становлении имиджа страны играет культура как фактор «мягкой силы» и публичной дипломатии. За всю недолгую историю применения данного подхода Япония испытала и спад интереса к своей культуре, и новые взлеты популярности. В начале 2000-х годов с развитием коммуникационных систем и появлением новых технологий было создано единое глобальное коммуникативное пространство. Естественно, было необходимо заполнить его новым информационным контентом для массового потребителя, который бы надолго удовлетворил спрос аудитории. И тогда творческий и технический потенциал Японии оказались востребованными в полном объеме — от новейших информационных технологий до собственно содержательной сферы, которую эта страна смогла предложить миру, хорошо понимая потребности времени и пользуясь тем, что многие государства стремились

противостоять волне «американизации». Было положено начало поп-дипломатии и культурной экспансии Японии.

Безусловно, как и в любой другой сфере, на этом поприще также возникают определенные проблемы. В первую очередь следует обратиться к работе А. О. Наумова «Мягкая сила» Страны восходящего солнца». В ней автор указывает ряд препятствий, с которыми сталкивается Япония на пути реализации данной политики.

Во-первых, основным ограничителем выступает внутренняя ориентация ее культуры на сохранение, консервацию особенностей ее деловой этики и образа жизни. Именно такая внутренняя установка мешает Японии претендовать на более широкое распространение ее влияния в мире. Также автор статьи указывает на проблему языкового барьера. Утверждение японского языка в качестве международного помогло бы Японии превратиться в действительно великую державу, однако японский язык из-за сложности при его изучении вряд ли сможет получить широкое распространение в мире в обозримом будущем, несмотря на усилия Японии, направленные на повсеместное распространение японского языка [Наумов, 2016, с. 192].

Во-вторых, Наумов упоминает о военном прошлом Японии. Серьезным препятствием для реализации политики культурной дипломатии является империалистическое и военное прошлое Японии, которое до сих пор сохраняет «остаточную подозрительность» в таких странах, как Китай и Корея. Аниме, манга и косплей, безусловно, пользуются популярностью в молодежной среде далеко за пределами Японии, однако эти явления современной массовой культуры оказываются бессильны перед «войнами памяти» между Китаем и Японией. С другой стороны, стратегия «мягкой силы» Японии оказалась успешной именно в азиатском регионе. При весьма критическом отношении к японской внешней по-

литике жители азиатских стран продолжают активно покупать японские комиксы, компьютерные игры, телевизионные программы, альбомы поп-музыки, японскую анимацию [Наумов, 2016, с. 192].

В-третьих, автор указывает на растущую конкуренцию в сфере культурной дипломатии. Япония сталкивается со стремительно увеличивающимся соперничеством со стороны Китая и Индии с их цивилизационным, культурным и человеческим потенциалом и быстрыми темпами экономического роста. И хотя эти страны по отношению к соседям не смущаются заявлять о своих интересах в аргументах «жесткой силы», нельзя не заметить все более активного использования ими «мягкой силы» (культура, образование, наука, кухня, товары повседневного спроса и т. д.) [Наумов, 2016, с. 192].

К этому списку можно добавить и серьезные демографические проблемы в стране. Япония — одна из стран с самой большой долей пожилого населения. По данным, опубликованным в июле 2017 года, люди в возрасте 65 лет и старше составляют 27,2% населения Японии, тогда как детей в возрасте 14 лет и младше всего 12,7%.

Существуют сложности и в сфере экономики и ее креативного сектора, который напрямую связан с культурной политикой. По данному вопросу следует обратиться к статье И. Л. Тимониной «Креативность как экономический ресурс: опыт Японии». Автор приводит опасения аналитиков Японии по поводу низкой доходности креативных продуктов. «По мнению правительственных экспертов, проблема заключается в том, что весьма популярные за рубежом японские креативные продукты, такие как мода, продукты питания недостаточно прибыльны». Так, по данным исследований, в рейтинге популярности магазинов женской одежды в Китае японские компании занимали соответственно 1–3-е, 7-е и 10-е места (данные на 2009 год), а соотношение экспорта и

импорта японской текстильной продукции составляло соответственно 1 к 50 в пользу импорта [Тимонина, 2017, с. 103]. Однако исследовательница отмечает, что данные не совсем корректны из-за того, что многие японские текстильные производства располагаются за рубежом и в данную статистику не попали. Тем не менее, автор находит подобные опасения здоровыми, так как другие развитые страны, имея высокую стоимость рабочей силы, все равно являются крупными экспортерами одежды и текстиля в отличие от Японии. Смысл доклада японских экспертов — привлечь внимание к необходимости «монетизации» в экспортные доходы достижений японских дизайнеров, которые стали широко известны за границей, утверждает Тимонина. Более того, автор описывает подобную ситуацию и с японской кухней: «...популярность японских ресторанов не способствует экспорту продуктов питания из Японии» [Тимонина, 2017, с. 103].

Кроме того, необходимо упомянуть о кардинальных отличиях японских ментальности и культуры от западных. Здесь встает проблема трудности восприятия и понимания информации. В 2014 году на заседании, посвященном средствам публичной дипломатии, Огура Кадзуо, исполняющий должности посла Японии во Франции, директора Японского Фонда и генерального секретаря Совета по проведению Олимпийских игр в Токио, выдвинул следующее предположение: «Следует обратить первостепенное внимание на воспитание аудитории по всему миру, способной правильно принимать сигналы, исходящие от Японии. Так как весь мир и так интересуется позицией США, для публичной дипломатии США нет необходимости воспитывать тех, кто будет ее воспринимать. Но таким государствам, как Япония, начинать, вероятно, нужно именно с этого» [Эпоха публичной дипломатии...]. И действительно, из-за различий западного и восточного мировоззрения очень сложно бывает понять основ-

ную мысль и идею определенного культурного продукта, традиции или праздника. Рассмотрим данную проблему на примере аниме и компьютерных игр. Необходимо также обратиться к статье Е. Катасоновой «Япония: поп-дипломатия и поп-культура».

Распространение японских комиксов и анимационного контента встречается с трудностями, возникающими из-за различий в образном мышлении японцев и других народов. Художественный язык специфичен, в нем заложены традиции и обычаи народа — манга и аниме не стали исключением. Е. Катасонова в своей статье упоминает основателя японской манга-культуры Осаму Тэдзука, который сравнивал манга с египетскими иероглифами, без знания которых невозможно прочесть древние манускрипты [Катасонова, 2009, с. 61]. В связи с этим понимание глубины содержания аниме и манги, различных метафор, исторических традиций, упоминающихся там, сильно затрудняется, поскольку аудитория, не владея национальным художественным языком, не умея распознавать символы, не понимая взаимосвязь тех или иных образов и ассоциаций, не видит истинный смысл и идею, заложенные в аниме и манге авторами. Именно поэтому культурный контент требует серьезной переработки и адаптации, чтобы иметь успех за границей.

В игровом сегменте культурной дипломатии мы тоже обнаруживаем знакомую проблему восприятия чужой культуры. По мнению главного исполнительного директора «Spike Chunsoft» Мицүтоши Сакурая, японские издатели при разработке игр прежде всего ориентируются на аудиторию своей страны, поэтому продажи и популярность за рубежом идут не так хорошо, как хотелось бы. «Например, недавние игры (Devil May Cry и Dead Rising) были сделаны Capcom с использованием западных студий, и они хорошо продавались на Западе, но в Японии продажи были низкими по сравне-

нию с мировыми продажами. Что касается *Dark Souls*, она замечательно продавалась в Японии, но не думаю, что у разработчиков были планы завоевать этой игрой западный рынок — просто все закончилось случайным успехом. Та же ситуация с *Final Fantasy*: игра имеет колоссальную популярность на отечественном рынке в сравнении с мировым», — объясняет Мицутоси Сакурай [Appealing to the West...].

П. А. Мошняга в статье «Специфика культурной политики Японии в условиях глобализации» говорит о том, что «создание культурной индустрии является проявлением глобализационных процессов, что, с одной стороны, поддерживает экономику регионов и создает привлекательный имидж Японии в мире, а с другой, ведет к коммерциализации культуры, т. е. превращает культуру в товар для продажи, способствуя размыванию, преобразованию и уничтожению национальной и культурной идентичности» [Мошняга, 2009, с. 53]. Действительно, чтобы успешно продать продукт на мировом рынке, необходимо адаптировать его под вкусы зарубежной аудитории. Следовательно, аутентичность, свойственная японской культуре, отбрасывается, и контент приобретает стандартизированную форму. Впрочем, если переусердствовать с универсализацией, то получится шаблонный товар, который тоже не будет иметь успех на мировом рынке.

Несмотря на большое количество сложностей, с которыми сталкивается публичная дипломатия Японии, существуют и положительные результаты и перспективы развития в данной сфере.

По мнению авторов японской стратегии *Cool Japan*, продвижение креативных отраслей может способствовать решению задач оживления внутреннего спроса, расширения экспортных возможностей страны, создания новых рабочих мест, упоминает в своей работе Тимонина. «Так, в документе *Cool Japan Strategy* (июль 2012 г.) прямо говорилось о том, что

новые бизнес-модели (креативных отраслей) в будущем могут стать высокодоходными и имеют значительный производственный потенциал, если “соединить” традиционный японский контент с потребительскими товарами, подключить дистрибьюторов и использовать потенциал регионов» [Тимошина, 2017, с. 100]. Оказывается, что в современных условиях именно культура способствует увеличению популярности Страны восходящего солнца на международной арене, а уже данная заинтересованность помогает японскому бизнесу расширяться.

В качестве положительного примера автор статьи приводит продвижение продукции, основанной на образе покемонов, экспорт которой в 2009 году составил 3 трлн иен (треть от объема продаж на внутреннем рынке). «А к 2016 г., когда покемоны отпраздновали свой двадцатый “день рождения”, общие доходы от франшизы на данный образ (игры, анимация, фильмы, продажа лицензий) составили 46 млрд долл. (45% — на внутреннем рынке и 55% на зарубежном)» [Тимошина, 2017, с. 103].

Таким же внушительным успехом могут похвастаться и активно продвигаемые в рамках стратегии Cool Japan аниме и видеоигры.

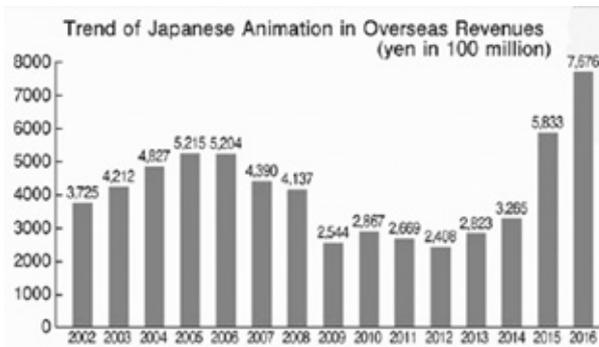

Рисунок 1. Продажи аниме-контента за рубежом [11]

Аниме продолжает набирать популярность за рубежом. В последнее время японская индустрия анимации широко освещается в средствах массовой информации, включая газеты и телевидение. В последние годы даже в российских кинотеатрах появились в прокате аниме-фильмы — явление, ранее невиданное в таком количестве. В 2016 году данная отрасль, в которой был зафиксирован положительный рост в течение четырех лет подряд, пересекла отметку в 2 трлн йен, когда продажи достигли 2 трлн 900 млн йен (109,9% по сравнению с предыдущим годом). Одним из основных факторов роста доходов в аниме-индустрии стало распространение за рубежом. В 2016 году именно распространение аниме за границей составило почти 40% доходов от общей прибыли. И в общем, с 2012 года наблюдается уверенный рост популярности аниме-контента за границей, о чем можно судить по доходам: прибыль в 2016 году в 3 раза больше, чем в 2012 году (рис. 1).

Таким образом, можно сказать, что непосредственно зарубежные продажи поддерживают общий рост аниме-индустрии. Следовательно, использование культуры в качестве метода ведения дипломатии увенчалось успехом. Это также подтверждается и количеством заключенных японскими компаниями контрактов с иностранными фирмами. В 2016 году эта цифра подошла к отметке в 6639 контрактов, что в 1,5 раза больше, чем в 2015 году (4345 контрактов).

Видеоигры в свою очередь тоже не отстают от аниме. Ожидается стремительный рост игровой индустрии в сегменте мобильного гейминга, а компьютерные игры будут становиться все более качественными, поскольку в текущий момент больше людей имеет доступ к персональным компьютерам, чем к игровым консолям [Appealing to the West...]. Японские разработчики видеоигр уже выпустили

много компьютерных версий предыдущих продуктов, доступных только на консолях. Согласно прогнозам на 2020 год, в секторе видеоигр ожидается рост общемировой выручки до 90,072 млрд долларов, а значит, подъем будет испытывать и Япония, поскольку занимает третью позицию по общей выручке гейм-индустрии за 2017 год с 14,048 млрд долларов. Популярность японского культурного контента подтверждает и рейтинг производителей видеоигр по годовому доходу также за 2017 год: из 25 компаний десять — японские фирмы. К примеру, Sony уступает по выручке (\$10 548 млн) только китайской компании Tencent (\$18 120 млн).

Об успехе культурной дипломатии можно судить по возрастающей популярности японского языка за границей. Например, Nihongo Noryoku Shiken (экзамен по определению уровня владения японским языком) был впервые введен в 1984 году. «Исследование по изучению японского языка за рубежом», проведенное Японским фондом, показывает, что количество изучающих японский язык за рубежом увеличилось с 580 000 в 1984 году до 3 650 000 в 2015 году. 2009 год был первым, когда экзамен проводили дважды, раньше такой потребности не было. В 2018 году более одного миллиона человек сдавали этот экзамен. Японский язык сложен для изучения, тем не менее, первые шаги к становлению мировым языком уже положены, и это заслуга работы японского фонда.

Результатом использования публичной дипломатии также стало количество иностранных граждан, которые имеют постоянную или временную регистрацию в Японии, за 2017 год оно выросло на 7% и составило 2,38 млн человек, при том что общее население страны — около 127 млн. Такие данные приводит Министерство юстиции страны. Наибольший рост сразу на 18,7% наблюдается среди людей, проходящих стажировку в крупных компаниях, а также

среди студентов из других стран (12,4%), выбирающих обучение в японских вузах. Абсолютно точно, что привлекательность проживания в стране Восходящего Солнца значительно выросла благодаря умелой публичной дипломатии, создающей превосходный имидж для государства.

А. Е. Куланов в статье «Культурная дипломатия Японии» пишет о многочисленных интеллектуальных обменах, развитии японоведения, взаимодействии с институтами ООН. «Япония достаточно давно и интенсивно привлекает интеллектуальную элиту своей страны для культурно-миссионерской деятельности за ее пределами, организуя выставки, симпозиумы и лекции. На них крупнейшие японские ученые, деятели культуры и, что характерно, крупные чиновники, обладающие широкими взглядами на внутрияпонские и международные проблемы, доносят свою точку зрения до заинтересованной в этом зарубежной публики» [Куланов, 2007, с. 124]. Таким способом японское правительство пытается вложить в умы иностранцев свою позицию, пытается через интеллектуальную элиту и простых граждан повлиять на те или иные настроения в мире и политические решения, вызвать симпатию к своей стране.

В интервью с профессором Дмитрием Викторовичем Стрельцовым ему были заданы вопросы о будущем культурной дипломатии Японии. «Поскольку Япония — страна будущего, то, как Вы считаете, какое будущее у японской “мягкой силы”? И могут ли, например, такие большие события, как Олимпиада в Токио в 2020 и чемпионат мира по регби в 2019, придать ей новый импульс?».

Председатель ассоциации японоведов дал благоприятные прогнозы по этому поводу: «Безусловно, такие крупные события задумываются в том числе для того, чтобы повысить реноме страны за ее пределами, и дать новый толчок разви-

тию общества, развитию не только экономики, но и социальных, гуманитарных связей с зарубежными странами. Олимпиада в Токио 2020 года, как считается, станет мощным импульсом для развития страны. В любом случае Олимпиада — это достаточно мощный способ апеллирования к международному сообществу для любой страны мира, в рамках олимпиады проходит мощная культурная программа. Приковано внимание не только к спорту, но в целом к стране, где Олимпиада проходит. Что касается чемпионата мира по регби, то я не склонен это переоценивать. Но тем не менее любые спортивные события призваны Японию “подстегнуть”. Так что Олимпиада 2020 года, так же, как и прочие события спортивной жизни меньшего масштаба являются важной частью стратегии публичной дипломатии Японии» [Япония — модель будущего...].

Взаимосвязь с имиджем страны

Поскольку первоначальной целью культурной дипломатии являлась попытка избавиться от милитаристского образа Японии в глазах зарубежных стран, то и понимание значимости «мягкой силы» во внешней политике пришло немного позже, чем в той же Америке. «Для разработки концептуальной основы внешней культурной политики в 2004 г. был создан Совет по содействию культурной дипломатии во главе с профессором Тамоцу Аоки, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире. Руководители Совета после обращения к американским экспертам решили сосредоточить основные усилия государства на глобализации японской культуры» [Катасонова, 2009, с. 59]. Однако поскольку культурная дипломатия тесно связана с имиджем страны, то проблема сомнительного образа государства на международной арене стала препятствием на пути культурной стратегии.

Е. Катасонова выделяет важную проблему японской продукции на мировом рынке — ценностный показатель, зало-

женный в имидже самой страны-производителя. В таком случае иногда знание, в какой стране был создан товар, будет играть на руку производителю, способствуя распространению продукции и увеличению прибыли, но и отрицательный обратный эффект возможен, если страна-производитель ассоциируется с чем-то негативным.

Что касается Японии, то данный фактор играет большую роль при экспорте продукции за рубеж. Некоторые государства, такие как Китай, Южная Корея и другие, помнят о периоде оккупации, о военных преступлениях японцев, об агрессивной экономической экспансии. Все это накладывает мрачный отпечаток на японские товары, в том числе и культурную продукцию, что значительно затрудняет рост ее популярности. Совсем недавно, в июле 2019 года, разгорелся серьезный конфликт с исторической подоплекой между Японией и Республикой Корея. Корейцы очень остро отреагировали на происходящее, поэтому в стране началась агрессивная кампания против всего японского: «нет — всему японскому, да — всему корейскому». Люди вышли на протестные митинги, магазины перестали закупать японские товары от пива до шариковых ручек, а рядом с корейской продукцией поместили вывески, чтобы люди покупали товары только корейского производства. Из меню ресторанов исчезли японские блюда, косметические компании также сталкиваются со сложностями. К тому же многие корейцы отказались от поездок в Страну восходящего солнца. Данный пример полностью отражает значимость факторов исторической памяти и имиджа страны.

Решением данной проблемы стал принцип анонимизации, то есть освобождение культурной продукции от каких-либо признаков ее национальной принадлежности, пишет Е. Катасонова [Катасонова, 2009, с. 63]. Примером ее применения могут служить названия японских корпораций Sony,

Panasonic, Nikon. Интересно, что та же фирма Panasonic имеет другое название для местного потребителя — «Matsushita denki». Еще один пример: Ясуо Куроки, изобретатель Sony Walkman, прямо заявляет: «...корпоративная стратегия Sony заключается в том, чтобы минимизировать либо нейтрализовать в товаре японскую идентичность с целью избежать всевозможных покупательских ассоциаций с продукцией Японии военного прошлого» [Катасонова, 2009, с. 63].

Именно поэтому культурный контент, такой как аниме и манга также подвергается адаптации и «цензурированию», но уже с целью скрыть характерные национальные черты, сквозящие в каждом кадре и на каждой странице. Об этом говорит и Катасонова относительно Республики Корея: «...особенно тщательно это по известным причинам продлевается, в частности, в Корее: японский национальный флаг заменяется на корейский, японское написание слов превращается в корейское и т. д.» [Катасонова, 2009, с. 63]. Данные действия превращают культурную продукцию в легкоусвояемый по всему миру контент, что естественно повышает степень его распространения. Тем не менее, отрицательная сторона проявляется в некой безликости, бледности адаптированного варианта, что может, наоборот, снизить заинтересованность зарубежной аудитории, которые ожидали японский контент именно из-за стремления к японской культуре.

К счастью, использование анонимизации не приводит к полностью универсальному товару. Анонимизация всегда специфична, в зависимости от страны или группы стран, куда экспортируется культурный продукт, утверждает Е. Катасонова [Катасонова, 2009, с. 63]. И если в аниме, экспортируемых в Китай или Корею, мы увидим как будто бы китайский или корейский продукт, то в Россию поступит самобытный культурный контент, способный донести культурный посыл, заложенный в Стране восходящего солнца.

Япония — одна из стран, которая действительно осознала необходимость ведения культурной дипломатии и сумела приспособить свою культуру к нуждам политики. Она прошла сложный путь проб и ошибок, претерпела преобразования, всегда стараясь идти в ногу со временем, не отставать от мировых лидеров и использовать прогресс себе на пользу. В целом, в последние годы стратегия реализации «мягкой силы» Страны восходящего солнца испытала существенные изменения. Сегодня Япония пытается покорить мир уже не привлекательностью своих древних традиций, а современными технологиями, будь то технологические новинки или продукты поп-культуры. Тем не менее основной целью остается все то же желание показать миру, что Япония изменилась, стала лучше, и ее старый негативный имидж больше не должен приниматься в расчет, потому что реальность иная. И, бесспорно, что культурная дипломатия во многом принесла пользу именно японскому бизнесу. Другими словами, геоэкономические цели страны — одна из важнейших причин проведения политики «мягкой силы».

Стремясь достичь этих целей, Страна восходящего солнца декларирует свои национальные ценности, создает позитивный имидж, выделяет финансовую поддержку, руководствуясь методами убеждения и просвещения, а не прямой жесткой пропаганды или «принуждения к сотрудничеству». И в этом ее основной козырь. Культурная дипломатия Японии является сегодня одним из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности в рамках публичной дипломатии этой страны. Безусловно, кроме решения различных экономических и политических задач государства культурная дипломатия также содействует интеграции Японии в мировое сообщество, являясь эффективным инструментом развития искусства, культуры и увеличения благосостояния общества.

Японские методы культурной дипломатии — это эффективный способ создания нового образа на международной арене. Это свежее веяние во внешней политике во времена жестких санкций и военных угроз. Спектр преимуществ, которые доставляет избранный японцами метод ведения дипломатии, куда более широк, чем у стран с радикальными принципами внешней политики. Культурная дипломатия намного сильнее влияет на граждан других государств, помогая вселить доверие и любовь к аутентичному и дружелюбному образу Страны восходящего солнца. Пожалуй, что такое явное пренебрежение грубыми способами ведения дипломатии и влияния на иностранные державы — это положительный пример для остальных государств. И эта попытка увенчается успехом, ведь мирное решение конфликтов и разногласий в век ядерного оружия и экономических кризисов — самый правильный и органичный выбор.

Литература

В Южной Корее начался бойкот японских товаров. URL: <https://rg.ru/2019/07/07/v-iuzhnoj-koree-nachalsia-bojkot-iaponskih-tovarov.html> (дата обращения: 24.11.2019).

Катасонова Е. Япония: Поп-дипломатия и поп-культура // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 56–63.

Количество проживающих в Японии иностранцев за год выросло на 7%. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4107724> (дата обращения: 21.11.2019).

Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии // Япония (ежегодник). 2007. Вып. 35. С. 116–130.

Мошняга П. А. Специфика культурной политики Японии в условиях глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 49–57.

Наумов А. О. «Мягкая сила» Страны восходящего солнца // Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 189–193.

Тимонина И. Л. Креативность как экономический ресурс: опыт Японии // Япония (ежегодник). 2017. Вып. 45. С. 97–116.

Эпоха публичной дипломатии. Ч. 3: Меры по созданию положительного имиджа страны: что сработало, а что нет. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c00720/> (дата обращения: 21.11.2019).

«Япония — модель будущего для многих стран мира». Интервью с Дмитрием Стрельцовым. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=868&Itemid=71 (дата обращения: 20.11.2019).

Appealing to the West by focusing on the East / Brendan Sinclair, 14.05.2018. URL: <https://www.gamesindustry.biz/articles/2018-05-14-appealing-to-the-west-by-focusing-on-the-east> (дата обращения: 22.11.2019).

Cool japan proposal. URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/published_document3.pdf (дата обращения: 21.11.2019).

Information media trends in Japan 2016 / Media Innovation Lab, 2016. URL: http://www.dentsu.com/knowledgeanddata/publications/pdf/information_media_trends_in_japan_2016.pdf (дата обращения: 22.11.2019).

JLPT in Charts. URL: <https://www.jlpt.jp/e/statistics/index.html> (дата обращения: 23.11.2019).

Top 25 public companies by Game Revenues. URL: <https://newzoo.com/insights/rankings/top-25-companies-game-revenues/> (дата обращения: 22.11.2019).

А. И. Зарбуева

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ОНИМОВ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА КИТАЙЦЕВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Еще с глубокой древности человечество накапливало и систематизировало различные сведения, как те, что применялись для решения практически задач, так и те, что были связаны с представлениями о мире, об окружающей среде, о человеке, об обществе, его функционировании и жизненных циклах [Кузнецова, 2016]. Эти сведения в совокупности представляют собой единый, целостный духовный мир людей, а знания — целостное представление о мире, в котором человек хочет определить свою роль. Он пытается изучить и представить себе мир, упорядочить все процессы, происходящие в нем, и систематизировать их. Таким образом человеческое самосознание стремится познать вселенную и определить свое место в ее космической и природной иерархии. С древних времен люди задаются вопросами об устройстве мироздания, о возможности его познания, использования законов устройства мироздания в практической деятельности, о судьбах народов, о счастье и богатстве, о горе и нищете. Все это формирует картину мира человека, определенную систему представлений о реальности, совокупность мировоззренческих знаний о мире [Шишмарева, 2016]. Китайский язык и китайская культура в

этом плане вызывают особый интерес, их изучение отечественными учеными имеет давнюю историю [Готлиб, Кремнёв, Шишмарева, 2014] и активно продолжается в настоящее время [Макеева, Кремнёв, 2019]. Отмечается, что Китай — страна с четкой системой ценностей. Она пронизывает все сферы жизни общества и отражается в словах и поступках китайцев. Знаменитые произведения Конфуция, Лао-цзы, написанные более двух тысяч лет назад, еще оказывают влияние на поведение и мышление китайцев [Чжу Жуйшуан, 2015]. Когда человек погружается в культуру, отличную от его родной, он предпринимает попытки взглянуть на привычные для него явления под другим углом, через призму другой системы взглядов на жизнь и старается рассуждать как представители данной культуры. В целях более глубокого понимания культуры народа целесообразно обратиться к изучению имен собственных (онимов), так как они занимают особое место в любой национальной культуре, отражающей историю ее народа [Хамаева, 2015б]. Онимы составляют особый пласт лексики и имеют длительную традицию изучения.

Таким образом, актуальность разработки темы статьи связана с разработкой общей проблемы определения места онимов в китайской культуре. Задачей статьи является определение мифологической картины мира китайцев как источника древнекитайских онимов, отбор и систематизация ряда онимов из древних источников, определение характеристики репрезентации древнекитайских онимов в словаре «Эръя» с точки зрения количественного состава, структуры и семантики. Материалом исследования является ряд онимов, отобранных методом сплошной выборки из главы древнекитайского словаря «Эръя» «Ши Тянь釋天» («Истолкование небес»).

Становление современной картины мира китайцев началось в глубокой древности. Начальным этапом этого процес-

са было формирование древней мифологической картины мира, соответственно, в целях лучшего понимания современной китайской картины мира стоит более подробно изучить китайскую мифологическую картину мира. В этом плане особое внимание исследователей [Концевич, 2002; Хамаева, 2015а] привлекают древнекитайские онимы, функционирование которых является частью мифологической картины мира китайцев. С этой точки зрения древнекитайские имена собственные не были предметом специального анализа. В этой связи возникает необходимость решения проблемы семантики онимов как компонентов, формирующих национальную и когнитивную картину мира китайцев, которая отличается рядом важных характеристик.

«Одна из отличительных черт китайской мифологии — историзация (эвгемеризация) мифических персонажей, которые под влиянием рационалистического конфуцианского мировоззрения очень рано начали истолковываться как реальные деятели глубокой древности (следы этого не изжиты до сих пор). Главнейшие персонажи превращались в правителей и императоров, а второстепенные — в сановников, чиновников и т. п.» [Духовная культура Китая, 2007]. Миф о первоначальном хаосе повествует о том, что изначально Вселенная представляла собой хаос. «Отделение неба от земли происходило по мере роста Пань-гу, с которым связывается и происхождение явлений природы: с его вздохом рождаются ветер и дождь, с выдохом — гром и молния, он открывает глаза — наступает день, закрывает — наступает ночь. Когда Пань-гу умирает, его локти, колени и голова превращаются в пять священных горных вершин, волосы на его теле — в деревья и травы, паразиты на теле — в людей. Миф о Пань-гу свидетельствует о наличии в Китае характерного для ряда древних космогонических систем уподобления космоса человеческому телу...» [Духовная культура Китая, 2007].

Таким образом, в рамках этих характеристик онимы занимают важное место в формировании древнекитайской картины мира. Отбор онимов позволяет составить их корпус. Структурно-семантический анализ позволяет характеризовать их следующим образом:

Оним	Значение каждого из знаков	Общее значение	Тип связи между знаками
太歲 (太岁)	太 большой, великий; чрезмерно, слишком 歲 год, урожай; кит. астр. планета Юпитер	Юпитер	атрибутивный
壽星 (寿星)	壽 долголетие, вечность, возраст, день рождения 星 звезда, созвездие, метеор	созвездие Долголетие	копулятивный
大辰	大 большой, грубый, сильный, основной 辰 год Дракона, Весы, небесные тела, созвездие	Большое созвездие	атрибутивный
漢津 (汉津)	漢 дин. Хань, Китай, мужчина, добрый молодец 津 переправа, важный путь сообщения, влага; доводить	Млечный путь	атрибутивный
玄枵	玄 черный, далекий, скрытый, глубокий, пустой; небо, тишина, север 枵 дуплистый, пустой, тонкий	созвездие Черная Бездна	копулятивный
營室 (营室)	營 заниматься, управлять, стремиться, запутывать, строить; лагерь 室 комната, дом	созвездие Палата	атрибутивный

北極 (北极)	北 север; потерпеть поражение 極 край, полюс, полярный, идеал; Северная полярная звезда	Полярная звезда	атрибутивный
北辰	北 север; потерпеть поражение 辰 год Дракона, Весы, небесные тела, созвездие	Полярная звезда	атрибутивный
牽牛 (牵牛)	牽 тянуть, придерживаться, не пускать 牛 корова, бык, вол	Пастух (Альгаир)	глагольно-объектный
启明	启 открывать, расширять, вести, начинать 明 светлый, ясный; светать, понимать; свет	звезда Венера	глагольно-результативный

Структурно-семантический анализ показал, что с точки зрения структуры данные онимы являются бинарными. Их значение вытекает из согласования конструктивной схемы на основе метафоры. В референтных значениях просматривается отсылка к космосу. Данные онимы являются названиями небесных тел, которые входят в состав элементов космоса, «небесного свода», занимающего центральную позицию в мифологической картине мира китайцев.

Литература

Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды по грамматологии китайской письменности второй половины XIX — первой половины XX вв. (результаты научного исследования) // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: Материалы международной научно-практической конференции. 2014 (Иркутск, 16–17 октября 2014 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 92–96.

Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / под ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтина, А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Д. Г. Главевой, С. М. Аникеевой. М.: Восточная литература, 2007. — 869 с.

Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте: пособие по транскрипции. М.: Муравей, 2002. — 263 с.

Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских обрядах жизненного цикла // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: Материалы II Международной научно-практической конференции (Иркутск, 30–31 мая 2016 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2016. С. 65–75.

Макеева С. Б., Кремнёв Е. В. II Готлибовские чтения «Фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран АТР» // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 156–158.

Хамаева Е. А. К вопросу о мифологичности современного китайского антропонима // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: Материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 16–17 октября 2014 г.). Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. — С. 261–267.

Хамаева Е. А. Китайские антропонимы. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. — 308 с.

Чжу Жуйшуан. Особенности китайской картины мира // Вопросы психолингвистики. 2015. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kitayskoj-kartiny-mira> (дата обращения: 26.11.2019).

Шишмарева Т. Е. Китайский словарь «Эръя» в идеографическом и этнокультурном аспектах. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. — 289 с.

Т. М. Зыкина
(Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМЫ БРАКОНЬЕРСТВА СО СТОРОНЫ КНДР¹

Недавнее нападение северокаорейских рыбаков на сотрудников пограничной службы ФСБ России в Японском море серьезно всколыхнуло широкие массы, вызвав незамедлительную реакцию МИДа, сопровождавшуюся лавинообразным потоком сенсационных антипхеньянских публикаций на первых полосах ведущих отечественных изданий. Враждебно настроенные СМИ наспех окрестили северокаорейских браконьеров едва ли не сотрудниками спецслужб, находившимися при исполнении партийного задания. Эти слова, однако, далеки от реальности, где недавний прецедент на границе — лишь звено в череде эпизодов многолетней обыденной практики.

Инцидент у российских границ

17 сентября текущего года представители Федеральной службы безопасности сообщили о вооруженном столкновении российских пограничников с северокаорейскими рыбаками в районе богатой рыбными ресурсами банки Кито-Ямато в акватории Японского моря. Из сообщений СМИ следует, что инцидент произошел в исключительной экономической

---

¹ Автор выражает благодарность И. С. Ланцовой за полезные замечания в ходе работы над текстом статьи.

зоне РФ. Столкновение, в котором пострадали четверо российских военнослужащих, окончилось задержанием более 160 граждан КНДР за ведение браконьерского промысла, а также 11 мотоботов и двух рыболовных судов (последние в отечественных изданиях отчего-то именуют «шхунами»). Принимая во внимание беспрецедентный масштаб операции и общее количество человек на борту, можно говорить о наличии на судне комплекса по первичной переработке улова.

Задержанных браконьеров и их суда спешно конвоировали в дальневосточный порт Находка, а раненые пограничники получили всю необходимую медицинскую помощь. Нарушителей же ожидал допрос с пристрастием в присутствии сотрудника северокорейского генерального консульства.

Произошедший курьез привлек пристальное внимание обывателей в российском интернет-сообществе. Начались ожесточенные дискуссии: якобы северокорейский режим сознательно учинил подобную провокацию с целью продемонстрировать свою неподдельную заинтересованность в обретении контроля над вождеделенными территориями.

Иные воззрения на инцидент 17 сентября сложились в российских политических кругах — скандальные выходы северокорейских браконьеров давно не были для верхов новостью. Еще в октябре 2016 года в ходе очередной стычки с северокорейцами дело дошло до вооруженного столкновения, хотя инцидент и был меньшим по масштабу [Козлов, 2018, с. 20]. В 2018 году сотрудниками береговой охраны было выявлено более 8000 нарушений, задержано 39 российских и иностранных, а также 1037 маломерных судов [Асмолов]. В распоряжение местных журналистов также попали аэрокосмические снимки, наглядно иллюстрирующие, что у берегов Приморья изо дня в день нелегально промышляют сотни, а, возможно, и тысячи браконьерских судов.

Кроме того, примерно за месяц до инцидента посольство РФ в Пхеньяне прилагало немалые усилия для привлечения северокорейских властей к решению на шумевшей проблемы, диалог касательно браконьерства состоялся на уровне высших чинов Минрыбхоза. Уже после инцидента в российский МИД был срочно вызван временный поверенный в делах КНДР, где служащего быстро ввели в курс дела; сам дипломат обязался незамедлительно проинформировать северокорейское руководство о возникшем недоразумении.

Истоки проблемы

Искатели легкой наживы с восточного побережья КНДР годами вели нелегальный лов в пределах исключительных экономических зон Японии и России, и вероятно, существенных перемен в этой области пока не предвидится — в запретные воды их манит не воля властей, а пресловутая «невидимая рука рынка».

Жители Приморского края регулярно сообщают о пустых северокорейских шхунах, выброшенных на побережье очередным штормом. В большинстве случаев появление кораблей-призраков — результат плановой эвакуации экипажей. Так как на рыбацких судах нередко отказывают двигатели, что может быть в особенности чревато в плохую погоду, в районе банки Кито-Ямато ведет дежурство северокорейский спасательный корабль. В случае опасности рыбаки вызывают на помощь спасательную группу, снимают экипаж и улов, демонтируют двигатель, а брошенный корпус остается дрейфовать на волнах, пока море не вынесет его к российским или японским берегам [Ланьков]. Есть и свои издержки — в первую очередь, человеческие.

Распространенное заблуждение малокомпетентных российских СМИ состоит в регулярной, но в целом бессознательной подмене двух основополагающих понятий международного морского права: терминов «исключительная

экономическая зона» и «территориальные воды». По мнению известного ученого-корееведа, сотрудника ИДВ РАН К. В. Асмолова, несмотря на то, что в ряде отечественных изданий довольно четко обозначено «место встречи», стычка северокорейцев с российскими пограничниками произошла отнюдь не в исключительной экономической зоне России, но в ее территориальных водах [Асмолов].

Проясним ситуацию по порядку. Международные морские конвенции предоставляют судам право захода в территориальные воды любых государств в случае поиска укрытия от надвигающегося шторма. Пользуясь столь благовидным предлогом, в российские территориальные воды заходят сотни северокорейских промысловых судов [Эксперт: случаи браконьерства...]. Рыбаки чувствуют себя вольготно и, не гнушаясь использовать запрещенные в России дрефтерные сети, начинают браконьерствовать, злоупотребляя местным гостеприимством. Так, по сообщениям информационного ресурса РИА «Восток-Медиа», во время одного из тайфунов северокорейцы открыто рыбачили в российских бухтах и даже закупились продуктами в магазинах [«Северокорейский вопрос»: почему рыбаки...].

Северокорейские браконьеры: modus operandi

Действующие в Японском море под флагом КНДР промысловые суда лишь на бумаге являются государственными. На сегодняшний день лишь некоторые крупногабаритные корабли в действительности являются таковыми. Рыболовная отрасль северокорейской экономики фактически была одним из первых секторов, в котором еще в начале 1990-х годов победил частный сектор. Государственная регистрация на малых и средних рыболовных судах во многом является чистой формальностью — действующая схема надежно отлажена и функционирует следующим образом: северокорейский инвестор,

располагая достаточным количеством средств для покупки или строительства рыбацкого судна на заказ, обращается к государственной организации с предложением о регистрации корабля как ее собственности. В качестве такой организации охотно выступают воинские части, предприятия народного хозяйства и внешнеторговые фирмы, а в редких случаях — даже органы правящей ТПК [Ланьков]. Необходимость оформления фиктивной регистрации объясняется наличием жесткого пограничного контроля, несмотря на широкое распространение механизмов рыночной экономики: выход в море на корабле в отсутствие соответствующих документов попросту невозможен. Заполучить все необходимые бумаги можно лишь в том случае, если судно имеет фиктивную регистрацию в той или иной правительственной организации.

Де-факто регистрация рассматривается как лицензия на право ведения лова. Правда, выдается такой документ не бесплатно. Будучи неспособным осуществлять контроль над действиями экипажа и самого судовладельца, правительственное учреждение имеет смутное представление об истинном объеме добываемого улова, уже не говоря о том, за какие деньги и по каким каналам этот улов доходит до потребителя. Так, между хозяином судна и организацией, выдающей лицензию, заключается негласная договоренность о некоторой фиксированной сумме, которую собственник корабля обязуется (официально) платить в бюджет учреждения.

Покончив с бюрократическими тонкостями, новоиспеченный судовладелец с наемным экипажем на борту готов к выходу в море. Добытый улов моряки традиционно продают на берегу оптовым перекупщикам, а те сбывают его ценнейшую часть за рубежом — как правило, в Поднебесной. Часть вырученных денег идет на погашение платежей, включая «взносы» за регистрацию, оплату топлива и жалование команды, а также иные амортизационные расходы. Остаток —

та самая чистая прибыль, которая во времена интенсивного промысла исчисляется сотнями долларов ежемесячно.

Подобный сценарий в равной степени выгоден для всех действующих лиц. Военские части и государственные учреждения эксплуатируют схему с целью заработка иностранной валюты — даже если платежи де-юре осуществляются в северо-корейских вонах, основу договоренности де-факто составляют валютные расчеты. Судовладелец же кладет в карман немалую для рядового северо-корейца сумму.

Трудолюбивый рыбак-авантюрист равно оказывается в выигрыше: для большинства жителей восточного побережья КНДР — наиболее депрессивных районов Севера — работа в море или на переработке улова остается наиболее выгодной, если не вообще единственной из доступных. Крупные промышленные предприятия, некогда действовавшие в поселениях восточного побережья, ныне пребывают в глубоком застое, так что любой здешний мужчина, готовый к риску и работе на износ, попросту не видит альтернатив сопряженному с браконьерством рыболовному промыслу.

Чем больше людей приобретает собственные корабли (стоимость одного небольшого судна сегодня варьируется в районе 1200–1300 долларов США [Ланьков]), тем больше судов выходит в Японское море с северо-корейских берегов. По причине столь интенсивного лова в КНДР в последние полтора десятилетия все более очевидным становится существенное истощение рыбных ресурсов близ ее восточного побережья.

На первый взгляд, северо-корейские рыбаки годами вели бесконтрольный лов близ родных берегов, практически исчерпав все имеющиеся запасы. Однако еще в 2016 году издание «The Korea Herald» сообщало о продаже Северной Кореей Китаю прав на отлов рыбы в Желтом и Японском морях — в территориальных водах КНДР. Сделка принесла

Пхеньяну, остро нуждавшемуся в валютном подспорье, около 30 миллионов американских долларов [Shin].

Всепроникающее технологическое развитие привнесло массу полезных новшеств, незаметно просачиваясь в наиболее изолированные и отчужденные уголки нашей планеты. Не выдержав растущего давления эпохи, «железный занавес» КНДР дал трещину. При всей своей относительной примитивности северокорейские рыболовные шхуны обзавелись GPS, а также легкими и надежными дизельными двигателями и маломощными радиостанциями. Любая эксплуатация иностранных спутниковых систем навигации в КНДР формально находится вне закона, однако на деле северокорейские власти сознательно закрывают на это глаза [Ланьков]. Сложившиеся сегодня благоприятные условия сделали дальние плавания, во-первых, экономически желательными, а во-вторых, технологически допустимыми. Средний интервал пребывания среднестатистического мотобота в открытом море, в прошлом составлявший около 10–15 часов, существенно увеличился: одна рыболовная экспедиция может затянуться на несколько дней.

Единственным фактором, заметно тормозящим реализацию северокорейских амбиций, остается географическое распределение природных ресурсов — наиболее значные, изобилующие рыбой участки акватории Японского моря располагались в пределах исключительных экономических зон Японии и России. Столь неблагоприятный расклад неизменно ставит наемного рыбака перед выбором: терпеть ли ему неисчислимы лишения, доживая свой век в беспросветной нужде, или, сделав ставку на браконьерство, обеспечить себе достойный заработок, коротая остаток жизни в сравнительном достатке и благоденствии. Другими словами, экипаж сознательно идет на международное преступление: рыбаки не испытывают по этому поводу каких-либо угрызений, будучи готовыми отстоять улов в случае вооруженного столкновения.

Заключение

Вместе с тем рыболовный промысел остается единственным способом физического выживания для большинства жителей восточного побережья КНДР (в частности, провинции Хамгён), причем кардинальных перемен к лучшему ожидать не приходится. Кроме того, продолжающееся истощение рыбных ресурсов в близлежащей фактории неуклонно приведет к увеличению числа искателей легкой наживы, желающих попытаться счастья близ японских и российских берегов.

Число тех скрытых рычагов административного давления, которыми располагают северокорейские власти для решения этой застарелой проблемы, представляется поистине колоссальным. При наличии должной политической воли правящие партийные элиты способны учинить своим рыбакам немало серьезных препятствий в организации браконьерских экспедиций. Однако партийное руководство КНДР едва ли сумеет, но главное — едва ли захочет предпринять необходимые меры.

Тому существует несколько объяснений. Во-первых, подобные мероприятия закономерно чреваты возникновением внутренних социальных конфликтов. Если десятки тысяч людей, ежедневно выходящие в море в поисках средств к существованию, внезапно лишатся базового источника доходов, их реакция была бы вполне предсказуема. Северокорейские власти отнюдь не стремятся провоцировать рыбаков и их семьи, подрывая их жизненный уклад и лишая элементарных средств к существованию.

Одновременно полный или даже частичный отказ от ведения прибыльного браконьерского бизнеса в центральной части Японского моря приведет к резкому усугублению политической обстановки на восточном побережье КНДР, вкупе с сокращением притока средств в государственный бюджет — ведь каждый судовладелец, приобретая лицензию,

фактически выкупает право ведения лова у государства, внося в бюджет определенную сумму денег. Коль скоро северокорейское руководство наложит на деятельность рыбаков вне своих территориальных вод таможенные, административные и иные существенные ограничения, ему предстоит иметь дело как с внутривнутриполитическими, так и с внутриэкономическими противоречиями.

Мнение, что северокорейские партийные лидеры экспромтом решатся на подобные мероприятия, представляется автору крайне сомнительным: сопутствующие финансовые и демографические потери выглядят попросту неоправданными, сводя «на нет» любые иллюзорные выгоды. Пхеньян не слишком дорожит отношениями с Москвой, от которой (в отличие от другого северного соседа) едва ли дождется необходимых объемов помощи. Перспективы «широкого экономического сотрудничества» с Россией также остаются туманными.

Попытки оказать излишнее давление на северокорейскую дипломатию могут спровоцировать не только негативную реакцию, но также и ответные действия. К числу таких мер можно отнести симметричный захват российского судна, невзначай очутившегося неподалеку от северокорейского побережья, и хотя прецеденты подобных захватов уже имеются, они, в большинстве случаев, носили случайный характер [КНДР задержала российское судно...].

Подведем итог: на сегодняшний день радикальное решение проблемы отсутствует, и решать ее нужно последовательно, задействовав дипломатические каналы: КНДР вполне способна пойти на уступки, если позиция российской стороны будет умеренно жесткой. Несомненно, следует и дальше применять силу против нарушителей, если того будут требовать сложившиеся обстоятельства, отчетливо сознавая — браконьеров страшит отнюдь не пребывание в российских тюрьмах, а безвозвратная конфискация кораблей.

Подстегнутые волной всеобщего ажиотажа некоторые эксперты резонно задались вопросом: окажет ли досадный пограничный инцидент хоть сколько-нибудь значительное влияние на двухсторонние отношения? Нет, никакого. С аналогичным мнением выступил пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков [Песков заявил, что борьба...].

Самим браконьерам едва ли удастся избежать депортации на родину, где им заочно вынесен куда более суровый приговор. В попытках удержаться на плаву пхеньянский режим будет и дальше стремиться отгородить себя от любых «враждебных элементов», главным критерием для выделения которых сегодня выступает политическая лояльность. Так, с позиции руководства КНДР речь пойдет уже не о браконьерстве, а о вооруженном нападении на представителя власти, что в северокорейских реалиях является куда более серьезным преступлением. В то же время российские силовые структуры могут решить наказать рыбаков на месте: в случае незамедлительной выдачи их Пхеньяну разузнать что-либо об их дальнейшей судьбе будет крайне затруднительно.

Как утверждал К. В. Асмолов, все произошедшее — не более чем результат негласного консенсуса, достигнутого между российскими и северокорейскими властями: для решения настоящей проблемы необходимо кратно снизить уровень толерантности к браконьерам в российских водах. После российские пограничники получили неформальные указания «предпринимать жесткие действия» в ответ на любые браконьерские посягательства [Глазунова].

Вполне вероятно, что растущие опасения вынудят хотя бы часть капитанов проявлять должную осмотрительность и уважать чужие границы. Однако проблема нелегального лова так просто не растворится — во всяком случае, пока северокорейская экономика не выкарабкается из ее

современного плачевного состояния, преодолев хроническую стагнацию и тотальный упадок народного хозяйства.

Литература

Асмолов К. В. Об инциденте с северокорейскими браконьерами. URL: <https://ru.journal-neo.org/2019/10/02/ob-intsidente-s-severo-korejskimi-brakon-erami/> (дата обращения: 01.11.2019).

Глазунова Л. Северная Корея обратилась к браконьерству на безрыбье. Почему российские моря притягивают рыбаков-нелегалов из КНДР. URL: <https://news.ru/asia/severnaya-koreya-obratilas-k-brakonerstvu-na-bezrybje/> (дата обращения: 02.11.2019).

КНДР задержала российское судно с 17 морями. Что известно? URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49094445> (дата обращения: 04.11.2019).

Козлов Л. Е. Фактор КНДР в экономическом развитии Дальнего Востока России // Азия и Африка сегодня. 2018. № 4. С. 18–24.

Ланьков А. Н. Почему вокруг Северной Кореи стало так много кораблей-призраков. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78031> (дата обращения: 05.11.2019).

Песков заявил, что борьба с браконьерами из КНДР не испортит отношения РФ с Северной Кореей. URL: <https://www.interfax.ru/russia/678214> (дата обращения: 03.11.2019).

«Северокорейский вопрос»: почему рыбаки КНДР ходят в воды Приморья, как к себе домой. URL: <https://vostokmedia.com/article/general/30-08-2019/severokoreyskiy-vopros-pochemu-rybaki-kndr-hodyat-v-vody-primorya-kak-k-sebe-domoy> (дата обращения: 07.11.2019).

Эксперт: случаи браконьерства северокорейских рыбаков у берегов Приморья участились — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6897183> (дата обращения: 06.11.2019).

Shin Hyon-hee. N. K. sold fishing rights to China for \$30 m: NIS. URL: <http://nwww.koreaherald.com/view.php?ud=20160701000717> (дата обращения: 05.11.2019).

А. Е. Казанцев

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ПОНЯТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ЗАПАДЕ И В КИТАЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В условиях современных международных отношений и глобализации [Макеева, 2010, с. 15–23] региональные факторы влияния на общемировые процессы приобретают все большую актуальность. Ввиду этого возникает необходимость основательного изучения регионов мира, однако современная регионоведческая наука испытывает недостаток единой научной парадигмы, в частности, в отношении терминологии, что подтверждается в статье Н. С. Карачёвой и О. В. Кузнецовой [Карачева, Кузнецова, 2018, с. 19–22]. В данной статье предпринимается попытка поиска сходств и различий интерпретации одинаковых терминов западными и китайскими учеными с целью более целостного их понимания в контексте общемировой политической теории.

Понятия «партийная система» и «политическая партия» являются основополагающими при изучении политической системы страны, но, несмотря на универсальность данных понятий, ученые-политологи могут по-разному их интерпретировать.

Политическая партия является одним из ключевых понятий современной общественной науки. Т. В. Растимешина и

А. С. Елифанов отмечают, что партия (протопартия) как основная институциональная единица борьбы за власть и осуществления власти привлекала внимание еще античных исследователей. Исходя из латинской этимологии, слово партия обозначает часть целого, целостного организма. Так, еще Аристотель говорил о политических группах, образованных по критерию социальной принадлежности. Это может свидетельствовать о сущности античных партий, которые, по всей видимости, являли собой сплоченные коллективы, представляющие на различных «политических площадках» интересы разных слоев населения. Партия как группа сторонников властвующей или стремящейся к власти группы рассматривается в работах Н. Макиавелли. Вместе с началом современной истории партий, совпавшей с периодом становления буржуазии как политического класса и началом ее борьбы за власть, начался современный этап научной рефлексии партии как политического института. Об этом свидетельствуют работы Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо [Растимешина, Елифанов, 2017, с. 148].

Переходя к современному пониманию термина «политическая партия», следует отметить, что в западной науке это понятие может рассматриваться с точки зрения различных социальных дисциплин. В «Юридической энциклопедии» политическая партия — это независимое общественное объединение, имеющее устойчивую структуру и постоянный характер деятельности. Данное объединение выражает политическую волю своих членов и сторонников, ставит своими задачами участие в определении политического курса данного государства, в формировании органов государственной власти и управления, а также в осуществлении власти через своих представителей, избранных в представительные органы власти [Юридическая энциклопедия, 2012]. В словаре «Dictionary of sociology» политические партии определяются

как формальные объединения, представляющие цели и интересы разных социально-экономических сил в сфере политики [Marshall, 1998]. Вильям Кристиан и Гарольд Дженсен в статье «Party system» дают следующее определение: политическая партия — объединения, ставящие целью осуществление государственной власти и выдвигающие кандидатов на участие в политических выборах [Christian, Jansen].

Приведенные выше определения политической партии не исчерпывают многообразие подходов к этому понятию, однако дают определенное представление о том, как партия понимается в западных источниках. Обратившись к источникам китайским, мы обнаружим несколько иные тенденции.

В «Словаре партийного строительства» политическая партия определяется как политическое объединение, представляющее интересы определенного социального класса или социальной группы и ставящее целью получение и осуществление государственной власти посредством определенной политической программы [党的建设词典, 2009]. Авторы «Словаря современного китайского языка» дают такое определение: политическая партия — политическое объединение представляющих каждый социальный класс или социальную группу людей, осуществляющих борьбу за свои интересы [现代汉语词典, 2016]. Определение искомого понятия из китайских словарей соотносится с классическим марксистским определением политической партии и свидетельствует об истоках официальной идеологии КНР, а именно о социализме с китайской спецификой. Встает вопрос, актуально ли данное определение в современных реалиях КНР? Чжан Фагуй (张发贵), ученый-политолог Гуйчжоуского института социализма, в одной из своих статей поднимает данный вопрос. Он отмечает, что социализм с ходом истории совершил существенный шаг вперед, и в связи с этим в данный момент при наличии правящей коммунистической партии и нескольких

демократических партий, выполняющих консультативную функцию, «политическая партия» в Китае не обязательно должна являться объединением людей, представляющих определенный социальный класс и осуществляющих борьбу за его интересы, но может также быть частью одного ответственного объединения, преследующего общественного интереса, и не иметь при этом прямого доступа к власти. Из вышеизложенного следует, что многие основные характеристики политической партии в данной концепции нивелируются. Возникает вопрос: можно ли считать демократические партии Китая партиями, а его партийную систему многопартийной? Чжан Фагуй дает утвердительный ответ, мотивируя его реальными консультативными полномочиями данных партий, и не раз упоминает про китайский опыт многолетнего партийного сотрудничества [张发贵, 2004].

Переходя к понятию «партийной системы», следует отметить, что ее нередко характеризуют как важную часть политической системы, так как последняя подразумевает систему всех политических явлений, которые существуют в обществе [Бондарь, 2012, с. 59–61]. Для КНР понятия «партийной» и «политической систем» становятся еще ближе в силу значительной роли КПК в целом. Это отражается и в подходах исследователей различных мировых школ к определению политической системы в Китае [Кремнёв, 2014, с. 6–11].

Продолжая сравнительный анализ, в наиболее общем виде западные подходы к партийной системе как политическому институту можно увидеть в следующих определениях. Партийная система — «совокупность всех значительных партий в стране, их взаимодействие, а также (в некоторых случаях) порождающие ее избирательная система и постоянство избирательских симпатий» [Андерхилл, 2001]. Партийная система также может быть охарактеризована как совокупность политических партий, конкурирующих друг с другом за вы-

борные должности и право управлять государством [Katz, Crotty, 2005] или обладающих определенной организационной стабильностью и состоящих в институционально закреплённых конкурирующих отношениях [Parteiensystem].

В китайских источниках партийная система, в свою очередь, рассматривается как существующий в гражданском обществе ряд политических объединений, посредством которых в стране осуществляется политическая деятельность [政党制度]. Кроме того, в «Словаре партийного строительства» дается следующее определение: партийная система — осуществляющееся на основе установленных государством законов или сформированное в процессе общественной жизни взаимодействие политических партий с целью контроля политической власти или участия в политической жизни страны [党的建设词典, 2009].

Сопоставляя данные определения, нетрудно увидеть, что в китайской интерпретации, в отличие от западной, на конкуренции и какой-либо избирательной системе не делается акцента. Упоминания о них в китайских источниках являются результатом изучения западного политического опыта. Таким образом, анализ определений позволяет выявить сходства и различия трактовки одних и тех же терминов западными и китайскими исследователями. Для представителей западного общества существенной характеристикой «политической партии» является возможность овладеть государственной властью или принять непосредственное участие в политической жизни страны посредством политических выборов. Для китайских политологов данный критерий не является определяющим в связи с наличием одной правящей коммунистической партии.

Говоря о партийной системе КНР, стоит отметить, что данная система значительно отличается от других подобных систем. Основными особенностями данной системы являются: наличие девяти партий (Коммунистическая Партия Китая и восемь де-

мократических партий) при фактическом лидерстве КПК, отсутствие оппозиции и идеологических разногласий, определение законодательством степени участия демократических партий в политической жизни страны, а также наличие Народного политического консультативного совета Китая, обеспечивающего межпартийную коммуникацию. Основой партийной системы КНР является межпартийное сотрудничество, а не конкурентная борьба [Баринкова, Кремнёв, 2016, с. 220–221]. А. В. Баринкова и Е. В. Кремнёв в статье «К вопросу о типологических характеристиках партийной системы КНР» отмечают, что «в КНР существование политических партий и общественных организаций строго регламентировано. Все предложения и критические замечания выдвигаются и выслушиваются в рамках съездов КПК, демократических партий, съездов ВСНП или же НПКСК и т. д.», а также указывают на то, что оппозиция в Китае официально запрещена [Баринкова, Кремнёв, 2016, с. 220–225]. Из этого следует, что демократические партии Китая не имеют возможности получить прямой доступ к политической власти, их участие в политической жизни опосредовано. Окончательное решение относительно предложений или критических замечаний принимается коммунистической партией. Кроме того, ввиду необходимости сотрудничать с КПК демократические партии не имеют возможности в полной мере придерживаться демократических ценностей.

Н. В. Терехова пишет, что в последнее время Китай испытал огромное культурное влияние США. Это связано с необходимостью сотрудничать с внешним миром. Автор отмечает, что китайцы осваивают новое социокультурное пространство: «Очень многие социальные ценности китайцев под влиянием американской культуры трансформировались в некую новую социокультурную определенность, которая сочетает в себе противоречивое единство глобального и локального, модернистского и традиционного, рационального и интуитив-

но-мифологического, западного (американского) и восточного (китайского)» [Терехова, 2005, с. 100–101]. Данное явление может свидетельствовать о попытке китайского социума перенять западные демократические ценности и адаптировать их под свою политическую систему. Об этом свидетельствуют изменения партийной системы Китая в последние десятилетия: с 1980-х годов, когда демократические партии были возвращены на политическую арену, их роль в обсуждении значимых вопросов постоянно усиливается, как и роль организации, через которую они осуществляют свою деятельность — Народного политического консультативного совета.

Насколько китайская партийная система изменится в ближайшие десятилетия под влиянием глобальных ценностей — открытый вопрос. Сегодня же, как видно из приведенных в статье определений, трактовка китайцами основных терминов политической сферы по-прежнему значительно отличается от западных.

Литература

Андерхилл Д. Политика. Толковый словарь / гл. ред. И. М. Осадчая. М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001. — 239 с.

Баринкова А. В., Кремнёв Е. В. К вопросу о типологических характеристиках партийной системы КНР // Китай: история и современность: Материалы IX Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 22–23 октября 2015 г.) / отв. ред. С. В. Смирнов. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 220–225.

Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 59–61.

Карачёва Н. С., Кузнецова О. В. К вопросу о необходимости системного подхода в регионоведческих исследованиях // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 26 апреля 2018 г.). Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018. С. 19–22.

Кремнёв Е. В. Политическая система и политический режим в КНР на современном этапе: подходы к определению // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. № 1 (13). С. 6–11.

Макеева С. Б. Особенности социологического осмысления процесса глобализации современного мирового сообщества // Сборник статей по итогам научно-исследовательской работы института социально-политических систем Читинского государственного университета за 2009–2010 гг. Чита: ЧитГУ, 2010. С. 15–23.

Растимешина Т. В., Епифанов А. С. Политические партии: основные подходы к определению понятия, природа и функции // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 1 (13). С. 148–158.

Терехова Н. В. Время синтеза: траектории влияния американской культуры на современное китайское общество // Успехи современного естествознания. 2005. № 2. С. 100–101.

Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. 6-е изд. М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2012. — 1088 с.

Katz R., Crotty W. Handbook of party politics. Thousand Oaks: SAGE Publications Ltd, 2005. — 640 p.

Marshall G. Dictionary of sociology. New York: Oxford University Press, 1998. — 720 p.

Parteiensystem // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <http://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/handwoerterbuch-politisches-system/202087/parteiensystem?p=all> (дата обращения: 29.11.2019).

Christian W., Jansen H. Party system // The Canadian encyclopedia. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/party-system> (дата обращения: 29.11.2019).

党的建设词典 . 中共中央党校出版社, 2009. — 664 页.

现代汉语词典 /中国社会科学院语言研究所词典编辑室. — 商务印书馆出版社, 2016. 1800 页.

张发贵. 对当代政党概念与政党性质的思考 [文本] /责任编辑: 夏钰敏. - 贵阳: 贵州省社会主义学院出版社, 2004. 第 41–43 页.

政党制度 [网站] // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/政党制度> (29.11.2019).

И. Г. Тетеркина
(Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург, Россия)

РАЗВИТИЕ РЫНКА ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ ВЬЕТНАМА

В XXI веке с учетом постоянного сотрудничества стран в различных областях, а именно экономике, культуре, науке и т. д., а также улучшения уровня жизни людей происходит активное развитие как внутреннего, так и международного туризма. Это путешествие, совершаемое человеком в его свободное время с познавательными, оздоровительными, религиозными, спортивными, профессионально-деловыми и другими целями. Туризм отличен тем, что это лишь временный выезд за пределы повседневной среды обитания, не предполагающий ведения оплачиваемой деятельности в пункте назначения. [Винокуров, 2004, с. 19]. Данная активность позволяет совместить отдых с открытием чего-либо нового. Именно поэтому для туризма очень интересна такая страна, как Вьетнам.

Данная тема поднимается в большом количестве статей, как иностранных, так и отечественных. Она затрагивалась в работах таких авторов, как В. В. Стрельцов, Х. Х. Нгуен, К. Х. Нгуен, В. Н. Хо и др. с различных сторон. Данная статья была написана для структурирования и освещения важнейших причин, оказывающих влияние на сектор услуг Вьетнама, а также для отображения состояния туризма в нынешнее время, с использованием современных данных и методов исследований.

Вьетнам — это страна, расположенная в Юго-Восточной Азии на побережье Южно-Китайского моря. Государство примечательно для туризма своей прекрасной природой, интересной историей, древними культурными памятниками, хорошими отелями с качественным сервисом, низкими ценами и различными видами отдыха и развлечений.

Повышенный спрос на туристические услуги в первую очередь связан с географическим положением страны. Вьетнам находится в восточной части полуострова Индокитай и полностью омывается Южно-Китайским морем. Расположение страны на рубеже различных природных зон обеспечивает ее разнообразием природных условий, которое привлекает в государство большое количество туристов. Преимущественно горный рельеф характеризуется почти полностью покрытой горами, плато и плоскогорьями восточной частью. По горным хребтам проходят границы Вьетнама с Китаем, Лаосом и Камбоджей. Что касается береговой линии, вдоль нее узкой полосой простилаются равнины. Вьетнаму также принадлежат острова и архипелаги. Страна разделена на две климатические зоны. На севере климат субтропический муссонный, характеризующийся мягкой и сухой зимой и жарким и влажным летом. Южная часть Вьетнама отличается тропическим климатом: жаркая зима и сезон дождей с конца весны по начало осени. Что касается минусов географического положения страны, она, как и многие азиатские государства, не застрахована от стихийных бедствий. Во время сезона дождей в центральных районах Вьетнама часто бушуют тайфуны, с которыми связаны продолжительные ливни, а также беспокойное море, которое выносит мусор на берега. Тайфуны также являются частой причиной наводнений.

Благодаря своему географическому положению Вьетнам имеет все условия для развития пляжного туризма. Страна является одним из лучших мест для отдыха благодаря сочета-

нию чистых уникальных и интересных курортных зон и приятного климата. Также активно развивается спортивный туризм: дайвинг, снорклинг и рыбалка. Уникальные природные условия способствуют увеличению популярности экологического туризма. Интересные достопримечательности Вьетнама содействуют развитию культурно-познавательного туризма. Что касается наименее развитых, но тем не менее имеющих в государстве туристических специализаций, это лечебно-оздоровительный и деловой туризм.

Также огромное влияние на развитие сектора туризма оказывают объекты всемирного наследия ЮНЕСКО. Уникальные культурные и природные объекты дают шанс сбегать в особые природные условия и культурные памятники, которые демонстрируют богатства природы и человеческие возможности. Во Вьетнаме их расположено восемь, что привлекает в страну миллионы человек каждый год. В стране находятся все виды уникальных объектов: природные, культурные и смешанные. Исторический город Хойан и комплекс памятников Хюэ в полной мере отражают быт и местные традиции как Вьетнама, так и Юго-Восточной Азии в целом. Святилище Мишон, цитадель династии Хо и Императорская цитадель Тханг Лонг воплощают культурное влияние на развитие страны различных азиатских религий и государств. Что касается природных объектов, а именно, Национального парка Фонгня-Кебанг и Бухты Ха-Лонг, они представлены тропическими лесами и карстовыми плато с разнообразными геологическими проявлениями, а также живописнейшим благодаря разбросанным на мелководье скалистым известняковым островкам приморским ландшафтом. Также создает благоприятные впечатления единственный смешанный объект всемирного наследия ЮНЕСКО Вьетнама — ландшафтный комплекс Транг. Это место сочетает в себе ландшафт известняковых карстовых вершин, пронизанных долинами, многие

из которых окружены крутыми, почти вертикальными скалами, и храмы, пагоды, рисовые поля и небольшие деревни, что очень впечатляет [Официальный сайт всемирного наследия ЮНЕСКО]. Для оценки уровня значимости всемирного наследия ЮНЕСКО Вьетнама автором был проведен расчет плотности объектов, который равен 28. Данный показатель отражает соотношение количества объектов ЮНЕСКО к площади территории и численности населения страны. Для страны данный результат является средним, но не плохим.

Для сектора туризма также важен уровень экономического развития страны. Реформы с начала эпохи Дой Мой в 1986 году и строгая приверженность макроэкономической стабильности заложили основу для динамичного роста ВВП, который в 2012 году составлял 5,2% и достиг 6,8% в 2017 году. На 2017 год показатель составил 223,837 миллионов долларов США, а ВВП на душу населения — 2390 долларов США [Статистический ежегодный сборник АСЕАН за 2018 год]. Динамика роста второго показателя отражена на рисунке 1.

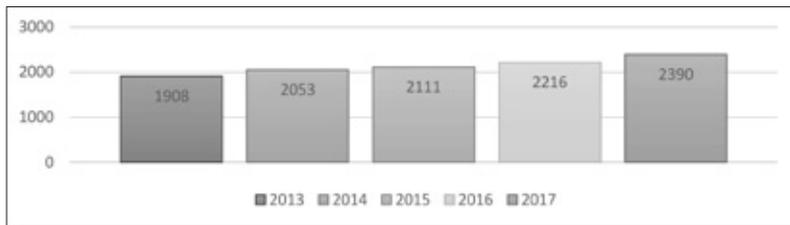

Рисунок 1. Динамика ВВП на душу населения (2013–2017). Составлено автором на основе данных источника: Статистический ежегодный сборник АСЕАН за 2018 год

Для более точного отражения уровня экономического развития государства были проанализированы три международных рейтинга за 2018 год. Индекс глобальной конкурентоспособности дает оценку микроэкономическим и макроэко-

номическим основам национальной конкурентоспособности, которые выступают как совокупность институтов политики и факторов, определяющих уровень производительности в стране. Оценка дается по четырем основным факторам — создание благоприятных условий, человеческие ресурсы, рынки и инновационная экосистема. В рейтинге Вьетнам занимает 55 позицию в мире, что является средним показателем [Всемирный экономический форум: доклад о глобальной конкурентоспособности 2017–2018]. Второй анализируемый рейтинг — уровень экономической свободы. В нем государство занимает 128-е место в мире, набрав 55,3 балла [Фонд «Наследие»]. Экономика страны получила выгоду от новых глобальных системных поставок, развитие которых происходит в результате продолжающейся торговой напряженности между США и Китаем. Рекомендации, которым Вьетнаму следует придерживаться для дальнейшего роста, — это реформирование государственных предприятий, упрощение бюрократических операций, повышение признания прав частной собственности. Также важно рассмотрение рейтинга *doing business*, в котором наглядно отражается влияние уровня экономической свободы на страну. В нем Вьетнам занимает 69-е место в мире, что является показателем ниже среднего [Всемирный банк].

Большая часть сферы услуг Вьетнама приходится на туризм. Доля этого сектора в ВВП страны составляет 9,2%, а доля занятых в секторе 7,4% [Всемирный совет по туризму и путешествиям] В сравнении с другими странами Юго-Восточной Азии данный показатель также является невысоким, что связано с некоторыми проблемами, такими как низкий уровень обеспечения инфраструктурой, визовая политика и др.

Для развития сферы также очень важен уровень обеспеченности стран туристической инфраструктурой. Говоря о ней, нужно знать, что это совокупность различных учрежде-

ний и сетей, которые обеспечивают потребности путешественников в процессе туристической деятельности. Одними из важнейших для данного сектора услуг является транспорт, Интернет и мобильная связь. Именно поэтому автором была проанализирована обеспеченность Вьетнама данными видами инфраструктуры. Что касается Интернета, доля его пользователей в стране на 2016 год составляла 52,7%, что является средним показателем. С мобильной связью в стране дела обстоят гораздо лучше, количество абонентов на 100 человек в 2017 году составило 125. Коэффициент Энгеля у Вьетнама составляет 1,1, что говорит о среднем уровне развития транспортной инфраструктуры среди стран Азии и низким в сравнении с миром [Официальный сайт ЦРУ США].

Что касается гостиничного рынка Вьетнама, он все еще находится на стадии развития. Рост международных гостиничных брендов значительно увеличился за последние годы. Страна настроена на перспективу открытия множества новых отелей в ближайшие годы. Пока что лишь 1% гостиниц — местные бренды, а 12,1% всех гостиничных номеров являются собственностью филиалов международных сетей. Самая большая сеть по количеству отелей — Ассог. Она имеет 24 здания и 5448 гостиничных номеров. Между тем, Vinpearl доминирует среди местных сетей с 7129 номерами в 19 отелях [Horwath HTL].

Говоря о туристической политике Вьетнама, еще в начале 2011 года правительством страны был опубликован документ, который называется «Стратегия развития туризма Вьетнама до 2020 года, видение до 2030 года», направленный на развитие рассматриваемой отрасли как главного двигателя экономического роста страны. Данный план ориентирован на подготовку специалистов, развитие рынка туристических услуг, создание бренда территории, улучшение инфраструктуры и туристических продуктов и услуг с учетом местных культур-

ных особенностей. Главной целью является превращение этой сферы в ключевую уже к 2020 году, а также появление развитого сектора туризма к 2030 году. План действий по данному документу содержит в себе четыре важных пункта — совершенствование институтов, механизмов и политики, а также улучшение государственного управления в сфере туризма; разработка стратегий туризма; планирование и инвестирование в секторе; реализация уже готовых программ [Правительственный сайт Вьетнама].

Что касается визовой политики, важно отметить, что она является достаточно простой и доступной. С 1 февраля 2017 года электронная виза, которая стоит всего 25 долларов США, доступна для населения из 40 стран Азии, Европы и Америки. Они выдаются через систему электронных транзакций, являются однократными визами со сроком действия 30 дней [Национальная администрация Вьетнама по туризму: официальный сайт по туризму].

За последние десятилетия индустрия туризма значительно продвинулась вперед благодаря кампании «Вьетнам — вечное очарование». Ее логотипом стало изображение лотоса, символизирующее красоту Вьетнама и местного народа. Пять его разноцветных лепестков означают очарование и «расцвет» туризма Вьетнама. Цвета указывают на разнообразие туристических продуктов Вьетнама и впечатления прибывших: синий — морской и островной туризм, зеленый — экологический и природный, оранжево-желтый — культурный и исторический туризм, фиолетовый — приключенческий туризм и розовый — цвет гостеприимства вьетнамского народа. Образ цветущего лотоса представляет собой новый этап развития туристической отрасли Вьетнама. Запуск нового бренда территории сыграл важную роль в осведомленности туристов о стране в полной мере [Национальная администрация Вьетнама по туризму: Вьетнам — вечное очарование].

Количество иностранных прибытий во Вьетнам с каждым годом растет все больше. На 2018 год Национальной администрацией туризма Вьетнама было зарегистрировано 15 млн человек. Самое большое количество приехавших насчитывается из стран Азии — около 12 млн человек. Это связано с небольшим расстоянием между странами, а следовательно, с дешевизной данного направления. На втором месте по количеству прибытий находятся страны Европы, из них приезжает около 2 млн человек. Данный факт обусловлен тем, что Вьетнам — бывшая колония. На третьем месте Америка с 830 тыс. человек, на четвертом — Океания с 403 тыс. человек. Последнее место по международным прибытиям занимает Африка. С данного континента приезжает во Вьетнам лишь 38 тыс. человек [Национальная администрация Вьетнама по туризму: международные прибытия во Вьетнам в 2018 году]. Динамика международных туристических прибытий в страну отражена на рисунке 2.

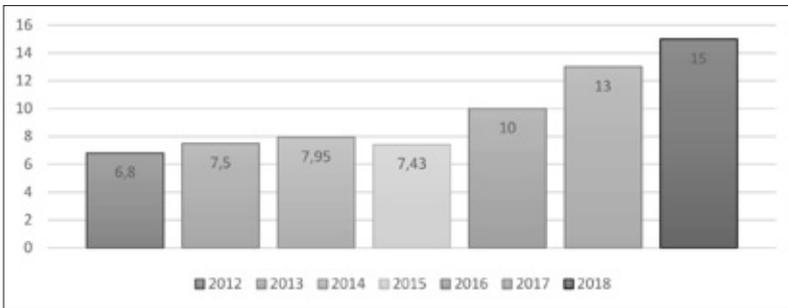

Рисунок 2. Динамика международных туристических прибытий во Вьетнам (млн чел., 2012–2018). Составлено автором на основе данных источника: Национальная администрация Вьетнама по туризму: международные прибытия во Вьетнам в 2018 году

Также увеличилась популярность внутреннего туризма. За 2018 год, по данным Национальной администрации туриз-

ма Вьетнама, было зафиксировано около 80 млн человек. Еще в 2014 году насчитывалось около 38 млн человек, что говорит о росте спроса на данный вид туризма [Национальная администрация Вьетнама по туризму: внутренние прибытия во Вьетнам в 2018 году]. Динамика внутренних туристических прибытий в страну отражена на рисунке 3.

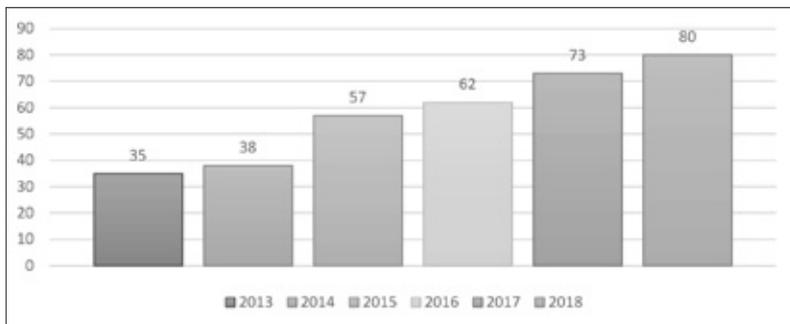

Рисунок 3. Динамика международных туристических прибытий во Вьетнам (тыс. чел., 2013–2018). Составлено автором на основе данных источника: Национальная администрация Вьетнама по туризму: внутренние прибытия во Вьетнам в 2018 году

Значимость для туристических услуг добавляет наличие в регионе глобальных городов-дестинаций. Они являются одними из самых посещаемых в мире. С каждым годом число прибывших в них туристов растет. Три вьетнамских города входят в сотню посещаемых глобальных городов-дестинаций мира на 2018 год. Это Хошимин, прибытия в который на 2018 год составили 5824,5 тыс. человек, Ханой — 4644 тыс. человек, Халонг — 4480 тыс. человек [Euromonitor International]. Также был рассчитан показатель интенсивности путешествий в данных городах-дестинациях за 2018 год, который позволяет определить, какие перспективы имеет там индустрия туризма. Данный показатель Хошимина составляет 73,

а Ханоя — 60, что означает незначительное преобладание количества туристов над численностью населения. Исключением является Халонг с результатом 1490.

Важным показателем, отражающим уровень развития сектора, является рейтинг глобальной туристической конкурентоспособности, в котором Вьетнам занимает 67-ю позицию [Всемирный экономический форум: доклад о глобальной туристической конкурентоспособности за 2017 год]. Основой успеха страны являются природные и культурные ресурсы и ценовая конкурентоспособность. Также государство достигло значительного прогресса в компоненте людских ресурсов и рынка труда благодаря улучшению квалификации рабочей силы и частично упрощенного регулирования найма иностранной рабочей силы. Также были улучшены и стали более устойчивыми передовые технологии в стране. Рост экономического развития привел к увеличению количества деловых поездок. Для дальнейшего развития конкурентоспособность сектора туризма и путешествий Вьетнам должен сосредоточиться на таких экологических проблемах, как высокие уровни выбросов в атмосферу, обезлесение и ограниченная водоочистка.

Таким образом, рост популярности рассматриваемой сферы услуг во Вьетнаме вызван такими факторами, как благоприятное географическое положение, ускоренное социально-экономическое развитие государства, улучшение туристической инфраструктуры, а также создание новой улучшенной концепции бренда территории, большое количество объектов всемирного наследия ЮНЕСКО и интеграция с другими странами.

Перспективы развития рынка туристических услуг в стране с каждым годом становятся все лучше благодаря проводимой туристической политике, которая включает в себя такие важные моменты, как улучшение инфраструктуры,

привлечение инвестиций, разработка планов и стратегий и т. д. Уже на данный момент сектор туризма перегнал официальные прогнозы, зафиксированные в документе «Стратегия развития туризма Вьетнама до 2020 года, видение до 2030 года».

Литература

Винокуров М. А. Что такое туризм? // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2004. Вып. 3. С. 19–24.

Всемирный банк: Doing business рейтинг стран благоприятности условий ведения бизнеса за 2018 год. URL: <http://russian.doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения: 30.10.2019).

Всемирный совет по туризму и путешествиям: анализ стран по туристической деятельности за 2018 год; Вьетнам. URL: <file:///C:/Users/itistr/Downloads/VietNam2019.pdf> (дата обращения: 16.11.2019).

Всемирный экономический форум: доклад о глобальной конкурентоспособности за 2017–2018 годы. URL: <http://clc.am/F8EdXQ> (дата обращения: 29.10.2019).

Всемирный экономический форум: доклад о глобальной туристической конкурентоспособности за 2017 год. URL: <http://clc.am/9yuuPg> (дата обращения: 29.10.2019).

Журнал «Вьетнам брифинг»: Продолжение роста сектора туризма во Вьетнаме в 2018 году. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnams-tourism-industry-continues-growth-2018.html/> (дата обращения: 15.11.2019).

Международный валютный фонд: Вьетнам 2019 год. URL: <file:///C:/Users/itistr/Downloads/1VNMEA2019002.pdf> (дата обращения: 16.11.2019).

Национальная администрация Вьетнама по туризму: внутренние прибытия во Вьетнам в 2018 году. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/english/index.php/items/10259> (дата обращения: 15.11.2019).

Национальная администрация Вьетнама по туризму: Вьетнам — вечное очарование. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/english/index.php/items/4294> (дата обращения: 16.11.2019).

Национальная администрация Вьетнама по туризму: международные прибытия во Вьетнам в 2018 году. URL: <http://www.vietnam-tourism.com/en/index.php/news/items/15150> (дата обращения: 15.11.2019).

Национальная администрация Вьетнама по туризму: официальный сайт по туризму во Вьетнаме. URL: <https://vietnam.travel/> (дата обращения: 27.10.2019).

Официальный сайт всемирного наследия ЮНЕСКО: список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 03.11.2019).

Официальный сайт ЦРУ США, раздел World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/> (дата обращения: 16.11.2019).

Правительственный сайт Вьетнама: Стратегия развития туризма Вьетнама до 2020 года, видение до 2030 года. URL: <http://www.chinhphu.vn/portal/page/portal/English/strategies/strategiesdetails?categoryId=30&articleId=10051267> (дата обращения: 30.10.2019).

Статистический ежегодный сборник АСЕАН за 2018 год. URL: <https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2019/01/asyb-2018.pdf> (дата обращения: 30.10.2019).

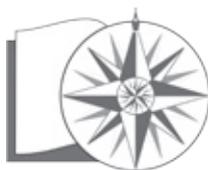
Туристическая Ассоциация «Мир без границ»: Во Вьетнаме открылся офис Visit Russia. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/vietname-otkrylsya-otis-visit-russia> (дата обращения: 29.10.2019).

Фонд «Наследие»: рейтинг стран по индексу экономической свободы за 2019 год. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 15.11.2019).

Euromonitor International: Рейтинг направлений мира Top 100 City Destinations на 2018 год. URL: <http://clc.am/dTWK8A> (дата обращения: 31.10.2019).

Horwath HTL: Доклад о гостиничных сетях и отелях Азии за 2018 год. URL: <https://www.hospitalitynet.org/file/152008555.pdf> (дата обращения: 15.11.2019).

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**

**Отражение региональных процессов
в политическом, медийном,
социальном дискурсах**

Н. М. Вейнберг, В. А. Колчина
(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

СТРУКТУРА НОВОСТНЫХ ЗАМЕТОК НА ТЕМУ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЯПОНСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

История российско-японских отношений имеет глубокие корни. Отношения между странами начались еще во второй половине XVII столетия, когда русские корабли достигли берегов провинций Рикудзэн и Ава закрытой от контактов с другими странами Японии. Первым российско-японским договором о дружбе стал Симодский трактат, подписанный в 1855 году после окончания политики самоизоляции Японии, длившейся с 1641 по 1853 год. Согласно трактату, крупнейший остров Итуруп, входящий в Курильскую гряду, целиком отходил Японии. Следующим соглашением о российско-японских отношениях стал Санкт-Петербургский договор, подписанный 1875 году. В нем оговаривалось, что Россия отказывается в пользу Японии от всех Курильских островов к северу от Урупа в обмен на Сахалин. Однако в 1918 году Япония приняла участие в оккупации Сибири и Дальнего Востока, тем самым нарушив Портсмутский мирный договор, завершивший русско-японскую войну в 1905 году [Киреев, 2017, с. 35].

Несмотря на то, что наши страны поддерживают активные культурные, научные и дружеские связи, спор о

принадлежности Курильских островов остается открытым, что замедляет развитие отношений между государствами. Поскольку вопрос о принадлежности Курильских островов является одним из ключевых в российско-японских отношениях, данная тематика находит отражение в СМИ, в том числе в электронном медиaprостранстве.

Исходя из того, что мы изучаем тексты, имеющие отношение к новостям из мира политики, считаем необходимым дать определение политического дискурса в СМИ. О. В. Сулина предлагает следующую трактовку данного термина: «Политический медиадискурс — это коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [Сулина, 2014, с. 221]. В нашей работе мы придерживаемся этого определения и предполагаем, что политический медиадискурс является многоаспектным и многоплановым явлением, которое реализуется в СМИ с помощью различных новостных жанров. К наиболее популярным жанрам СМИ в целом, а также исследуемых нами японских электронных СМИ относятся новостная заметка, аналитическая статья, репортаж, интервью.

Одной из важных особенностей политического дискурса СМИ является то, что издатель или автор выступают в качестве посредника между политическими деятелями, происходящими событиями и читателем, сообщаящим о политической обстановке и коммуникатором политиков и массовой аудитории. Таким образом, с помощью электронных материалов, размещенных в СМИ, посвященных российско-японским отношениям, читатель может сформировать свое представление о международных отношениях России и Японии.

В качестве материала исследования мы используем японские новостные заметки, освещающие события, касающиеся

территориального спора между Японией и Россией по поводу принадлежности Курильских островов, опубликованные в таких электронных новостных изданиях (газетах), как «The Hochi Shimbun», «The Mainichi Newspapers», «The Daily Shincho». По определению В. В. Ворошилова, «заметка — это простейшая форма оперативного газетного сообщения, в основе которой лежит злободневный, оперативный, общественно значимый факт» [Ворошилов, 2010, с. 66]. В отношении электронных СМИ мы можем предположить, что заметка — оперативное сообщение о событиях, носящее чисто информационный характер и отвечающее на вопросы: что? где? когда? зачем? почему?

Стандартная структура новостной заметки строится по принципу «перевернутой пирамиды». В основе данного принципа лежит построение информации по убыванию, то есть от главной информации до второстепенной [Степанова, Бобровская, 2015, с. 336]. Такая «пирамида» состоит из пяти частей [Aptxt.com]. Первой частью «перевернутой пирамиды» является заголовок, в котором кратко и емко освещается то, о чем будет говориться в тексте. Центральной частью — первый абзац (далее — лид), где размещается информация, вводящая реципиента в суть заметки. Лид — это не просто абзац статьи, а первый абзац, информативный фрагмент, позволяющий ввести читателя в атмосферу события на данном материале [Фаткуллин, Эшкерат, 2016, с. 159]. Следующие две части «перевернутой пирамиды» (основную и дополнительную) мы посчитали возможным объединить, поскольку важная и дополняющая информация пересекаются между собой и непосредственно примыкают к границам друг друга, состоят из основного текста, в котором располагаются важные факты и дополнительные сведения. Завершающая часть «перевернутой пирамиды» — информация второго плана, краткое упоминание предыдущих событий. Такой тип

построения информации в СМИ необходим для того, чтобы заинтересовать реципиента и побудить его дочитать заметку полностью.

Заметки, представленные в электронных японских СМИ, относятся к информационному жанру и отвечают на главные вопросы: что произошло или будет происходить, в каком месте, какого месяца, числа и года. Таким образом, первой частью в заметке является заголовок, который передает главную мысль текста. Заголовок отражает краткое содержание и включает в себя только часто употребляемые слова, например:

— 【佐藤優コラム】北方領土の交渉、官邸主導が加速 ([Колонка Сато Масару] Официальная резиденция премьер-министра Японии взяла инициативу, переговоры по поводу северных территорий ускорились) [The Hochi Shimbun, 24.09.2019];

— 茂木外相、ロシアのラブロフ外相と初会談 平和条約締結交渉の進め方協議 (Министр иностранных дел Японии Мотэги и министр иностранных дел России Лавров впервые встретились, чтобы обсудить порядок переговоров о заключении мирного договора) [The Mainichi Newspapers, 26.09.2019];

— 北方領土返還は絶望的...官邸主導と閣僚人事で頭を抱える外務省 (Возвращение северных территорий безнадежно... Официальная резиденция премьер-министра Японии и кабинет министров взяли инициативу, министерство иностранных дел не знает, что делать) [The Daily Shincho, 18.09.2019].

После заголовка следует лид, посредством которого концентрируется внимание аудитории, кратко излагается содержание текста. Лиды представляются несколькими видами: основной, эпизодичный, цитатный, резонансный. В нашем исследовании значимым будет эпизодичный лид, который вводит нас в курс дела и раскрывает ситуацию,

сообщая, где и когда произошло событие, кто в нем участвовал [Черникова, 2005, с. 142]:

— 北方領土交渉でロシア側のキーマンの一人がパトルシェフ安全保障会議書記だ (Одной из ключевых фигур российской стороны на переговорах по северным территориям был Генеральный секретарь Совета Безопасности РФ Патрушев) [The Hochi Shimbun, 24.09.2019];

— 両氏は北方領土問題を含む平和条約締結交渉の進め方を協議した。茂木敏充外相は25日午後 (日本時間26日午前)、米ニューヨークでロシアのラブロフ外相と会談した (В Нью-Йорке днем 25-го сентября (по японскому времени вечером 26-го) Мотэги Тосимацу, министр иностранных дел Японии, провел переговоры с главой МИДа РФ Сергеем Лавровым) [The Mainichi Newspapers, 26.09.2019];

— 今月5日、ロシアのウラジオストクで開かれた日露首脳会談。官邸が4島返還から2島返還に方針転換をしてから1年近くが経つが、今回も成果ゼロに終わったのはご承知の通り (Пятого сентября в России, Владивостоке состоялся российско-японский саммит. Прошел почти год с тех пор, как официальная резиденция изменила свою политику с возвращения четырех островов на возвращение двух островов, но, как вы знаете, и на этот раз результаты были нулевыми) [The Daily Shincho, 18.09.2019].

Третья и четвертая часть структуры заметки, представленной в виде «перевернутой пирамиды», состоит из основной и дополнительной информации о произошедших событиях. Посредством японских электронных медиа сообщаются факты: даты заседаний, результаты прошлых событиях, ответные действия государств, направленные на решение вопроса. Суждения участников и наблюдателей событий излагаются в виде комментариев:

— はっきり言って北方領土の返還は絶望的。ロシア国内では、プーチンの支持率が20%近く下落しており、返還

に应じれば、致命傷になりかねない。今回先方は、日米安保条約に加えてイージス・アショアの配備にまで文句をつけてきた。日本にとっては到底のめない条件で、プーチンに返還する気がないのは明白です (Говоря откровенно, возвращение северных территорий безнадежно. В России рейтинг Путина понизился примерно на 20%, если он согласится на возвращение островов, возможно, для него это станет «смертельным» ударом. В дополнение к японо-американскому договору о безопасности на этот раз мы также жаловались на развертывание американской противоракетной обороны на берегах. В условиях, которые неизбежны для Японии, понятно, почему Путин не хочет их возвращать) [The Daily Shincho, 18.09.2019].

Последняя часть структуры новостной заметки является завершающей. На этом этапе акторы СМИ в исследуемых заметках информируют реципиентов о результатах дискуссий, к которым пришли обе стороны путем высказывания предположений относительно территориальных споров:

— ロシアは北村氏のインテリジェンス・オフィサーとしてのプロフェッショナリズムを評価している。今後、官邸主導の北方領土交渉が加速することになろう。外務官僚が交渉をサボタージュしないように首相官邸が厳しく監視する必要がある (Россия высоко ценит профессионализм Китамуры как офицера разведки. В будущем переговоры по северным территориям под руководством премьер-министра ускорятся. Официальная резиденция премьер-министра должна тщательно следить, чтобы иностранные бюрократы не могли саботировать переговоры) [The Hochi Shimbun, 24.09.2019];

— 共同経済活動のうち観光ツアーの試験事業を10月に予定しており、茂木氏は「成功裏に実施して次につなげたい」と語った (Совместная экономическая деятельность запланирована на 10 мая, и господин Моги сказал, что «мы хо-

тим успешно реализовать проект и подключить его к следующему») [The Hochi Shimbun, 24.09.2019].

Проанализировав представленные выше материалы, мы можем прийти к выводам, что политический дискурс СМИ в изученных нами японских электронных заметках строится по общему принципу размещения информации «перевернутой пирамиды» и состоит из заголовка, лида, основного текста, дополнения и заключения. В заголовках заметок японских электронных газет, посвященных спорному территориальному вопросу, дается лаконичная информация о главной мысли текста, тем самым заметка фокусирует внимание на важных деталях и побуждает реципиента прочитать ее до конца. В отличие от второй части стандартной структуры «перевернутой пирамиды», в лидах японских заметок не сообщается новая информация, а упоминаются предыдущие ключевые события. В двух следующих частях указывается дополнительная информация, вкратце излагаются предыдущие прецеденты события, приводятся мнения наблюдателей и участников в виде комментариев. Последняя часть структуры заметки содержит информацию о результатах переговоров, также в ней приводятся предположения о том, какими способами можно решить территориальный спор.

Таким образом, структура японской и русской новостных заметок представляется схожей по приведенным выше характеристикам. При этом основное отличие заключается в содержании лидов новостных заметок: японские СМИ предлагают читателю обобщенную информацию о предыдущих событиях перед изложением актуальной новости, а российские СМИ резюмируют предыдущие события в итоговой части новостной заметки.

Литература

Ворошилов В. В. Журналистика. Изд. 7-е. М.: КНОРУС, 2010. — 496 с.

Киреев А. А. Российско-японские отношения вокруг Южных Курил: история, современное состояние, варианты развития // Известия Восточного института. 2017. Т. 4. № 36. С. 35–47.

Степанова Н. С., Бобровская И. С. Понятие «новость» и структура новостного сообщения // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: Материалы науч. конф. Курск, 21–22 мая. 2015 г. Курск, 2015. С. 334–338.

Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217–222.

Фаткуллин Р. И., Эшкерат А. М. Лид и его виды в журналистике // Юность Большой Волги. Чебоксары, 2016. С. 159–162.

Черникова Е. В. Основы творческой деятельности журналиста. М.: Гардарики, 2005. — 255 с.

Aptxt.com. 06.01.2016. URL: https://kak-napisat-ponyatnyj-novostnoj-tekst-i-ne-tolko.html?doing_wp_cron=1496577403.8468079566955566406250 (дата обращения: 10.11.2019).

The Daily Shincho. URL: <https://www.dailyshincho.jp/article/2019/09180557/?all=1> (дата обращения: 10.11.2019).

The Hochi Shimbun. URL: <https://hochi.news/articles/20190924-OHT1T50155.html> (дата обращения: 10.11.2019).

The Mainichi Newspapers. URL: <https://mainichi.jp/articles/20190926/k00/00m/030/204000c> (дата обращения: 10.11.2019).

В. В. Калинина

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

**ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ
ДОНАЛЬДА ТРАМПА
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РОССИИ)**

В 2017 году пост президента США занял Дональд Трамп, человек, далекий от политики. Трамп позиционирует себя как «самофинансирующий бизнесмен, который ладит со всеми». В своих предвыборных речах он подчеркивает мысль, что он не типичный политик, а тот, кто профинансировал собственную избирательную кампанию и действует независимо от установленной политической и экономической власти. 45-й президент США обещал нормализовать отношения с Россией, сотрудничать для совместной борьбы с ИГИЛ и выстроить хорошие отношения с президентом Владимиром Путиным. Трамп представляет себя радикалом и «антисистемной личностью» и постоянно использует социальные сети, такие как Твиттер и Фейсбук, для создания заголовков, которые мгновенно освещаются СМИ по всему миру. В отличие от остальных президентов США он ведет себя естественно, словно не подозревая, что его снимают на камеру и записывают на диктофон. Тем не менее, на просторах интернета можно найти многочисленные высказывания Трампа, в том числе и о России. Чем же отличается действующий президент от своих предшественников? Каковы особенности его стиля общения?

Для того чтобы выявить дискурсивные особенности политической риторики Дональда Трампа, необходимо определить, что мы понимаем под дискурсом. Дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 136]. Дискурс связан с использованием языка в социальном и культурном аспектах, поэтому невозможно изучать его в отрыве от общества, порождающего дискурс. Дискурс считается когнитивным образованием на том основании, что он не просто информативен, а связан с познавательной деятельностью людей и с фиксацией определенных структур знания о реальном или воображаемом мире [Кубрякова, 2004, с. 513]. Предметом современных лингвистических исследований выступают различные виды дискурса: рекламный, экологический, медийный, политический.

Дискурсивный анализ политической риторики Трампа будет полезен не только в целях ознакомления со стилем речи Трампа, но и с целью лучше узнать его личность. Посредством предлагаемых примеров представляется возможным получить первое представление о том, кто такой мистер Трамп и каковы его главные проблемы, амбиции, симпатии и антипатии. Выделим основные характеристики политического дискурса Дональда Трампа на примере его высказываний о России.

Возвращаясь с саммита АТЭС, проходившего в Дананге в октябре 2017 года, Трамп дал интервью журналистам о своей беседе с Путиным во время саммита. На вопрос о том, как прошла их беседа, Трамп ответил:

«It's going to save tremendous numbers of lives. And we did that very quickly. We agreed very quickly.

As you know, we saw each other last night just for a picture, and that was the first time. And then today we had a round table with numerous countries. You have a list of the countries, obviously. Right? You have a list.

And we spoke intermittently during that round table. We seem to have a very good feeling for each other and a good relationship considering we don't know each other well. I think it's a very good relationship.

We had two or three very short conversations because of the meeting, the fact that we're at a meeting. But during those conversations, we talked about Syria and de-conflicting, etc. You know, we have areas where troops are facing — our troops — I mean, their troops are facing our troops and there's nothing in between.

And we issued a statement — a joint statement. It was just approved, and I think people are going to be extremely happy with it and also very impressed with it» [Full Transcript..., 2017].

В данном ответе Трамп задействовал 182 слова, 131 из которых являются односложными (72%), 39 — двусложными (21%), 12 слов состоят из трех слогов и более. Кроме этого, выбор лексических единиц является достаточно ограниченным: в ответе журналистам политик использовал шесть раз слово *very*, три раза слово *good*. Слова *good* и *bad* являются излюбленными словами Трампа. Так, в ответ на заявление журналистов, что действующий американский президент недостаточно жестко обращается с Россией, он ответил: *«getting along with Russia is a good thing, not a bad thing» [McFaul, 2019].*

Простота — одна из главных особенностей дискурса американского президента и то, что делает его таким уникальным. Трамп использует очень простые слова, которые может понять любой обыватель. В статье, опубликованной

«Boston Globe», речь Трампа оценивается на уровне четвероклассника, что ставит его в конец списка из девятнадцати кандидатов, участвовавших в президентской кампании 2016 года, по уровню языка [Viser, 2015]. Действующий президент нарочито использует простой язык, поскольку изысканность языка считается особенностью бюрократов, которых он критикует [García, 2018, с. 52].

Следующей особенностью политической риторики Дональда Трампа является повтор. 45-й президент США строит следующее предложение с использованием тех же слов, что и в предыдущем. Например, в приведенном выше высказывании о прошедшем саммите АТЭС он повторяет два раза подряд слова и сочетания: *very quickly, You have a list, each other, good relationship, conversations, meeting, statement, a также четыре раза подряд повторяет слово troops*. Приведем еще один пример высказывания Трампа о приглашении Путина на празднование юбилея Победы в Великой Отечественной войне, в котором он повторяет сочетания *a very big deal* и *etc.*: «*President Putin invited me*», *Trump told reporters on the White House lawn. «It's a very big deal, celebrating the end of the war, etc., etc. A very big deal. I appreciate the invitation»* [Marshall, 2019].

Не менее важным стилистическим приемом, преобладающим в политической риторике Трампа, является парцелляция, которая заключается в делении единого по смыслу высказывания на несколько самостоятельных предложений. Например, комментируя то, как нормализация отношений с Россией способствовала бы решению проблем США, политик ответил: *If we had a relationship with Russia, that would be a good thing. In fact, it would be a great thing, not a bad thing. Because he could really help us in North Korea. We have a big problem with North Korea. And China is helping us* [Full transcript..., 2017]. Содержание данного высказывания можно было бы уместить в рамках двух предложений, вместо этого

мистер Трамп использует пять простых предложений с минимальным количеством распространенных членов.

Более того, в речах Трампа широко используется дейксис, суть которого состоит в указании на участников речевого акта. Прежде всего, американский президент часто вводит прямые обращения, выражающие призыв к собеседнику, такие как *You know, You see, Look, Believe me*, например: *And, you know, you're talking about millions and millions of lives* [Full transcript..., 2017]; *«We've got a lot of killers. What do you think, our country's so innocent?»* [McFaul, 2019]. Также Трамп часто указывает на способ выражения собственной мысли и употребляет такие выражения, как *I mean, I think, I guess*, например: *So you look at it — I mean, you have Brennan, you have Clapper, and you have Comey. Comey is proven now to be a liar and he's proven to be a leaker* [Full transcript..., 2017]. Помимо этого, в речах Трампа часто прослеживаются личные местоимения *you / they*, под которыми он имплицитно своих сторонников и оппозиционеров и эксплицитно конфронтацию между простыми гражданами и политиками-карьеристами, так называемыми вашингтонскими бюрократами [García, 2018, с. 55]. Комментируя вмешательство России в американские выборы 2016 года, действующий президент в своем Твиттере употребил местоимение *they* по отношению к демократам: *Much of the bad blood with Russia is caused by the Fake & Corrupt Russia Investigation, headed up by the all Democrat loyalists, or people that worked for Obama. Mueller is most conflicted of all (except Rosenstein who signed FISA & Comey letter). No Collusion, so they go crazy!* [Donald J. Trump].

И, наконец, Трампа отличает использование риторических вопросов. Так, например, на вопрос, верит ли Трамп Путину, он ответил: *I think that he is very, very strong in the fact that he didn't do it. And then you look, and you look at what's going on with Podesta, and you look at what's going on with the server from the D.N.C. and why didn't the FBI. take it, why did they leave*

it, why did a third party look at the server and not the FBI — if you look at all of this stuff, and you say, what's going on here? [Full transcript..., 2017]. Еще пример: *Now that Adam Schiff is starting to blame President Obama for Russian meddling in the election, he is probably doing so as yet another excuse that the Democrats, led by their fearless leader, Crooked Hillary Clinton, lost the 2016 election. But wasn't I a great candidate?* [Donald J. Trump]. Посредством риторических вопросов Трамп призывает слушателя / читателя самому поразмышлять о происходящем в стране.

Таким образом, Дональд Трамп представляет себя как президент, пытающийся сблизиться с народом. Использование простой лексики, деление сложных предложений на простые короткие, стилистические повторы делают его речь понятной гражданину США с любым образованием и даже иностранцу, владеющему английским языком не на самом высоком уровне. Риторические вопросы и прямые обращения способствуют более полноценному осуществлению опосредованного общения между действующим президентом США и слушающим или читающим. В своих высказываниях о России Трамп уважительно относится к президенту Путину и одобряет сотрудничество с Российской Федерацией.

Литература

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

Donald J. Trump. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (дата обращения: 30.11.2019).

Full Transcript of Trump's Remarks on Russia. 11.11.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/11/us/politics/full-transcript-of-trumps-remarks-on-russia.html> (дата обращения: 30.11.2019).

García T. M. Donald J. Trump: A critical discourse analysis // Estudios Institucionales. 2018. Vol. 8. P. 47–73.

Marshall A. Trump says he might attend Russian military celebration. 11.08.2019. URL: <https://www.politico.com/news/2019/11/08/trump-russia-may-day-067831> (дата обращения: 30.11.2019).

McFaul M. Sorry, but Trump is not 'tough on Russia'. 17.01.2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/01/16/sorry-trump-is-not-tough-russia/> (дата обращения: 30.11.2019).

Viser M. For presidential hopefuls, simpler language resonates. 20.10.2015. URL: <https://www.bostonglobe.com/news/politics/2015/10/20/donald-trump-and-ben-carson-speak-grade-school-level-that-today-voters-can-quickly-grasp/LUCBY6uwQAxiLvXbVTSUN/story.html> (дата обращения: 30.11.2019).

М. В. Новосёлова

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕНИЙ Д. ТРАМПА В TWITTER О ПРОЦЕДУРЕ ИМПИЧМЕНТА)

Последние годы ознаменовались революцией в гуманитарных и социальных науках. Язык стали понимать как нечто большее, чем просто отражение реальности, о языке стали говорить как о конститутиве социальной реальности [Витгенштейн, 1994]. Дискурс исторически является объектом исследования лингвистики. В середине прошлого столетия ученые вышли за пределы анализа отдельной фразы, составлявшей предел применения лингвистических методов. Термин «дискурс» понимался как речь, обусловленная социальным контекстом, лингвистическая единица больше предложения. Многие лингвисты до сих пор понимают под дискурсом структуры «выше предложения», для других исследователей понятие о дискурсе связано с понятием «*language-in-use*», т. е. языком, используемым в повседневной речи.

Существует сложная иерархическая схема определения дискурса, в которой разводятся понятия «дискурс в широком смысле» как комплексное коммуникативное событие, которое может быть письменным и устным, содержащим вербальные и невербальные компоненты, и «дискурс в узком смысле» —

текст или разговор, иначе говоря, вербальный продукт коммуникативного действия [Dijk, 2014].

В. З. Демьянков предлагает следующее определение дискурса: «...произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса» [Демьянков, 2005].

Политический дискурс представляет собой определенный вид практической языковой деятельности, который структурирован соответствующими текстами и обслуживает политические процессы. Для него характерен особый словарь, смысловые связи между отдельными концептами политики, базовые абстракции и метафоры, типовые контексты словоупотребления и построения суждений. Значимым статусом в политическом дискурсе наделена сама личность политика и определенные моменты поведения [Ухванова-Шмыгова, 1998, с. 46].

Значимая роль в современной методологии изучения политической коммуникации принадлежит критическому анализу политического дискурса. На аксиологическом уровне методологии разграничивается критический и дескриптивный подходы к политическому дискурсу. При дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом идеологических оценок, связанных с политическими убеждениями субъекта исследования. Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, за-

нимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [Dijk, 2014].

Дискурс-анализ направлен на изучение конструктивных эффектов дискурса в рамках структурированного и систематического исследования текстов [Hardy, 2001]. Дискурсы коллективно разделяемы и социальны, рождаясь из взаимодействия между социальными группами и сложными структурами, в которые интегрированы дискурсы. Соответственно, чтобы понять дискурс и его эффекты, необходимо понять контекст, в котором он порождается [Dijk, 2014].

Критический дискурс-анализ относят ко второму поколению теорий дискурса, когда под влиянием постструктуралистской традиции предметное поле дискурсивного анализа уже не сводится к исключительно лингвистическим проявлениям, но расширяется до исследования общественно-политической составляющей [Torfing, 2005]. Современные теоретические основания критического дискурс-анализа представлены в исследованиях Т. ван Дейка [Dijk, 2014], Н. Фэрклоу [Fairclough, 2015], Й. Унгера Р. Водак и М. Хосравиника [Unger, Wodak, Khosravini, 2016], в монографии [Methods of critical discourse analysis, 2015] и др.

Представители критического дискурсивного анализа продвигают эмпирическое изучение явления и используют лингвистические методы в исследованиях, уделяя особое внимание исследованию текста и речи с целью выявления тактик и стратегий манипулирования общественным мнением.

Развитие критического дискурс-анализа хорошо вписывается в логику рыночных отношений, по законам которых отчасти функционирует и политическая сфера. Политические деятели (объединения) осуществляют свое позиционирование и самопрезентацию, используя политический дискурс и

превращаясь в «товар», которому необходима привлекательная и вызывающая доверие «упаковка», другими словами, политический имидж, который в большей степени складывается с помощью текста, транслируемого медиа [Левшенко, 2012, с. 103]. «Дискурс не может быть произведен вне контекста и не может быть понят без рассмотрения контекста... Одни дискурсы всегда связаны с другими, ранее произведенными дискурсами, а также с теми, которые производятся в тот же момент и будут произведены после» [Fairclough, Wodak, 1997, с. 277]. Материалом для критического дискурс-анализа становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации.

Политический дискурс в социальных медиа является политическим медиадискурсом. По мнению Т. Г. Добросклонской, понятие «политический медиадискурс» базируется непосредственно на общем понимании дискурса и занимает одно из важных мест в системе современных политических коммуникаций, так как отражает активный процесс медиатизации политической сферы, характеризующийся все более интенсивным использованием средств массовой информации в политической жизни [Добросклонская, 2014]. Политический медиадискурс имеет манипулятивный потенциал, встраивается в среду в пределах коммуникативного медиапространства и манипулирует общественным сознанием. В политическом медиадискурсе функция воздействия преобладает над функцией информирования: «...именно стремлением оказать воздействие на адресата определяется сугге-

стивный характер большинства медиатекстов, который явно доминирует над их информативностью. Суггестивность предполагает обращение не к рациональному, а к эмоциональному началу в собеседнике, что требует употребления большого количества экспрессивных средств и образов, в том числе имеющих социокультурно маркированный характер» [Калташкина, 2012, с. 29].

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий способствует изменению основных каналов общения между людьми, всемирная сеть становится главной средой получения информации и главным средством общения. Тенденцией текстового материала в Интернете является стремление к краткому и точному изложению. Twitter является одной из активно развивающихся платформ, это социальная сеть для публичного обмена сообщениями при помощи веб-интерфейса. Публикация коротких заметок в формате блога получила название «микроблогинг».

Twitter является платформой общения не только на межличностном бытовом уровне, он перешел в сферу образования, экономики, политики и т. д. Многие известные люди активно используют Twitter как способ заявить о себе в сети Интернет и «...рассматривают его как потенциальное решение многих проблем обмена информацией» [Golbeck, Grimes, Rogers, 2010, с. 1612]. Появился новый термин «политический твиттинг». Политический твиттинг представляет собой интернет-жанр, обеспечивающий общение политиков и политических организаций с народом с помощью интернет-сервиса Twitter. Простота и доступность, ограниченность длины сообщения, наличие удобной поисковой системы, возможность общения в синхронном и асинхронном режимах способствуют успешному осуществлению основной функции такого жанра, как политический твиттинг.

Политический дискурс в социальных средствах информации начал изучаться относительно недавно, однако медиатексты в Twitter стали мощным средством воздействия на массовую аудиторию, одновременно отражая и созидавая новую реальность в интересах доминирующей идеологии правящей группы или группы, настроенной на смену действующей власти [Кобрин, 2016, с. 46]. Twitter стал мощным инструментом коммуникативного взаимодействия во время «цветных революций» и массового недовольства. Появился термин «Твиттер-революция», обозначающий протесты и революции, координация и мобилизация которых происходит в социальных медиа, в том числе посредством Twitter [Morozov, 2011].

На персональных интернет-страницах многих политиков можно увидеть ссылки на блоги и другие социальные медиа. Обозначая таким образом свое присутствие в интернет-пространстве, политические деятели всеми способами демонстрируют стремление быть как можно ближе к гражданам, чтобы посредством маркеров и комментариев приобрести поддержку потенциальных избирателей. К особенностям дискурса в Twitter относятся его информативность, интенциональность, медиамасс-ориентированность, идеологичность, национально-культурная специфика, полифоничность, субъективность [Кобрин, 2016, с. 61].

Рассмотрим контекст возникновения угрозы импичмента Дональда Трампа и то, как это событие осветили западные СМИ. Расследование по делу об импичменте президента США Д. Трампа было инициировано 24 сентября 2019 года спикером Палаты представителей Нэнси Пелоси. Расследование было начато в связи с заявлением анонимного информатора, по утверждению которого Дональд Трамп в июле 2019 года оказывал давление на президента Украины Владимира Зеленского в личных и политических интересах, а имен-

но с целью склонить украинские власти к расследованию причастности к коррупционным схемам сына бывшего вице-президента Джо Байдена, в обмен на финансовую и военную помощь. Джо Байден является самым вероятным противником Трампа на президентских выборах 2020 года. Трамп эти обвинения отвергает (The New York Times 'Trump Pressed Ukraine's Leader on Inquiry Into Biden's Son' September 20, 2019).

«У Дональда Трампа проблемы с выборами. При видимой нехватке уверенности в способности выиграть их честными средствами он неоднократно ставил под вопрос неприкосновенность американской избирательной системы, обращаясь за помощью к иностранным властям, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Даже если Трамп не делал Зеленскому явное предложение услуги за услугу, то его попытка заручиться помощью Украины против главного политического соперника — вопиющее извращение конституционной обязанности Трампа отстаивать общее благо, прежде чем использовать власть в своих корыстных интересах. В сущности, сдерживание влияния иностранных государств на американскую политику было одной из главных забот отцов-основателей, когда они писали Конституцию» (The Guardian 'It's Time to Start Impeachment Proceedings Against Trump' September 24, 2019).

«Первый вопрос не в том, была ли это сделка “услуга за услугу”, хотя и это было бы вопиющим. Пока есть заявление Рудольфа Джулиани на CNN о том, что он действительно говорил с украинскими властями о Байдене. Это сокрушительное свидетельство, потому что Джулиани был там от имени Трампа, а не как представитель правительства США. То, о чем просил Джулиани, он просил лично для Трампа, а не в пользу американской политики. Трамп в многочисленных публичных заявлениях говорил, что

обсуждал с украинской стороной коррупцию. Это не объясняет, почему Джулиани давил на Украину насчет расследования против Байдена, и никак не вяжется с сообщением The Wall Street Journal, что в одном телефонном звонке Трамп восемь раз убеждал украинцев, чтобы они работали с Джулиани над поиском компромата на Байдена» (The Washington Post 'The House Must Be Precise Even When Media Members Won't Be' September 24, 2019).

31 октября 2019 года Палата представителей Конгресса США санкционировала официальное начало процедуры импичмента президента Д. Трампа. Первое сообщение (пост, твит) Трампа по этому поводу:

The Do Nothing Democrats have gone Crazy. Very bad for USA! (@realDonaldTrump October 31, 2019)

Президент использует стратегию дискредитации, направленную на понижение статуса внутренних политических противников. Формированию данной стратегии служат тактики упрека, наклеивания ярлыков и открытого обвинения: он обвиняет конкурирующую партию в бездействии, оскорбляет их, называя сумасшедшими, и проецирует негативные последствия импичмента на всю страну, говоря, что пострадают США. В этот же день Трамп публикует сообщение:

READ THE TRANSCRIPT. (@realDonaldTrump, October 31, 2019)

Твит в виде короткой фразы придает ему спонтанность, подчеркивает естественность речи, строчные буквы используются для выражения эмфатического ударения, для придания словам весомости и эмоциональности. Д. Трамп призывает прочитать расшифровку его разговора с украинским президентом, что должно убедить аудиторию в невиновности Д. Трампа. Похожие твиты он публикует и позже. Императивная цель Д. Трампа, означающая прямое или косвенное воздействие на своих читателей, реализуется через импера-

тивные предложения. Экспрессивность твитов достигается автором с помощью использования восклицательных знаков.

Read the transcripts! (@realDonaldTrump, November 20, 2019)

Read the two Transcripts of Ukrainian calls! (@realDonaldTrump, November 21, 2019)

Следующий твит изобилует лексическими единицами с негативной коннотацией: hoax (ложь), hurt (вредить), not to care (плевать), что демонстрирует речевую агрессию политика. Трамп обвиняет демократов в наплевательском отношении к стране, ссылаясь не на аргументы, содержащие обоснование вины, а на факты (страдает наш фондовый рынок). Использование местоимения our (наш) объясняется желанием воздействовать на мышление коммуникантов, создать общее коммуникативное пространство взаимодействия и попыткой оказать влияние на подписчиков:

The Impeachment Hoax is hurting our Stock Market. The Do Nothing Democrats don't care! (@realDonaldTrump, October 31, 2019)

В следующем твите Трамп пишет, что процедура импичмента является «величайшей охотой на ведьм в истории США». Трамп использует это выражение как фразеологизм, который означает доведенное до абсурда преследование инакомыслящих, дискредитацию каких-либо социальных групп по неразумным мотивам. Нельзя не отметить тот факт, что день официального начала процедуры импичмента совпал с праздником Хэллоуин в США:

The Greatest Witch Hunt in American History! (@realDonaldTrump, October 31, 2019)

Второго ноября Трамп публикует сообщение, в котором говорит о том, что проблемы сплотили его партию, как никогда до этого, а название партии демократов сокращено до пренебрежительного the Dems. Привлечь внимание

виртуальных читателей может только яркая, неповторимая личность, которая имеет свою точку зрения и особое видение темы. В некоторых случаях высказывания политика в Twitter достаточно резки и привлекают тем самым внимание широкой аудитории. Трамп открыто использует стратегию дискредитации, направленную на понижение статуса политических оппонентов, обвиняя их в коррумпированности (corrupt) и беспорядке внутри самой партии (a mess). Трамп переходит на оскорбление личностей, называя Ненси Пелоси нервной (nervous) и обвиняя Адама Шиффа в предательстве (shifty):

Republicans have never been more unified than they are right now! The Dems are a mess under the corrupt leadership of Nervous Nancy Pelosi and Shifty Adam Schiff! (@realDonaldTrump, November 2, 2019)

Schiff will change the transcripts just like he fraudulently made up the phone call. He is a corrupt politician! (@realDonaldTrump, November 3, 2019)

В твитах Трампа встречаются лексемы, относящиеся к разговорно-обиходной лексике инвективного характера: scam (афера), crazed (безумные), fraudulently (мошенническим образом), losers (неудачники):

A giant Scam! (@realDonaldTrump, November 2, 2019)

But the Witch Hunt continues. After 3 years of relentless attacks against the Republican Party & me, the Do Nothing Dems are losers for America! (@realDonaldTrump, November 10, 2019)

The Crazed, Do Nothing Democrats are turning Impeachment into a routine partisan weapon. That is very bad for our Country, and not what the Founders had in mind!!!! (@realDonaldTrump, November 18, 2019)

Обилие восклицательных знаков является характерной чертой коротких интернет-сообщений, позволяющей передать эмоции автора сообщения. Данный вид усиленной пун-

ктуации широко используется для выражения эмфатического удара. Заглавные буквы вместо строчных во всех словах медиасообщения, а также многократное повторение одной и той же строчной букв служат той же цели:

PRESIDENTIAL HARASSMENT! (@realDonaldTrump, November 10, 2019)

The Do Nothing Dems are now doing even less — and soooo much work to be done! (@realDonaldTrump, November 18, 2019)

Д. Трамп в большинстве твитов делает акцент на том, что партия демократов, занимаясь преследованием президента и публикацией ложных новостей (Fake News! (@realDonaldTrump, November 3, 2019); Where is the Fake Whistleblower? (@realDonaldTrump, November 18, 2019); The three year Hoax continues! (@realDonaldTrump, November 20, 2019); FAKE & CORRUPT NEWS! (@realDonaldTrump, November 21, 2019)), не делает свою должностную работу в полной мере, а напротив, позорит страну и ведет ее не тем курсом, который задумывали отцы-основатели.

The Do Nothing Democrats have disgraced our great Country! (@realDonaldTrump, November 21, 2019)

Императивно-оценочная интенция осуществляется через жанр обвинения. В данном случае автор использует глагольный квалификатор обвинения для выражения оценки и эмоционального влияния на возможную корректировку поведения объекта критики в будущем.

Итак, Д. Трамп использует Twitter не как модный сервис обмена быстрыми сообщениями, а как канал для общения и распространения информации. В микроблоге президента доминируют сообщения с установкой на информативность и воздействие на аудиторию, зачастую с прямым проявлением агрессии и дискредитации оппонентов. Твит-сообщениям Д. Трампа присущ неформальный характер, поскольку в них сочетаются черты публицистического и разговорного стилей.

Последнее объясняется ориентацией на широкую аудиторию, желанием быть ближе к народу. Коммуникативное пространство в медиадискурсе политика многофункционально, поскольку автором публикуются сообщения информативного, императивного и императивно-оценочного характера.

Литература

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. — 612 с.

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Язык. Личность: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 34–55.

Добросклонская Т. Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. 24–25 апреля 2014 г. МГИМО (У) МИД России. М., 2014.

Калташкина Е. Ю. Прагматические аспекты изучения политического медиадискурса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Саратов, 2012. Т. 12. С. 27–32.

Кобрин Н. В. Медиатексты Твиттера в когнитивном аспекте (на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. — 253 с.

Левшенко Ю. И. Политический дискурс: аналитический обзор теоретико-методологических подходов. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. С. 100–108.

Ухванова-Шмыгова И. Ф. Каузальный анализ политического текста // Методология исследования политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 1998. С. 45–52.

Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as social interaction. London, 1997. P. 258–284.

Fairclough N. Language and power. London: Routledge, 2015. — 264 p.

Golbeck J., Grimes J., Rogers A. Twitter use by the U. S. Congress // Journal of the American society for information science and technology. 2010. Vol. 61. № 8. P. 1612–1621.

Hardy C. Researching organizational discourse // International studies in management and organization. 2001. P. 17–25.

Methods of critical discourse analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2015. — 272 p.

Morozov E. The net delusion: The dark side of Internet freedom. N. Y.: PublicAffairs, 2011. — 431 p.

Torring J. Discourse theory: achievements, arguments, and challenges // Discourse theory in European politics: identity, policy and governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1–32.

Unger J., Wodak R., Khosravini M. Critical discourse studies and social media data // Qualitative research. London: Sage, 2016. P. 277–293.

van Dijk T. Discourse and knowledge: A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — 407 p.

И. Н. Солсоев

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

U. S. MASS MEDIA: FORMAL AND INFORMAL CONTROLS

The formal controls surrounding broadcasting represent a special case. Television and radio are relatively young channels of mass communication, and consequently the controls over them have their own peculiarities. Not only are broadcasters affected by the laws and rulings discussed above but they are also subject to additional controls because of broadcasting's unique position and character. When broadcasting was first developed in the early twentieth century, it became clear that more people wanted to operate a broadcasting station than there were suitable frequencies available. An overcrowded spectrum led to problems of interference that threatened the future of the entire industry. As a result, the early broadcasters asked the U. S. Congress to step into the picture. Congress did exactly that when it passed the Radio Act of 1927. This law held that the airwaves belonged to the public and that broadcasters who wished to use this resource had to be licensed to serve in the public interest [Radio Act of 1927]. A regulatory body, called the Federal Radio Commission (later known as the Federal Communications Commission), was set up to determine who should get a license and whether or not those who had a license should keep it. Because of this licensing provision, radio and television are subject to more regulations than are newspapers and magazines.

The Federal Communications Commission (FCC) uses the 1934 Federal Communications Act (an update of the 1927 Radio Act) and the 1996 Telecommunications Act, as the basis for its regulatory power. The FCC does not make law; it interprets the law. One of its main functions is to interpret the meaning of the phrase «public interest». For example, the FCC may set up rules and regulations to implement the Communications Act if these rules serve the public interest. Moreover, the FCC awards and renews licenses if the award or renewal is in the public interest. Over the years, several significant FCC rulings have shed some light on this rather ambiguous concept. One of the first things the commission established was that it would examine programming and determine if the public interest was being served. It was not enough for a station to adhere to the technical operating requirements of its license. It would also have to provide a «well-rounded» program structure.

Another facet of the public interest as interpreted by the FCC appears to be diversity. The underlying philosophy of the commission seems to be that the public is better served if it has a large number of competing stations from which to choose. Consequently, during the 1940s, the commission adopted the duopoly rule, which prohibits the ownership of more than one AM, one FM or one TV station in a single community. The duopoly rule was relaxed in 1989 to permit radio-TV joint ownership in some large markets. In addition, the FCC has ruled that a single owner can control no more than twelve AM, twelve FM and twelve TV stations. The commission has also moved to limit the cross-ownership of newspapers and broadcasting stations [Categorical imperative].

Localism is another important component of the public interest as the FCC has defined it. In a 1960 policy statement, the commission stated that programs featuring local talent and aimed at local self-expression were necessary elements in serving the public interest.

If some stations do not operate in the public interest, the FCC can take several official actions. At the mildest level, it can impose a fine on a station. The next level of severity is to renew a station's license only for a probationary period (usually a year). This action typically puts the station on notice that it has to improve its performance or face even more serious consequences. The most severe form of official action is the revoking or nonrenewal of a license. This is tantamount to the death sentence for a station. Revocation / nonrenewal is more of a threat, however, than a reality. From 1934 to 1978, the FCC took away the licenses of 142 stations. This figure should be weighed against the thousands of renewals that the commission granted each of these years. In fact, it has been calculated that 99.8 percent of all licenses are renewed. Nonetheless, the threat of revocation is a potent one that is universally feared among broadcasters. Despite the fact that it is prohibited from censoring programs, the FCC is able to regulate broadcasters by what is called the «raised-eyebrow technique». This means that the commission will make known its attitude and opinion on a certain questionable practice outside of formal rulemaking; stations generally take the hint and respond accordingly. For example, during the 1970s the FCC issued a notice that radio stations might not be serving the public interest by playing what the commission considered drag-oriented music. Stations that did play such songs would be subject to extra scrutiny at license-renewal time. Radio stations all over the country took the hint.

In the 1980s, as was the case in many industries, the prevailing regulatory philosophy that governed broadcasting was one of deregulation. The FCC had eliminated literally hundreds of rules and regulations, including the controversial Fairness Doctrine. Nonetheless, the basic regulatory structure, as specified by the 1996 Telecommunications Act, is still intact and if the regulatory climate should change, it would be a rather simple

matter to reinstate much of what has been repealed. In fact, at the beginning of the 1990s, many repealed rules and regulations were being reconsidered by the FCC [The Policy and regulatory landscape].

Speaking about the Fairness Doctrine, we should mention that it does not exist now, since it was canceled in 1989. This does not mean, however, that it has been forgotten. There were several proposals in Congress to revive it. When it was still in force, the Fairness Doctrine provided that broadcasters had to seek out and present contrasting viewpoints on controversial matters of public importance. On any issue, broadcasters had to make a good-faith effort to cover all the opposing viewpoints. This did not have to take place in one program, but the broadcaster was expected to achieve balance over time. It should be noted that the Fairness Doctrine never said that opposing views were entitled to equal time. It simply mandated that some reasonable amount of time be granted [The Fairness Doctrine].

Laws and regulations are not only controls on the mass media. Informal controls, stemming from within the media themselves or shaped by the workings of external forces such as pressure groups, consumers, and advertisers, are also important. There are many situations in the everyday operation of the mass media where thorny questions about what to do or not to do have to be faced. Most of these situations do not involve laws, regulations, legalities, or illegalities but instead deal with the tougher questions of what is right or what is proper. Informal controls over the media usually assert themselves in these circumstances. One of these controls is ethics.

Ethics are rules of conduct or principles of morality that point us toward the right or best way to act in a situation. Over the years, philosophers have developed a number of general ethical principles that serve as guidelines for evaluating our behavior. Five principles that have particular relevance to those working in

the mass media professions can be briefly summarized in this research. However, it should be emphasized that these principles do not contain magic answers to every ethical dilemma. In fact, different ethical principles often suggest different and conflicting courses of action. There is no perfect answer to every problem. Nonetheless, these principles can provide a framework for analyzing what is proper for examining choices and for justifying mass media actions [Aristotelian — the Golden Mean].

The first principle is the principle of the golden mean. Moral virtue lies between two extremes. This philosophical position is typically associated with Aristotle, who, as a biologist, noted that too much food as well as too little food spoils health. Moderation was the key. Likewise, in ethical dilemmas, the proper way of behaving lies between doing too much and doing too little. Examples of the Golden Mean are often found in media practices. For example, when news organizations cover civil disorders, they try to exercise moderation. They balance the necessity of informing the public with the need to preserve public safety by not inflaming the audience [Aristotelian — the Golden Mean].

The second principle is the categorical imperative. What is right for one is right for all. German philosopher Immanuel Kant is identified with this ethical guideline. To measure the correctness of our behavior, Kant suggests that we act according to rules that we would want to see universally applied. In Kant's formulation, categorical means unconditional — no extenuating circumstances, no exceptions. Right is right and should be done, no matter what the consequences will be. The individual's conscience plays a large part in Kant's thinking. The categorical imperatives are discovered by an examination of conscience; the conscience informs us what is right. If, after performing an act, we feel uneasy or guilty, we have probably violated our conscience. Applied to mass communication, a categorical imperative might be that all forms of deception in newsgathering are wrong and must be avoided. No

one wants deception to become a universal practice. Therefore, a reporter should not represent himself or herself as anything other than a reporter when gathering information for a story [Categorical imperative].

The third principle is the principle of utility. The greatest benefit for the greatest number. Modern utilitarian thinking originated with the nineteenth-century philosophers Jeremy Bentham and John Stuart Mill [John Stuart Mill]. The basic tenet in their formulations holds that we are to determine what is right or wrong by considering what will yield the best ratio of good to bad for the general society. Utilitarians ask how much good is promoted and how much evil is restrained by different courses of behavior. Utilitarianism provides a clear method for evaluating ethical choices: (1) calculate all the consequences, both good and bad, that would result from each of our options; then (2) choose the alternative that maximizes value or minimizes loss. Looking at the mass communication area, we can easily see several examples of utilitarian philosophy. In 1971, the New York Times and other papers printed stolen government documents, the Pentagon Papers. Obviously, the newspapers involved thought that the good that would be achieved by printing these papers far outweighed the harm that would be done.

The fourth principle is the veil of ignorance [Veil of Ignorance]. Justice is blind. Philosopher John Rawls argued that justice emerges when everyone is treated without a social differentiation. In one sense, the veil of ignorance is related to fairness. Everybody doing the same job equally well should receive equal pay. Everybody who got an eighty on the test should get the same grade. Rawls advocated that all parties concerned in a problem situation should be placed behind a barrier where roles and social differences are gone and each participant is treated as an equal member of society as a whole. Often Rawls' veil of ignorance suggests that we should structure our actions to protect

the most vulnerable members of society. It is easy to see the relevance of this principle to the workings of the mass media. If we applied the veil of ignorance to the problem of hammering out the proper relationship between politicians and journalists, Rawls would argue that the blatant adversarial relationship so often found between the groups should disappear. Behind the veil, all newsmakers would be the same. Inherent cynicism and abrasiveness on the part of the press should disappear as well as mistrust and suspicion on the part of the politicians. On a more specific level, consider the case of someone working in the financial department of a major newspaper who frequently gets tips and inside information on deals and mergers that affect the price of stock and passes these tips on to personal friends who use this information for their own profit. The veil of ignorance suggests that the reporter must treat all audience members the same. Personal friends should not benefit from inside information.

The last one is the principle of self-determination [Kant]. Do not treat people as means to an end. This principle, closely associated with the Judeo-Christian ethic and also discussed by Kant, might be summarized as «Love your neighbor as yourself». Human beings have unconditional value apart from any and all circumstances. Using them as simply a means to accomplish a goal should not violate their basic right to self-determination. A corollary to this is that no one should allow himself or herself to be treated as a means to someone else's ends. For example, sources inside a government investigation on political corruption leak the names of some people suspected of taking bribes to the press, which, in turn, publishes the allegations and the names of the suspects. The principle of self-determination suggests that those who leaked the story as a means to accomplish their goal are using the press. Perhaps those involved in the investigation wanted to turn public opinion against those named or simply to earn some favorable publicity for their efforts. In any case, the

press should resist being used in these circumstances. The rights, values, and decisions of others must always be respected.

Most of the time, ethical decisions are made in good faith with a sincere desire to serve the public and reflect positively on the profession. Sometimes, however, ethical judgments may be adversely affected by other influences.

Литература

Aristotelian — the Golden Mean. URL: <https://mediaethicsutar.wordpress.com/4-theories/aristotelian-2/> (дата обращения: 25.11.2019).

Categorical imperative. URL: <https://www.britannica.com/topic/categorical-imperative> (дата обращения: 25.11.2019).

FCC. What We Do. URL: <https://www.fcc.gov/about-fcc/what-we-do> (дата обращения: 22.11.2019).

John Stuart Mill: Ethics. URL: <https://www.iep.utm.edu/mill-eth/> (дата обращения: 27.11.2019).

Kant: Self-Determination in the Age of Reason. URL: <https://faculty.frostburg.edu/phil/forum/Kant.htm> (дата обращения: 27.11.2019).

Radio Act of 1927 [established the Federal Radio Commission]. URL: <https://www.fcc.gov/document/radio-act-1927-established-federal-radio-commission> (дата обращения: 22.11.2019).

The Fairness Doctrine. How We Lost It, and Why We Need It Back. URL: <https://fair.org/extra/the-fairness-doctrine/> (дата обращения: 27.11.2019).

The Policy and regulatory landscape. URL: <https://transition.fcc.gov/osp/inc-report/INoC-26-Broadcast.pdf> (дата обращения: 27.11.2019).

Veil of Ignorance. URL: <https://ethicsunwrapped.utexas.edu/glossary/veil-of-ignorance> (дата обращения: 27.11.2019).

А. В. Чайкисова

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ХЕШТЕГ-АКТИВИЗМ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Благодаря развитию информационных технологий в современном мире социальные медиа становятся преобладающей формой взаимодействия людей, в том числе они все чаще служат платформой для организации и проведения разного рода кампаний по обсуждению и внедрению определенных социальных и политических изменений, решению актуальных социально-политических проблем. В этой связи особое внимание привлекает такое явление, как хештег-активизм.

Хештег-активизм является одним из инструментов цифрового активизма и определяется как деятельность по выстраиванию общественной поддержки посредством социальных медиа [Goswami, 2018], как дискурсивный протест, который осуществляется, когда большое количество публикаций в социальных сетях появляется с определенным хештегом [Yang, 2016]. Следует отметить, что хештег-активизм может сопровождать акции и протесты, проходящие в реальном мире, использоваться как вспомогательный инструмент для их организации, а также реализовываться автономно, только в рамках цифрового пространства.

Необходимо подчеркнуть, что хештеги не только отражают интерес общества к протестным движениям и социальным акциям, но и могут использоваться в качестве мощного орудия воздействия, способного преобразовывать даже мировую политику. Они становятся своего рода политическими слоганами, а знак решетки — скрытым символом свободы слова.

Рост хештег-активизма в современном обществе обусловлен рядом причин. Во-первых, в связи с увеличением количества разных социальных медиа и их доступностью постоянно растет число активных пользователей, в том числе и заинтересованных в участии в разных кампаниях. При этом социальные медиа позволяют распространять информацию крайне оперативно, не требуя финансовых затрат и других усилий. Все, что требуется от пользователя для того, чтобы поддержать определенную акцию или протест на начальном этапе, — это поделиться, поставить знак «like» публикации, сделать репост или ретвит [Goswami, 2018]. Особенно важно то, что при этом возможно сохранять анонимность. Во-вторых, доверие людей традиционным СМИ продолжает снижаться. Преимущество новых медиа заключается в свободе общения, открытого выражения мнения, возможности развития солидарности на основе сходства взглядов, создания коллективной идентичности, а также преодолении географических границ и охвате мировой аудитории [Ghobadia, 2015].

В рамках данной статьи предлагается обзор некоторых социальных и политических проблем стран АТР, к решению которых призывают активисты, в том числе и посредством хештег-кампаний.

Наиболее успешные и масштабные хештег-акции начались с политических протестов. Такие хештеги, как #Ferguson, #BlackLivesMatter, #BringBackOurGirls, долгое время занимали

первые места по популярности во многих странах мира. В данном случае хештег-активизм направлен на то, чтобы делиться информацией в социальных сетях и мотивировать общественность на выражение сопротивления доминирующим политическим элитам по вопросам нарушения прав человека, антинародной политики государства и т. п.

Одной из наиболее известных политических акций является движение #OccupyWallStreet, которое зародилось в Нью-Йорке. Люди хотели выразить свое недовольство действиями финансовой элиты своей страны. Один из канадских журналов также призвал людей собираться на Уолл-стрит и протестовать против глобального усиления неравенства. Впоследствии подобные движения стали называть Occupy Movement, поскольку многие активисты по всему миру стали использовать это название. Например, протесты в Гонконге были организованы с использованием хештега #OccupyHK. Участники маршей выступали против вмешательства китайских властей в выборы в Гонконге. Когда полиция начала использовать слезоточивый газ, протестовавшие защищали себя зонтиками. Поэтому движение назвали #UmbrellaRevolution. Кроме того, такие хештеги, как #hkclassboycott, #Chinazi, #SOSHK, #FollowBackHongKong, #AntiELAB, #HongKongProtests, #NoExtraditionToChina, #PoliceBrutality #PoliceBrutalityHK, #HongKongPolice, #PoliceTerrorism, #StandWithHongKong, #FreeHongKong, #fivedemandsnotoneless, #HKisnotChina, #HKfreedom, отражающие суть происходящего, мгновенно стали набирать популярность. На данный момент протесты все еще в силе, кроме того, их отличительная черта заключается в том, что они полностью осуществляются с помощью современных информационно-коммуникативных технологий (социальных сетей, сервисных приложений, хештегов и т. п.) и опираются на горизонтальную координацию [Поколение...].

В качестве следующего направления хештег-активизма можно выделить борьбу за равноправие.

Так, хештег-движение #MeToo, суть которого заключается в защите женщинами своих прав и борьбе против сексуального насилия и домогательств, служит примером одной из самых успешных онлайн-акций. История развития данного движения продемонстрировала не только беспрецедентный рост числа поисковых запросов в Интернете, в первую очередь в США, но и масштабное распространение по всему миру, а также неослабевающий интерес на протяжении длительного времени.

В Южной Корее движение #MeToo получило распространение после выступления на телевидении прокурора Со Джихён, которая обвинила бывшего южнокорейского министра в непристойном поведении. Это стало стимулом для других женщин, пострадавших от насилия или притеснения, рассказать свою историю. Даже президент страны Мун Чже Ин официально поддержал движение #MeToo. Кроме того, в социальных сетях стали появляться публикации с хештегом #SchoolMeToo, в которых школьницы, которые пострадали от домогательств со стороны учителей или работников школы, анонимно рассказывают свои личные истории. Данные публикации вызвали резонанс в обществе. Кампания вышла за пределы Интернета, и участницы #SchoolMeToo устроили пикет в столице страны. Можно заключить, что в стране, где, несмотря на весь социальный прогресс, сохраняется вековое гендерное неравенство, движение #MeToo может способствовать пересмотру фундаментальных представлений о месте женщины в обществе [#SchoolMeToo...].

В качестве поддержки женщин, подвергшихся сексуальному насилию, в Японии использовался хештег #FightTogetherWithShiori, впоследствии, однако, был популяризован и

хештег #MeToo в связи с публикацией известного блогера Хатю, а также актрисы Симидзу Мэйли. Можно сказать, что это послужило толчком для обсуждения проблем, связанных с нарушением равенства полов. Также используется хештег #WithYou для выражения солидарности с женщинами, которые пострадали от притеснений на рабочем месте. Интересно отметить, что при помощи хештега #KuToo, который является комбинацией слов Kutsu (туфли) и Kutsuu (боль) и одновременно отсылает к популярному хештегу #MeToo, Юми Исикава требовала запретить работодателям заставлять женщин носить только определенные виды обуви на работу как часть обязательного дресс-кода [В Японии...].

В Таиланде подобная борьба с гендерным неравноправием ведется в связи с хештегом #Don'tTellMeHowToDress. На Филиппинах женщины высказывались против сексистских комментариев президента, используя хештег #BabaeAko (IamWoman).

Движение #MeToo становится популярным даже в Китае, несмотря на то, что это авторитарная страна и публикации проходят процедуру цензуры, а феминистские платформы часто закрываются. Тем не менее, активистки в Китае стали рассказывать о случаях преследований и сексуальных домогательств, продвигать идею гендерного равенства. При этом они не выходят на улицы с протестами, а публикуют посты и твиты в Интернете. Для того чтобы обойти «Золотой щит», используются VPN-сервисы («виртуальная частная сеть»).

Таким образом, на основе анализа хештег-активизма в данной сфере можно сделать вывод о том, что борьба с гендерным неравенством затронула разные институты ряда патриархальных и консервативных стран, где женщины активно выражают надежду на будущие изменения в этой сфере.

Хештег-активизм отражает также проблемы коренного населения разных стран. #IdleNoMore — протестное движе-

ние коренных народов Канады: индейцев, метисов и эскимосов. Они выступают против закона, лишаящего их контроля над резервациями, против того, что правительство принуждает к приватизации племенных земель. #NODAPL – протестное движение против строительства трубопровода Dakota Access на севере США, затрагивающие Индейскую резервацию. #Sosblakaustralia — борьба за сохранение коренных народов Австралии.

Анализ хештег-активизма позволяет выделить еще одно популярное направление — экологический активизм. Основной задачей хештег-кампаний в рамках данного направления является привлечение внимания общественности к экологическим проблемам, повышение осведомленности аудитории, развитие осознания угрозы экологической катастрофы, особенно у молодежи. Так, например, шведская школьница и экологический активист Грета Тунберг делает очень многое, чтобы вдохновить детей на борьбу с изменением климата. Ее выступления на климатических переговорах COP в Катовице, на всемирном экономическом форуме в Давосе нашли отклик по всему миру, в результате чего стали организовываться массовые акции, с использованием хештегов #FridaysForFuture, #climatechange, #climatecrisis, #gretathunberg, #schoolstrike4climate, #climatestrike, #climateaction, #saveourplanet, #actnow, #globalclimatestrike. Идея школьных забастовок, инициируемых Гретой и другими активистами, заключается в том, что вместо уроков по пятницам школьники выходят на улицы с целью привлечь внимание общественности к проблеме климатического кризиса, требовать от властей принятия реальных мер для борьбы с изменением климата в соответствии с Парижским соглашением. В этих акциях уже приняло участие более четырех миллионов человек, около 170 стран, в том числе США, Канада, Таиланд, Австралия, Новая Зеландия и др. Следует отметить, что не все страны однозначно отреагиро-

вали на деятельность Греты и ее последователей. В ряде стран она получила поддержку со стороны общественности, СМИ и политиков, в некоторых же странах ее слова и действия подвергаются критике, а где-то вовсе не получают никакого отклика. На основе анализа заявлений разного рода можно сделать вывод о том, что такая реакция обусловлена рядом экономических и политических факторов.

Еще одним направлением хештег-активизма является так называемый фандрайзинг, т. е. сбор денежных средств для реализации социально значимых задач. Так, в 2014 году в США, Корею и некоторых других странах широкое распространение получила акция #IceBucketChallenge, направленная на сбор средств для борьбы с боковым амиотрофическим склерозом. Участникам акции необходимо было вылить на себя ведро ледяной воды и таким образом бросить вызов трем будущим участникам челленджа. Те могли пожертвовать любую сумму на счет фонда или же окатить себя холодной водой и пригласить следующих участников. В течение недели Марк Цукерберг, Билл Гейтс, Тим Кук, Элон Маск и другие известные бизнесмены и звезды вылили на себя по ведру холодной воды. Акция #IceBucketChallenge помогла собрать 115 миллионов долларов США, однако ее критический анализ позволяет выявить некоторые положительные и отрицательные результаты активизма такого плана. С одной стороны, подобные флешмобы часто воспринимаются участниками как банальное развлечение, способ саморекламы, самопиара в социальных сетях, с другой стороны, благодаря данной акции было профинансировано важное научное открытие, о чем заявили представители Ассоциации бокового амиотрофического склероза, так как ученым удалось выявить новый ген NEK1, который способствует появлению заболевания [Сработало...].

В этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что хештег-активизм в ряде случаев критикуется и рассматривается как

вариант «слактивизма» или «диванного активизма». Благодаря легкости и доступности, с которой можно стать активистом, участники хештег-акций могут довольствоваться лишь публичным выражением обеспокоенности той или иной проблемой, при этом не предпринимая никаких реальных попыток изменить ситуацию.

Проведенное нами исследование данной проблемы позволяет сделать вывод о том, что в качестве одного из инструментов глобальных движений в реальном и виртуальном пространствах хештег-активизм действительно может иметь достаточно мощную силу воздействия. Особенно успешно он применяется как первичный способ привлечения внимания к важной проблеме, требующей популяризации, и в ряде случаев становится единственным ресурсом для распространения информации. Однако одного использования хештегов недостаточно для того, чтобы вызвать социальные и политические изменения. Необходимо задействовать большое количество ресурсов с учетом текущей политической, экономической и социальной обстановки в мире в целом и в отдельном регионе в частности. В качестве положительного влияния хештег-активизма можно рассматривать и то, что он способствует пробуждению гражданского сознания людей во всем мире, повышает осведомленность общественности по социальным и политическим вопросам, увеличивает число заинтересованных людей, которые хотят выразить свое мнение, побуждает их быть активными участниками происходящих событий.

Литература

В Японии появилось движение #KuToo, которое борется за права женщин не носить каблуки на работу. URL: <https://tourjapan.ru/news/v-yaponii-poyavilos-dvizhenie-kutoo-kotoroe-boretsya-za-prava-zhenshchin-ne-nosit-kabluki-na-rabotu> (дата обращения: 01.10.2019).

Поколение цифрового протеста. Как Telegram поменял правила гражданского сопротивления в Гонконге: объясняет исследователь. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/26/82119-pokolenie-tsifrovogo-protesta> (дата обращения: 15.11.2019).

Сработало: акция The Ice Bucket Challenge помогла сделать важное научное открытие. URL: <https://nauka.vesti.ru/article/1044778> (дата обращения: 10.10.2019).

Ghobadia Sh. «These days will never be forgotten...»: A critical mass approach to online activism // *Information and Organization*. 2015. P. 52–71.

Goswami M. Social media and hashtag activism // *Liberty Dignity and Change in Journalism*. Delhi: Kanishka Publisher, 2018. P. 252–262.

#SchoolMeToo: как в Южной Корее борются с домогательствами в школах. URL: <https://vostalk.net/schoolmetoo-kak-v-yuzhnoj-koree-boryutsya-s-domogatelstvami-v-shkolax/> (дата обращения: 04.11.2019).

Yang G. Narrative agency in hashtag activism: The case of #BlackLivesMatter // *Media and Communication*. 2016. Vol. 4. Iss. 4. P. 13–17.

**Социокультурные, исторические, философские
аспекты
изучения языков мира
и их влияние на развитие регионов**

Н. Л. Адилханян

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

**ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ
«КАТАЛОГ ШАНЬ ХАЙ ЦЗИН» («山海经»):
ОПЫТ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть древнекитайский литературный памятник «Каталог гор и морей» («山海经») под углом представлений о его регионоведческом характере, а также показать особый взгляд древних китайцев на окружающий их мир. «Каталог гор и морей» представляет собой особый памятник по истории культуры Древнего Китая, который включает в себя такие сферы протонаучных знаний, как география, зоогеография, ботаническая география, этнографическая география, ландшафтоведение, минералогия, народные сведения о медицине, а также имеет обширные сведения по мифологии Древнего Китая, верованиям древних китайцев [Пивоев, 1991].

Данное произведение является анонимным источником, относительно времени его создания исследователями выдвигаются разные версии. Большинство ученых склоняются к версии, что примерное время создания — IV–I вв. до н. э. Но при определении даты возникновения каталога следует учитывать факт возможной разновременности создания составляющих его частей, а также вероятность разных их авторов.

Первые зафиксированные данные о каталоге встречаются в труде «Исторические записки» («史记») историографа дина-

стии Хань (汉朝, 206 до н. э. — 220 н. э.) Сыма Цяня (司马迁, 145–87 годы до н. э.). Есть и традиционно китайская версия создания: «Каталог гор и морей» выгравировал на ритуальных сосудах Бо И (伯益), помощник одного из мифических правителей Древнего Китая Великого Юя (大禹).

По своей структуре «Каталог гор и морей» («山海经») делится на 18 глав (свитков), которые, в свою очередь, имеют две части: «Шань цзин» («山经» — «Каталог гор») и «Хай цзин» («海经» — «Каталог морей»). По характеру написания первая часть, за редким исключением, дает схожее по стилю описание земель. Как указывает Э. М. Яншина, «...можно предположить и сравнительную распространенность подобной географической литературы, что было обусловлено и определенным уровнем знаний в этой области» [Яншина, 2004, с. 16]. Также имеется ряд свидетельств того, что в древнекитайских царствах уже существовали «ведомства», в обязанности которых входило картирование и описание указанных в картах территорий.

Период V–III вв. до н. э. в истории Древнего Китая получил название Чжаньго шидай (战国时代 — период «Борющихся царств» или «Сражающихся царств»), именно в этот период частью военно-стратегического искусства стали и географические знания, еще одной движущей силой для получения географических данных стала экономика древних царств. Эти древние трактаты описывали не только свой регион, но и делали попытки описывать близлежащие территории [Яншина, 2004, с. 16–17].

На первую часть каталога («Шань цзин» «山经» — «Каталог гор») приходится две трети всего произведения, и, по мнению исследователей, описывает она континентальный Китай. В нем широко представлены описания перечней горных массивов, множество рек, а также животных и растений, которые обитают и произрастают на данных территориях.

Вторая часть («Хай цзин» «海经» — «Каталог морей») представляет собой краткие списки территорий и народов, их населяющих. Эти описания вполне соотносятся с синоцентрической моделью мира, согласно которой, центральное место занимает Срединное государство (中国 — Чжунго) либо Поднебесная (天下 — Тянься) — два самоназвания Китая, а по окраинам разбросаны «чужие» «варварские» территории. В ней можно обнаружить данные, имеющие вполне этнографический характер, но отличительной чертой этой части каталога является его ярко выраженный мифологический характер.

Определенную сложность представляют собой попытки локализации указанных в каталоге гор и рек. Одни и те же горы и реки могли носить совершенно разное название у разных жителей Поднебесной, даже проживающих на относительно близко расположенных территориях. На это также влияли и непосредственно географические факторы: одни реки исчезали, появлялись другие, менялись русла, леса могли быть вырублены и т. п.

С еще большим количеством вопросов можно столкнуться при попытках локализации и сопоставления во второй части памятника. В основе ее, как было сказано выше, лежит мифологическая (легендарная) традиция. Попытки определить местоположение указанных во второй части государств, рек, гор предпринимались рядом китайских ученых, но успеха не имели [Яншина, 2004, с. 28].

Но при этом можно констатировать достаточную развитость литературы по географии в Древнем Китае, еще одной особенностью подобной литературы является непрерывность традиции ее написания, относительная сохранность географических наименований делает делом возможным, хотя и достаточно сложным, работу по сопоставлению географических объектов, упомянутых в «Каталоге гор и морей» («山海经»).

В памятнике также присутствует существенный пласт в изучении любого региона: зоологические, ботанические и минералогические данные, выявляющие специфику именно данных территорий. Особый упор в описании подобного материала сделан на освещении непривычных, необычных объектов, а также сопоставлении обыденного и сверхъестественного, что довольно легко объяснить, учитывая во многом мифологический характер каталога.

Вопрос о значимости «Каталога гор и морей» долгое время оставался открытым как в самом Китае, так и в мировой синологии. Для многих сиологов, которые занимались изучением памятников древнекитайской философии, литературы, филологии, в фокусе их исследований лежали классические канонические произведения Древнего Китая, прежде всего «Пятикнижие» («五经»), «Четверокнижие» («四书»), «Тринадцатиканоние» («十三经») [Большой китайско-русский словарь]. Эти произведения носят философский, мировоззренческий, догматический характер. «Каталог гор и морей» невозможно поставить в один ряд с вышеперечисленными произведениями. Он существенно отличается по своему содержанию — имеет скорее протонаучную и мифологическую специфику, нежели каноническую. Этот факт разрушает представление первых сиологов-миссионеров о некоей застенелости знаний в Китае, об отсутствии у китайцев желания исследовать окружающий их мир. Напротив, в самом Китае на протяжении столетий не ослабевал интерес к данному памятнику по истории культуры Древнего Китая, а также иным географическим, историко-этнографическим произведениям [Яншина, 2004, с. 32].

Учитывая все вышесказанное, значимым и перспективным видится дальнейшее изучение «Каталога гор и морей» не только синологами, но и представителями куда более широкого круга научных областей, привлечение к исследованиям

географов, регионоведов, ботаников, зоологов, геологов, этнологов, культурологов могло бы принести существенный вклад в процесс исследования данного памятника истории культуры.

Литература

Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 01.12.2019).

Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. — 111 с.

Яншина Э. М. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. 2-е изд., испр. М.: Наталис: Рипол Классик, 2004. — 349 с.

В. П. Балашова

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

**СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ
КИТАЙСКОЙ
ГОДОНИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(В АСПЕКТЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
С РУССКИМ
И АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКАМИ)**

В настоящее время ономастика остается перспективным научным направлением, в рамках которого развиваются самые различные направления: антропонимика [Хамаева, Хахаева, 2012; Кремнёв, 2014], топонимика [Бабинович, Хамаева, 2018], фильмонимика [Кузнецова, 2014] и другие. Особое внимание при этом привлекает такой раздел ономастики, как урбанонимика. Термин «урбаноним» в словаре Н. В. Подольской определяется как «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, городоним, хороним городской, экклезионим, ойкодоним» [Подольская, 1988, с. 139].

При сравнении определений термина «годоним» как вида урбанонима, представленных в отечественной и зарубежной литературе, был сделан вывод о том, что наиболее полное определение представлено в работе Н. В. Подольской. Автор определяет годоним как «название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с. 52].

Данное определение является наиболее точным и терминологическим по сравнению с более общими и описательными определениями, такими как названия улиц, площадей, скверов [Никонов, 1969; Горбачевич, Хабло, 2002], городская топонимия / топонимика [Горбачевич, 1964; Горбаневский, 1994], названия внутригородских объектов [Суперанская, 1985, 2007] и др.

С точки зрения структуры, годоним представляет собой сочетание собственно проприальной части и годонимического термина, которые, как правило, связаны с помощью согласования.

Предметом нашего сопоставительного анализа являются современные ономастические термины, относящиеся к описанию объектов внутригородского пространства. Главными объектами номинации являются улицы, обладающие адресностью и линейностью. Задачей исследования является выделение корпуса годонимических терминов городов Пекина, Нью-Йорка и Москвы, выявление особенностей терминов китайских годонимов.

Языковой материал представлен годонимами Пекина, Нью-Йорка и Москвы, отобранными в результате сплошной выборки из карт, словарей и географических справочников [Кузнецова, 2014; Подольская, 1988; Улицы Москвы; Хамаева, Хахаева, 2012; Glossary of toponymic terminology, 2000; Lewis, 1984; NYC Tourist, 2019; NYC map gallery, 2019; 严肃编. 北京市街巷名称录]. Корпус годонимов составил 1500 единиц, в том числе 500 годонимов китайского языка, 500 годонимов английского языка и 500 годонимов русского языка.

В результате сравнительного анализа годонимов Нью-Йорка, Пекина и Москвы были выявлены следующие термины, представленные в таблице:

Английские термины	Китайские термины	Русские термины
<p>Alley — узкая улица или переулок; проход между рядами домов <i>Fleet Alley, Harrison Alley, Howard Alley</i></p>	—	<p>Аллея — дорога, обсаженная по обеим сторонам деревьями или кустарником <i>Озерная аллея, 4-я Чоботовская аллея, Рассветная аллея</i></p>
<p>Avenue — дорога, обсаженная деревьями; широкая улица, проспект <i>Flushing Avenue, Park Avenue, Waverly Avenue</i></p>	<p>大道、大街 — проспект, главная улица 实兴大街, 德胜门西大街, 平安里西大街</p>	<p>Проспект — большая, обычно широкая и прямая улица <i>Московский проспект, Союзный проспект, Ломоносовский проспект</i></p>
—	—	<p>Бульвар — широкая аллея вдоль городской улицы, набережной <i>Тверской бульвар, Ореховый бульвар, Есенинский бульвар</i></p>
<p>Court — двор, площадка; тупик <i>Admiral Court, Fleet Court, Horizon Court</i></p>	—	—
<p>Drive — дорога (для экипажей), подъездная аллея к дому <i>Franklin D. Roosevelt Drive, Baruch Drive, East 226 Drive</i></p>	—	—

<p>Lane — узкая дорога, тропинка; узкая улочка, переулок <i>Minetta Lane, Cherry Lane, Beachree Lane</i></p>	<p>巷 — переулок, улочка; сравнительно узкая улица, соединяющаяся с основной дорогой 铁狮子巷, 护国寺西巷, 爱民一巷</p> <p>胡同 — переулок (в Пекине), улица, ведущая к жилому району 小钱市胡同, 德宝胡同, 双寺胡同</p>	<p>Переулок — небольшая улица, обычно служащая поперечным соединением двух других улиц <i>Авиационный переулок, Ветошный переулок, Колокольников переулок</i></p>
<p>Mews — короткий тупик, непроезжая улица в модном районе города <i>Washington Mews</i></p>	<p>—</p>	<p>Тупик — улица, переулок, не имеющий сквозного прохода или проезда <i>Шведский переулок, Лесной переулок, Спасский переулок</i></p>
<p>Passage — проход, проезд; путь, дорога</p>	<p>夹道 — узкий проезд, проход 后海夹道, 正觉夹道</p>	<p>Проезд — место, где можно проехать; переулок, улица, соединяющие две параллельные улицы <i>Гончарный проезд, Графитный проезд, Цветочный проезд</i></p>

Place — резиденция, усадьба; площадь <i>Gloucester place, St Lukes Place, Acorn Place</i>	—	—
Road — дорога, шоссе; улица, проезжая часть улицы <i>Hууск Rd, Tarbell Rd, Camp Rd</i>	路 — дорога, служащая для прохода и проезда транспорта; 道 — дорога, тракт 南西环西路, 丰体南路, 德贤路	—
Row — ряд домов, улица <i>Park Row</i>	—	—
Street — улица; амер. деловой или финансовый центр <i>West St, Greenwich St, Bridge St</i>	街 — сравнительно широкая улица, по обеим сторонам которой располагаются торговые ряды 金顶东街, 白云观街, 枣林街 斜街 — боковая, диагональная улица 白米斜街, 烟袋斜街	Улица — пространство между двумя рядами домов в населенном пункте для прохода и проезда <i>Малая Переяславская улица, Летниковская улица, Крутицкая улица</i>
Terrace — терраса; ряд домов вдоль улиц <i>River Terrace, Berkwit Terrace, Billingsley Terrace</i>	—	—

Walk — тропа, аллея <i>Bassett Walk, Brington 1 Walk, Beach Walk</i>	—	—
Building — здание, корпус, квартал <i>Chrysler Building</i>	街区、街道、街坊、里 — квартал, блок домов, жилой квартал 六里屯街道, 四街坊, 糖果街区, 新四里	Квартал — несколько домов в городе, ограниченных крупной улицей; часть города, ограниченная четырьмя пересекающимися улицами и площадями <i>Капотня 5-й, квартал; Новые Черемушки 32а, квартал</i>
—	—	Набережная — берег, укрепленный стенкой из камня, дерева и т. п. с ограждением; тротуар, улица, бульвар вдоль такой стены <i>Лефортовская набережная, Лужнецкая набережная, Софийская набережная</i>

Рассмотрим отдельно термины китайских внутригородских названий. Годонимы в китайском языке, так же как и в других языках, состоят из двух частей: названия и географического термина. Наиболее часто употребляемыми терминами являются 街, 道, 路, 巷, 胡同, 里, 大院 и др.

街 (улица): 大街 — проспект, 小街 — улочка, 斜街 — боковая (диагональная) улица. Иероглиф 街 возник в дин. Хань. Впервые встречается в книге «Хоу Ханьшу (История династии Поздняя Хань) / 后汉书»: дорога заполнена экипажами и лошадьми (车马填街). Во времена дин. Цинь вместо иероглифа «街» использовали «术».

道 (путь, дорога) является синонимом слова 街. Слово возникло в дин. Мин, тогда все государство было разделено

на десять дорог (十道). В настоящее время чаще употребляется термин 夹道 — узкий проезд; узкий проход; переулок.

路 (улица, проспект) с древности термин обозначал проезжую часть дороги, мостовую.

巷 (переулок) используется для обозначения маленьких дорог. Термин возник в древности. Впервые встречается в «Ши цзи / 史记¹»: «人则心非, 出则巷议» — «собраться на улице для обсуждения дел (политики)».

胡同 (переулок, улочка) является синонимом термина 巷. Слово транскрибировано с монгольского языка, появилось при дин. Юань. В то время при строительстве дорог строго следовали следующему правилу: ширина улицы (大街) составляла 24 бу² (36,96 метров), ширина улочек (小街) — 12 бу (18,48 метра), ширина переулка (胡同) — 6 бу (9,24 метра) [白宝泉, 2005, 页7].

里 (квартал) используется для обозначения жилого микрорайона. Слово впервые встречается в «Ши цзин³».

大院 — большой двор со множеством построек; двор, где сосредоточено много семей [白宝泉, 2005, 页9].

В статье «Временные положения регулирования наименований городских топонимов /城市地名命名管理暂行规定» отмечается, что дорога шириной более 60 метров называется главной улицей (大道), дорога шириной от 18 до 60 метров — улицей (路), дорога шириной от 12 до 18 метров — улицей или проспектом (街, 大街), дорога шириной менее 12 метров — переулком (巷) [谢祥娟, 2016, 页 29–30].

---

¹ Сыма Цянь «Исторические записки» — первый по времени создания комплексный труд по истории Древнего Китая, охватывает период от древности до дин. Западная Хань.

² 步 — мера длины, принимается ныне за 1,5 м.

³ 诗经 «Книга песен» — один из древнейших памятников китайской культуры, содержит записи различных песен и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э.

Таким образом, анализ показал, что наибольшее число годонимических терминов используется в английском языке. Наиболее частотными терминами в английском языке являются *street, road*, в китайском — 路, 街, в русском — улица, проспект, переулок. Также были выявлены отличительные особенности в терминологической системе каждого из анализируемых языков, в частности, в русском языке это наличие таких терминов, как бульвар и набережная. В английских годонимах встречаются такие термины, как *court, drive, row, terrace, walk*, которые не характерны для русского и китайского языка. Отличительной чертой годонимов китайского языка является наличие синонимичных терминов, а именно 大道 — 大街, 路 — 道, 街区 — 街坊 — 里 — 街道. К общим компонентам терминологической системы относятся *avenue* — 大道 — проспект, *lane* — 巷 — переулок, *passage* — 夹道 — проезд и др.

Литература

Бабинович Г. А., Хамаева Е. А. Топонимы в лингвокультурном аспекте // Регионоведческие чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в диалоге языков и культур: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 26 апреля 2018 г.). Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018. С. 113–114.

Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Ин-т рус. яз. М., 1994. — 432 с.

Горбачевич К. С. О городской топонимике // Вопросы культуры речи. 1964. Вып. 5. С. 91–104.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов в Санкт-Петербурге. 5-е изд., перераб. СПб.: Норинт, 2002. — 352 с.

Кремнёв Е. В. Перевод антропонимов в китайском кинодиалоге // Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод / под общ. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. С. 134–142.

Кузнецова О. В. К вопросу о переводе названий американских кинематографических произведений (на материале русского и корейского языков) // В мире научных открытий. 2014. № 5–2 (53). С. 669–675.

Никонов В. А. Названия улиц в Симбирске — Ульяновске // Ономастика Поволжья: Материалы I Поволжской конф. по ономастике / отв. ред. В. Ф. Барашков, В. А. Никонов. Ульяновск, 1969. С. 226–234.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1988. — 192 с.

Суперанская А. В. Имя через века и страны / отв. ред. Э. М. Мурзаев. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 2007. — 192 с.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. — 182 с.

Улицы Москвы. 2019. URL: <http://mosopen.ru/streets> (дата обращения: 27.11.2019).

Хамаева Е. А., Хахаева В. В. Особенности перевода антропонимов на некоторые восточные языки // Правовая политика современной России: реалии и перспективы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию образования Иркутской области (Иркутск, 10 ноября 2012 г.). Иркутск: ИГУ, 2012. С. 386–387.

Glossary of toponymic terminology / ed. by N. Kadmon. 2000. URL: <http://www.ngi.be/NL/glossary/glossang-op.htm> (дата обращения: 8.03.2018).

Lewis H. A. G. Definitions // Group of Experts on Geographical Names: eleventh Session. Geneva, 15–23 October 1984. P. 6.

NYC Tourist. 2019. URL: <https://www.nyctourist.com/map1.htm> (дата обращения: 28.11.2019).

NYC map gallery. 2019. URL: <https://www1.nyc.gov/nyc-resources/пуч-maps.page> (дата обращения: 28.11.2019).

严肃编. 北京市街巷名称录 / 严肃编. 北京: 群众出版社, 1986. — 513 页.

北京交通旅游地图. 中国地图出版社, 2016.

北京城区图, 2016.

张淑媛. 北京街巷胡同趣闻 / 张淑媛, 张淑新等著. — 北京: 民族出版社, 2003. — 417 页.

王彬, 徐秀珊. 北京地名典. 修订版. — 北京: 中国文联出版社, 2008. — 666 页.

白宝泉. 北京街巷胡同分类图志 / 白宝泉, 白鹤群. — 北京, 金城出版社, 2005. — 342 页.

谢祥娟. 临沂市区街道名称的语言和文化研究 / 谢祥娟 // 临沂大学学报, 2016. — 29 — 34 页.

王雪娇（沈阳）
辽宁大学

“一带一路”背景下的对外汉语教学问题： 语音教学的几点建议

随着“一带一路”的推广，该倡议得到了越来越多国家的积极响应，学习汉语的外国学生数量激增。这对于对外汉语教学来说，是师资、教学法、教学成果等多方面的挑战。评价对外汉语教学成果，也就是说一个外国学生汉语水平，语音面貌往往给人极为重要的第一印象，也是不容忽视的评价标准之一。众所周知，外国学生的汉语语音总给人以“洋腔洋调”之感。有时候，这种“洋腔洋调”不仅仅严重影响语音面貌，更有可能形成沟通障碍，造成听话人不能正确理解话语含义，甚至产生歧义。本文以赵元任、程棠、吴洁敏等语言学家的对外汉语语音教学相关理论为基础，结合对外汉语教学实际，提出针对对外汉语语音教学的若干建议。本文对于对外汉语语音教学有现实意义和指导意义。

理论基础

中国著名语言学家赵元任先生在对外汉语教学研究方面有着卓越的贡献。赵元任先生对于汉语语音的研究，以及汉语方言的研究有独到的认识与见解。这不仅仅是因为他在语言方面有着极高的天赋，而且他有着相当丰富的对外汉语教学实践经验，并且他还通晓音乐、数学等学科知识，这对于他研究分析汉语语音有极大的促进作用。

赵元任先生在对外汉语语音教学中，非常重视语音教学。他认为最初学习汉语阶段，必须打好语音基础，否则到后来，可以说是，再无法纠正语音了。受结构主义语言学影响，赵元任在语音教学中，强调音位区分，倡导“不同的音在听、说时，一定要有分别。”这是因为语言构成了词语的内容，并区别意义。

赵元任先生认为“直接法”在学习第二语言时，是十分有效的方法。特别是针对口语教学，认为“音是语言之本……外语教学首先应当重视语音教学。”大声的朗读汉语，对于听辨能力是很好的训练，因为朗读能将听和说这两个重要的过程同时结合起来。区别于“直接法”教学，赵元任先生认为，在初学汉语阶段，学生并非需要完全摒弃母语语音，学生可以借助母语理解汉语如何发音，并找到其中的区别。

赵元任先生在音乐方面也同样有着极高的造诣。这促进了他创造了“五度标音”。时至今日，汉语语音的“五度标音”法依旧在对外汉语教学中起着重要的促进作用。该方法对于外国学生听辨模仿汉语语音给予了极大的帮助。

赵元任先生倡导对外汉语教学“语音领先，为词句学习奠定基础”，讲解先行，让学生养成汉语正确的发音习惯，逐级深入。

以往对外汉语教学研究主要停留在句法为核心的层面上。可喜的是，近年来，中国的对外汉语的学者更加关注对外汉语的教学跟语用的密切关系。汉语的语音是传达语用的重要途径，语用的表达需要声律的支持。故而对汉语语音教学的研究更深一步。从语流、节律等多角度对汉语语音研究进行了极大的拓展。

对于汉语声律的研究，其实早在《东汉永明声律论》就有论证，人们对诗文音乐美的追求已经达到了自觉阶段，为汉语语音节律的研究奠定了基础，为近体诗律的形成做出贡献。

语言学家程棠先生指出要在语流中学习语音。他提出的语流教学法一定程度上弥补了音素教学法的不足。他认为，人类表达思想的最小单位是句子，不是孤立的音节，声、韵、调是一个整体，通过语流学习才有意义，从而改善“洋腔洋调”的语流音变问题。

汉语音节分为声、韵、调三个部分，中国语言学家自上个世纪八十年代以来，利用语音科学技术手段，对汉语节律进行了量化研究。主要成果如下：

汉语声调及连续变调

汉语语调和汉语声调及语调关系

汉语节奏和停延层级

汉语重音的声学特征及其和句调节奏的关系

语言学家吴洁敏对汉语语音节奏周期建立了三种模型，即往复模型、对立模型和回环模型。吴洁敏对于汉语节奏层次给出了音步节奏层、基本节奏层和节奏辞层三个方面。对于汉语的节奏总结了七种：音顿平仄律、声韵律、快慢率、长短率、重轻律和抑扬律。吴洁敏还探讨了汉语五种调型和句调调型的组合模式。以上对于外国学生学习汉语语音均有理论和实践的指导意义。

结合对外汉语语音教学实践，给出的建议

语音教学原则

从认知层面，首先告知外国学生汉语语音声、韵、调的特点，让外国学生充分重视汉语语音学习的重要性。因为语音错误，在表达中就极易出现交流障碍。一定打好语音基础，养成正确的汉语发音习惯，因为语音面貌是很难在后期纠正的。

2、语音起步阶段的教学建议

(1) 在起步阶段，可以协助指导外国学生，通过母语和汉语的发音对比，明确汉语语音和母语的差异，比如从口型、舌位、送气、清浊等方面进行对比，从而达到正确发音的目的。可以用轻松幽默的方式告诫学生：当你感觉到汉语发音很轻松时，那基本上就是发音方法错误了。以此提示学生时刻注意汉语的声、韵、律，以及整体发音方式，让学生养成自我纠正的意识。

(2) 语音练习材料一定要给出实际意义。语音练习不能练习一个个孤立的音节，需要给出学生语音练习材料的实际意义，这样的练习增强了趣味性的同时，也积累了词汇。

(3) 先听后说，听辨结合，听写强化，手势辅助记忆声调、协助正确发音。

(4) 根据五度标音图，指导学生：汉语一声类似于音乐中的SOL，找到一声之后，就相对容易确定二声、三声以及

四声了。发二声的要点是给出足够的发音时间，甚至适当延长发音时间，因为二声是从低到高过程，当然需要足够的时间才能发饱满。三声的发音技巧除了需要足够的时间给予音的高低转折，还可以借助学生母语对比。例如，针对俄罗斯学生，可以对比其母语字母Ы的发音，感受腹部内收的同时发音。四声的发音要从一声降低到底，也是必须有一个完整的发音时间和过程。

3、语流中的语音教学建议

(1) 正确知道学生理解和掌握音变问题，例如“一”“七”“八”“不”等字的变调规则，三声变调规则等。

(2) 指导学生正确识别句子逻辑重音，正确的停顿位置，从而在语流中关注音变现象，减轻“洋腔洋调”。

(3) 模仿正确的语音，大声朗读词语、课文。

(4) 诗词节律练习。给予学生简单易懂的诗词，朗读并感受汉语语音节律。

参考文献

赵元任. 外语教学的方式. 北京, 商务印书馆, 2002.

赵元任. 赵元任语言学论文集. 北京, 商务印书馆, 2002.

赵元任. 赵元任全集. 北京, 商务印书馆, 2002.

程棠. 对外汉语教学中的几个问题. 语言教学与研究, 1996.

吴洁敏. 汉语节律学. 语文出版社, 2001.

Н. В. Еремеева

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ МАНИПУЛЯЦИЙ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ США

Весь ход развития американской нации определяется характерными политико-философскими течениями, в основе которых лежало желание быть свободным — от старой церкви, от английской короны, от суровых обстоятельств жизни. Два основных источника американской морали — это принципы, провозглашенные отцами-основателями в Декларации независимости, и протестантская религия, которая ставила служение Богу на службу человеку. Поскольку речь идет о ценностных ориентирах, об иерархии ценностей и поскольку материалом для анализа послужили предвыборные PR-высказывания, касающиеся различных аспектов жизни американцев, представляется целесообразным вспомнить базовые американские ценности. Их шесть: свобода личности, «полагайся только на себя», равенство возможностей, конкуренция, материальное благополучие и трудолюбие [Hirsh, Kett, Trefil, 1988].

Знаковым философским сочинением XX века, развивающим американскую философию морали, можно назвать работу американского философа Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Термины «открытое общество» и «закрытое общество» впервые были использованы А. Бергсоном в «Двух

источниках морали и религии». Однако Поппер основывал свои термины на рационалистическом различии: закрытое общество характеризуется верой в существование магических табу, а открытое общество представляет собой общество, в котором люди научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта [Поппер, 1992].

Поппер провел анализ фундаментальных философских и политических течений в мировой истории через призму американских ценностей. Особое внимание уделяется такой ценности, как прогресс. В работе рассматриваются принципы демократического переустройства общества, которые Поппер называет «социальной инженерией частных решений» или «технологией постепенных социальных преобразований». Социальная инженерия, описанная Поппером, отрицает исторические тенденции, предназначение человека: человек — полноправный хозяин своей судьбы, может влиять на историю, изменять ее в соответствии со своими целями. Так, социальная инженерия сообщает нам, какие шаги следует предпринять, чтобы избежать экономического спада или вызвать его. В качестве наиболее влиятельного из критикуемых социально-философских учений, которые несут ответственность за предубеждение против возможности осуществления демократических реформ, Поппер назвал историцизм. «Историцизм» для К. Поппера — это социально-философская концепция, утверждающая возможность открытия объективных законов развития истории; более того, считающая, что такие законы уже открыты и на их основе можно предполагать пути исторического развития.

Историцизм проиллюстрирован на примере одной из древнейших его форм, «доктрине избранных» Платона. Основные ее характеристики присущи двум наиболее важным современным версиям историцизма — расистской и марк-

систской философии истории. Поппер противопоставляет историцизм, каким мы находим его у Платона, диаметрально противоположному подходу, который также был предложен Платоном, и который можно назвать теорией социальной инженерии. Согласно социальной инженерии, научная основа политики состоит в сборе фактической информации, необходимой для построения или изменения общественных институтов в соответствии с нашими целями или желаниями. Другими словами, социальная инженерия считает основой научной политики нечто, аналогичное социальной технологии, в отличие от историцизма, считающего основой политики науку о неизменных исторических тенденциях. Различие между историцизмом и социальной инженерией состоит в том, что историцист склонен рассматривать общественные институты с точки зрения их происхождения, развития, а также с точки зрения их значения в настоящем и будущем. Сторонник социальной инженерии и технологии не будет интересоваться происхождением институтов или первоначальными намерениями их основателей. Возникающие в связи с общественными институтами проблемы он будет рассматривать относительно существования определенных целей и организации данного института для их осуществления. Согласно Платону, природу вещи определяет ее происхождение. Таким образом, методом всякой науки должно стать исследование происхождения всех вещей. В применении к общественным или политическим наукам этот принцип состоит в требовании изучать происхождение общества и государства. Поэтому история не является самостоятельной наукой, а представляет собой единственный метод общественных наук. В этом состоит историцистская методология [Платон, 1994].

Поппер предлагает особый подход к социальной инженерии, а именно, последовательную или поэтапную инженерию, сравнивая социальную инженерию с технической. Политиче-

ские ценности и принципы США ориентированы на изменение внешнего окружения с целью благоприятного развития страны. Именно эта политическая ориентация является основанием для определения США как государства, решающего собственные проблемы путем изменения внешнего окружения.

Согласно теории Поппера, воля человека меняет ход времени. Отсюда следует, что отсутствие исторической необходимости приводит к отсутствию правила соблюдения исторических событий. Поппер открывает эпоху манипуляций, именуемых в его трудах технологиями. Ряд исследователей в области PR [Ачкасова, 2005; Ольшевский, Ольшевская, 2004] именуют «черный» PR негативными PR-технологиями, технологиями негативизации имиджа на профессиональной основе и технологией социальной инженерии. Технологии — не что иное, как манипуляции человеческим сознанием. *Homo technologiens* не способен ценить самостоятельность и свободу. Эффективное достижение цели должно соответствовать принципу соблюдения исторических событий. Эффективное общение, в свою очередь, должно соответствовать глобальному Принципу Кооперации (по П. Грайсу), в котором выделяются конкретные постулаты (максимы). Построение общения должно соответствовать целям коммуникации (воздействие на других людей, управление их поведением) [Grice, 1975].

С максимой отношения в первую очередь связана категория времени. Различным фокусам релевантности свойственно смещаться в процессе речевого общения. Согласно проведенному исследованию, к определенным признакам, характерным для дискурса «черного» PR, относится использование устаревшей информации, нерелевантной на данном отрезке времени. Нарушается условие искренности, и репрезентантом ряда событий становится некое фокусное событие, благодаря чему происходит оценка воспринимаемой информации с нарушением максимы отношения. Причина в том,

что в общественном сознании фокусным становится то событие, которое было наиболее ярко эмоционально окрашено, и ранее произошедшие события теряют свою релевантность.

Рассматривая нарушение максимы как технический прием, попытаемся предположить алгоритм действий манипулятора. Для этой цели сопоставим ролики двух кандидатов, представляющие одни и те же факты. Соответствующие высказывания предназначены для достижения необходимых условий реализации иллюкативной цели, которая полярно противоположна для каждого из кандидатов, т. е. участников дискурса. Чтобы восстановить контекст ситуации, воспользуемся диагностическим текстом.

PR-высказывание Дж. Буша: «*Nearly two million*»

1. PR-команда Дж. Буша: *There are many reasons to be hopeful about America's future. Nearly two million new jobs in just over a year. Nearly two million more people back working. Nearly two million more people with wages. Nearly two million more people with more security. Nearly two million more people able to provide for their families. Nearly two million more reasons why Americans are optimistic about our future.*

2. Дж. Буш: *I'm George W. Bush, and I approve this message.*

3. Комментарий на веб-странице: *While the candidates geared up for the final presidential debate, the Bush campaign released this 30-second spot sending an optimistic message on the administration's record on job creation.*

4. Диагностический текст (независимый журналист): *This ad does something Kerry cannot — tout the creation of jobs in the past year, showing the advantage of an incumbent president. The ad represents a bit of a stretch by the campaign. In the past year, 1.78-million jobs have been added, which becomes «nearly 2-million» with generous rounding. And the nation is still down 821,000 jobs since Bush took office, a point the Democrats emphasize [Nearly two million].*

Использование относительных наречий «*many*», «*nearly*» нарушает максимум отношения в контексте качества, отсутствует четкая локализация приводимых фактов во времени — «*in just over a year*» является единственным указанием. В качестве доказательств причин оптимизма американской нации эксплуатируется апелляция к основным моральным ценностям «*work*», «*wages*», «*security*», «*families*».

В диагностическом тексте приводятся количественные оценки: «*1.78-million jobs have been added*», «*nation is still down 821,000 jobs since Bush took office*» — доказательства, которыми подтверждается заявленный тезис «*The ad represents a bit of a stretch*» и, таким образом, восстанавливается нарушенная максима.

PR-высказывание политического оппонента, Дж. Керри:
«**Jobs**»

1. PR-команда Дж. Керри: *There are many reasons to be hopeful about America's future. And one of them is that Election Day is coming so we can choose a new direction. Because under George Bush, we've lost 2.7 million manufacturing jobs. He's supported tax breaks for companies that export jobs. Wages are down. The cost of living is up. Middle class families are getting squeezed. Only Herbert Hoover had a worse record on jobs. It's time for a new direction.*

2. Дж. Керри: *I'm John Kerry and I approve this message.*

3. Комментарий на веб-странице: «*Jobs*» *cites President Bush as the first president since Herbert Hoover, who was president during the Great Depression, to experience a net loss of jobs during his presidency.*

4. Диагностический текст: *This ad is a same-day response to President Bush's new commercial touting the creation of «nearly 2-million new jobs» in the past year. Kerry is reminding voters that 2.7-million manufacturing jobs have been lost on Bush's watch. Overall Bush heads into the election with 821,000 fewer jobs in the*

country than when he took office. Bush is the first president since the Great Depression to seek re-election or to close a term with a jobs deficit. Kerry's ad tries to blame the president's policies for the drop and to convince voters that electing Kerry will stop the losses. The White House says the new jobs created are proof that Bush's tax cuts and economic policies are working. Democrats say jobs are not being created fast enough and many are at reduced wages [Jobs].

Тезис «*There are many reasons to be hopeful about America's future*» — это прямая отсылка к ролику Буша «*Nearly two millions*». Являясь частью интертекста, в рассматриваемом виде дискурса тезис становится частью манипуляции и выступает в качестве игрового приема. Далее за псевдоаргументом «*Election Day is coming*» следует ряд фактов, дискредитирующих политику Буша.

Как и в предыдущем PR-высказывании, в качестве основных технических приемов используются так называемые ошибки аргументации *argumentum ad populum* и *argumentum ad hominem* (т. е. «призыв к чувствам толпы» и «нападки на личность») [Eemeren, Grootendorst, 1992].

«*Only Herbert Hoover had a worse record on jobs*» — худшие показатели были только при Герберте Гувере, однако умалчивается, при каком из американских президентов на протяжении истории были такие же показатели, как и при Буше. Герберт Гувер вошел в историю вместе со знаковым релевантным событием — Великой депрессией, что в PR-высказывании рассматривается нами как попытка сравнить два контекста ситуации, воздействовать на чувства народа. Высказывание «*under George Bush, we've lost 2.7 million manufacturing jobs*» используется в качестве доказательства утверждению «*we can choose a new direction*». Нарушается максима отношения с целью исказить действительность, показать ее в худшем свете, сфокусировать внимание адресата на информации, нужной манипулятору «*It's time for a new direction*».

Диагностический текст позволяет нам раскрыть часть контекста ситуации, необходимую для дальнейшего анализа дискурса.

«Черный» PR — это отработанный технологический процесс, где негативен результат, а не средства, с помощью которых он достигается. Социальная инженерия предполагает механический процесс, существующий вне исторического контекста. Отсутствие исторического контекста позволяет и даже предполагает нарушение максимы отношения в контексте времени. Таким образом, можно утверждать, что максима отношения культурологически обусловлена и условия нарушения максимы отношения в контексте времени заложены непосредственно в самой культуре современных США.

Поскольку материалом для анализа послужили тексты рекламных роликов, касающиеся различных аспектов жизни американцев и, следовательно, речь идет о ценностных ориентирах, мы посчитали целесообразным исследовать культурологические предпосылки нарушений максимы отношения в контексте времени и установили, что данное нарушение может быть характерно для определенной культуры. В данном случае, для США — американская философия морали, представленная в трудах философа Карла Поппера, указывает на то, что для благоприятного развития общества необходим отказ от истории. Иными словами, изменение временных параметров, по мнению Поппера, может способствовать прогрессу социума и государства в целом.

Литература

Ачкасова В. А. Связи с общественностью как социальная инженерия. СПб.: Речь, 2005. — 336 с.

Ольшевский А. С., Ольшевская А. С. Негативные PR-технологии. М.: ИНФРА-М, 2004. — 329 с.

Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. — 654 с.

Поннер К. Р. Открытое общество и его враги Т. 1: Чары Платон. Пер. с англ. / под ред. В. Н. Сагатовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — 448 с.

Emeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, communication and fallacies: A pragma-dialectical perspective. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Publishers, 1992. — 236 p.

Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics: Vol. 3. Speech acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Hirsh E. D., Kett J. F., Trefil J. The dictionary of cultural literacy: What every American needs to know. Boston: Houghton Mifflin Company, 1988. — 672 p.

Jobs. The Presidential Campaign. Ad watch. A weekly analysis of campaign commercials by President Bush and John Kerry. URL: <http://www.sptimes.com/2004/10/10/Decision2004/Adwatch.shtml> (дата обращения: 12.05.2010).

Nearly two million. The Presidential Campaign. Ad watch. A weekly analysis of campaign commercials by President Bush and John Kerry. URL: <http://www.sptimes.com/2004/10/10/Decision2004/Adwatch.shtml> (дата обращения: 15.06.2010).

О. Г. Кобжицкая

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

ЭТИКЕТНЫЙ ЗНАК ОБРАЩЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙЦЕВ

В связи с расширением межкультурных контактов в последние десятилетия вырос интерес к речевому этикету и вежливости как к правилам и нормам, регулирующим речевое поведение людей. Согласно точке зрения Н. И. Формановской, речевой этикет представляет собой такой широкий спектр языковых и речевых единиц, которые словесно выражают этикет поведения и предоставляют нам языковые богатства, накопленные каждым обществом для выражения неконфликтного, доброжелательного отношения к людям [Формановская, 2005, с. 69]. Благоприятная коммуникативная среда необходима как представителям одной этнической группы, так в еще большей степени она необходима и представителям разных этнических групп, поскольку в процесс коммуникации все больше вовлекаются представители различных культурных общностей.

Т. В. Ларина, исследующая национально-культурные особенности речевого поведения, отмечает индивидуальный характер процесса коммуникации в каждой национальной культуре, а также различное восприятие категории вежливости у разных народов. По мнению лингвиста, нельзя говорить об одном народе как о более вежливом или менее вежливом

по сравнению с другим. «Каждый народ вежлив по-своему с точки зрения своих национальных норм поведения, определяемых особенностями социально-культурных отношений, культурными ценностями, национальным сознанием» [Ларина, 2009, с. 22].

Если понимать вежливость как форму проявления уважения к другому человеку, то в таком случае уважение предполагает признание достоинства личности, проявление чуткости и деликатности по отношению к другому. Вежливость — это еще и готовность оказать услугу тому, кто в ней нуждается [Формановская, 2005, с. 73]. Неотъемлемым элементом вежливости является речевой этикет — уместное и своевременное речевое проявление, предполагающее отбор языковых средств, соответствующих коммуникативной ситуации. Каждый человек в разных коммуникативных ситуациях ориентируется в обстановке, изучает признаки и роли своего собеседника и только затем выбирает наиболее приемлемые в данной ситуации языковые средства.

Знание норм китайского речевого этикета особенно актуально для Иркутской области, поскольку среди приезжающих сюда иностранных гостей больше всего китайцев. Причина ежегодного увеличения потока китайских туристов в Иркутск состоит не только в территориальной близости, но и в возросшем уровне жизни в Китае. Это, в свою очередь, сделало китайскую нацию одной из самых путешествующих в мире. По мнению руководителя регионального агентства по туризму Е. С. Сливиной, такое положение дел совпадает с курсом укрепления взаимных связей между двумя странами, и это проявляется в том числе в поощрении граждан КНР через различные структуры путевками в Россию [Поток иностранных туристов...].

Хорошее знание языка не всегда является надежным гарантом успеха, если коммуниканты недостаточно владеют

нормами речевого этикета, принятыми в той или иной культуре. Китай относится к странам с высококонтекстной культурой с большой плотностью социальных связей и постоянным информационным обменом между членами семьи, сослуживцами, друзьями, заказчиками. В высококонтекстных культурах люди склонны обращать внимание на контекст общения, с кем и в какой ситуации происходит общение. Невербальному поведению: жестам, мимике, контакту глаз — придается бóльшая значимость, чем вербальному.

В условиях, когда предполагается знание контекста «без лишних слов», большую роль играет такой этикетный знак, как «обращение». По мнению М. В. Панкратовой, «обращение имеет непосредственное отношение к нормам речевого этикета, поскольку неотъемлемым свойством речи выступает ее обращенность, ее адресный характер» [Панкратова, 2008, с. 5]. Подходящее и уместное обращение наряду с правильной тональностью общения и выражением должного уважения, которого требует этикет, создает необходимые условия для речевых контактов.

Существуют различные классификации обращений, представленные русскими и китайскими учеными. В данной статье мы придерживаемся классификации Цай Сициня, описанной им в «Словаре китайских обращений», а также классификации К. А. Куриловой, которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает особенности обращений в обоих языках. Согласно данной классификации все обращения можно разделить на два больших класса: родственные и социальные обращения. К родственным обращениям относят обращения собственно к родственникам и термины родства, используемые для лиц, не состоящих в родственных отношениях. К социальным обращениям относят общеупотребительные обращения, обращения-местоимения, обращения, основанные на взаимоотношениях, должностные обращения, обращения

по званию и профессии, а также нулевые обращения [Курилова, 1997, с. 7].

Наибольший интерес представляют родственные обращения для лиц, не состоящих в родственных отношениях. Такие формы обращений существуют во многих языках, в том числе и в китайском. Их использование связано с желанием говорящего выразить эмоциональность, присущую терминам родства, и перенести ее на адресата, тем самым подчеркивая особое расположение к нему. По мнению К. А. Куриловой, выбор того или иного обращения всегда стилистически мотивирован и отражает отношение говорящего. Среди критериев использования таких обращений лингвист называет следующие: возраст адресанта и адресата, степень знакомства, официальность атмосферы общения, социальный статус адресата, принадлежность адресата к определенному поколению (поколение детей и внуков) [Курилова, 1997, с. 7].

Обращения 大哥 «братец», 大姐 «сестрица» уместны в том случае, если собеседник немного старше говорящего. Популярным в китайском языке обращением к незамужней девушке является 小姐 «барышня». Однако с конца XX века это обращение приобрело негативную коннотацию и стало означать женщину легкого поведения. И все же, несмотря на это, оно по-прежнему используется в качестве обращения к молодой девушке — будь то обращение продавца к покупателю или покупателя к продавцу. В сфере повседневного общения можно наблюдать и такое обращение к незамужней молодой женщине, как 姑娘 «девушка».

Обращения 叔叔, 伯伯 «дядя», 阿姨 «тетя» используются по отношению к людям средних лет. Такие обращения уместны к представителям сферы обслуживания и физического труда. Если обращения 叔叔, 阿姨 исходят от ребенка, то они могут быть направлены как к людям средних лет, так и к молодым парням и девушкам.

В китайских вузах принято обращаться к старшему по возрасту сокурснику как 师兄 «брат-наставник», 师姐 «сестра-наставница», младшему — 师弟 «братец-наставник», 师妹 «сестрица-наставница». К жене преподавателя можно обратиться как 师母 «матушка-наставница».

Не менее интересными являются социальные обращения, в частности общеупотребительные обращения. Они употребляются как в обычной обстановке между соседями, коллегами, друзьями, так и в официальной обстановке. Традиционно в китайском обществе к женщине обращались в соответствии с ее семейным положением. Такие обращения подчеркивали статус женщины и указывали на ее отношение к мужчине: 大妈, 嫂子 «жена старшего брата».

В настоящее время существует ряд обращений к замужней женщине, которые по-прежнему отражают зависимость женщины от статуса мужа: 太太 «мадам, госпожа», получившее наибольшее распространение на юге. Обращение 夫人 «супруга, госпожа» подчеркивает статус замужней женщины — жены человека, занимающего высокое положение в обществе, или официального лица.

Общеупотребительными являются обращения 先生 «господин» и 女士 «госпожа». Они часто используются в официальной обстановке, применительно к людям интеллигентным и имеющим положение в обществе.

Для проявления уважительного отношения к людям, чья профессия связана с каким-либо мастерством, используется обращение 师傅 «мастер». Это обращение, по мнению К. А. Куриловой, стало почти универсальным и заменило обращение 同志 «товарищ», пользовавшееся особой популярностью после становления Китайской Народной Республики [Курилова, 1997, с. 12].

В китайском языке для того, чтобы уважительно обратиться к адресату и подчеркнуть престиж занимаемой им

должности, используются названия профессии или должности: 经理先生 «господин директор».

Представители интеллигенции, в особенности учителя, всегда пользовались большим уважением в китайском обществе. Поэтому к людям, связанным с преподаванием, можно обратиться 老师 «учитель» или же 先生 «господин». Отметим, что и к женщине-профессору также можно обратиться, используя обращение 先生 [Словарь китайских обращений, 1994]. Однако все же чаще к женщине-преподавателю обращаются 老师. Такое необычное использование обращения 先生 связано с подчеркиванием статуса женщин, имеющих авторитет в литературных и научных кругах.

Использование профессиональных обращений в основном направлено на привлечение адресата к обсуждению профессиональных вопросов. Такие обращения используют в учебных заведениях или учреждениях.

Названия профессий, связанных с обслуживанием людей, часто используются в качестве обращений при ежедневном общении с незнакомыми людьми: 服务员 «официант», 售票员 «продавец», 司机 «водитель». При обращении пациентов к медицинским работникам используются такие как 大夫, 医生 «доктор», 护士 «медсестра».

Помимо рассмотренных выше обращений в китайском языке, как и в других языках, существуют местоименные указатели адресата. По мнению К. А. Куриловой, «местоимения, особенно личные, имеют непосредственное отношение к речевому этикету в любом языке, поскольку они связаны с самоименованием и именованием собеседника или третьего лица» [Курилова, 1997, с. 16]. В китайском языке местоимению второго лица единственного числа соответствуют две формы: непринужденная 你 *ты* и вежливая 您 *Вы*. 您 / *Вы* избирают в случае, если отношения сдержанные, подчеркнуто вежливые с незнакомым человеком независимо от официаль-

ности обстановки. Обращение 你 / ты больше подходит для неофициальной обстановки по отношению к знакомому человеку, хотя в официальной обстановке предпочтительна форма 您 / Вы. В некоторых семьях, большей частью в деревнях, используются обращения детей к своим родителям на Вы.

В ситуации, когда необходимо начать речевой контакт с адресатом, используются нулевые обращения. Зачастую они имеют форму извинения за причиненное беспокойство. Вопросительная форма 请问 «позвольте спросить» служит для привлечения внимания и последующего изложения просьбы. Для выражения просьбы, как пройти куда-либо или дать разъяснения по какому-либо вопросу, используются такие речевые формы, как 不好意思 «неловко, неудобно», 麻烦您 «простите за беспокойство», 劳驾 «извините за беспокойство». Все вышеуказанные обращения применимы как к знакомому, так и малознакомому собеседнику, находящемуся по статусу выше или ниже собеседника.

Таким образом, рассмотрев китайские обращения в рамках категории вежливости, мы можем сделать вывод, что, помимо своей основной аппеллятивной функции (привлечения внимания адресата), обращения также выполняют экспрессивную функцию, выражающую отношение говорящего. Эта функция особенно ярко проявляется при использовании родственных обращений для лиц, не состоящих в родственных отношениях.

Для китайского коммуникативного пространства характерны дистантность и желание подчеркнуть статус собеседника, которые проявляются в выражении особого уважения к старшему поколению, соблюдению дистанции между собеседниками и демонстрации признания своего более низкого статуса. В условиях сложных речевых взаимодействий выбор обращения в соответствии с ситуацией общения позволит

правильно интерпретировать речевое поведение носителя китайского языка, а также повысить эффективность межличностного общения.

Литература

Курилова К. А. Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев): Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1997. — 27 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с.

Панкратова М. В. Формальные и функциональные характеристики речевых единиц обращения: Лингвистическая интерпретация примеров языкового материала // Вестник ИГЭУ. 2008. № 1. С. 5–7.

Поток иностранных туристов в Иркутскую область за девять месяцев увеличился почти на 50%. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3798258> (дата обращения: 14.11.2019).

Словарь китайских обращений, 1994. 中国称谓辞典: 词典 / 蔡希芹. — 北京: 北京语言学院出版社, 1994. — 515 页.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. 2-е изд. М.: ИКАР, 2005. — 250 с.

Ю. Г. Смертин

(Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия)

КОРЕЙСКИЙ АЛФАВИТ КАК ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Корейский язык является важнейшим фактором, формирующим национальную идентичность примерно 80 миллионов человек. Подавляющее большинство из них населяют Корейский полуостров и близлежащие острова, более 5 миллионов разбросаны по всему миру. Существует несколько диалектов кроме стандартного сеульского, однако все они, кроме диалекта, распространенного на о. Чеджудо, не слишком отличаются друг от друга и легко взаимопонимаемы.

Происхождение корейского языка является до сих пор предметом научных дискуссий, ведущихся с XIX в. в основном среди западных лингвистов и этнологов. Они обнаружили генетическую близость корейского с японским, китайским, тибетским, айнским, урало-алтайскими и др. языками. В настоящее время большинство специалистов относит корейский к изолированным языкам. Своих приверженцев имеет также теория, согласно которой существует связь между корейским языком и языками гипотетической алтайской семьи, включающей тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Сюда же они относят и японский язык. Все эти языки сближает сходство в грамматическом строе, гармония гласных, отсутствие союзов, некоторые общие элементы в грамматике и лексике [Campbell, Mixco, 2007, с. 7, 90–91].

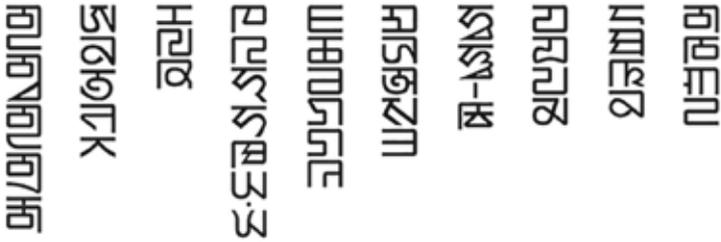
В первые века новой эры, в период формирования государств Пэкче, Когурё и Силла, на Корейском полуострове были распространены две группы языков: северная — *пудэ*, и южная — *хан*. К 668 году Силла завоевало два других королевства, объединив таким образом весь полуостров, и его язык стал доминирующим. В 935 году, после падения Объединенного Силла, ему наследовало государство Корё со столицей в Кэсоне, и кэсонский диалект стал стандартным разговорным языком. В конце XIV в. у власти утвердилась династия Чосон, и столица была перенесена в Ханян (позже известен как Сеул), находившийся неподалеку от Кэсона, поэтому это обстоятельство не оказало заметного влияния на развитие языка.

До середины XV в. корейцы не имели собственной письменности, хотя и делались попытки приспособить китайские иероглифы для записи корейских слов. Все эти системы (в частности, *иду*, применявшаяся для записи классической корейской поэзии *хянга* в период Объединенного Силла) не получили широкого распространения прежде всего из-за своей громоздкости и специфических особенностей строя корейского языка [см.: Vuzo, 1980, с. 35–62]. Немногочисленная образованная элита, преклонявшаяся перед китайской культурой, использовала письменность *ханча* (корейское прочтение китайского слова *ханьцзы* — китайские слова), основанную на китайских иероглифах, произносимых по-корейски. Это была письменная форма *ханмуна* — кореизированного варианта древнекитайского литературного языка *вэньянь*. Иероглифами писались правительственные указы, официальные документы, личная корреспонденция и литературные произведения. Существовала огромная пропасть между немногочисленными образованными людьми, посвящавшими всю свою жизнь изучению китайской грамоты, и остальным населением, выражавшим свои мысли только в устной форме.

Создание корейской письменности связывают с четвертым королем династии Чосон Седжоном (годы правления 1418–1450), оказавшим огромное влияние на культурное развитие страны. Это был выдающийся знаток учения Конфуция. Он способствовал повсеместному утверждению неоконфуцианства и сумел привлечь ко двору видных ученых из дворянского сословия янбанов.

Правление Седжона Великого было отмечено выдающимися достижениями в самых разных областях. Он учредил придворную академию Чипхёнджон (Павильон собрания мудрецов). Ее члены проводили исследования в сфере экономики, политики, государственного устройства, причем результаты их изысканий не пылились в архивах, а внедрялись в практику. По инициативе короля был модернизирован и качественно улучшен подвижный металлический шрифт и печаталось много книг по разным отраслям знаний. Седжон лично курировал создание музыкальных произведений, отражавших национальные традиции, и составлял руководства по проведению конфуцианских ритуалов в государстве и семье. Он был инициатором сооружения во дворце обсерватории, для которой были изготовлены 18 уникальных астрономических приборов; это позволило создать звездную карту неба, модель Солнечной системы и сделать более точным календарь.

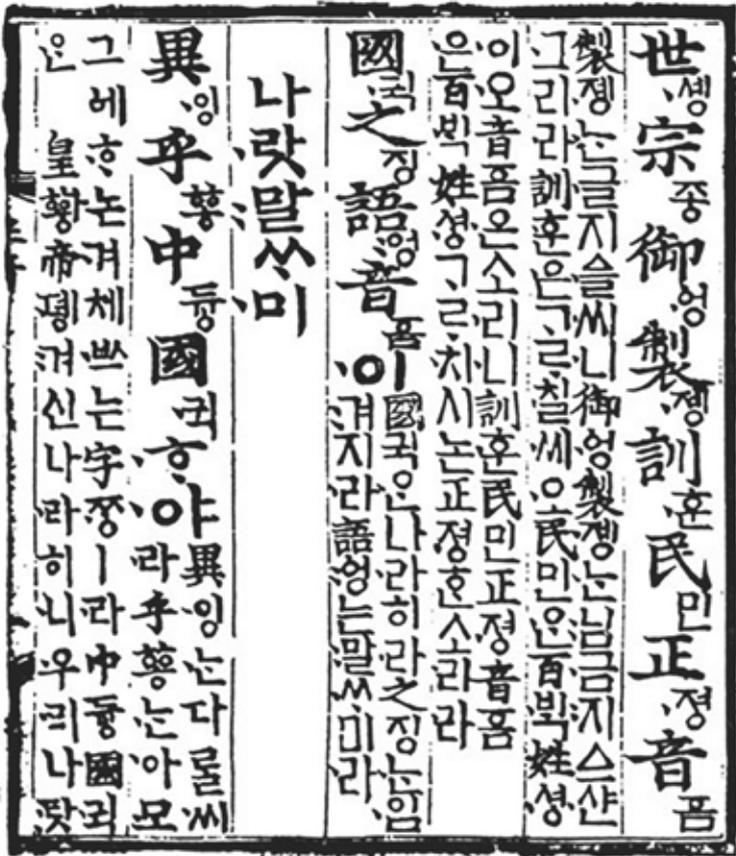
По мнению Л. Р. Концевича, бурный расцвет науки и культуры при Седжоне был вызван, во-первых, стремлением к всеобщей систематизации, навеянным в немалой степени учением сунского философа-неоконфуцианца Чжу Си и его последователей, и, во-вторых, подъемом национального самосознания в условиях господства китайского конфуцианского мироустройства [Концевич, 2007, с. 44]. Седжон был широко образованным человеком, он вдохновлялся ученостью и опытом Китая. Но в каждом из своих культурных

Квадратное письмо Пагба-ламы ё

проектов король также учитывал местные обстоятельства и приспособлял свои инициативы к национальным условиям, создавая таким образом новую реальность. В полной мере это относится к созданному им корейскому алфавиту. Седжон был убежден, что письменность должна отражать разговорную речь, и что все его подданные должны уметь читать и писать.

Седжон хорошо знал китайские фонологические теории, имел представление о фонетическом письме, так как, судя по источникам, был знаком с монгольской, тибетской и индийской письменностями. Эти алфавиты не были чисто фонетическими системами, но король счел возможным использовать их в своем проекте [Lee Ki-Moon, 1977, с. 26]. В частности, Седжон несомненно вдохновлялся алфавитными принципами тибетского ламы Пагба. Дрогон Чогьял Пагба по приказу хана Хубилая, завоевавшего Китай, создал в 1269 году так называемое квадратное письмо на основе тибетского алфавита, который, в свою очередь, имел прототипом индийское письмо. Этот алфавит, по мысли нового правителя Поднебесной, должен был использоваться для языков всех народов огромной и многоязыкой юаньской империи. «Квадратное письмо» (*панхён мунча*) было упомянуто в «Корё са» в 1385 году, его хорошо знали в Корее, но оно исчезло после падения династии Юань в 1368 году.

До сих пор ведутся споры о том, самолично ли Седжон создал корейский алфавит или это был результат труда группы высокообразованных неоконфуцианцев. Но все согласны, что в своем проекте он опирался на Син Сукчу (1417–1475), в то время молодого человека, но уже известного ученого и полиглота. Результатом громадной работы стало обнародование алфавита в начале 1444 года под названием «Хунмин чоным» («Правильные звуки для обучения народа»).

В предисловии Седжон прямо заявлял о целях нововведения. «Звуки нашего языка отличаются от китайских и с трудом передаются китайскими иероглифами. Поэтому многие невежественные люди, хотя и хотят выразить свои чувства в письменной форме, не способны сделать этого. С состраданием осознав эту ситуацию, я недавно разработал двадцать восемь букв. Я надеюсь, что народу будет легко их выучить и пользоваться ими в повседневной жизни» [Sources of Korean tradition, 2000, с. 295].

Но высокообразованные чиновники были обеспокоены тем, что это изобретение подрвет их интеллектуальный и социальный статус, основанный на китайской грамоте. Эти опасения выразил второй человек в придворной академии Чхве Мальли в меморандуме, представленном Седжону. «С момента основания династии наш двор со всей искренностью проводит политику уважения старшего государства и постоянно старается следовать системе китайского правления. Поскольку в настоящее время у нас с Китаем одинаковая система письма и одинаковые учреждения, мы испытали страх, узнав об изобретении корейской письменности. <...> Хотя вид букв похож на иероглифы древних [китайских] печатей, использование букв для фонетического обозначения нарушает старую практику и не имеет под собой почвы. Если это станет известно в Китае, и кто-то выступит против, наша политика уважения Срединной империи будет дискредитирована.

Хотя ветры и почвы различаются от региона к региону, никогда не было случая, чтобы возникали отдельные системы письма для местных диалектов. Только такие народы, как монголы, тангуты, чжурчжэни, японцы и тибетцы имеют собственные письмена. Но это дело варваров, и недостойно нашего внимания. Давно было сказано: “Изменяй варваров, используй китайские модели”. Мы никогда не слышали об изменениях в сторону варварства. Исторически сложилось так,

что Китай всегда рассматривал нашу страну как унаследовавшую добродетельные традиции Конфуция и считал наши образование, литературу, ритуалы и музыку подобными своим. Сейчас создание местной письменности и отказ от китайского языка означает отождествление с варварами. Это, что называется, “отказаться от стиракса (ароматического бальзама) в пользу неприятных выделений богомола”. Разве это не большая помеха для нашей просвещенной цивилизации?» [Sourcebook of Korean civilization, 1993, с. 519–520].

Этот меморандум демонстрирует тот глубокий шок, который испытала правящая элита от создания корейского алфавита, который называла «вульгарным письмом» (*онмун*) в противовес китайским иероглифам («истинному письму»). Она боялась, что его внедрение приведет к краху общественного порядка и ниспровержению традиционной системы ценностей. Седжон не опасался этих последствий и полностью осознавал, что делал. Он хотел создать идеальное конфуцианское государство, в котором образованность не была бы привилегией только дворян-янбанов и каждый достойный и благородный человек мог бы служить своей родине. А для этого нужен был *онмун* — простой язык. Буквы состояли из простых геометрических элементов и их сочетаний: вертикальной, горизонтальной, наклонной черты, угла, квадрата, точки и окружности. В дальнейшем название *онмун* стало синонимом «хунмин чоным» и в XVI в. вытеснило последний.

Поскольку правящее сословие в целом неодобрительно отнеслось к реформе письменности, король посчитал нужным более подробно объяснить свои намерения. В 1446 году были опубликованы комментарии к «Хунмин чоным», основной целью которых было показать, что новые буквы находились в гармонии с ортодоксальной неоконфуцианской доктриной. Этот документ, называвшийся «Хунмин чоным хэре» («Объяснение и примеры к Хунмин чоным»), был подготов-

лен специально созданной комиссией, в которую вошли некоторые высокопоставленные сановники и шесть молодых ученых — членов академии Чипхэнджон. Среди них был и Син Сукчу. В заключительной части комментариев всячески подчеркивались преимущества и перспективы национально-го письменного языка.

«Языки разных стран имеют собственное произношение, но обычно для них не существует букв, поэтому они заимствуют китайские иероглифы для передачи на письме мыслей своих носителей. Однако это похоже на то, как пытаться втискивать квадратную ручку в круглое отверстие. Разве можно достичь этой цели? Поэтому важно, чтобы каждая страна следовала практике, пригодной для ее народа, и никого нельзя принуждать следовать единой системе. Зимой года *кехэ* (1443) Его Величество Король создал двадцать восемь букв для Правильных Звуков и дал примеры написания, демонстрирующие их значение. Затем Его Величество назвал эти буквы “Хунмин чоным”. Имея сходство с пиктограммами, эти буквы схожи с иероглифами древних [китайских] печатей. Основанные на произношении, они соотносятся с Семиступенной музыкальной гаммой. Эти буквы заключают в себе законы неба, земли и человека, а также тайны инь и ян, и нет ничего, что не могло бы через них быть объяснено. Этими двадцатью восьмью буквами можно объяснить множество изменений и превращений; они просты, но содержат в себе все сущности, они изящны, но несмотря на это, легко запоминаются. Поэтому умный человек может выучить их за одно утро, а неумному понадобится на это десять дней. Если мы будем использовать эти буквы для объяснения [китайских] книг, то будет легче постичь их смысл. Если использовать эти буквы в судебном производстве, легче будет выяснять факты по делу. Что касается поэзии, с их помощью можно легко различить звонкие и глухие согласные звуки. В музыке и песнях

с их помощью двадцать полутонов будут гармонично сочетаться. Они могут использоваться в любой ситуации, всегда и везде» [Sources of Korean tradition, 2000, с. 295–296].

«Хунмин чоным хэре» состоял из шести разделов: 1) *Чеджа-хэ* («Объяснение вида букв»); здесь доказывалось, что новые буквы согласовываются с неоконфуцианской доктриной, теорией инь-ян (кор. *ым-ян*), пятью первоэлементами (огонь, дерево, земля, металл и вода) и дихотомией «ясный-мутный» (кор. *чхон-тхак*, кит. *цин-чжо*) — стандартная метафора контраста, использовавшаяся в конфуцианской классике; 2) *Чхосон-хэ* («Объяснение начальных согласных»); 3) *Чунсон-хэ* («Объяснение срединных звуков»), т. е. гласных звуков и тонов; 4) *Чонсон-хэ* («Объяснение конечных согласных»); 5) *Хапча-хэ* («Объяснение объединенных букв»); имеют в виду слоги, группы согласных и двойные буквы *сс* и *хх*; 6) *Ёнджа-ре* («Примеры использования букв»). Послесловие было написано Чон Инджи, ректором Национальной конфуцианской академии *Сонгюнгван* (см.: Ledyard, 1998, с. 282–321). В «Хунмин чоным хэре» начальные звуки (согласные) давались в порядке, найденном в «Хунъу чжэнюнь» («Совершенные рифмы императора Хунъу»), минской работы 1375 года, в которой согласные классифицировались в соответствии с местом артикуляции в голосовом тракте на пять групп: задненёбные, язычные, губные, зубные и гортанные. Дополняли перечень полуязычные и полужубные. Согласные звуки также делились на чистые и затемненные («ясные и мутные»): «полностью чистые» (глухие), «частично чистые» (придыхательные), «полностью затемненные» (звонкие), «не чистые и не затемненные» (носовые и плавные звонкие).

Графическое изображение звонких согласных соответствовало схеме речевых органов, артикулирующих звуки каждой группы. Язычный звук *н* (ㄴ) изображал контур языка, касающегося нёба, губной *м* (ㅁ) — имитировал образ рта,

зубной *c* (人) — образ передних зубов, *к* (≡) — основание языка, замыкающего гортань, а гортанный нулевой начальный звук (слог не может начинаться с гласного, на письме перед ним ставится (○)) — очертание горла.

Количество групп согласных соответствовало китайской традиционной нумерологии, где пять — символ баланса и стабильности (пять первоэлементов, пять сторон света, пять времен года, пять отношений между людьми — основа китайской этики, пять священных гор Китая, пять нот в музыке и т. д.). Задненёбные согласные соответствовали дереву, весне, востоку; язычные — огню, лету, югу; губные — земле, позднему лету; зубные — металлу, осени, западу; гортанные — воде, зиме, северу.

Гласные (срединные) звуки изображали голосовые органы и объяснялись согласно неоконфуцианским идеям, почерпнутым из китайской «Книги перемен», о троичности мироздания, которое образуют небо, земля и человек. Гласный звук заднего ряда *a* изображался точкой, круглая форма которой олицетворяла небо. Срединный гласный звук *y* был представлен горизонтальной чертой, изображавшей язык и плоскую землю, а передний гласный звук *u* обозначался вертикальной чертой, изображающей поднятый язык и стоящего человека.

• <i>a</i>	— <i>y</i>	<i>u</i>
небо	земля	человек

Эти три основных знака образовывали восемь других гласных, символизирующих образование Небом всех остальных сущностей при взаимодействии с землей и человеком. (Точки вскоре были заменены на короткие штрихи: вертикальными на горизонтальных линиях и горизонтальными — на вертикальных.)

Ян (кор. ян) (небо вверху и справа)		Инь (кор. ым) (небо внизу и слева)	
┌ средн. между у и о	┌ а	┐ у	┐ средн. между о и э
└ ё	└ ю	└ ю	└ йо

Орфография была фонетической: каждый слог состоял из начальной согласной, срединной (гласной) и, при необходимости, конечной согласной. Все они записывались в пространстве квадрата, как и китайский иероглиф, представлявший одно слово, что, несомненно, было сделано под влиянием китайской письменности.

Гласные звуки на письме маркировались тонами. Как и в литературном китайском языке, в корейском формально существовали четыре тона. В «Хунмин чоным» тоны обозначались точками, ставившимися слева от слога (*панчом*). Ровный тон (кит. *пиншэн*, кор. *пёнсон* — «короткий-и-низкий») не имел точек. «Восходящий» (кит. *цуйшэн*, кор. *косон*) имел одну точку. «Сансон» («длинный-и-восходящий») имел две точки. «Падающий» тон (кит. *жушэн*, кор. *ипсон*) был характерен для слогов, оканчивающихся на *-к*, *-л* или *-н*, и поэтому не нуждался в специальном обозначении [Pratt, Rutt, 1999, с. 173–175]. (Тональные точки были отменены около 1700 года, а тоны исчезли из корейского языка.)

Седжон, несмотря на неприятие влиятельными интеллектуалами корейского алфавита, проявлял настойчивость в своем решении. Он создал ведомство публикаций на хангыле, на нем в 1447 году была напечатана поэтическая летопись об основании династии Чосон «*Ёнбиочхонга*» («Ода дракону, летящему в небе»), существовавшая до этого на китайском языке. В 1449 году увидели свет «Житие Будды в детальном изложении» («*Сокпо санджоль*») — первое прозаическое произведение, записанное корейским алфавитом, и «Песнь о

луне, отраженной в тысячах рек» («*Ворин чхонган-чигок*»); последняя исполнялась в королевском дворце во время молитв [Концевич, 2007, с. 44].

После Седжона королевский двор предпринимал попытки внедрения хангыля в употребление образованных слоев общества, издавая китайско-корейские словари и конфуцианские классические книги с подстрочником и аннотациями на «простом» языке. Однако корейскому алфавиту предстоял еще долгий путь борьбы за существование. Привычка образованных людей преклоняться перед всем китайским была еще очень сильна. В учебных заведениях по-прежнему изучали тысячи китайских иероглифов, делопроизводственные документы и литературные произведения создавались на *ханча* и были понятны только немногим корейцам. Однако хангыль постепенно становился частью национальной культуры, его использовали женщины, остававшиеся вне системы китайского образования, авторы народных повестей, им записывались местные песни. Такое расширение письменной коммуникации малограмотного населения вызывало тревогу у части правящей элиты. Дело дошло до того, что регент Ёнсангун в 1504 году запретил преподавание, изучение и применение корейской письменности и приказал уничтожить все книги на корейском языке, что, однако, не остановило его употребления частью населения. На хангыле создавались повести, поэзия в жанрах *сиджо* и *каса*. Однако ханмун оставался языком высокой литературы и средством письменного общения образованных людей. Корейское письмо в зависимости от отношения к нему называли простым, или вульгарным (*онмун*), женским (*амкхыль*), монашеским (*чунгыль*), «письмом, которое можно выучить за одно утро» (*ачхимгыль*) и др. [Концевич, 2010].

В XVII–XIX вв. популяризатором хангыля стало интеллектуальное и политическое движение Сирхак (Практическое

знание), объединявшее ученых, протестовавших против обветшалых догм неоконфуцианства, против того, что неоконфуцианцы, находившиеся у власти, признавали только китайскую гуманитарную науку, а все другие знания считали недостойными образованного человека. Они призывали заимствовать полезные для Кореи социальные и экономические достижения других стран, в том числе и Западных, при сохранении национальной идентичности. Поэтому эти ученые начали тщательно изучать хангыль с целью поставить его на службу родине [Baker, 2002]. Ю Хый (1773–1837) написал в 1824 году эссе «Онмун джи» («Заметки о Простом письме»), в котором разделил звуки корейского языка по трем категориям: 25 начальных, 16 срединных и семь конечных. Это стало важным этапом в изучении корейского языка, поскольку он все еще продолжал восприниматься через китайские лингвистические теории. Проблема была и в том, что онмун употреблялся малообразованными людьми, они писали буквы на слух, поэтому даже в одном тексте могло встречаться разное написание слов.

В конце XIX в. прогрессивные деятели приступили к стандартизации языка и письменности. Это было частью национального движения, возникшего в ответ на усиление позиций Японии в Корее после китайско-японской войны (1894–1895). Первые национальные газеты печатались на корейском языке с применением хангыля и китайских иероглифов [Lee Kwang-rin, Ch'oe Yong-ho, 1988, с. 66–72]. Корейский алфавит стал именоваться кунмун («государственное письмо»). В 1912 году, в период японской оккупации, известный ученый Чу Сигён (1876–1914), основатель современного корейского языкознания, утвердил современное название алфавита — хангыль (한글), имеющее несколько этимологических значений: «великая письменность» на древнекорейском, «корейская письменность» на современном языке и др., и осно-

вал Общество изучения корейского языка (*Чосононоён гухэ*), переименованное позднее в Общество корейского языка (*Чосоно хакхэ*). В трех своих главных трудах, опубликованных в 1908, 1910 и 1914 годах, он частично стандартизировал орфографию корейского алфавита, создал грамматику и научную фонетику корейского языка. Вся эта деятельность, как и основание Обществом в 1926 году Дня хангыля в качестве национального праздника, имела целью сопротивление культурной ассимиляции, навязывавшейся японскими оккупационными властями [Lee, De Barry, 2001, с. 321]. С 1927 года Общество издавало журнал «Хангыль», целью которого были активизация исследований в области корейской лингвистики и дальнейшее реформирование корейской орфографии. В 1933 году было издано руководство по стандартизации правописания корейского языка («*Хангыль матчумпон тхонгиран*»), этим была заложена основа современной корейской орфографии. Если с XV в. орфография была фонетической (каждая буква обозначала одну фонему), то теперь она основывалась на морфологическом принципе, т. е. каждая морфема (минимальная значимая часть слова, имеющая определенное значение, — корень, префикс, суффикс, окончание) всегда графически изображалась одинаково, хотя в зависимости от контекста фонетически могла быть реализована по-разному [см.: Бурыкин, 2003, с. 30–45]. В 1936 году Общество опубликовало «Согласованный стандартный словарь» («*Саджонхан пйоджун-маль*») и в 1940 году — «Перевод иностранных слов» («*Верэ-о пйоги-птон*»).

В 1938 году японское колониальное правительство, действуя в русле политики культурной ассимиляции, отменило преподавание корейского языка в школах, а в 1941 году запретило любые публикации на нем. После активного вступления Японии во Вторую мировую войну в 1942 году колониальная политика была ужесточена, члены Общества были

арестованы и 13 из них заключены в тюрьму. Национальная письменность все больше становилась символом борьбы за независимость.

Окончательная редакция корейского алфавита была представлена сразу после освобождения страны, в 1946 году, в издании «Унифицированные стандарты правописания хангыля» («Хангыль тонгиран»). В послевоенные годы корейский алфавит с некоторыми изменениями (сейчас в нем представлены 40 букв) стал официальной письменностью в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике. На Юге полуострова его по-прежнему называют *хангыль*, а на Севере — *чосон мунча*, т. е. «корейское (чосонское) письмо».

Корейцы очень гордятся своей письменностью и не без основания считают ее самой оригинальной из всех существующих. Это единственный в мире алфавит, созданный волевым усилием первого лица в государстве, к тому же с конкретной и благой целью. Хангыль был разработан на строго научной основе, его принципы были объяснены через базовые метафизические категории восточной философии. Корейское письмо стало фактором, определившим национальное самосознание, и инструментом антиколониального сопротивления. «Хунмин чоным» объявлен в Южной Корее памятником национальной культуры под № 70. В 1997 году ЮНЕСКО внесла его в реестр памятников мирового документального наследия. День корейского письма отмечается в Южной Корее 9 октября, а в Северной Корее — 15 января. Это дань современных корейцев интеллектуальным подвигам своих предков.

Литература

Бурыкин А. А. Корейское письмо в ряду алфавитных систем письма: к проблеме общего и особенного // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 5–6. СПб., 2003. С. 30–45.

Концевич Л. П. Корейское письмо // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М., 2010. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2096432> (дата обращения 17.10.2019).

Концевич Л. П. Наставление народу о правильном произношении // Восточная коллекция. М.: Российская государственная библиотека. 2007. № 4. С. 33–45.

Baker D. A. Different thread: orthodoxy, heterodoxy and Catholicism in a Confucian world // Culture and State in Late Chosŏn Korea / ed. by JaHyun Kim Haboush, M. Deuchler. Cambridge: Harvard University Press, 2002. P. 199–230.

Buzo A. Early Korean writing systems // Transactions of the Royal Asiatic Society, Korean Branch. Seoul, 1980. № 55. P. 35–61.

Campbell L., Mixco M. A. Glossary of historical linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. — 224 p.

Ledyard G. R. The Korean language reform of 1446. Seoul: Shingu munhwasa, 1998. — 483 p.

Lee Ki-Moon. The inventor of the Korean alphabet // The Korean Alphabet: history and structure / ed. by Kim-Renauld Young-key. Honolulu: University of Hawaii Press, 1977. P. 11–30.

Lee Kwang-rin, Chŏe Yong-ho. Newspaper publication in the Late Yi Dynasty // Korean Studies. 1988. Vol. 12. P. 62–72.

Lee P. H., De Barry W. T. Sources of Korean traditions. Vol. 2: From sixteenth to twentieth centuries. New York: Columbia University Press, 2001. — 487 p.

Pratt K., Rutt R. Korea. A historical and cultural dictionary. Richmond: Curson Press, 1999. — 568 p.

Sourcebook of Korean civilization. Vol. 1 / ed. by P. H. Lee. New York: Columbia University Press, 1993. — 750 p.

Sources of Korean tradition: From early times through sixteenth century / ed. by P. H. Lee, W. De Barry. New York: Columbia University Press, 2000. — 480 p.

Н. Ю. Тразанова

(Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия)

**ЯДЕРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА
В ПИЩЕВОЙ ТРАДИЦИИ ЯПОНИИ:
РИС И БОБЫ
(ПО ДАННЫМ ЯПОНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ)**

Среди перспективных и актуальных исследований в русле лингвокультурологического подхода любопытным представляется моделирование многообразия кодов различной природы.

В данной работе код понимается как семиотическая система, обладающая динамической структурой, конвенциональностью, воспроизводимостью и способностью «переключаться» на различные фрагменты лингвокультуры. Данное определение кода базируется на положениях У. Эко о коде как об «отсутствующей» структуре в рамках герменевтического интерпретационного подхода [Эко, 2004, с. 375, 416–417].

В связи с этим код рассматривается как метамодель, которая позволяет приблизиться к инвариантному уровню кода, но никогда не достигает его, однако предоставляет выходы на коды других уровней.

Аксиологический код представляет собой систему базовых, жизненно важных концептов, отражающих мировидение, суть и образ бытия народа в данной лингвокультуре.

Ценностные коды лингвокультуры обнаруживаются в текстах, наполненных значимой для представителей данной лингвокультуры информацией: народных изречениях и пословицах, сказках, прецедентных текстах художественной литературы.

Существуют различные подходы к классификации кодов лингвокультуры [Красных, 2002; Телия, 1996; Гудков, Ковшова, 2008]. Среди многообразия ценностных кодов значительное место занимает гастрономический код (смежные термины — «пищевой», «кулинарный»).

Код данного типа позволяет представить реконструкцию пищевой традиции, существующей в данной лингвокультуре. Пищевая традиция состоит из следующих компонентов: 1) продукты и блюда; 2) кухонная утварь и инструменты; 3) способы приготовления пищи; 4) ритуалы трапезы; 5) функции, выполняемые различными составляющими пищевой традиции [Устинова, 2010, с. 28].

Отобранный языковой материал относится к первому и пятому компонентам, то есть будет касаться продуктов и блюд японской пищевой традиции, а также роли и функций данных блюд в японской лингвокультуре.

Изучение гастрономического кода особенно актуально для пищевой традиции, которая сложилась в японской лингвокультуре, поскольку для японцев еда представляет собой не только повседневную необходимость для поддержания жизненных сил, но и эстетическое наслаждение, неповторимое ощущение времени года, своевременности, неотъемлемую часть социальной коммуникации.

Рассмотрим отличительные черты гастрономического кода на материале японских пословиц.

Японский исследователь и создатель словаря пословиц о японской пищевой традиции *和食ことわざ辞典 Васёку котовадза дзитэн* Нагаяма Хисао отмечает, что само слово

«пословица» ранее было эквивалентно понятию 呪言 *дзюгон* «заклинание», «заговор», то есть наделялось магической силой, которая могла помочь избавиться от бед. В связи с этим Нагаяма называет Японию страной, где процветает 言霊 *котадама* «душа слова», где трепетное отношение к слову как ценности является традиционным и естественным [Нагаяма, 2014, с. 2].

Прежде всего, представим ряд пословиц, отражающих отношение японцев к пище.

1. 食は命の親 *Сёку ва иноти но оя* «Еда — основа жизни»;

2. 稲は「いのち」の「ね」 *Инэ ва иноти но нэ* «Рис — основа жизни»;

3. 食わずに死なんで、食いすぎて死ぬ *Кувадзу ни синандэ, куисугитэ сину* «Умирают не от недоедания, а от переедания»;

4. 食えどもその味を知らず *Куэдомо соно адзи о сирадзу* «Хоть и поел, но вкуса не понял»;

5. 素口に福楽なし *Сугути ни фукураку наси* «В пустой рот и удача не идет»;

6. 大食腹に満つれば、学問腹にいらず *Дайсёкухара ни манцурэба, гакумон хара ни ирадзу* «Полное брюхо к учению глухо».

Представленные примеры паремий говорят об аксиологическом отношении, нормах и принципах питания, которые установились в японской лингвокультуре. Известно, что в традиционной японской культуре принято скорее дегустировать, пробовать блюда на вкус, наслаждаться естественными вкусами, нежели насыщаться. Кроме того, потреблять пищу маленькими порциями полезнее для здоровья, чем принимать чрезмерное количество пищи.

По первым двум примерам можно понять, что рис в японской паремиологии тождественен понятию «пища», «еда».

Пример 2 интересен тем, что если слово 「いね」 *инэ* «рис» разобрать на составные части, то получится 「いき」 *ики* «дыхание» либо 「いのち」 *иноти* «жизнь» и 「ね」 *нэ* «основа» или «корень».

Любопытно, что японская поговорка «Полное брюхо к учению глухо» противоположна русской поговорке «Пустое брюхо к учению глухо».

В словарном толковании поговорки, представленной примером 4, отмечается: чтобы понять истинный вкус еды, требуется концентрация душевных сил, особый настрой.

Один из ядерных фрагментов гастрономического кода представлен группой поговорок о рисе:

1. いつも月夜に米の飯 *Ицумо цукиё ни комэ но мэси* «Рис в лунную ночь всегда кстати»;

2. 日常茶飯事 *Нитидзё: сахандзи* «Повседневная еда»;

3. 米は天照大神の目 *Комэ ва Аватэрасу Оомиками но мэ* «Рис — это глаза богини Аватэрасу»;

4. 米の飯と女は白いほど良い *Комэ но мэси то онна ва сирой ходо ёй* «Рис, как и женщина, чем белее, тем лучше».

Судя по примерам 1, 2, обнаруживается, с одной стороны, отношение к рису как к повседневному, обыденному явлению, с другой стороны, подчеркивается неотъемлемость, необходимость, своевременность употребления в пищу риса.

В примере 3 демонстрируется почтительное отношение к рису, которое заключается в уподоблении рисового зерна глазам богини Аватэрасу.

Существуют также поверья, в которых осуждается неподобающее отношение к рису [Нагаяма, 2014, с. 42]:

- 米をこぼすと、火事になる *Комэ о кобусу то, кадзи ни нару* «Если просыпать рис, случится пожар» (префектура Хиросима);
- 米粒をもてあそぶと貧乏人になる *Комэцубу о мотэа-*

собу то бимбо: нин ни нару «Если забавляться с рисом, это приведет к бедности» (префектура Акита);

• 米を踏んでけがをすると治らない *Комэ о фундэ кэга о суру то наоранай* «Если наступить на рис, то полученная впоследствии травма не заживет» (префектура Сига).

По приведенным выше паремиям можно обнаружить, что уважительное отношение к рису в то же время не исключает компонента повседневности, постоянства присутствия риса в ежедневном рационе японцев.

Следует заметить, что так было не всегда. В прежние времена рис считался роскошной едой — *ぜいたくな料理* *дзэйтакунa рё: ри*, которую употребляли в праздники и по особенным случаям. Рису покровительствует божество в образе лиса Инари, имя которого происходит от выражения *稲なり инэ нари*, то есть «ведать рисом» [Садокова, 2017, с. 18].

В Японии существует более тридцати тысяч храмов для поклонения Инари. Отличительной чертой оформления храмов такого типа является наличие красных ворот-*тории*, где красный цвет считается оберегом от болезней и злых духов [Садокова, 2017, с.19].

Считалось, что, поев риса, человек наполняется священной силой, которая называется *霊力 рэйрёку*, которая помогает избавиться от усталости, обрести энергичность и выносливость, способствует долголетию [Нагаяма, 2014, с. 34–35].

Кроме того, рис являлся показателем достатка и даже богатства: *米の飯を食うのは簡単だが、麦飯を食うのは難しい* *Комэ но мэси о ку: но ва кантан да га, муги мэси о ку: но ва мудзукасий* «Легко есть рис, но трудно есть пшеницу». В данной паремии обычный рацион богатых и бедных людей олицетворяет их образ жизни: состоятельные люди питаются в основном рисом и им живется комфортно, бедняки употребляют скудную пищу и проживают тяжелую жизнь.

Вместе с тем в качестве повседневной пищи повсеместно широко употреблялись бобовые и блюда из бобовых. Данный факт подтверждается следующими народными изречениями:

1. 日本人はみそ民族 *Нихондзин ва мисоминдзоку* «Японцы — нация мисо»;

2. 何はなくともみそ食べろ *Нани ва накутомо мисо табэро* «Если ничего больше нет, ешь мисо-суп»;

3. まめになる *мамэ ни нару* «Стать здоровым, крепким, выносливым» (букв. «превратиться в боб», «стать бобом»).

К бобовым в японской пищевой традиции принято относиться с почитанием. В префектуре Кумамото даже существует храм поклонения 味噌天神 *Мисо Тэндзин* «Божеству Мисо», происхождение которого восходит к богине Аматэрасу. В древних свитках «Кодзики» Божество Мисо упоминается как *Кумано Кусуби но Микото*.

1. 味噌汁の天、地、人 *Мисосиру но тэн, ти, дзин* «Мисосиру — это и божественное, и земное, и человеческое»;

2. 味噌がうまくなると裕福になる *Мисо га умаку нару то ю: фуку ни нару* «Кто научился вкусно готовить мисо, тот достигнет благосостояния»;

3. 味噌の味が変われば、かまど変わる *Мисо но адзи кавареба, камадо кавару* «Если меняется вкус мисо, меняется и очаг».

Пример 1 трактуется как представление о том, что мастерски приготовленный мисо-суп должен быть сочетанием трех элементов: «божественное» — аромат мисо, «земное» — чистая вода, «человеческое» — заправка, содержимое супа (водоросли *вакамэ*, кусочки тофу, грибы, морковь, дайкон, зеленый лук, порей и прочие ингредиенты).

В примере 2 отмечается умение приготовить вкусное мисо в качестве фундамента для достижения достатка, изобилия в жизни.

В примерах 1 и 2 говорится о ценности вкуса мисо, что имеет непосредственное отношение к понятию *умами* «тонкий вкус», одного из важнейших понятий пищевой традиции в японской лингвокультуре.

В народном изречении 3 подчеркивается значимость мисо как необходимого компонента для поддержания здоровья и благосостояния в доме. Вкус мисо символически обозначает незыблемые устои и уклад семьи. Если основа существования пошатнулась, это приводит к разорению, бедности, бедам в семье, которая в данной поговорке представлена как *камадо* «очаг».

Ряд паремий показывает, что мисо-суп рекомендуется употреблять в пищу утром для того, чтобы избавиться от сонливости, вредных веществ и токсинов, обрести бодрость. Вечером бобовые также приносят пользу для организма, и это отмечается в устойчивых выражениях:

1. 味噌汁で顔を洗え *Мисосиру дэ као о араэ* «Умывайся супом мисо»;

2. 味噌汁は朝の毒消し *Мисосиру ва аса но докुकэси* «Мисо смывает утреннее недомогание»;

3. 夜、豆食うと豆になる *Ёру, мамэ ку: то мамэ ни нару* «Тот, кто ест бобы вечером, будет здоров»;

4. 夜の豆は三粒でも食べよ *Ёру но мамэ ва мицубу дэмо табэё* «Вечером съешь хотя бы три бобовых зернышка».

подавляющее большинство паремий о бобовых повествует о полезных свойствах блюд из бобов, о сохранении здоровья и достижении долголетия посредством постоянного употребления в пищу таких традиционно японских блюд, как мисо-суп, натто, тофу.

1. 味噌汁は医者殺し *Мисосиру ва исягороси* «Тот, кто ест мисо, не нуждается в докторях»;

2. 納豆時の医者知らず *Натто: доки но ися сирадзу* «Когда созревает натто, доктор не нужен»;

3. 味噌汁は不老長寿のくすり *Мисосиру ва фуру: тё: дзю но кусури* «Мисо — лекарство от старости и болезней»;

4. 納豆くうひと、色白美人 *Намто: ку: хито, иродзиро бидзин* «Тот, кто ест натто, станет белолицей красавицей».

Пример 1 при буквальном переводе звучит следующим образом: «Кто ест мисо, тот убивает доктора». В примере 4 отмечается благотворное влияние от употребления натто на состояние кожных покровов.

В паремиях, приведенных выше, в основном говорится о комплексном оздоровительном воздействии блюд из бобовых на организм человека. Рассмотрим группу паремий, в которых можно наблюдать конкретизацию.

1. 納豆は腸をきれいにして老化を防ぐ *Намто: ва тё: о кирэй ни ситэ ро: ка о фусэгу* «Натто очищает желудок и предотвращает старость»;

2. 納豆は腸の掃除薬 *Намто: ва тё: но со: дзи кусури* «Натто — средство для очищения желудка»;

3. 納豆は目に良い *Намто: ва мэ ни ии* «Натто полезен для глаз»;

4. 納豆を食べると骨が丈夫になる *Намто: о табэру то хонэ га дзё: бу ни нару* «Если есть натто, кости будут крепкими»;

5. 生みそは腹の妙薬 *Нама мисо ва хара но мё: яку* «Мисо — чудодейственное лекарство для желудка»;

6. 二日酔いにこいめの味噌汁 *Фуцка ёй ни коимэ но мисосиру* «Густой мисо-суп — хорошее средство от похмелья»;

7. みそは頭の血の巡りをよくする *Мисо ва атама но ти но мэгури о ёку суру* «Мисо способствует улучшению мозгового кровообращения».

Судя по представленным выше примерам, бобовые способствуют укреплению костной ткани и состояния пищеварительной системы, устранению вредных веществ из организма (в том числе последствий алкогольной интоксикации), сохранению молодости.

Также существует устойчивое словосочетание, которое характеризует уровни наслаждения мисо-супом посредством омонимичной игры слов [Нагаяма, 2014, с. 80]:

みその三礎 *Мисо но сансо* «Три уровня мисо»:

1. 味礎 *мисо* «наслаждение вкусом»;
2. 身礎 *мисо* «польза для здоровья, питательная ценность, кладезь витаминов и минералов»;
3. 美礎 *мисо* «сохранение красоты кожи, предотвращение возрастных изменений».

Вместе с тем помимо паремий о безусловной пользе бобовых для здоровья наблюдается ряд устойчивых сочетаний и пословиц, в которых создаются яркие образы-символы.

1. 豆蔵 *мамэдзо*: «быть болтливым», «быть скоморохом, шутом»;

2. 納豆のような仲 *натто*: *но ё: на нака* «дружные супруги», «неразлучная пара»;

3. 納豆も豆なら、豆腐も豆 *Натто*: *мо мамэ нара, то: фу мо мамэ* «И натто — бобы, и тофу — бобы»;

4. 豆腐の角に頭をぶっつけて死ぬ *То*: *фу но кадо ни атама о буццукэтэ сину* «Погиб, ударившись головой об угол тофу»;

5. 豆腐と芸者は、硬くては売れぬ *То*: *фу то гэйся ва, катакутэва урэну* «Старый тофу и старая гейша не будут продаваться»;

6. 手前味噌を並べる *Тэмаэ мисо о нараберу* «Выставлять мисо, приготовленный дома».

Данные паремии представляют собой иносказательные сочетания и изречения, которые требуют толкования и пояснения. В примере 2 сравнение «неразлучной парочки» с *натто* обусловлено качеством клейкости, которое свойственно для *натто* (блюдо изготавливается из соевых бобов посредством брожения, и полученная субстанция имеет тягучую, клейкую консистенцию).

Пословица 3 используется, когда говорят о том, что имеет разную форму, но одинаковое содержание.

В примере 4 подразумевается человек, который не сумел справиться с простым делом.

К пословице 6 обращаются, когда сталкиваются с хвастовством. Подобным образом употребляются и более краткие аналоги: *手前みそ* *тэмаэмисо*, *みそを上げる* *мисо о агэру*. Все три устойчивых выражения берут начало от *手前みそ* *тэмаэмисо*, которое связано с тем, что вкус *мисо*, приготовленного в своем доме, казался «самым вкусным во всей Японии» [Нагаяма, 2014, с. 73].

Итак, в результате проведенного исследования были установлены характеристики ядерных компонентов гастрономического кода в японской пищевой традиции:

1. пицца как источник жизни, отождествление риса с основной питания, приемами пищи;

2. рис как символ богатства и изобилия *ぜいたくな料理* *дзэйтакунa рё: ри*;

3. рис как источник священной силы *霊力* *рэйрёку*;

4. бобовые и блюда из бобовых в качестве повседневного рациона питания, а также неотъемлемой составляющей здоровья и долголетия;

5. почтительное отношение к рису и бобовым;

6. предполагаемое божественное происхождение риса и бобовых, наличие божества риса Инари и бога Мисо;

7. ценность умения правильно приготовить *мисо*, достигнуть тонкого вкуса *умами*.

Литература

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2008. — 288 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.

Нагаяма Хисао. 永山久夫 和食ことわざ辞典 [テキスト] - 東京: 堂出版, 2014. P. 2–80.

Садокова А. Р. Фольклорная интерпретация образа бога риса Инари в японских легендах и преданиях // Филология и лингвистика. 2017. №1. С. 18–22. URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/45/1844/> (дата обращения: 22.11.2019).

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

Устинова Н. А. Пищевой код как символизация пищевой традиции (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 333. С. 28–31.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. — 544 с.

みそソムリエ すずなの味噌を知る! 大百科. URL: <https://miso-sommelier.com/category20/note71.html> (дата обращения: 18.11.2019).

Сведения об авторах

Адилханян Нина Леоновна — старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Древнекитайский «Каталог шань хай цзин» («山海经»): опыт регионоведческого анализа

Целью статьи является рассмотрение литературного памятника «山海经» («Каталог гор и морей») в качестве источника синкретического знания об окружающем мире в Древнем Китае. В связи с этим устанавливаются основные сферы интересов древних китайцев в познании региона их проживания и соседних территорий.

Ключевые слова: «山海经/», география, регионоведение

Nina L. Adilkhanian (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Ancient Chinese «The classic shan hai jing»: experience of regional analysis

The purpose of the article is to consider the literary monument «山海经» («The Classic shan hai jing») as a source of syncretic knowledge about the world in Ancient China. In this regard, are established the main areas of interest of the ancient Chinese in regional studies of their places of residence and neighboring territories.

Keywords: «山海经» («The Classic shan hai jing»),
geography, regional studies

Балабейкина Ольга Александровна — кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Изучение религиозного пространства стран Азиатско-Тихоокеанского региона как научное направление в регионоведении (в соавторстве с Ю. А. Кузнецовой)

Рассматриваются основные направления в исследованиях религиозного пространства Азиатско-Тихоокеанского региона, обозначаются наиболее перспективные и актуальные из них. Авторы указывают на необходимость вовлечения материалов, научных приемов и методов других областей знаний в сферу изучения религий в странах АТР. Причина — расширение предметной области, связанной с религиозным пространством. Также обосновывается необходимость привлечения к такого рода исследованиям математико-статистического инструментария.

Ключевые слова: религии Азиатско-Тихоокеанского региона, религиозное пространство, конфессиональное регионоведение

Olga A. Balabeykina (Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia)

Research of the Asia-Pacific region religious space as a scientific field in the area studies (in co-authorship with Yulya A. Kuznetsova)

In this article are considered the main directions in the research of the Asia-Pacific region religious space, are being identified the most perspective and actual among these. The authors point to the necessity of study materials, scientific approach and methods involvement from other knowledge fields to the religious research sphere in the Asia-Pacific countries. The reason is the expansion of the object domain connected with the religious space. Also in this article is substantiated the necessity of engaging mathematical and statistical tools.

Keywords: religions of the Asia-Pacific region, religious space, confessional area studies

Балашова Виктория Павловна — преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Система современной китайской годонимической терминологии (в аспекте сопоставления с русским и английским языками)

В данной работе произведен анализ годонимов китайского, английского и русского языков с целью выявления схожих и отличительных особенностей годонимических терминов. Особое внимание уделяется выявлению характерных черт китайских урбанони-

Сведения об авторах

мов, используемых при наименовании китайских улиц.

Ключевые слова: урбаноним, годоним, ономастика, китайский язык

Viktoria P. Balashova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

System of Chinese hodonym's terminology (in comparative aspect with Russian and English)

This article provides analysis of Chinese, English and Russian hodonymes in order to identify similar and distinctive features of hodonym's terms. Special focus concentrate on identifying characteristic features of terms used in the name of Chinese streets.

Keywords: urbanonym, hodonym, onomastic, Chinese

Белобородова Анна Дмитриевна — студент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Миграционная политика Индонезии

В статье рассматриваются основные причины международной миграции в Юго-Восточной Азии, становление миграционной политики Индонезии начиная с периода правления президента Сухарто и до наших дней. Отмечаются итоги преобразований в

сфере миграции и отличительные особенности данного процесса в Индонезии.

Ключевые слова: миграция, миграционные паттерны, формы миграции, интеграция в индонезийское общество

Anna D. Beloborodova (Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia)

Migration policy of Indonesia

This article aims at disclosing the main reasons of international migration in Southeast Asia, the changes in migration policy of Indonesia starting since the Suhatro's rule and up until nowadays. The results of transformations in the migration system and the distinctive features of this process in Indonesia were discussed.

Keywords: migration, migration patterns, forms of migration, integration into Indonesian society

Благодер Юлия Гариевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета

Мир природы в китайском искусстве: изображения птиц и их символическое значение (коллекции российских музеев)

В статье нашли отражение этические и эстетические мотивы изображения мира природы в китай-

ском искусстве. Объектом исследования явились произведения китайского искусства, находящиеся в фондах российских музеев (Государственный музей Востока, Кунсткамера, Эрмитаж, дворцовые комплексы: Петергоф, Ораниенбаум). Автор акцентирует внимание на экспонатах, выполненных из различных материалов, на которых присутствуют изображения птиц. Дана краткая характеристика символического значения изображений. В статье приведены документальные свидетельства европейских и российских путешественников XIX — начала XX в., позволяющие выявить особенности восприятия иностранцами произведений китайского искусства.

Ключевые слова: китайская традиционная культура, китайское декоративно-прикладное искусство, «шинуазри», российские музеи

Yulia G. Blagoder (Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia)

Nature world in Chinese art: pictures of birds and their symbolic meaning (collections of Russian museums)

The article reflects the ethical and aesthetic motifs of depicting the natural world in Chinese art. The object of the study is the works of Chinese art that are in the collections of Russian museums (State Museum of the East, Kunstkamera, Hermitage, palace complexes: Peterhof, Oranienbaum). The author focuses on exhibits made of various materials in which images of birds are present. A brief description of the symbolic meaning of

images is given. The article provides documentary evidence of European and Russian travelers of the XIX — early XX centuries, allowing identifying the peculiarities of perception by foreigners of Chinese art works.

Keywords: Chinese traditional culture, Chinese arts and crafts, «Chinoiserie», Russian museums

Братухина Юлия Николаевна — студент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Положение КНР в современном мировом пространстве через призму военной доктрины страны

Целью статьи является характеристика положения Китая на мировой арене, составленная на основе материалов военной доктрины и «Белой книги» — основных документов, резюмирующих отношение страны к окружающему политическому пространству. В связи с этим отдельное место отведено теме территориальных споров и обеспечению национальной безопасности.

Ключевые слова: Китай, КНР, военная доктрина, «Белая книга», мировая политика, территория

Yulia N. Bratukhina (Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia)

China's position in the modern world through the prism of the country's military doctrine

The purpose of the article is to characterize the position of China on the world stage, compiled on the basis of the materials of the military doctrine and the «White paper» — the main documents summarizing the country's attitude to the surrounding political space. In this connection a special place is devoted to the topic of territorial disputes and national security.

Keywords: China, military doctrine, «White paper», world politics, territory

Бунаева Наталья Андреевна — старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

К вопросу о популярности пластической хирургии в Южной Корее (в соавторстве с Б. С. Сосоровой)

Эта статья посвящена рассмотрению причин популярности индустрии пластической хирургии в Республике Корея. Исследование включает в себя анализ трех аспектов: исторические и культурные причины популярности пластической хирургической практики, популяризация пластической хирургии посредством К-Поп культуры и влияние пластической хирургии на экономику и южнокорейское общество в целом. Дан-

ные аспекты способствуют тому, что Корея занимает лидирующую позицию по количеству пластических операций в мире.

Ключевые слова: Южная Корея, пластическая хирургия, К-Поп культура, кризис идентичности, медицинский туризм, популярность, идентичность

Natalya A. Bunaeva (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

To the question of plastic surgery popularity in South Korea (in co-authorship with Bairma S. Sosorova)

This article focuses on considering the causes of plastic surgery popularity in the Republic of Korea. The research includes the analysis of three aspects: historical and cultural causes of the fast booming cosmetic surgery practices, K-pop culture as a live advertisement promoting plastic surgery and the impact of cosmetic surgery on South Korean society and economics. These aspects made South Korea to have a leading position in the cosmetic surgery industry.

Keywords: South Korea, plastic surgery, K-pop culture, identity crisis, medical tourism, popularity, identity

Бурак Анастасия Владимировна — магистрант кафедры востоковедения и регионоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных язы-

ков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Зооним 马 ‘лошадь’ как лингвокультурема

Данная статья посвящена раскрытию лингвокультурной насыщенности зоонима «лошадь» в китайской национальной культуре, которая раскрывается в приобретении знаком символичности и оценочности, что особенно ярко проявляется на материале фразеологизмов, включающих данный знак.

Ключевые слова: китайский язык, культура, зооним, фразеологизм, лошадь

Anastasia V. Burak (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Zoonym 马 ‘horse’ as a linguistic culturema

This article is devoted to the disclosure of the linguocultural intension of the zoonym «horse» in Chinese linguoculturology, which is revealed in the acquisition of a sign of symbolism and appreciation, which is especially pronounced on the material of phraseological units that include this sign.

Keywords: Chinese language, culture, zoonym, phraseological units, horse

Ван Сюэцзяо — магистр филологии, штатный преподаватель Института Конфуция, переводчик отдела международных связей Ляонинского университета

Проблемы преподавания китайского языка как иностранного в контексте инициативы «Один пояс — один путь»: фонетические аспекты

С продвижением инициативы «Один пояс — один путь» повышается количество стран-участниц, а также число изучающих китайский язык. Это ставит непростые задачи для сферы преподавания китайского языка как иностранного, и это касается многих сфер: подготовка преподавателей, методы обучения и его эффективность. Результаты обучения китайскому языку как иностранному, то есть уровень китайского языка, на котором говорят иностранцы, в первую очередь проявляются в уровне владения фонетическими компетенциями; кроме того, это один из критериев оценки, который нельзя игнорировать. Как известно, в речи изучающих китайский язык почти всегда слышен иностранный акцент, который не просто серьезно влияет на восприятие речи, но и с большей вероятностью ставит коммуникационные препятствия, в результате чего слушатель не может правильно понять смысл речи, что порождает двусмысленность. Автор статьи, основываясь на теоретических разработках по проблеме преподавания фонетики китайского языка такими лингвистами, как Чжао Юаньжэнь, Чэн Тан и У Цземинь, выдвигает несколько предложений по совершенствованию процесса преподавания фонетических аспектов. Статья может найти свое практическое применение в

области преподавания фонетики китайского языка иностранным студентам.

Ключевые слова: китайский язык как иностранный, фонетика, преподавание, теория, практика, практическое применение, предложения

Wang Xuejiao (Liaoning University, Shenyang, China)

Teaching Chinese as a foreign language in the context of the belt and road initiative: suggestions on teaching phonetics

With the promotion of «The Belt and Road» initiative, more and more countries have responded positively to this initiative, and the number of foreign students learning Chinese has skyrocketed. This is a challenge for teaching Chinese as a foreign language in many aspects such as teachers training, teaching methods, and teaching achievements. The result of teaching Chinese as a foreign language, that is, the level of Chinese spoken by foreigners, reveals itself, first of all, in the level of phonetic competence. It is also one of the evaluation standards that cannot be ignored. It is generally known that foreign students speaking Chinese almost always have a foreign accent. Sometimes, this not only seriously affects the perception of the speech, but is also likely to form communication obstacles, causing the listener to fail to understand the meaning of the discourse correctly, which leads to ambiguity. Based on the theories related to teaching the phonetics of Chinese as a foreign language by linguists such as Zhao Yuanren, Cheng Tang, and Wu Jiemin, this article puts forward some suggestions for the improvement of teaching phonetic aspects. This article seeks to be of practical use in teaching Chinese phonetics to foreign students.

Keywords: Chinese as a foreign language, phonetic, teaching, theory, practice, practical use, suggestions

王雪娇 (国际交流处翻译/孔子学院专职教师)

“一带一路”背景下的对外汉语教学问题：语音教学的几点建议

随着“一带一路”的推广，该倡议得到了越来越多国家的积极响应，学习汉语的外国学生数量激增。这对于对外汉语教学来说，是师资、教学法、教学成果等多方面的挑战。评价对外汉语教学成果，也就是外国人说汉语的水平，语音面貌往往给人极为重要的第一印象，也是不容忽视的评价标准之一。众所周知，外国学生的汉语语音总给人以“洋腔洋调”之感。有时候，这种“洋腔洋调”不仅仅严重影响语音面貌，更有可能形成沟通障碍，造成听话人不能正确理解话语含义，甚至产生歧义。本文以赵元任、程棠、吴洁敏等语言学家的对外汉语语音教学相关理论为基础，结合对外汉语教学实际，提出针对对外汉语语音教学的若干建议。本文对于对外汉语语音教学有现实意义和指导意义。

关键词：对外汉语；语音；教学；理论；实际；现实意义；建议

Вейнберг Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Этапы развития гендерных исследований в Японии (в соавторстве с Т. С. Серых)

Статья посвящена истории развития гендерных исследований в Японии. В рамках этой темы приводятся определения гендера и гендерных исследований, выделяются пять этапов становления данного направления («освободительного движения», «становления женских исследований», «введения теории феминизма», «перехода от женских исследований к гендерным», «реакции на критицизм»), охватывающих период с 1960-х годов по наше время, описываются изменения в подходе к изучению гендерной проблематики в Японии.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендер, японское общество, Япония

Nadezhda M. Weinberg (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Stages of gender studies development in Japan (in co-authorship with Tatyana S. Serykh)

This article is devoted to the history of Gender Studies development in Japan. Within the framework of this topic, definitions of gender and Gender Studies are given, five stages of the development of this research area are highlighted («liberation movement period», «Women's Studies formation period», «period of introduction of the theory of feminism», «period of transition from Women's Studies to Gender Studies», «backlash reaction period») in the period from the 1960s to our time, the changes in the approach to the study of gender in Japan are described.

Keywords: Gender Studies, gender, Japanese society, Japan

Структура новостных заметок на тему российско-японских отношений в политическом дискурсе японских электронных СМИ (в соавторстве с В. А. Колчиной)

Целью статьи является выявление особенностей представления политической тематики, связанной с российско-японскими отношениями, в электронных японских газетах «The Hochi Shimbun», «The Mainichi Newspapers», «The Daily Shincho». В связи с этим в статье приводится определение политического дискурса, его главных особенностей, дается новое определение заметке, выявляется ее структура и информационная задача.

Ключевые слова: российско-японские отношения, японские электронные СМИ, политический дискурс

Structure of news notes on the topic of Russian-Japanese relations in the political discourse of Japanese electronic media (in co-authorship with Viktorya A. Kolchina)

The purpose of the article is to identify the features of the representations of political topics related to Russian-Japanese relations in the electronic Japanese newspapers «The Hochi Shimbun», «The Mainichi Newspapers», «The Daily Shincho». In this regard, in the article we give a definition of political discourse, its main features, derive a new definition of a note, identify its structure and informational task.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japanese electronic media, political discourse

Вербицкая Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Метафора культуры как инструмент регионоведческих исследований

Целью статьи является рассмотрение вопросов, касающихся использования понятия «метафора культуры» при проведении регионоведческих исследований, в частности, исследований культуры американцев. В связи с этим проводится анализ взаимосвязи понятия «культурная метафора» с культурными ценностями, определяющими данный культурный социум.

Ключевые слова: социум, культура, культурная метафора, ценности культуры, глобализация

Olga Yu. Verbitskaya (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Cultural metaphor as an instrument of regional studies

This article is aimed to consider some questions connected with the applying of the notion «cultural metaphor» to the regional studies, the studies of American culture in particular. In this connection the analysis of the correlation between a «cultural metaphor» and cultural values determining some sociocultural environment is established.

Keywords: socioenvironment, culture, cultural metaphor, cultural value, globalization

Верченко Алла Леонидовна — старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН

Оценка некоторых российско-китайских форумов в год 70-летия Китайской Народной Республики

В статье дается анализ некоторых из проведенных в России и Китае научно-практических мероприятий, посвященных 70-летию образования КНР, установления дипломатических отношений между нашей страной и Китаем и создания Общества китайско-советской / российской дружбы. Российские и китайские ученые и общественные деятели обсудили прошлое, настоящее и перспективы развития российско-китайских отношений.

Ключевые слова: 70-я годовщина КНР, советско- / российско-китайские отношения, совместные научные форумы, история

Alla L. Verchenko (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia)

Analysis of some Russian-Chinese forums in the year of the 70th anniversary of the People's Republic of China

The article gives an analysis of several of the practical scientific forums held in Russia and China to commemorate the 70th anniversary of the foundation of the PRC, establishment of diplomatic relations between our country and China, creation of Sino-Soviet / Russian Friendship Society. Russian and Chinese scholars and public figures discussed the past, present and prospects for the development of the Russian-Chinese relations.

Keywords: 70th anniversary of the PRC, joint scientific forums, Soviet / Russian-Chinese relations, history

Гуань Сюань — доктор наук (PhD), профессор, заместитель директора Института иностранных языков Шаньдунского молодежного университета политических наук, приглашенный научный сотрудник Университета Рицумейкан, Япония

Опыт исследования факторов, влияющих на тенденции развития китайско-японских экономических отношений

Нормализация китайско-японских отношений стимулировала развитие и расширение экономических связей между двумя странами. Растущая взаимозависимость Китая и Японии требует применения в двусторонних экономических отношениях принципа «обоюдного выигрыша» (win-win). Модель экономической взаимодополняемости, в которой Япония на начальном этапе занимала лидирующую позицию, постепенно уступает место модели конкуренции при совместных усилиях двух стран. Основные факторы,

обусловившие изменение форм экономического сотрудничества, относятся как к аппаратным, так и к программным аспектам. При должной координации экономического развития, государственной политики и других ключевых факторов появляется возможность создания базы для экономического сотрудничества между двумя странами и формирования благоприятных условий для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: китайско-японские отношения, тенденции развития, экономическое сотрудничество, аппаратное обеспечение

Guan Xiulan (Shandong Youth University of Political Science, Jinan, China)

A study on the factors affecting the development trends of Sino-Japanese economic relations

The normalization of Sino-Japanese relations has stimulated development and expansion of economic ties between the two countries. The growing interdependence between the two countries calls for a win-win principle in bilateral economic relations. The economic complementarity model led by Japan in the initial stage has gradually grown to a competitive model by the joint efforts of the two countries. The major factors that lead to the change of the economic cooperation model include both «hard» and «soft» aspects. If the economic development, national policies and other key factors are well-coordinated, the platform for economic cooperation between the two countries will be built, creating favorable conditions for economic cooperation.

Keywords: Sino-Japanese relations, development trend, economic cooperation, software and hardware

管秀兰 (教授, 山东青年政治学院外国语学院副院长, 日本立命馆大学客座研究员)

影响中日经济关系发展走向的因素分析

从整体走势看邦交正常化以来的中日经贸关系, 规模不断发展和壮大是其最基本趋势。在越来越紧密的相互依存关系中, “共赢”(win-win) 逐渐成为双方发展经济关系必须遵循的原则。中日经济合作模式, 由最初日本主导下的“互补性合作”, 逐渐成长为当前两国共同协调下的“竞争性发展”。引起双方合作模式发生变化的要素, 包括硬件和软件两个方面。这些硬件和软件中的主要部分, 特别是经济发展水平和国家政策这类关键性因素配合良好, 就能够完成一定历史时期双方合作的平台建构, 为两国经济界的合作创造条件。反之, 则会造成负面影响。邦交正常化以来中日经济合作的历史, 正是这种软硬件平衡的建立、打破和重新建立的过程。

关键词: 中日关系; 发展走向; 经济合作; 软硬件.

Дерюгин Павел Петрович — доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Изучение и использование исторического опыта регионального развития зарубежных стран в Китае (1980-е годы — настоящее время) (в соавторстве с С. Б. Макеевой, Л. А. Лебединцевой)

В статье анализируются особенности изучения регионального развития зарубежных стран в китайском научном сообществе. Выделяется роль научно-исследовательских институтов, «мозговых» центров в развитии зарубежного регионоведения. Определяется роль исторического опыта как ключевого фактора в формировании региональной внутренней и внешней политики КНР.

Ключевые слова: региональное развитие, китайские ученые, наука, исторический опыт

Pavel P. Deryugin (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Studying and using the historical experience of the regional development of foreign countries in China (1980s — present) (in co-authorship with Svetlana B. Makeeva, Lyubov A. Lebedintseva)

The article analyzes the features of studying the regional development of foreign countries in the Chinese scientific community. The role of research institutes, think tanks in the development of foreign regional studies is highlighted. The role of historical experience is determined as a key factor in the formation of the regional domestic and foreign policies of the PRC.

Keywords: regional development, Chinese scientists, science, historical experience

Дроботушенко Евгений Викторович — кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета

Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории православной российской эмиграции в Шанхае

В статье характеризуются фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), содержащие материалы по истории православной российской эмиграции в одном из ее центров на территории Китая — Шанхае. Отмечается, что дел по проблемному полю исследования в фондах ГА РФ достаточно много. Они относятся к самым разным фондам. Однако на сегодняшний день серьезного, объемного источниковедческого анализа в разрезе заявленной проблематики исследователями не проведено.

Ключевые слова: российская эмиграция, Китай, Шанхай, источники, архив, фонды

Evgeny V. Drobotushenko (Transbaikal State University, Chita, Russia)

Funds of the State archive of the Russian Federation on the history of orthodox Russian emigration in Shanghai

The article describes the collections of the State archive of the Russian Federation (SA RF), containing materials on the history of Orthodox Russian emigration in one of its centers in China — Shanghai. It is noted that there are a lot of cases on the problem field of research in the funds

of the SA RF. They belong to a variety of funds. However, to date, a serious, voluminous source analysis in the context of the stated problems of the researchers have not been carried out.

Keywords: Russian emigration, China, Shanghai, sources, archive, funds

Дюндик Юлия Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Южно-Китайское море — регион противостояния США и Китая

На сегодняшний день акватория Южно-Китайского моря становится центром геополитической нестабильности, где две мировые державы — США и Китай — борются за военно-морское превосходство в регионе. Однако Китай, достигнув значительных успехов в экономике в последние десятилетия, стремится в перспективе стать ведущей мировой политической державой, что неизбежно ведет к конфликту с сегодняшним лидером — США. В данный момент основной конфликт касается островов Южно-Китайского моря, территориальная принадлежность которых оспаривается странами АСЕАН, а США выступают в роли гаранта мирного решения вопроса. Тем не менее, очевидно, что США,

помимо стремления ограничить влияние Китая в мире, также преследуют определенные экономические и политические цели, несущие выгоду исключительно США.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, Китай, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, страны АСЕАН, территориальный конфликт

Yulya B. Dyundik (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The South China Sea — the region of conflict between the USA and China

Today the South China Sea has become the center of geopolitical instability, where two major world leaders — the USA and China — are fighting for marine hegemony in the region. China has recently become an economically dominating country in the world, which causes its desire of becoming the world political leader. This inevitably gives rise to a conflict with the present-day leader, the USA. Today the conflict mainly concerns the South China Sea islands, the sticking point of territorial disputes for ASEAN countries. The role of the USA in this conflict is a guarantor of regional security. Still, it is obvious that America pursues its own economic and political aims.

Keywords: The South China Sea, China, the USA, Asia-Pacific region, ASEAN countries, territory conflict

Е Хуэй — магистр филологии, штатный преподаватель Цзянсийского финансово-экономического университета

Протосоциология управления в Китае: идеи Лао-цзы о «недеянии» и их отражение в современных подходах к социальному управлению (в соавторстве с Е. В. Кремнёвым)

Даосизм как философское учение зародился в период Весны и Осени. Эта эпоха запомнилась значительным количеством ярких исторических персонажей и противостоянием так называемых «ста школ», ставших источником различных идейных течений, которые определили дальнейшее развитие традиционной китайской культуры и философии. Кроме того, они могут быть отнесены к ранним протосоциологическим идеям, влияющим на формирование современных социологических концепций. Важной частью таковых стал даосизм, основателем которого считается Лао-цзы. Его идеи оказали большое влияние на различные сферы жизни последующих поколений. Авторы статьи исследуют влияние концепции «недеяния» на управленческую практику в Китае и ее отражение в современных подходах к социальному управлению.

Ключевые слова: Лао-цзы, Дао, управление через «недеяние», природа, ориентация на потребности людей, социальное управление, социальная гармония, практическое значение, протосоциология управления

Ye Hui (Jiangxi University of Finance and Economics, Nanchang, China)

Protosociology of management in China: Laozi's concept of «non-action» and its reflection in modern social management (in co-authorship with Evgeny V. Kremnyov)

Taoism as a philosophical doctrine originated in the period of Spring and Autumn. This era is remembered by a significant number of vivid historical characters and the opposition of the so-called «one hundred schools», which became the source of various ideological movements that determined further development of traditional Chinese culture and philosophy. In addition, they can be attributed to early protosociological ideas that influenced the formation of modern sociological concepts. An important part of these was Taoism, the founder of which is considered Laozi. His ideas had a great influence on various spheres of life of subsequent generations. The authors of the article examine the influence of the concept of «non-action» on managerial practice in China and its reflection in modern approaches to social management.

Keywords: Laozi, Tao, Inaction management, nature, focus on people's needs, social management, social harmony, practical significance, protosociology of management

叶慧 (江西财经大学, 南昌)

中国管理原社会学：老子的“无为”思想及其对现代社会管理的启示

道家是在春秋时期这么一个特殊时代产生的，当时群雄并起，百家争鸣，各种思想都在这个时代纷纷出现，成为中国传统思想文化的源头。道家思想是

中国传统思想文化的重要组成部分，老子作为道家思想的创始人，其思想有着丰富的内涵，对后世产生了深远的影响，本文就其“无为而治”的思想进行论述，立足现实，探究其对现代社会管理的启示和重要意义。

关键词: 老子, 道; 无为而治, 自然; 以人为本, 社会管理, 社会和谐, 现实意义, 管理原社会学

Евсеева Александра Денисовна — студент гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Проблемы и перспективы развития культурной дипломатии Японии

Целью статьи является исследование культурной дипломатии Японии, ее современных проблем и перспектив развития. Культурная дипломатия как важнейший дополнительный способ достижения внешнеполитических целей государства приобретает особую актуальность в связи с изменением геополитической картины мира под воздействием глобальных процессов. Необходимо осветить возникающие проблемы при применении политики «мягкой силы» и разнообразные перспективы, которые открывает данный метод.

Ключевые слова: культурная дипломатия, мягкая сила, имидж страны

Сведения об авторах

Alexandra D. Evseeva (St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia)

Problems and prospects of development of Japan's cultural diplomacy

The purpose of this article is to consider the cultural diplomacy of Japan and its contemporary problems and development prospects. The cultural diplomacy, as the most important additional way of reaching the state's foreign policy goals, is gaining special relevance in connection with the change in the geopolitical picture of the world under the impact of global processes. It is necessary to highlight arising problems while applying the policy of «soft power» and various prospects which this method opens.

Keywords: cultural diplomacy, soft power, country image

Еремеева Надежда Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Лингвистические технологии манипуляций в контексте культуры США

Целью статьи является рассмотрение культурологических особенностей «черного» PR и

некоторых приемов манипуляции, свойственных культуре США. В статье рассматривается дискурс «черного» PR на материале одной из президентских предвыборных кампаний в США и устанавливается взаимосвязь некоторых лингвистических приемов манипуляции с аспектами культуры США.

Ключевые слова: манипуляция, дискурс, «черный» PR

Nadezhda V. Yeremeeva (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Linguistic technologies of manipulation in the context of American culture

The purpose of this article is to consider American cultural peculiarities in the discourse of black PR and to find out typical linguistic techniques of manipulation during American presidential election campaigns.

Keywords: manipulation, discourse, «black» PR

Зарбуева Анастасия Ильинична — магистрант кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакommunikации Иркутского государственного университета

Репрезентация древнекитайских онимов в мифологической картине мира китайцев: к постановке проблемы

Целью статьи является определение роли онима в мифологической картине мира китайцев. В связи с этим выявляются отличительные черты мифологической картины мира китайцев, осуществляется анализ ряда онимов, отобранных из древнекитайского словаря «Эръя».

Ключевые слова: оним, мифология, картина мира, древнекитайский язык

Anastasia I. Zarbueva (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Representation of the ancient Chinese onyms in the Chinese mythological picture of the world: to the statement of the problem

The purpose of the article is to determine the role of onym in the Chinese mythological picture of the world. In this connection, the distinctive features of the Chinese mythological picture of the world are revealed; an analysis of several onyms selected from the Ancient Chinese dictionary «Erya» is carried out.

Keywords: onym, mythology, picture of the world, ancient Chinese language

Зыкина Татьяна Максимовна — студент бакалавриата кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Проблемы браконьерства со стороны КНДР

В статье рассматриваются подробности вооруженного столкновения северокорейских браконьеров с российскими пограничниками 17 сентября 2019 года. Раскрываются мотивы рыбаков, проводится анализ юридических процедур, обязательных к прохождению северокорейским судовладельцем для начала ведения лова. Особое внимание уделено проблеме истощения морских биоресурсов в прибрежных районах КНДР. Предложен прогноз дальнейшего развития ситуации, приводятся пути решения проблемы браконьерства со стороны КНДР.

Ключевые слова: КНДР, Россия, Японское море, исключительная экономическая зона, браконьерство, рыбаки

Tatyana M. Zykina (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)

Problems of poaching by DPRK

The article discusses the details of the armed clash of North Korean poachers with Russian border guards on September 17, 2019. The motives of the fishermen are revealed, an analysis of the legal procedures required by the North Korean ship owner to start fishing is carried out. Particular attention is paid to the problem of depletion of marine resources in the coastal areas of the DPRK. A forecast of further developments is offered; ways of solving the problem of poaching by the DPRK are given.

Keywords: DPRK, Russia, Sea of Japan, exclusive economic zone, poaching, fishermen

Зыкова София Андреевна — магистрант кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Международные программы обмена и их роль в современной политике Японии (в соавторстве с И. В. Шалиной)

Данная статья посвящена обзору японских программ международного обмена, направленных на привлечение студентов из-за рубежа. Рассматриваются цели создания и внедрения подобных программ в качестве «мягкой силы» Японии, их роль во внешней политике. Также оценивается потребность Японии в человеческих ресурсах, приводятся причины заинтересованности Японии в притоке иностранцев.

Ключевые слова: Япония, внешняя политика, «мягкая сила», программы обмена

Sofia A. Zyкова (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

International exchange programs and their role in Japan's modern policy (in co-authorship with Irina V. Shalina)

This article is devoted to a review of Japanese international exchange programs aimed for attracting students from

abroad. It is considered not only the purpose of the creation and implementation of such programs as a «soft power» of Japan, but their role in foreign policy. Also Japan's need for human resources is assessed, besides the reasons for Japan's interest in the influx of foreigners are given.

Keywords: Japan, foreign policy, «soft power», exchange programs

Каверина Оксана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Приемы критического мышления в изучении региона

В статье рассматриваются приемы критического мышления, в частности, критического чтения с целью получения нового знания о регионе. Источником информации служит информационная статья, затрагивающая проблему объединения школ в регионе (Сингапур). Однако приемы критического анализа позволяют получить более широкие знания как об образовательной системе региона, так и сведения о стране в целом, а именно, одной из социальных проблем Сингапура — снижении уровня рождаемости.

Ключевые слова: критическое мышление, критическое чтение, информационная статья

Oksana A. Kaverina (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Critical thinking methods for learning about the region

The article discusses the methods of critical thinking, in particular, critical reading in order to obtain new knowledge about the region. The information source is an information article that addresses school mergers in the region (Singapore). However, the methods of critical analysis facilitate the extension of knowledge, both about the educational system of the region, and information about the country as a whole, namely, one of Singapore's social problems — declining birth rate.

Keywords: critical thinking, critical reading, informational article

Казанцев Артем Евгеньевич — магистрант кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Понятия партийной системы и политической партии на Западе и в Китае (сравнительный аспект)

В статье представлен анализ понятий «партийная система» и «политическая партия» с целью выявления сходств и различий интерпретации данных терминов западными и китайскими учеными.

Ключевые слова: партийная система, политическая партия, политическая система, демократические партии Китая, регионоведение

Artem E. Kazantsev (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Concepts of party system and political party in the West and China (comparative aspect)

The article presents an analysis of the concepts of «party system» and «political party» in order to identify similarities and differences in interpretation of these terms by Western and Chinese researchers.

Keywords: party system, political party, political system, democratic parties of China, regional studies

Калинина Виталия Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Дискурсивные особенности политической риторики Дональда Трампа (на материале высказываний о России)

Целью статьи является рассмотрение дискурсивных особенностей политических речей президента США Дональда Трампа. Материалом исследования служат высказывания Трампа о России. В статье рассматриваются стилистические приемы, используемые в

политической риторике Трампа. Анализируются коммуникативные цели, которые действующий американский президент преследует в своих высказываниях. Приводятся примеры политических речей Трампа, заимствованных из его интервью журналистам, а также его микроблога в социальной сети Твиттер.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсивный анализ, политическая риторика, стилистические приемы, парцелляция

Vitalya V. Kalinina (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The discursive peculiarities of Donald Trump's political rhetoric (on the material of utterances about Russia)

The purpose of the article is to examine the discursive peculiarities of Donald Trump's political speeches. The given research is carried out on the material of Trump's utterances about Russia. The article discusses stylistic devices employed by the current US president. The communicative goals pursued by the 45th president are analyzed. The article gives examples of Trump's political speeches from his interviews and his Twitter microblog.

Keywords: political discourse, discourse analysis, political rhetoric, stylistic devices, parcellation

Карачёва Надежда Сергеевна — старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета

Основные этапы формирования и становления Международной ассоциации региональной науки (в соавторстве с О. В. Кузнецовой)

Целью статьи является анализ деятельности американских ученых в рамках Международной ассоциации региональной науки. Рассматриваются основные этапы формирования и становления Ассоциации, выход ученых на международный уровень и трудности, с которыми сталкивались исследователи в процессе работы. На основании писем основателя Ассоциации, а также комментариев его единомышленников описывается основная идея, структура и процессы, происходящие как в самой Ассоциации, так и восприятие ее в научном сообществе на каждом этапе развития. Также описывается вклад Ассоциации в региональную науку, современное положение Ассоциации и перспективы развития выбранной области.

Ключевые слова: региональная наука, У. Айзард, регионоведческие исследования, Международная ассоциация региональной науки

Nadezhda S. Karacheva (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The basic stages of formation and development of the Regional Science Association International (in co-authorship with Olga V. Kuznetsova)

The purpose of the article is to analyze the work of American regional scientists of the American Regional Science Association, the main stages of the formation and development of the Association, the way to the international level and the difficulties faced in the process of work. Based on the letters of the founder of the Association, as well as the comments of his colleagues, the main idea, structure and processes occurring both in the Association itself and its perception by the scientific community at each stage of development are considered. It also describes the contribution of the Association to regional science, the current status of the Association and the development prospects of the selected field.

Keywords: regional science, W. Isard, area studies, Regional Science Association International

Кобжицкая Ольга Германовна — кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Иркутского государственного университета

Этикетный знак обращения в коммуникативном пространстве китайцев

В данной статье в рамках категории вежливости рассматривается этикетный знак обращения. Адресный характер обращения является неотъемлемым свойством речи. В связи с этим знание и успешное применение китайских этикетных форм способствует установлению благоприятной комму-

никативной среды и развитию русско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: речевой этикет, категория вежливости, высококонтекстная культура, родственные обращения, социальные обращения, профессиональные обращения

Olga G. Kobzhitskaya (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Appeal as etiquette sign in the communicative space of the Chinese

This article deals with etiquette sign «appeal» as a part of courtesy category. The directive character of the appeal is the integral property of speech. In this connection knowledge and successful application of Chinese etiquette formulas contributes to the establishment of favorable communicative environment and the development of Russian-Chinese cooperation.

Keywords: speech etiquette, courtesy category, high context culture, related appeals, social appeals, professional appeals

Колчина Виктория Александровна — магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Структура новостных заметок на тему российско-японских отношений в политическом дискурсе японских электронных СМИ (в соавторстве с Н. М. Вейнберг)

Целью статьи является выявление особенностей представления политической тематики, связанной с российско-японскими отношениями, в электронных японских газетах «The Hochi Shimbun», «The Mainichi Newspapers», «The Daily Shincho». В связи с этим в статье приводится определение политического дискурса, его главных особенностей, дается новое определение заметке, выявляется ее структура и информационная задача.

Ключевые слова: российско-японские отношения, японские электронные СМИ, политический дискурс

Viktorya A. Kolchina (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Structure of news notes on the topic of Russian-Japanese relations in the political discourse of Japanese electronic media (in co-authorship with Nadezhda M. Weinberg)

The purpose of the article is to identify the features of the representations of political topics related to Russian-Japanese relations in the electronic Japanese newspapers «The Hochi Shimbun», «The Mainichi Newspapers», «The Daily Shincho». In this regard, in the article we give a definition of political discourse, its main features, derive a new definition of a note, identify its structure and informational task.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japanese electronic media, political discourse

Коробко Виолетта Олеговна — магистрант Иркутского государственного университета

Вклад Джеффри Хьюингса в создание лаборатории прикладной региональной экономики и американские региональные исследования (в соавторстве с О. В. Кузнецовой)

Статья посвящена анализу деятельности американского географа и экономиста Джеффри Хьюингса. На материале работ ученого выделяются некоторые направления американских региональных исследований, а также определяется роль Джеффри Хьюингса в создании одной из значительных структур региональных исследований в США.

Ключевые слова: региональная наука, региональные исследования, регионоведение, Джеффри Хьюингс, региональная экономика

Violetta O. Korobko (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Geoffrey Hewings' contribution to the creation of regional economics applications laboratory and American regional studies (in co-authorship with Olga V. Kuznetsova)

The article is devoted to the analysis of American geographer and economist Geoffrey Hewings' activity. On the material of the scientist's works, we highlighted some areas of American regional studies and determined the role of Geoffrey Hewings in the creation of one of the significant structures of regional studies in the United States.

Сведения об авторах

Keywords: regional science, regional studies, area studies, Geoffrey Hewings, regional economy

Кочетков Дмитрий Сергеевич — научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Океания, творчество Владимира Высоцкого и каннибализм

Целью статьи является установить связи между всенародно известной в СССР песней Владимира Высоцкого «Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука» и реальными событиями в Океании, связанными с каннибализмом. Рассматривается культурное обогащение публики В. Высоцкого новыми знаниями об Океании на его концертах. Приводятся некоторые случаи каннибализма и ритуальных убийств в Океании и предположения об их причинах.

Ключевые слова: Океания, Джеймс Кук, Владимир Высоцкий, каннибализм

Dmitry S. Kochetkov (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Oceania, Vladimir Vysotsky's art and cannibalism

The purpose of this article is to find the relations between the song of Vladimir Vysotsky «One scientific mystery or Why did the aborigines eat Cook?» which was super popular in the USSR, and real situation with cannibalism in

Oceania. The article shows how V. Vysotsky broadened the minds of his audience during his concerts telling new interesting facts about the cultures of Oceania. Some well-known cases of cannibalism and ritual murders in Oceania are described in this article, as well as suggestions about their reasons.

Keywords: Oceania, James Cook, Vladimir Vysotsky, cannibalism

Кремнёв Евгений Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета

Структура трансдисциплинарной регионологии как научной дисциплины

В статье предлагается рассматривать структуру трансдисциплинарной регионологии в координатах нескольких подходов. Первый (по соотношению теории и практики) делит науку о регионе на три уровня: фактологический, аналитический и теоретический. Второй (с точки зрения региональной специфики научных школ) обозначает направления, сформировавшиеся в различных странах и регионах. Третий (по роли и месту субдисциплин в структуре трансдисциплинарной регионологии) предлагает различать разделы, сосредоточенные на отдельных аспектах жизни региона и граничащие с другими науками (политология, теория международных отношений, социология,

культурология и т. д.), а также функционирующие в русле выбранной исследователем парадигмы (гендерной, глобализационной и т. д.). Важное место в предложенной матрице занимает теория трансдисциплинарной регионологии, которая призвана систематизировать понятийный аппарат и методологическую базу региональных исследований.

Ключевые слова: регион, наука о регионах, региональные исследования, региональная наука, регионоведение, страноведение, краеведение, глобалистика, регионология, трансдисциплинарная регионология

Evgeny V. Kremnyov (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The structure of transdisciplinary regionology as a scientific discipline

The author of the article suggests considering the structure of transdisciplinary regionology through several approaches. The first approach (by the ratio of theory and practice) divides the science into three levels: factological, analytical and theoretical. The second one (from the point of view of the regional specificity of scientific schools) indicates the directions that have formed in various countries and regions. The third one (by the role and place of subdisciplines in the structure of transdisciplinary regionology) suggests distinguishing between sections focused on individual aspects of the region's life and bordering on other sciences (political science, theory of international relations, sociology, cultural studies, etc.), as well as functioning in line with the chosen paradigm (gender, global-

ization, etc.). A significant place in the proposed matrix is occupied by the theory of transdisciplinary regionology, which is designed to systematize the conceptual apparatus and methodological base of regional studies.

Keywords: region, regional science, regional studies, area studies, country studies, local area studies, global studies, regionology, transdisciplinary regionology

Протосоциология управления в Китае: идеи Лао-цзы о «недеянии» и их отражение в современных подходах к социальному управлению (в соавторстве с Е Хуэй)

Даосизм как философское учение зародился в период Весны и Осени. Эта эпоха запомнилась значительным количеством ярких исторических персонажей и противостоянием так называемых «ста школ», ставших источником различных идейных течений, которые определили дальнейшее развитие традиционной китайской культуры и философии. Кроме того, они могут быть отнесены к ранним протосоциологическим идеям, влияющим на формирование современных социологических концепций. Важной частью таковых стал даосизм, основателем которого считается Лао-цзы. Его идеи оказали большое влияние на различные сферы жизни последующих поколений. Авторы статьи исследуют влияние концепции «недеяния» на управленческую практику в Китае и ее отражение в современных подходах к социальному управлению.

Ключевые слова: Лао-цзы, Дао, управление через «недеяние», природа, ориентация на потребности людей,

социальное управление, социальная гармония, практическое значение, протосоциология управления

Protosociology of management in China: Laozi's concept of «non-action» and its reflection in modern social management (in co-authorship with Ye Hui)

Taoism as a philosophical doctrine originated in the period of Spring and Autumn. This era is remembered by a significant number of vivid historical characters and the opposition of the so-called «one hundred schools», which became the source of various ideological movements that determined further development of traditional Chinese culture and philosophy. In addition, they can be attributed to early protosociological ideas that influenced the formation of modern sociological concepts. An important part of these was Taoism, the founder of which is considered Laozi. His ideas had a great influence on various spheres of life of subsequent generations. The authors of the article examine the influence of the concept of «non-action» on managerial practice in China and its reflection in modern approaches to social management.

Keywords: Laozi, Tao, Inaction management, nature, focus on people's needs, social management, social harmony, practical significance, protosociology of management

中国管理原社会学：老子的“无为”思想及其对现代社会管理的启示

道家是在春秋时期这么一个特殊时代产生的，当时群雄并起，百家争鸣，各种思想都在这个时代纷纷出现，成为中国传统思想文化的源头。道家思想是

中国传统思想文化的重要组成部分，老子作为道家思想的创始人，其思想有着丰富的内涵，对后世产生了深远的影响，本文就其“无为而治”的思想进行论述，立足现实，探究其对现代社会管理的启示和重要意义。

关键词: 老子, 道; 无为而治, 自然; 以人为本, 社会管理, 社会和谐, 现实意义, 管理原社会学

Кузнецова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков Иркутского государственного университета

Вклад Джеффри Хьюингса в создание лаборатории прикладной региональной экономики и американские региональные исследования (в соавторстве с В. О. Коробко)

Статья посвящена анализу деятельности американского географа и экономиста Джеффри Хьюингса. На материале работ ученого выделяются некоторые направления американских региональных исследований, а также определяется роль Джеффри Хьюингса в создании одной из значительных структур региональных исследований в США.

Ключевые слова: региональная наука, региональные исследования, регионоведение, Джеффри Хьюингс, региональная экономика

Olga V. Kuznetsova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Geoffrey Hewings' contribution to the creation of regional economics applications laboratory and American regional studies (in co-authorship with Violetta O. Korobko)

The article is devoted to the analysis of American geographer and economist Geoffrey Hewings' activity. On the material of the scientist's works, we highlighted some areas of American regional studies and determined the role of Geoffrey Hewings in the creation of one of the significant structures of regional studies in the United States.

Keywords: regional science, regional studies, area studies, Geoffrey Hewings, regional economy

Основные этапы формирования и становления Международной ассоциации региональной науки (в соавторстве с Н. С. Карачёвой)

Целью статьи является анализ деятельности американских ученых в рамках Международной ассоциации региональной науки. Рассматриваются основные этапы формирования и становления Ассоциации, выход ученых на международный уровень и трудности, с которыми сталкивались исследователи в процессе работы. На основании писем основателя Ассоциации, а также комментариев его единомышленников описывается основная идея, структура и процессы, происходящие как в самой Ассоциации, так и восприятие ее в научном сообществе на каждом этапе развития. Также описывается вклад Ассоциации в региональную науку, современное положение Ассоциации и перспективы развития выбранной области.

Ключевые слова: региональная наука, У. Айзард, регионоведческие исследования, Международная ассоциация региональной науки

The basic stages of formation and development of the Regional Science Association International (in co-authorship with Nadezhda S. Karacheva)

The purpose of the article is to analyze the work of American regional scientists of the American Regional Science Association, the main stages of the formation and development of the Association, the way to the international level and the difficulties faced in the process of work. Based on the letters of the founder of the Association, as well as the comments of his colleagues, the main idea, structure and processes occurring both in the Association itself and its perception by the scientific community at each stage of development are considered. It also describes the contribution of the Association to regional science, the current status of the Association and the development prospects of the selected field.

Keywords: regional science, W. Isard, area studies, Regional Science Association International

Американские исследования в европейских научных центрах: основные направления деятельности (в соавторстве с Д. В. Пелиховой)

Статья посвящена истории развития американских исследований в Европе. Проанализированы ключевые научные центры европейской американистики. Особое внимание уделяется Европейской ассоциации

Сведения об авторах

американских исследований, так как она объединяет на региональном уровне остальные национальные центры, которые исследуют Северную Америку.

Ключевые слова: американистика, американские исследования, регион, регионоведение, научный центр, США, междисциплинарные исследования

American studies in European research centers: main directions of activity (in co-authorship with Darya V. Pelikhova)

The article is devoted to American studies in Europe. The main research centers were analyzed, European association for American studies is paid special attention to, as it unites other national associations which study North America.

Keywords: American studies, region, regional studies, area studies, research centers, USA, multidisciplinary

Кузнецова Юлия Антоновна — студент бакалавриата гуманитарного факультета, кафедра региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Изучение религиозного пространства стран Азиатско-Тихоокеанского региона как научное направление в регионоведении (в соавторстве с О. А. Балабейкиной)

Рассматриваются основные направления в исследованиях религиозного пространства Азиатско-Тихооке-

анского региона, обозначаются наиболее перспективные и актуальные из них. Авторы указывают на необходимость вовлечения материалов, научных приемов и методов других областей знаний в сферу изучения религий в странах АТР. Причина — расширение предметной области, связанной с религиозным пространством. Также обосновывается необходимость привлечения к такого рода исследованиям математико-статистического инструментария.

Ключевые слова: религии Азиатско-Тихоокеанского региона, религиозное пространство, конфессиональное регионоведение

Yulya A. Kuznetsova (Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia)

Research of the Asia-Pacific region religious space as a scientific field in the area studies (in co-authorship with Olga A. Balabeykina)

In this article are considered the main directions in the research of the Asia-Pacific region religious space, are being identified the most perspective and actual among these. The authors point to the necessity of study materials, scientific approach and methods involvement from other knowledge fields to the religious research sphere in the Asia-Pacific countries. The reason is the expansion of the object domain connected with the religious space. Also in this article is substantiated the necessity of engaging mathematical and statistical tools.

Keywords: religions of the Asia-Pacific region, religious space, confessional area studies

Лебединцева Любовь Александровна — доктор социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Изучение и использование исторического опыта регионального развития зарубежных стран в Китае (1980-е годы — настоящее время) (в соавторстве с С. Б. Макеевой, П. П. Дерюгиным)

В статье анализируются особенности изучения регионального развития зарубежных стран в китайском научном сообществе. Выделяется роль научно-исследовательских институтов, «мозговых» центров в развитии зарубежного регионоведения. Определяется роль исторического опыта как ключевого фактора в формировании региональной внутренней и внешней политики КНР.

Ключевые слова: региональное развитие, китайские ученые, наука, исторический опыт

Lyubov A. Lebedintseva (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Studying and using the historical experience of the regional development of foreign countries in China (1980s — present) (in co-authorship with Svetlana B. Makeeva, Pavel P. Deryugin)

The article analyzes the features of studying the regional development of foreign countries in the Chinese scientific community. The role of research institutes, think tanks in the development of foreign regional studies is highlighted. The role of historical experience is determined as a key

factor in the formation of the regional domestic and foreign policies of the PRC.

Keywords: regional development, Chinese scientists, science, historical experience

Лесниковская Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета

Концепция территориального капитала в современной парадигме регионального развития

В статье рассматривается концепция территориального капитала в контексте современной парадигмы регионального развития. Критически оценивается структура территориального капитала, разработанная западноевропейскими теоретиками. Предлагается ряд вопросов, которые имеют непосредственное отношение к концепции и должны учитываться при комплексной оценке территориального капитала, недостаточно, на взгляд автора, отраженных в современной концепции. Отмечаются перспективные направления развития концепции территориального капитала, в частности, в русле трансдисциплинарной регионологии.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, территория, территориальный капитал, трансдисциплинарная регионология

Ekaterina V. Lesnikovskaya (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The concept of territorial capital in the modern paradigm of regional development

The article considers the concept of territorial capital in the context of the modern paradigm of regional development. The author evaluates the structure of the territorial capital that has been developed by West European researchers. The article suggests some issues that are closely related to the concept and must be taken into account when one gives a complex assessment of the territorial capital yet that are not fully reflected in the modern concept. The author provides a few perspective directions of research on territorial capital, in particular, in line with transdisciplinary regionology.

Keywords: region, regional development, territory, territorial capital, transdisciplinary regionology

Лестев Антон Евгеньевич — кандидат исторических наук, Университет управления «ТИСБИ», директор ООО «АЕЛ Эксперт»

Некоторые предпосылки изучения международно-правового значения Международного военного трибунала для Дальнего Востока

Целью статьи является рассмотрение актуальности изучения Международного военного трибунала для Дальнего Востока и основных проблем, связанных с

итогами его деятельности. В статье выделены ключевые проблемы международных отношений, так или иначе связанных с итогами МВТДВ. Кроме того, в статье выделены основные аспекты деятельности МВТДВ, которые подвергаются критике историков и юристов. Представляется, что выделенные в статье аспекты послужат предпосылками для дальнейшего изучения международно-правового значения МВТДВ.

Ключевые слова: МВТДВ, трибунал, военные преступники, Япония, международное право, Вторая мировая война

Anton E. Lestev (University of Management «TISBI», LLC «AEL Expert», Kazan, Russia)

Some background of the study of the international legal value of the International Military Tribunal for the Far East

The purpose of the article is to consider the relevance of the study of the International Military Tribunal for the Far East and the main problems associated with the results of its activities. The article highlights the key problems of international relations, one way or another connected with the results of the Ministry of Economic Development and Trade. In addition, the article highlights the main aspects of the IMTFE, which are criticized by historians and lawyers. It seems that the aspects highlighted in the article will serve as prerequisites for the further study of the international legal significance of the IMTFE.

Keywords: IMTFE, tribunal, war criminals, Japan, international law, World War II

Макеева Светлана Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Иркутского государственного университета

Изучение и использование исторического опыта регионального развития зарубежных стран в Китае (1980-е годы — настоящее время) (в соавторстве с П. П. Дерюгиным, Л. А. Лебединцевой)

В статье анализируются особенности изучения регионального развития зарубежных стран в китайском научном сообществе. Выделяется роль научно-исследовательских институтов, «мозговых» центров в развитии зарубежного регионоведения. Определяется роль исторического опыта как ключевого фактора в формировании региональной внутренней и внешней политики КНР.

Ключевые слова: региональное развитие, китайские ученые, наука, исторический опыт

Svetlana B. Makeeva (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Studying and using the historical experience of the regional development of foreign countries in China (1980s — present) (in co-authorship with Pavel P. Deryugin, Lyubov A. Lebedintseva)

The article analyzes the features of studying the regional development of foreign countries in the Chinese scientific community. The role of research institutes, think tanks in the development of foreign regional studies is highlighted. The role of historical experience is determined as a key

factor in the formation of the regional domestic and foreign policies of the PRC.

Keywords: regional development, Chinese scientists, science, historical experience

Мартьянова Дарья Игоревна — магистрант кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакommunikации Иркутского государственного университета

Японская версия спектакля «Утиная охота» как образец успешного кросскультурного диалога в театральном пространстве региона (в соавторстве с И. В. Шалиной)

Данная статья затрагивает тему межрегиональных обменов посредством вовлечения в театральную среду. Анализируется представление спектакля «Утиная охота» японским театром «Ангелус» на сцене Иркутского драматического театра им. Н. П. Охлопкова в качестве яркого примера состоявшегося кросскультурного диалога в театральном пространстве России и Японии.

Ключевые слова: инофонная среда, кросскультурный диалог, Ангелус, «Утиная охота», культурный код

Darya I. Martyanova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Japanese version of the «Duck hunt» performance as a sample of a successful cross-cultural dialogue in theater space of the region (in co-authorship with Irina V. Shalina)

This article addresses inter-regional exchanges through the involvement in the theatrical environment. It's assessed the performance, named «Duck Hunt», by the Japanese theater «Angelus» on the stage of the Irkutsk Okhlopkov's Drama Theater as a vivid example of the cross-cultural dialogue of Russia and Japan, held in the theater space.

Keywords: foreign environment, cross-cultural dialogue, Angelus, «Duck Hunt», cultural code

Новосёлова Маргарита Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета

Критический анализ политического медиадискурса (на материале сообщений Д. Трампа в Twitter о процедуре импичмента)

В статье подвергаются критическому анализу сообщения в микроблоге Д. Трампа в Twitter. Политический твиттинг является интернет-жанром, обеспечивающим общение политиков и политических организаций с народом с помощью социальной сети Twitter. Медиатексты стали мощным средством воздействия на массовую аудиторию, одновременно отражая и созидая новую реальность в интересах доминирующей идеологии правящей группы. В микроблоге Д. Трампа доминируют сообщения с установкой на воздействие на аудиторию, зачастую с

прямым проявлением агрессии и дискредитации оппонентов.

Ключевые слова: критический анализ, политический медиадискурс, политический твиттинг, Дональд Трамп, импичмент

Margarita V. Novoselova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Critical analysis of Donald Trump's tweets about the impeachment proceedings

The article critically analyzes Donald Trump's microblog posts on Twitter. Political twitting has become an Internet genre that enables politicians to communicate with people through the social media. Twitter has given voice and therefore influence to potentially anyone with a gift of brevity and who is attuned to the public consciousness. The president's microblog is dominated by messages with a focus on informativeness and impact on the audience, often with a manifestation of aggression and discredit of his opponents.

Keywords: critical analysis, political media discourse, political twitting, Donald Trump, impeachment

Пале София Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Сведения об авторах

Научный вклад экспедиций В. М. Головнина в исследование Океании (начало XIX века)

Целью статьи является обозначить научную значимость экспедиций В. М. Головнина в Океанию, которые состоялись в начале XIX века в ходе двух кругосветных плаваний. Во время первого путешествия (1807–1809) российские мореплаватели впервые в истории посетили о. Танна (сегодня в составе государства Вануату), а второе плавание (1817–1819) привело корабль В. М. Головнина на о. Гуам — также впервые в истории.

Ключевые слова: кругосветные плавания, этнографические сведения, Головнин, Танна, Гуам

Sofia E. Pale (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Scientific exploration of Oceania by the expeditions of V. M. Golovnin

The purpose of this article is to consider the scientific value of the expeditions of V. M. Golovnin to Oceania at the beginning of the 19th century during his two circumnavigations. The first circumnavigation (1807–1809) led the Russian explorers to the island of Tanna (now — part of Vanuatu) for the first time in history, while during the second circumnavigation (1817–1819) V. M. Golovnin visited the island of Guam, also for the first time in history.

Keywords: circumnavigations, ethnographic data, Golovnin, Tanna, Guam

Пелихова Дарья Вячеславовна — магистрант Иркутского государственного университета

Американские исследования в европейских научных центрах: основные направления деятельности (в соавторстве с О. В. Кузнецовой)

Статья посвящена истории развития американских исследований в Европе. Проанализированы ключевые научные центры европейской американистики. Особое внимание уделяется Европейской ассоциации американских исследований, так как она объединяет на региональном уровне остальные национальные центры, которые исследуют Северную Америку.

Ключевые слова: американистика, американские исследования, регион, регионоведение, научный центр, США, междисциплинарные исследования

Darya V. Pelikhova (Irkutsk State University, Irkutsk)

American studies in European research centers: main directions of activity (in co-authorship with Olga V. Kuznetsova)

The article is devoted to American studies in Europe. The main research centers were analyzed, European association for American studies is paid special attention to, as it unites other national associations which study North America.

Keywords: American studies, region, regional studies, area studies, research centers, USA, multidisciplinary

Сведения об авторах

Рыбалко Михаил Леонидович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета

Этничность в современном региональном исследовании

Целью статьи является рассмотрение ключевых концепций этничности в современном регионоведении. В связи с этим устанавливаются основные подходы исследователей к определению этничности: примордиализм, конструктивизм, инструментализм.

Ключевые слова: этничность, примордиализм, конструктивизм, инструментализм

Mikhail L. Rybalko (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Ethnicity in the contemporary regional studies

The purpose of the article is to review key concepts of ethnicity in the contemporary regional studies. In this regard, there are basic approaches of researchers to the determination of ethnicity: primordialism, constructivism, instrumentalism.

Keywords: ethnicity, primordialism, constructivism, instrumentalism

Серых Татьяна Сергеевна — магистрант кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона

факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Этапы развития гендерных исследований в Японии (в соавторстве с Н. М. Вейнберг)

Статья посвящена истории развития гендерных исследований в Японии. В рамках этой темы приводятся определения гендера и гендерных исследований, выделяются пять этапов становления данного направления («освободительного движения», «становления женских исследований», «введения теории феминизма», «перехода от женских исследований к гендерным», «реакции на критицизм»), охватывающих период с 1960-х годов по наше время, описываются изменения в подходе к изучению гендерной проблематики в Японии.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендер, японское общество, Япония

Tatyana S. Serykh (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Stages of gender studies development in Japan (in co-authorship with Nadezhda M. Weinberg)

This article is devoted to the history of Gender Studies development in Japan. Within the framework of this topic, definitions of gender and Gender Studies are given, five stages of the development of this research area are highlighted («liberation movement period», «Women's Studies formation period», «period of introduction of the theory of feminism», «period of transition from Women's Studies

to Gender Studies», «backlash reaction period») in the period from the 1960s to our time, the changes in the approach to the study of gender in Japan are described.

Keywords: Gender Studies, gender, Japanese society, Japan

Смертин Юрий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета

Корейский алфавит как феномен национальной культуры

В статье исследуется история создания и развития корейской письменности (хангыль), превращения ее в важную часть национальной культуры. Подчеркивается, что хангыль, созданный по инициативе короля Седжона, был разработан на научной основе, а его принципы были объяснены через базовые метафизические категории восточной философии, что сделало его понятным и доступным для широких слоев населения. Отмечается роль корейского письма в становлении национального сознания корейского народа.

Ключевые слова: Корея, хангыль, Седжон, Чосон, Хунмин чоным

Yury G. Smertin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Korean alphabet as a phenomenon of national culture

The article explores the history of the creation and development of Korean writing (Hangul), its transformation into an important part of national culture. It is emphasized that the Hangul, created at the initiative of King Sejong, was developed on a scientific basis, and its principles were explained through the basic metaphysical categories of Eastern philosophy, which made it understandable and accessible to the general population. The role of Korean writing in the formation of the national consciousness of the Korean people is noted.

Keywords: Korea, Hangul, Sejong, Joseon, Hunmin jeongeum

Солсоев Иван Николаевич — старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

СМИ в США: официальный и неофициальный контроль

Целью статьи является рассмотрение контроля над деятельностью СМИ в США, учитывая ключевую роль масс медиа как «четвертой ветви власти» в жизни американского общества. В рамках анализа проводится разграничение понятий «официальный контроль» и «неофициальный контроль» в функционировании американских СМИ.

Сведения об авторах

Ключевые слова: СМИ США, контроль над СМИ, Федеральная комиссия по связи

Ivan N. Solsoev (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

U. S. mass media: formal and informal controls

The article is devoted to the issues of controls over the activities of the media in the United States. As part of the analysis, a distinction is made between the concepts of «formal controls» and «informal controls», taking into consideration the key role the mass media play in the American society.

Keywords: U. S. mass media, controls over mass media, the FCC

Сосорова Баирма Сергеевна — старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

К вопросу о популярности пластической хирургии в Южной Корее (в соавторстве с Н. А. Бунаевой)

Эта статья посвящена рассмотрению причин популярности индустрии пластической хирургии в Республике Корея. Исследование включает в себя анализ трех аспектов: исторические и культурные причины популярности пластической хирургической

практики, популяризация пластической хирургии посредством К-Поп культуры и влияние пластической хирургии на экономику и южнокорейское общество в целом. Данные аспекты способствуют тому, что Корея занимает лидирующую позицию по количеству пластических операций в мире.

Ключевые слова: Южная Корея, пластическая хирургия, К-Поп культура, кризис идентичности, медицинский туризм, популярность, идентичность

Bairma S. Sosorova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

To the question of plastic surgery popularity in South Korea (in co-authorship with Natalya A. Bunaeva)

This article focuses on considering the causes of plastic surgery popularity in the Republic of Korea. The research includes the analysis of three aspects: historical and cultural causes of the fast booming cosmetic surgery practices, K-pop culture as a live advertisement promoting plastic surgery and the impact of cosmetic surgery on South Korean society and economics. These aspects made South Korea to have a leading position in the cosmetic surgery industry.

Keywords: South Korea, plastic surgery, K-pop culture, identity crisis, medical tourism, popularity, identity

Сведения об авторах

Степанов Александр Викторович — учитель истории МБОУ СОШ № 18 г. Иркутска

Продвижение демократии как средство регулирования внешней политики США в парадигме глобального регионализма (в соавторстве с Т. В. Федоровой)

В статье анализируется процесс продвижения демократии Соединенными Штатами Америки в начале XXI века в условиях глобализации региональных государств. В связи с этим рассматривается внешнеполитическая деятельность президентов Америки, раскрывающая их устремления в процессе распространения демократических убеждений в парадигме глобального регионализма.

Ключевые слова: США, внешняя политика, демократия, демократизация, глобальный регионализм

Aleksandr V. Stepanov (School № 18, Irkutsk, Russia)

The promoting democracy as a means of regulating U. S. foreign policy in the global regionalism paradigm (on co-authorship with Tatiana V. Fedorova)

This article analyzes the process of promoting democracy by the United States of America at the beginning of the XXI century in the context of the globalization of regional states. In this regard, the foreign policy of the presidents of America is examined, revealing their aspirations in the process of spreading democratic beliefs in the paradigm of global regionalism.

Keywords: USA, foreign policy, democracy, democratization, global regionalism

Тетеркина Ирина Геннадьевна — студент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Развитие рынка туристических услуг Вьетнама

Целью статьи является выявление основных тенденций и перспектив развития рынка туристических услуг Вьетнама. В связи с этим на основе данных официальной статистики анализируется уровень развития данного сектора страны. Рассмотрены различные факторы, влияющие на сферу экономики, а именно, географическое положение, туристическая специализация, уровень экономического развития, обеспеченность инфраструктурой, туристическая политика и туристическая конкурентоспособность.

Ключевые слова: международный туризм, географическое положение, объекты всемирного наследия ЮНЕСКО, дестинации, туристическая инфраструктура, туристическая политика, туристическая конкурентоспособность

Irina G. Teterkina (St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia)

Development of tourist services market of Vietnam

The purpose of the article is to identify the main trends and prospects of development of the tourist services market in Vietnam. In this regard, based on official statistics, the level of development of this sector of the country is analyzed. Various factors influencing the sphere of economy are considered, namely, geographical location, tourist specialization, level of economic development, provision of infrastructure, tourist policy and tourist competitiveness.

Keywords: international tourism, geographical location, UNESCO world heritage sites, destinations, tourism infrastructure, tourism policy, tourism competitiveness

Тразанова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета

Ядерные компоненты гастрономического кода в пищевой традиции Японии: рис и бобы (по данным японской паремиологии)

В рамках данной статьи предпринимается попытка реконструкции ядерных компонентов гастрономического кода в пищевой традиции Японии. С помощью аксиологического подхода устанавливаются характеристики ядерных компонентов гастрономического кода, риса и бобовых, на материале пословиц и устойчивых сочетаний японского языка.

Ключевые слова: гастрономический код, ценностный

код, пищевая традиция, паремиология, пословицы, народные изречения

Natalya Yu. Trazanova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The core components of the gastronomic code in Japanese eating tradition: rice and beans (on the material of Japanese proverbs)

The purpose of this article is to represent the reconstruction of the gastronomic code in Japanese eating tradition. Rice and beans are considered as the core components of the gastronomic code. The main features of the core components are determined on the material of Japanese proverbs and idioms by the means of axiological approach.

Keywords: gastronomic code, axiological code, eating tradition, paremiology, proverbs, idioms

Федорова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Продвижение демократии как средство регулирования внешней политики США в парадигме глобального регионализма (в соавторстве с А. В. Степановым)

В статье анализируется процесс продвижения демократии Соединенными Штатами Америки в начале XXI века

в условиях глобализации региональных государств. В связи с этим рассматривается внешнеполитическая деятельность президентов Америки, раскрывающая их устремления в процессе распространения демократических убеждений в парадигме глобального регионализма.

Ключевые слова: США, внешняя политика, демократия, демократизация, глобальный регионализм

Tatyana V. Fedorova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

The promoting democracy as a means of regulating U. S. foreign policy in the global regionalism paradigm (on co-authorship with Aleksandr V. Stepanov)

This article analyzes the process of promoting democracy by the United States of America at the beginning of the XXI century in the context of the globalization of regional states. In this regard, the foreign policy of the presidents of America is examined, revealing their aspirations in the process of spreading democratic beliefs in the paradigm of global regionalism.

Keywords: USA, foreign policy, democracy, democratization, global regionalism

Хлызова Наталья Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Иркутского государственного университета

Региональный анализ как средство развития критического мышления

Целью данной статьи является рассмотрение потенциала регионального анализа в развитии критического мышления личности. Изучение региона происходит через аналитическую деятельность, работу с информацией и требует навыков критического анализа. В соответствии с гипотезой нашего исследования анализ экономических, политических, исторических, социальных, культурных процессов в странах АТР способствуют формированию и развитию критического мышления личности.

Ключевые слова: регион, регионоведение, региональный анализ, критическое мышление, таксономия Б. Блума, информация

Natalya Yu. Khlyzova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

Regional analysis as a tool to develop critical thinking

The article deals with the regional analysis as a tool to develop critical thinking. It studies the potential of region studies through analytical activities and work with information to develop critical thinking skills. It gives the hypothesis that the analysis of economic, political, historical, social, cultural processes of the Pacific Rim countries contributes the formation and development of critical thinking.

Keywords: region, regional studies, regional analysis, critical thinking, B. Bloom's Taxonomy, information

Цай Ин — аспирант кафедры истории и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета

Пункты пропуска Амурской области на российско-китайском участке государственной границы

В статье дается характеристика пунктов пропуска Амурской области на российско-китайском участке государственной границы. Рассматриваются особенности функционирования пограничных переходов, перечислены законодательные акты, показаны проблемы и задачи пунктов пропуска для обеспечения регионального развития.

Ключевые слова: пункты пропуска, российско-китайский участок государственной границы, Дальней Восток России

Cai Ying (Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia)

The entry points of Amur Region on the Russian-Chinese section of the state border

The article describes the characteristics of the Amur Region checkpoints of the Russian-Chinese section of the state border. The feature of the functioning of border crossings is considered, legislative acts are listed, problems and tasks of checkpoints to ensure regional development are shown.

Keywords: entry points, Russian-Chinese section of the state border, the Russian Far East

Чайкисова Анна Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Хештег-активизм в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: критический анализ

В статье рассматривается роль хештег-активизма как одного из инструментов цифрового активизма в современном мире. Выделяются основные направления хештег-активизма, анализируется его потенциал, положительные и отрицательные признаки. Особое внимание уделяется критическому осмыслению наиболее масштабных хештег-акций, отражающих социальные и политические проблемы стран АТР.

Ключевые слова: хештег-активизм, цифровой активизм, социальные и политические протесты, социальные медиа

Anna V. Chaykissova (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

A critical analysis of hashtag activism in the Asia-Pacific Region

The paper examines the role that hashtag activism has played in various political protests and social campaigns, with a particular focus on the countries of the Asia Pacific region. We analyze its main goals, positive impacts and drawbacks.

Keywords: hashtag activism, digital activism, social and political protest, social media

Сведения об авторах

Чжоу Тяньхэ — аспирант кафедры истории и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета

Особенности китайского туризма на Дальнем Востоке России (1990-е годы)

В статье описывается история туризма в Амурской области в 1990-е годы как социально-экономический феномен, отражающий социально-политические сложности в конце XX века. Дается характеристика роли туризма в российско-китайских отношениях и в «народной торговле» на территориях России и Китая.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, туризм, «национальная торговля»

Zhou Tianhe (Blagoveschensk State Pedagogical University, Blagoveschensk, Russia)

The specifics of Chinese tourism on the Russian Far East (1990s)

The article describes the history of Amur tourism in the 1990-es as a kind of socio-economic phenomenon that reflected the socio-political difficulties of the late XX century. Its role in the Russian-Chinese relations and the attitude to the «people's trade» of the foreign territories of Russia and China is characterized.

Keywords: Russian-Chinese relations, tourism, «national trade»

周天河 (布拉戈维申斯克国立师范大学, 布拉戈维申斯克)

中国旅游在俄罗斯远东地区的特点 (1990年代)

本文介绍了黑龙江旅游20世纪90年代的历史作为一种与一个社会经济现象, 这反映了二十世纪后期的社会和政治的复杂性。它显示了它在俄中合作中的作用, 俄罗斯和中国的“民间贸易”在两国边境地区的具体情况。

关键词: 俄中关系, 旅游业, “民间贸易”

Шалина Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Международные программы обмена и их роль в современной политике Японии (в соавторстве с С. А. Зыковой)

Данная статья посвящена обзору японских программ международного обмена, направленных на привлечение студентов из-за рубежа. Рассматриваются цели создания и внедрения подобных программ в качестве «мягкой силы» Японии, их роль во внешней политике. Также оценивается потребность Японии в человеческих ресурсах, приводятся причины заинтересованности Японии в притоке иностранцев.

Ключевые слова: Япония, внешняя политика, «мягкая сила», программы обмена

Irina V. Shalina (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia)

International exchange programs and their role in Japan's modern policy (in co-authorship with Sofia A. Zykova)

This article is devoted to a review of Japanese international exchange programs aimed for attracting students from abroad. It is considered not only the purpose of the creation and implementation of such programs as a «soft power» of Japan, but their role in foreign policy. Also Japan's need for human resources is assessed, besides the reasons for Japan's interest in the influx of foreigners are given.

Keywords: Japan, foreign policy, «soft power», exchange programs

Японская версия спектакля «Утиная охота» как образец успешного кросскультурного диалога в театральном пространстве региона (в соавторстве с Д. И. Мартыановой)

Данная статья затрагивает тему межрегиональных обменов посредством вовлечения в театральную среду. Анализируется представление спектакля «Утиная охота» японским театром «Ангелус» на сцене Иркутского драматического театра им. Н. П. Охлопкова в качестве яркого примера состоявшегося кросскультурного диалога в театральном пространстве России и Японии.

Ключевые слова: инофонная среда, кросскультурный диалог, Ангелус, «Утиная охота», культурный код

Japanese version of the «Duck hunt» performance as a sample of a successful cross-cultural dialogue in theater space of the region (in co-authorship with Darya I. Martyanova)

This article addresses inter-regional exchanges through the involvement in the theatrical environment. It's assessed the performance, named «Duck Hunt», by the Japanese theater «Angelus» on the stage of the Irkutsk Okhlopkov's Drama Theater as a vivid example of the cross-cultural dialogue of Russia and Japan, held in the theater space.

Keywords: foreign environment, cross-cultural dialogue, Angelus, «Duck Hunt», cultural code

Шевцова Маргарита Олеговна — преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета

Глобализация японской кухни: от деликатеса до фаст-фуда

Процесс мировой глобализации исходно был задуман, возник и начал свое развитие вестернизацией как бизнеса, так и сопутствующих ему частей культуры. Однако постепенно влияние Запада перестало быть односторонним. Восток сделал ответный шаг, и встречный поток истернизации стал распространяться по миру. В статье рассмотрены некоторые аспекты этих процессов на примере японской кухни, описаны особенности ее модификации, распространения и популяризации.

Сведения об авторах

Ключевые слова: японская кухня, глобализация, истернизация, суси, общественное питание

Margarita O. Shevtsova (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Globalization of Japanese cuisine: from delicacy to fast food

The process of globalization was based on the development of culture and business. However, gradually the influence of the West ceased to be one-sided. The East made a reciprocal move and the oncoming flow began to spread throughout the world. This article reviewed some aspects of these processes using Japanese cuisine as an example.

Keywords: Japanese food, globalization, easternization, sushi, catering

Ян Линьлинь — аспирант Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета

Перспективы международного сотрудничества на Дальнем Востоке России

В последние годы внимание мировой экономики и политики постепенно переключилось на Азиатско-Тихоокеанский регион, и статус региона быстро повысился. С изменениями властей в глобальной структуре Россия уделяет все больше внимания этому региону. В статье рассматриваются перспективы развития сотрудниче-

ства Дальнего Востока и АТР в сфере экономики. Восточный экономический форум имеет большое значение для России не только как платформа для развития Дальнего Востока и привлечения иностранных инвестиций, но и как важный подход к усилению своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Восточный экономический форум, Северо-восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион

Yang Linlin (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

Prospects of international cooperation in the Far East of Russia

In recent years, the attention of the world economy and politics has gradually shifted to the Asia-Pacific region, and the status of the Asia-Pacific region has rapidly increased. With changes in authorities in the global structure, Russia is paying more and more attention to this region. The purpose of the article is to consider the prospects for the development of cooperation between the Far East and the Asia-Pacific region in the economic sphere. The Eastern Economic Forum is of great importance for Russia, not only as a platform for the development of the Far East and attracting foreign investment, but also as an important approach to strengthening its influence in the Asia-Pacific region.

Keywords: Russian Far East, Eastern Economic Forum, Northeast Asia, Asian-Pacific area

СОДЕРЖАНИЕ

Яковлев В. В. Предисловие 5

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ СТРАН АТР

**Перспективы развития регионоведения, регионологии,
страноведения и краеведения 7**

Вербицкая О. Ю. Метафора культуры как инструмент
регионоведческих исследований 8

Каверина О. А. Приемы критического мышления
в изучении региона 13

Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад Джеффри Хьюингса
в создание лаборатории прикладной региональной
экономики и американские региональные исследования 23

<i>Кремнёв Е. В.</i> Структура трансдисциплинарной регионоведения как научной дисциплины	32
<i>Кузнецова О. В., Карачёва Н. С.</i> Основные этапы формирования и становления Международной ассоциации региональной науки	44
<i>Кузнецова О. В., Пелихова Д. В.</i> Американские исследования в европейских научных центрах: основные направления деятельности	52
<i>Лесниковская Е. В.</i> Концепция территориального капитала в современной парадигме регионального развития	62
<i>Рыбалко М. Л.</i> Этничность в современном региональном исследовании	70
<i>Хлызова Н. Ю.</i> Региональный анализ как средство развития критического мышления	75

**История, культура, философия, политология, социология,
этнология, право стран АТР .....** 84

<i>Балабейкина О. А., Кузнецова Ю. А.</i> Изучение религиозного пространства стран Азиатско-Тихоокеанского региона как научное направление в регионоведении	85
---	----

<i>Благодер Ю. Г.</i> Мир природы в китайском искусстве: изображения птиц и их символическое значение (коллекции российских музеев)	94
<i>Бунаева Н. А., Сосорова Б. С.</i> К вопросу о популярности пластической хирургии в Южной Корее	100
<i>Верченко А. Л.</i> Оценка некоторых российско-китайских форумов в год 70-летия Китайской Народной Республики ...	107
<i>Гуань Сюлань.</i> Опыт исследования факторов, влияющих на тенденции развития китайско-японских экономических отношений	120
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории православной российской эмиграции в Шанхае	129
<i>Дюндик Ю. Б.</i> Южно-Китайское море — регион противостояния США и Китая	141
<i>Е Хуэй, Кремнёв Е. В.</i> Протосоциология управления в Китае: идеи Лао-цзы о «недеянии» и их отражение в современных подходах к социальному управлению	149
<i>Кочетков Д. С.</i> Океания, творчество Владимира Высоцкого и каннибализм	156
<i>Лестев А. Е.</i> Некоторые предпосылки изучения международно-правового значения Международного военного трибунала для Дальнего Востока	165

<i>Макеева С. Б., Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А.</i> Изучение и использование исторического опыта регионального развития зарубежных стран в Китае (1980-е годы — настоящее время)	171
<i>Пале С. Е.</i> Научный вклад экспедиций В. М. Головнина в исследование Океании (начало XIX века)	187
<i>Федорова Т. В., Степанов А. В.</i> Продвижение демократии как средство регулирования внешней политики США в парадигме глобального регионализма	196
<i>Цай Ин.</i> Пункты пропуска Амурской области на российско-китайском участке государственной границы	206
<i>Чжоу Тяньхэ.</i> Особенности китайского туризма на Дальнем Востоке России (1990-е годы)	213
<i>Шалина И. В., Зыкова С. А.</i> Международные программы обмена и их роль в современной политике Японии	219
<i>Шалина И. В., Мартьянова Д. И.</i> Японская версия спектакля «Утиная охота» как образец успешного кросскультурного диалога в театральном пространстве региона	224
<i>Шевцова М. О.</i> Глобализация японской кухни: от деликатеса до фаст-фуда	231
<i>Ян Линьлин.</i> Перспективы международного сотрудничества на Дальнем Востоке России	238

Начинающий востоковед 244

Белобородова А. Д. Миграционная политика Индонезии ... 245

Братухина Ю. Н. Положение КНР в современном мировом пространстве через призму военной доктрины страны 259

Бурак А. В. Зооним 𠂔 'лошадь' как лингвокультурема 268

Вейнберг Н. М., Серых Т. С. Этапы развития гендерных исследований в Японии 280

Евсеева А. Д. Проблемы и перспективы развития культурной дипломатии Японии 287

Зарбуева А. И. Репрезентация древнекитайских онимов в мифологической картине мира китайцев: к постановке проблемы 303

Зыкина Т. М. Проблемы браконьерства со стороны КНДР 309

Казанцев А. Е. Понятия партийной системы и политической партии на Западе и в Китае (сравнительный аспект) 320

Тетеркина И. Г. Развитие рынка туристических услуг Вьетнама 328

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Отражение региональных процессов в политическом, медийном, социальном дискурсах 340

Вейнберг Н. М., Колчина В. А. Структура новостных заметок на тему российско-японских отношений в политическом дискурсе японских электронных СМИ 341

Калинина В. В. Дискурсивные особенности политической риторики Дональда Трампа (на материале высказываний о России) 349

Новосёлова М. В. Критический анализ политического медиадискурса (на материале сообщений Д. Трампа в Twitter о процедуре импичмента) 356

Солсоев И. Н. СМИ в США: официальный и неофициальный контроль 369

Чайкисова А. В. Хештег-активизм в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: критический анализ 377

**Социокультурные, исторические, философские
аспекты изучения языков мира
и их влияние на развитие регионов 386**

Адилханян Н. Л. Древнекитайский «Каталог шань хай цзин» («山海经»): опыт регионоведческого анализа 387

Балашова В. П. Система современной китайской годонимической терминологии (в аспекте сопоставления с русским и английским языками) 392

Ван Сюэцзяо. Проблемы преподавания китайского языка как иностранного в контексте инициативы «Один пояс — один путь»: фонетические аспекты 402

Еремеева Н. В. Лингвистические технологии манипуляций в контексте культуры США 406

Кобжицкая О. Г. Этикетный знак обращения в коммуникативном пространстве китайцев 415

Смертин Ю. Г. Корейский алфавит как феномен национальной культуры 423

Тразанова Н. Ю. Ядерные компоненты гастрономического кода в пищевой традиции Японии: рис и бобы (по данным японской паремиологии) 439

Сведения об авторах 450

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.
Т. III. ТРУДЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
РЕГИОНОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Ответственный редактор *В. В. Яковлев*
Выпускающий редактор *Т. В. Вольская*
Художественный редактор *Н. И. Баранов*

Печатается с готового оригинал-макета

Подписано в печать 6.03.2020 г. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48